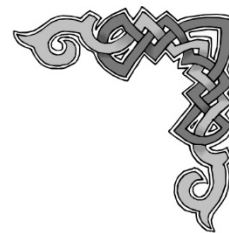

ООО «Наука и образование»

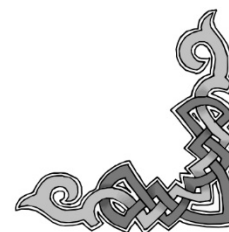
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 1
2023**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2023, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

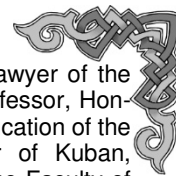
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ананичева С.Р. Феномен образовательной миграции в высшем образовании	15
Бекецкая Ю.М., Осипян М.М., Терехова Ю.А., Кошокова С.Я. Цифровое общество как новый этап информационного общества	18
Бурмистров В.С., Самыгин С.И. Роль общественных волонтерских объединений и благотворительных фондов в процессах интеграции России и Донбасса	22
Загирова Э.М. Социально-экономические факторы детского здоровья в современном Дагестане	27
Зейналов Г.Г., Елисеев М.А. Смешанная образовательная среда: знаниевая основа целостности личности человека	31
Ихнева В.Е. Профессиональное консультирование как этап профессиональной ориентации студентов с инвалидностью	34
Коблева З.Х., Каратабан И.А., Губжокова Н.К., Мамижева З.Х. Добрачное сожительство в современной молодежной среде	38
Котлярова В.В., Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Группообразующие характеристики современной российской студенческой молодежи: социокультурный аспект	44
Курбатов В.И., Папа О.М. «Интернет вещей»: основные концепции и тренды	48
Любецкий Н.П., Демьянова Л.М., Лукьяшко А.Г., Самыгин С.И. Социально-психологические аспекты деформации русского национального характера в конце XX века	55
Максимович А.В. Теории социального развития как форма социального прогнозирования в условиях неопределенности	64
Муллахмедов Х.С. Корпоративное волонтерство: оценки и восприятие в общественном сознании дагестанцев	68
Муртузова З.М., Ремиханова Р.И., Алиева А.Х. Махтабы в современном дагестанском обществе: роль в укреплении религиозности	73
Нурилова А.З. Проблема наркотизации молодежи (на примере Дагестана)	78
Рамазанов Р.О. Политические ценности дагестанской молодежи	83
Ремиханова Р.И., Шихалиева Д.С., Нурилова А.З. Карьерная стратегия дагестанской молодежи	87
Хорошкевич Н.Г. Характеристики политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих как социального феномена современного общества	91
Чебыкина И.В., Заглодина Т.А. SPP-профиль педагога СПО: социологические возможности измерения	100
Шахбанова М.М. Этнические коннотации в структуре этнической идентичности дагестанской молодежи	109

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамян С.К. Особенности противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	115
Ахметвалеев И.М. Правовая природа судебного прецедента как источник права в системе общего права	118
Ефимов А.А. Рецепция опыта административно-правового регулирования использования устройств персональной мобильности (PMD) зарубежных стран в российском законодательстве	122
Зыков Д.А., Тутаев О.И. О проблемах принудительного лечения в современных условиях	125
Кинах П.И. Международное частное право в странах африканского континента	130
Кузнецова Н.В. Особенности правового регулирования суррогатного материнства в РФ	134
Ласкавая М.А. К вопросу о правовой природе российского федерализма с позиции равенства конституционного-правового статуса субъектов Российской Федерации	137
Леонова Т.В. К вопросу о проверке показаний свидетеля (потерпевшего) судом первой инстанции	142
Леонова Т.В. Отдельные вопросы исследования доказательств судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве	145
Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А. К вопросу о расторжении брака с супругом-иностранцем в Российской Федерации	148
Пермяков М.В., Гаскаров И.Ф., Килин А.Г. Сущность и значение опроса, как оперативно-разыскного мероприятия	151
Попов Е.А., Штырхунова Н.А. Страхование в Российской Федерации как направление защиты прав и законных интересов граждан на примере ОСАГО	154
Прошин В.М. Материально-правовой аспект механизма преступлений, совершаемых в области (либо с использованием) цифровых технологий	157
Рябова О.А., Рябов П.Р. Проблемные аспекты признания внуков членом семьи военнослужащего для реализации права на обеспечение жильем	160
Талянина И.А., Чимаров С.Ю. Парадигма морали права Лона Льюиса Фуллера в системе координат естественно-правового направления права	163
Четверикова А.И. Институт общественного доверия в деятельности инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел	166
Чимаров С.Ю., Талянина И.А. Теоретико-правовые вопросы учения Роберта фон Моля о применении в государстве принуждения как полицейской меры	170
Шардаков И.Н. Конституционное содержание механизма комплексного развития территории в Российской Федерации	173
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Акопова Е.С., Акопов С.Э., Самыгин С.И. Мировая экономика в условиях глобальной санкционной политики	179
Гумеров М.Ф. Перспективы развития модельного инструментария в управлении цифровой трансформацией современных компаний	183

Дроздович И.В., Богданова Т.А. Современные технологии рециклинга медицинского оборудования	186
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Котенкова И.Н. Алгоритм формирования затрат на транспорте с учетом технологии перевозочного процесса	191
Омарова Н.Г., Магомедов Р.Я., Мурадалиев З.З. Экономическая оценка последствий ДТП	194
Сенин И.С., Коновалова Т.В., Надирян С.Л. Показатели эффективности процессов транспортной и информационной логистики	198
Сун Синь Инновации Китая в теории управления национальной экономикой, соответствующее мышлению	201
Сун Синь Совершенствование и развитие китайской региональной экономики в новую эпоху глобализации	206
Чжао Вейли Сложная ситуация современной промышленной структуры Китая: новый взгляд на структурные преобразования промышленности	209
Штырхунова Н.А., Голубкина К.В., Абрамян С.К. Повышение эффективности пассажирских перевозок и совершенствование маршрутной сети Новороссийска	214
Щербаков А.С. Менеджмент личности как часть модели оценки человеческого капитала	217

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Sophia R. Ananicheva The Phenomenon of educational migration in higher education	15
Julia M. Beketskaya, Milena M. Osipyán, Julia A. Terekhova, Saniyat Y. Koshokova Digital society as a new stage of the information society	18
Vladimir S. Burmistrov, Sergey I. Samygin The role of public volunteer associations and charitable foundations in the processes of integration of Russia and Donbass	22
Elvira M. Zagirova Socio-economic factors of children's health in modern Dagestan	27
Guseyn G. Zeynalov, Maxim A. Eliseev Mixed educational environment: the knowledge base of the integrity of a person's personality	31
Valeria E. Ikhneva Professional counseling as a stage of professional orientation of students with disabilities	34
Zoret Kh. Kobleva, Irina A. Karataban, Nuret K. Gubzhokova, Zukhra Kh. Mamizheva Premarital cohabitation in the modern youth environment	38
Victoria V. Kotlyarova, Ivan M. Vakula, Natalya Kh. Gafiatulina Group-forming characteristics of modern russian student youth: socio-cultural aspect	44
Vladimir I. Kurbatov, Olesya M. Papa «Internet of things»: basic concepts and trends	48
Nikolay P. Lyubetsky, Lyudmila M. Demyanova, Alyona G. Lukyashko, Sergey I. Samygin Socio-psychological aspects of the deformation of the russian national character at the end of the XX century	55
Alexander V. Maksimovich Theories of social development as a form of social forecasting under in the context of uncertainty	64
Hadzhimurad S. Mullahmedov Corporate volunteering: assessments and perceptions in the public consciousness of dagestanis	68
Zaira M. Murtuzova, Ramila I. Remikhanova, Azhaybike Kh. Alieva Maktabs in modern dagestan society: role in strengthening religiosity	73
Albina Z. Nurilova The problem of drug addiction of young people (on the example of Dagestan)	78
Rashid O. Ramazanov Political values of dagestan youth	83
Ramila I. Remikhanova, Dagmara S. Shikhalieva, Albina Z. Nurilova Career strategy of dagestan youth	87
Natalia G. Khoroshkevich Characteristics and factors of political culture of state civil and municipal employees as a social phenomenon of modern society	91
Irina I. Chebykina, Tatyana A. Zaglodina SPP-profile of an spe educator: sociological measuring possibilities	100
Madina M. Shakhbanova Ethnic connotations in the structure of ethnic identity of dagestan youth	109

JURISPRUDENCE

Syuzanna K. Abramyan

Features of countering crimes related to illicit trafficking
of narcotic drugs and psychotropic substances 115

Ilsur M. Ahmetvaleev

Legal nature of judicial precedent as a source
of law in the common law system 118

Alexander A. Efimov

Reception of the experience of administrative and legal regulation
of the use of personal mobility devices (PMD)
of foreign countries into Russian legislation 122

Daniil A. Zykov, Oleg I. Tutaev

About the problems of compulsory treatment in modern conditions 125

Pavel I. Kinakh

International private law in the countries of the African continent 130

Natalia V. Kuznetsova

Features of legal regulation of surrogacy in the Russian Federation 134

Mariya A. Laskavaiya

To the Question of the Russian Federalism Legal Nature in terms
of the Constitutional Equality of the Russian Subjects 137

Tatyana V. Leonova

On the issue of verifying the testimony of a witness (victim) by the court of first instance 142

Tatyana V. Leonova

Certain issues of the study of evidence by the court of first instance in criminal proceedings 145

Tamara P. Matveeva, Natalia A. Kuznetsova

On the issue of the dissolution of marriage with a foreign spouse in the Russian Federation 148

Maxim V. Permyakov, Ildus F. Gaskarov, Alexander G. Kilin

The essence and significance of the survey as an operational search event 151

Evgeny A. Popov, Natalya A. Shtyrkhunova

Insurance in the Russian Federation as a direction of protecting the rights
and legitimate interests of citizens on the example of OSAGO 154

Vladimir M. Proshin

The substantive aspect of the mechanism of crime committed
in the field (or with the use) of digital technologies 157

Olga A. Ryabova, Pavel R. Ryabov

Problematic aspects of recognizing grandchildren as a family member
of a serviceman for the realization of the right to housing 160

Irina A. Talyanina, Sergey Yu. Chimarov

Lon Lewis Fuller's law morality paradigm in coordinate system
natural law direction of law 163

Alexandra I. Chetverikova

The institute of public trust in the activities of the inspector
for juvenile affairs of the internal affairs bodies 166

Sergey Yu. Chimarov, Irina A. Talyanina

Theoretical and legal issues of the teachings of Robert von Mohl
on the use of coercion in the state as a police measure 170

Ivan N. Shardakov

Constitutional content of the mechanism
for integrated development of territories in the Russian Federation 173

ECONOMIC SCIENCES

Elena S. Akopova, Sergey E. Akopov, Sergey I. Samygin

The world economy under the global sanction policy 179

Marat F. Gumerov

Perspectives of model instruments' development
in managing digital transformation of modern companies 183

Irina V. Drozdovich, Tatyana A. Bogdanova Modern technologies of medical equipment recycling	186
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Irina N. Kotenkova Algorithm for the formation of costs in transport, taking into account the technology of the transportation process	191
Naida G. Omarova, Ramazan Ya. Magomedov, Zakir Z. Muradaliev Economic assessment of the consequences of an accident	194
Ivan S. Senin, Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan Efficiency indicators of transport and information logistics processes	198
Xin Song China's innovation of national economic management theory relevant thinking	201
Xin Song The perfection and development of chinese regional economics in the new era of globalization	206
Zhao Weili The plight of China's current industrial structure: from a new perspective of industrial structure upgrading	209
Natalya A. Shtyrkhunova, Ksenia V. Golubkina, Syuzanna K. Abramyan Improving the efficiency of passenger transportation and improving the route network of Novorossiysk	214
Artem S. Shcherbakov Personality management as part of the human capital assessment model	217

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Ананичева Софья Робертовна
кандидат социологических наук,
Тихоокеанский
государственный университет,
Институт социально-политических
технологий и коммуникаций,
Высшая школа международных
исследований и дипломатии
sofyakhv@yandex.ru

ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье проведен анализ сущности, проблем и перспектив развития образовательной миграции в высшем образовании в мировой и отечественной практике. Показано, что развитие образовательной миграции связано с процессами глобализации и интеграции национальных систем высшего образования в мировое образовательное пространство. Суть образовательной миграции отражается в идеях трансграничного образования и академической мобильности. Раскрыты вопросы международной образовательной миграции иностранных студентов. Описаны различные группы иностранных студентов. Проведен анализ проблем международной образовательной миграции иностранных студентов в контексте социокультурных и психологических факторов. Охарактеризованы этапы становления и особенности международной образовательной миграции в отечественной высшей школе. Отмечено, что в настоящее время образовательная миграция в России получила нормативно-правовое и организационное обеспечение. Сделан вывод о конкурентных преимуществах высших учебных заведений, которые успешно реализуют программы экспорта образовательных услуг за пределы страны.

Ключевые слова: глобализация, высшее образование, образовательная миграция, академическая мобильность, иностранный студент, мировой рынок образовательных услуг.

Современные тенденции развития высшего образования в мировой и отечественной практике, связанные с процессами глобализации, привели к размыванию границ национальных образовательных систем, их активному включению в мировое образовательное пространство. В настоящее время в вузах многих стран мира наблюдается расширение программ международного сотрудничества в области программ студенческого обмена и педагогических стажировок.

Таким образом, образовательная миграция в высшем образовании сегодня выступает

Sophia R. Ananicheva
Candidate of Sociological Sciences,
Pacific State University,
Institute of Socio-Political
Technologies and Communications,
Graduate School of International
Research and Diplomacy
sofyakhv@yandex.ru

THE PHENOMENON OF EDUCATIONAL MIGRATION IN HIGHER EDUCATION

Annotation. The article analyzes the essence, problems and prospects for the development of educational migration in higher education in world and domestic practice. It is shown that the development of educational migration is associated with the processes of globalization and integration of national systems of higher education into the world educational space. The essence of educational migration is reflected in the ideas of cross-border education and academic mobility. The issues of international educational migration of foreign students are revealed. Various groups of foreign students are described. The analysis of the problems of international educational migration of foreign students in the context of socio-cultural and psychological factors has been carried out. The stages of formation and features of international educational migration in the national higher education are characterized. It is noted that currently educational migration in Russia has received regulatory and organizational support. The conclusion is made about the competitive advantages of higher educational institutions that successfully implement programs for the export of educational services outside the country.

Keywords: globalization, higher education, educational migration, academic mobility, foreign student, world market of educational services.

актуальной тенденцией развития мирового образовательного пространства.

Анализ феноменологии образовательной миграции в системе высшего образования предполагает определение сущности данного понятия. Суть образовательной миграции в высшей школе базируется на идеях трансграничного образования, определяемое как «образование, которое осуществляется на территории другой страны» [2, с. 4]. В рамках образовательной миграции исследуется такой феномен, как академическая мобильность, связанная с образовательной

деятельностью студентов и преподавателей в принимающей стране. Академическая мобильность отражает:

- «целевую группу (студенты, аспиранты, преподаватели и т.п.);
- географию перемещения (внутри страны или за рубежом);
- временной интервал (краткосрочное участие в каких-либо образовательных мероприятиях – конференциях или семинарах, либо длительные стажировки, переподготовки, командировки);
- тематику миграции (прохождение практики, проведение исследований)» [4, с. 62].

Внимания заслуживают вопросы международной образовательной миграции, в рамках которой целевую группу образуют иностранные студенты.

К первой группе студентов-иностранцев относятся студенты в рамках «обменных программ» между двумя вузами, находящимися в разных государствах, между вузами городов-побратимов или обучение через проекты неправительственных организаций» [6, с. 50].

Ко второй группе относятся студенты, которые обучаются в вузе иностранного государства в рамках стипендиальной программы или гранта, успешно прошедшие отборочные испытания [6].

В соответствии с данными программами, различны и условия обучения иностранных студентов в вузах принимающей страны. Имеют место и негативные аспекты образовательной миграции иностранных студентов, связанные с социокультурными и психологическими факторами. Характеризуя трудности интеграции студентов-мигрантов в культурную среду принимающей страны, А.Р. Кузнецова пишет о том, что «языковые барьеры, нежелание интегрироваться, укоренившиеся вредные привычки, малообразованность некоторых категорий мигрантов, с одной стороны, и, как следствие, общие негативные впечатления обо всех прибывающих мигрантах, с другой, – все это способствует росту межэтнической напряженности в ряде регионов страны» [3, с. 53]. Поэтому вузы, в которых реализованы комплексные научно-обоснованные программы социокультурной и социально-психологической адаптации студентов-мигрантов, несомненно, обладают преимуществом в сфере образовательной миграции иностранных студентов.

В отечественной высшей школе образовательная миграция имеет давнюю историю. Первые иностранные студенты были учениками Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 году. Традиции обучения иностранных студентов в России были обогащены в советский период. Высшее образование в СССР получала студенческая молодежь Восточной Европы и Азии, а позднее – и Африки. Огромным достижением в деле развития образовательной миграции студентов стало открытие в 1960 году Московского Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. К концу XX века большинство студентов-

иностранцев были выходцами из стран Азии, Африки и Латинской Америки, однако, после распада СССР количество иностранных студентов, которые обучались в российских вузах, в несколько раз уменьшилось [5].

В последние десятилетия развитие международной образовательной миграции связано с присоединением России к Болонской образовательной системе, благодаря чему, появились новые возможности для привлечения иностранных студентов к обучению в отечественных вузах. Образовательная миграция в России получила нормативно-правовое и организационное обеспечение. Были разработаны ряд федеральных образовательных программ и проектов по увеличению экспорта образовательных услуг, созданы специальные центры, связанные с образовательной миграцией в России.

В настоящее время в России в различных аспектах международной образовательной миграции существует ряд противоречивых тенденций. Обращает на себя внимание низкий удельный вес образовательной миграции, которая составляет лишь 3 % от общего миграционного притока. Вместе с тем, как отмечает А.Р. Кузнецова, «общее число образовательных мигрантов за последние три года выросло почти на треть. При этом основными странами-донорами образовательной миграции являются Казахстан, Китай, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Индия, Ирак и др.» [3, с. 60].

К настоящему времени накоплен положительный опыт образовательной миграции в отечественных вузах. Значимую роль в этом процессе в настоящее время играет информатизация высшего образования и внедрение технологий дистанционного обучения, предоставляющие возможность для привлечения дополнительного количества иностранных студентов. Информатизация системы высшего образования создает условия для расширения партнерских отношений в сфере экспорта образовательных услуг вузов России и стран СНГ. Примером такого сотрудничества является Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, на базе которого проводится дистанционное обучение студентов Армении в сотрудничестве с Ереванским государственным университетом. Широкая деятельность по экспорту образовательных услуг проводится Российским университетом дружбы народов, при котором «создан Институт международных программ, а сам вуз является базовой организацией стран СНГ по дистанционному обучению» [1, с. 114]. На базе вуза успешно реализуются технологии дистанционного обучения студентов, создан Федеральный фонд учебных курсов для циклов гуманитарных и экономических дисциплин, которые обеспечивают рост экспорта российских образовательных услуг в страны СНГ. Партнерство в сфере образовательной миграции студентов, как отмечает А.Л. Абрамовский, «выгодно и студентам из СНГ, поскольку делает для них доступными и не требующими больших затрат образовательные ресурсы российской высшей школы» [1, с. 115].

Итак, анализ перспектив развития международной образовательной миграции в настоящее время показывает, что конкурентные преимущества имеют те высшие учебные заведения, в которых реализуются различные программы международного сотрудничества в сфере образовательной миграции, которые обладают высоким

качеством и доступностью получения высшего образования, хорошим материально-техническим оснащением, качественным кадровым составом, современными технологиями обучения в высшей школе, позволяющими мобильно и на высоком уровне качества экспортировать образовательные услуги за пределы страны.

Литература:

1. *Абрамовский А.Л.* Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Тюмень, 2014. 203 с.
2. *Ечевская О.Г.* Академическая мобильность и образовательные миграции в Сибири: проблемы и перспективы / О.Г. Ечевская // Экономика. Вопросы школьного экономического образования. 2012. № 3. С. 3–10.
3. *Кузнецова А.Р.* Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации / А.Р. Кузнецова // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 2. С. 52–65.
4. *Похолков Ю.П.* Интеграция знания в области науки и образования как часть международных миграционных процессов / Ю.П. Похолков, О.Ю. Котова; Под ред. О.Ю. Корневой, Е.А. Таран; Томский политехнический университет // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2012. С. 57–73.
5. *Романовская О.Е.* Социокультурная адаптация иностранных студентов в российском вузе в контексте академической мобильности / О.Е. Романовская // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2019. № 2(28). С. 62–68.
6. *Степанова Б.Б.* Социальная адаптация иностранных студентов в полиэтничном регионе (на материале Республики Бурятия) : дис. ... кандидата социол. наук: 22.00.04. Улан-Удэ, 2015. 186 с.

Literature:

1. *Abramovsky A.L.* Distance education at the present stage of development of Russian higher education : dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.06. Tyumen, 2014. 203 p.
2. *Echevskaya O.G.* Academic mobility and educational migration in Siberia: problems and prospects / O.G. Echevskaya // Economics. Questions of school economic education. 2012. № 3. P. 3–10.
3. *Kuznetsova A.R.* Trends in Educational Migration in the Russian Federation / A.R. Kuznetsova // Siberian Socium. 2019. Vol. 3. № 2. P. 52–65.
4. *Pokholkov Yu.P.* Integration of knowledge in the field of science and education as part of international migration processes / Yu.P. Pokholkov, O.Yu. Kotova; Edited by O.Yu. Kornevoy, E.A. Ram; Tomsk Polytechnic University // Peculiarities of migration policy. Problems, searches, solutions. Tomsk : Publishing House of the Tomsk Polytechnic University, 2012. P. 57–73.
5. *Romanovskaya O.E.* Sociocultural adaptation of foreign students in a Russian university in the context of academic mobility / O.E. Romanovskaya // Volga Pedagogical Search (scientific journal). 2019. № 2 (28). P. 62–68.
6. *Stepanova B.B.* Social adaptation of foreign students in a multi-ethnic region (on the material of the Republic of Buryatia) : dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Ulan-Ude, 2015. 186 p.

Бекецкая Юлия Михайловна

студентка
учётно-финансового факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
bktckaaulia@gmail.com

Осипян Милена Макичевна

студентка
учётно-финансового факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
milena.osipyn@mail.ru

Терехова Юлия Андреевна

студентка
учётно-финансового факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
yulia.terekhova.04@bk.ru

Кошокова Саньят Январбиевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
sumerki7@yandex.ru

Julia M. Beketskaya

Student of the Accounting
and Finance Faculty,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
bktckaaulia@gmail.com

Milena M. Osipyan

Student of the Accounting
and Finance Faculty,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
milena.osipyn@mail.ru

Julia A. Terekhova

Student of the Accounting
and Finance Faculty,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
yulia.terekhova.04@bk.ru

Saniyat Y. Koshokova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
sumerki7@yandex.ru

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО КАК НОВЫЙ ЭТАП ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Институциональные изменения происходят во многих сферах. Они затрагивают экономику, политику, социальную сферу общества. В современных условиях особую актуальность приобретают цифровые технологии. В статье представлена сравнительная оценка характеристик и признаков цифрового и информационного общества, проанализированы основные этапы формирования цифрового общества, показано, что цифровое общество есть новый этап в цикле развития информационного общества.

Ключевые слова: развитие, информационное общество, цифровизация, цифровое общество, сетевизация.

Институциональные изменения происходят во многих сферах общества. Они затрагивают экономику, политику, социальную сферу общества. В современных условиях особую актуальность приобретают цифровые технологии. Цифровизация как явление стало набирать популярность примерно 10–15 лет назад. Цифровые возможности при этом носят противоречивый

DIGITAL SOCIETY AS A NEW STAGE OF THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. Institutional changes are taking place in many areas. They affect the economy, politics, social sphere of society. In modern conditions, digital technologies are of particular relevance. The article presents a comparative assessment of the characteristics and features of the digital and information society, analyzes the main stages of the formation of the digital society, shows that the digital society is a new stage in the cycle of development of the information society.

Keywords: development, information society, digitalization, digital society, networking.

характер: с одной стороны, цифровизация упрощает жизнь человека, ускоряет все процессы, а с другой – с развитием цифровых технологий появляются и риски.

Появление и развитие цифровых технологий способствовало формированию цифрового общества. Под цифровым обществом понимают такое

общество, в котором инфраструктура функционирует при помощи развитых и адаптированных цифровых технологий (например, на основе искусственного интеллекта, облачных вычислений, автоматизированных программ) [1]. При этом сетевые структуры и платформы являются базовой формой организации и социального взаимодействия. Данный термин появился сравнительно недавно. Ему предшествовало понятие информационного общества. Примерно в 70-е гг. XX в. произошла информационная революция, которая имела прогрессивный характер. Согласно теории Д. Белла, ей предшествовали: изобретение первой машины в XVIII веке; научно-технологические достижения в области химии, электричества в XIX веке; создание первых компьютеров в мире (XX век).

Термин «информационное общество» впервые прозвучал в Японии во второй половине XX в. Бурное развитие компьютеров привело к тому, что информация стало проще хранить, собирать. Интернет стал глобальной «копилкой» информации к концу XX в.

Родоначальники теории информационного общества Фриц Махлуп, Тадао Умесао и Йоней Масуда придали информации особую роль в обществе [5].

Й. Масуда под информационным обществом понимал общество с высоким уровнем развития технологий, которые вели к серьезным положительным социальным преобразованиям. Циркуляция информации в обществе необходима, способы ее хранения и передачи стремительно трансформируются, сокращаются временные периоды этих операций. Информация становится быстро доступной, более структурированной, понятной, ее могут использовать для получения и развития новых идей, знаний. Стоимость информационных услуг снижается, как и снижаются трудозатраты на их реализацию. Поэтому легкость информации стала характеристикой информационного общества уже к началу текущего века [5].

Японскими учеными был выделен совершенно новый тип общества, которое характеризовалось преобладанием новой движущей силы – собственной информацией. Отличительной чертой этого общества является также то, что информация влияет на качество жизни, на перспективы изменений в социальной сфере, на экономическое развитие. Эффективность использования

информации проявляется в степени развития общества в целом.

Другие авторы (М.Д. Жукова, Д.В. Крюков) отмечают, что в информационном обществе наблюдается прирост ВВП, развитие интернет-бизнеса и появление новой сферы – сферы услуг [2].

После появления информационного общества начался новый этап – формирование урбанизированного общества. Урбанизм – это особая форма социальных отношений, которая характеризуется разнообразием населения, особым разделением труда и крайне высокой плотностью людей. В таком урбанизированном городе личное пространство людей ограничено [4]. Примерно в 2010 г., стали появляться новые городские сообщества, которые создаются как концепции или проекты, например, концепция «Умного города».

«Умный город» или «Smart City» – концепция интеграции различных информационных и коммуникационных технологий и Интернета с целью повышения эффективности управления городским имуществом (городскими активами). К управляемым активам города (имуществу) относят непосредственно школы, библиотеки, больницы, учреждения здравоохранения, парки и детские площадки, дороги, электростанции, водоснабжение и ряд общественных служб [4]. «Умный город» создается с целью улучшения качества жизни на основе современных цифровых технологий, для повышения эффективного городского обслуживания и для удовлетворения нужд и потребностей населения. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) обеспечивают прямую взаимосвязь администрации города и городских сообществ, населения города.

Примерно, начиная с 2010–2015 гг., ученые рассуждают о такой исторической форме развития общества, при которой роль знаний и ИКТ не вызывает сомнений. Человек уже не может представить свою жизнь без компьютера, без мобильного телефона и Интернета. В этой связи, наблюдается всеобъемлющий процесс быстрых изменений в обществе, создание и обмен информацией становится преобладающей социально-экономической функцией.

Новым витком в развитии информационного общества стала цифровизация. Покажем признаки и характеристики информационного и цифрового общества в сводной таблице 1.

Таблица 1

Признаки и характеристики информационного и цифрового общества

Информационное общество	Цифровое общество
Увеличение роли информации. Увеличение доли людей, которые заняты в сфере ИКТ. Рост числа информационных продуктов и услуг. Развитие глобального информационного пространства. Электронное правительство. Появление цифрового рынка	Рост числа цифровых технологий и инструментов. Активное применение техники и технологий во всех сферах (здравоохранение, медицина, политика, культура и т.д.). Развитие новых связей через социальные сети. Применение цифровых возможностей в развитии Электронного правительства. Развитие цифрового рынка

В Словаре новейшей социологической лексики (2019 г.) указано, что цифровизация есть

создание среды, в которой можно быстро и легко отследить деятельность и перемещение

«оцифрованного» индивида [6]. Взаимодействие людей на основе цифровых технологий есть один из признаков «оцифрованного человека». Социальная практика человека более доступна и открыта: информация о человеке собрана в единой базе, все документы объединены и имеют надежную цифровую копию. Все «цифровое» постепенно становится социальным, общим. Цифровые технологии стали стимулировать развитие новых социальных взаимодействий, связей и отношений.

Переход информационного общества к цифровому, также связан с сетевизацией. Сетевизация – рост масштабов применения Интернета, который развивается беспрецедентными темпами. По данным за октябрь 2020 г., в мире насчитывается около 5 млрд пользователей Интернета (это 63 % всех жителей планеты). О сетевом обществе написал М. Кастельс: «В сетевом обществе ключевым экономическим ресурсом становится информация, а обладание технологиями генерирования, обработки и передачи информационных потоков становится условием конкурентоспособности национальной экономики» [3, с. 50]. Новые цифровые сети стали формировать такую структуру общества, которая позволила преодолеть имеющиеся границы (территориальные или институциональные), характерные для информаци-

онного общества. Поэтому некоторые специалисты связывают этап начала развития современного цифрового общества с теорией сетевизации М. Кастельса.

Однако до сих пор не все люди включены в цифровое общество, этап вовлечения людей в такое общество будет постепенным. Важную роль в этом играет развитие системы биометрии, полномасштабный переход на электронный документооборот во многих сферах и отраслях [7]. Управление современными платформами централизовано и сосредоточено в руках нескольких крупных владельцев, что усиливает контроль и цензуру, а также регулирует присутствие в Интернете. Причина состоит и в том, что инфраструктура современного Интернета позволяет использовать большие объемы данных пользователей, что создает серьезную угрозу их конфиденциальности.

На основании проведенного анализа мы можем сказать, что примерно с 2016–2017 гг. года уже уместно говорить о начале перехода информационного общества к новому этапу – цифровому. Развитие технологий искусственного интеллекта, облачных вычислений, Интернета вещей и т.д. будут способствовать дальнейшей цифровой трансформации социума и развитию цифрового общества.

Литература:

1. *Добринская Д.Е.* Что такое цифровое общество? / Д.Е. Добринская // Социология науки и технологий. 2021. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-tsifrovoye-obschestvo> (дата обращения 01.12.2022).
2. *Жукова М.Д.* Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества / М.Д. Жукова, Д.В. Крюков // Society and Security Insights. 2022. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-trend-razvitiya-ekonomiki-i-obschestva-tsifrovoye-obschestvo-kak-osobaya-stadiya-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения 01.12.2022).
3. *Кастельс М.* Россия и сетевое сообщество / М. Кастельс, Э. Кисилева // Мир России, 2000. №1. С. 23–51.
4. *Колодий Н.А.* Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям / Н.А. Колодий, В.С. Иванова, Н.А. Гончарова // Социологический журнал. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/umnyy-gorod-osobennosti-kontseptsii-spetsifika-adaptatsii-k-rossiyskim-realiyam>
5. *Шевченко С.В.* Эволюция понятий «информационное общество» и «цифровая экономика» / С.В. Шевченко, Х.М. Юнис // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2020. № 2(238). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiy-informatsionnoe-obschestvo-i-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения 01.12.2022).

Literature:

1. *Dobrinskaya D.E.* What is a digital society? / D.E. Dobrinskaya // Sociology of Science and Technology. 2021. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-tsifrovoye-obschestvo> (date of the application 01.12.2022).
2. *Zhukova M.D.* Modern trend of economic and social development: digital society as a special stage of information society / M.D. Zhukova, D.V. Kryukov // Society and Security Insights. 2022. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-trend-razvitiya-ekonomiki-i-obschestva-tsifrovoye-obschestvo-kak-osobaya-stadiya-informatsionnogo-obschestva> (date of the application 01.12.2022).
3. *Castels M.* Russia and the network community / M. Castels, E., Kisileva // Mir Rossii, 2000. № 1. P. 23–51.
4. *Kolodiy N.A.* Smart City: features of the concept, specifics of adaptation to Russian realities / N.A. Kolodiy, V.S. Ivanova, N.A. Goncharova // Sociological Journal. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/umnyy-gorod-osobennosti-kontseptsii-spetsifika-adaptatsii-k-rossiyskim-realiyam>
5. *Shevchenko S.V.* Evolution of the concepts of «information society» and «digital economy» / S.V. Shevchenko, H.M. Yunis // Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management. 2020. № 2(238). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiy-informatsionnoe-obschestvo-i-tsifrovaya-ekonomika> (date of the application 01.12.2022).

6. Словарь новейшей социологической лексики.
URL : <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785922807678.html>

7. Кочкудан Д.А. Тренды научно-технического развития России / Д.А. Кочкудан, О.В. Терещенко, С.Я. Кошокова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 254–257.

6. Dictionary of the latest sociological vocabulary:
URL : <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785922807678.html>

7. *Kochkudan D.A. Trends in scientific and technical development of Russia / D.A. Kochkudan, O.V. Tereshchenko, S.Ya. Koshokova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 10. P. 254–257.*

Бурмистров Владимир Сергеевич
внешний управляющий ФГУП «ФЭСКО»,
г. Москва,
председатель,
Попечительский совет БФ
«Мамино сердце», г. Рязань
Burmistr161@gmail.com

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Роль общественных волонтерских объединений и благотворительных фондов в процессах интеграции России и Донбасса

■ ■ ■

Аннотация. Значимость общественных объединений и благотворительных фондов (в процессах сотрудничества и интеграции России и Донбасса в современных турбулентных условиях трудно переоценить в силу понимания глубинных и парадоксальных движений, явлений и процессов социокультурного характера в российском государстве и потребности в апгрейд социального поведения различных взаимоотношений, общностей, социальных групп. Статья посвящена социологическому осмыслению роли общественных объединений и благотворительных фондов в процессе интеграции России и Донбасса. Авторы отмечают определенные сдвиги, происшедшие в сторону углубления и расширения интегративных связей в экономической, социальной, культурной, образовательной сферах деятельности.

Ключевые слова: общественные волонтерские объединения, благотворительные фонды, интеграция, Россия, Донбасс, ДНР, ЛНР.

■ ■ ■

Значимость общественных объединений и благотворительных фондов (далее – БФ) в процессах сотрудничества и интеграции России и Донбасса в современных турбулентных условиях трудно переоценить в силу «понимания глубинных и парадоксальных движений, явлений и процессов социокультурного характера в российском государстве и потребности в апгрейд социального поведения различных взаимоотношений, общностей, социальных групп» [1, с. 234]. Речь идет не столько об изменении внутренних интеграционных процессов, сколько внешних,

Vladimir S. Burmistrov
External manager of FSUE «FESCO»,
Moscow,
Chairman,
Board of Trustees of the Charitable
Foundation «Mom's Heart», Ryazan
Burmistr161@gmail.com

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

THE ROLE OF PUBLIC VOLUNTEER ASSOCIATIONS AND CHARITABLE FOUNDATIONS IN THE PROCESSES OF INTEGRATION OF RUSSIA AND DONBASS

■ ■ ■

Annotation. The importance of public associations and charitable foundations (in the processes of cooperation and integration of Russia and Donbass in modern turbulent conditions can hardly be overestimated due to understanding of the deep and paradoxical movements, phenomena and processes of the socio-cultural nature of the Russian state and the need to upgrade the social behavior of various relationships, communities, social groups. The article is devoted to the sociological understanding of the role of public associations and charitable foundations in the processes of integration between Russia and Donbass. Certain shifts are noticeable towards the deepening and expansion of integrative ties in the economic, social, cultural, and educational spheres of activity.

Keywords: public volunteer associations, charitable foundations, integration, Russia, Donbass, DPR, LPR.

■ ■ ■

связанных с социально-психологической, экономической, правовой интеграцией, а также, с интеграцией образования, науки и культуры России и Донбасса. Т.о., на данном этапе актуализировалась интеграция между Россией и Донбассом в различных сферах их жизнедеятельности – социальной, экономической, политической, культурной, образовательной, научной, в сфере национальной безопасности и других сферах.

Об актуальности научного осмысления данной интеграции свидетельствует, помимо прочего,

Международная научно-практическая конференция «Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции», состоявшаяся в июне 2022 г., организованная Институтом мировых цивилизаций, Институтом научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Донецкой академией управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецким институтом экономических исследований.

Сегодня интеграция Донбасса в Россию находится пока на начальных этапах развития, однако, динамика интеграционных процессов все более возрастает, благодаря общественным волонтерским объединениям и фондам благотворительности. Результатами интеграции России и Донбасса выступает создание институтов, организаций, общественных объединений, которые, с одной стороны, являются площадками взаимодействия; с другой – сами исполняют роль субъектов выстраивания и укрепления разноплановой системы российско-донецких отношений.

Надо заметить, что еще до признания Россией независимости Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) многие общественные волонтерские объединения и БФ, а также, политические партии Российской Федерации выражали свою обеспокоенность по поводу многострадальной судьбы Донбасса, и практически, на долговременной постоянной основе, на протяжении нескольких лет, оказывали посильную гуманитарную помощь и поддержку населению Донбасса.

Российский исследователь проблем и перспектив развития благотворительности в России Т.В. Гениберг при анализе субъектов, осуществляющих благотворительную деятельность, распределяет их по восьми группам по определенным основаниям:

- корпоративные фонды крупных компаний («Газпром», «Сибнефть», «Роснефть», «Лукойл», «Сбербанк»), которые находятся в партнерском взаимодействии с государством и выделяют средства на социальные и культурные проекты, опираясь в своей работе на крупные БФ с устойчивой государственной поддержкой [2];
- самостоятельные волонтерские БФ (например, фонд Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт», «Солнечный город», «Линия жизни», «Возрождение» и др.), финансирующие различные вышеназванные сферы жизнедеятельности;
- БФ знаменитых личностей (благотворительный фонд Константина Хабенского, фонд Гоши Куценко «Шаг вместе», благотворительный фонд Марии Мироновой, Игоря Верника и Евгения Миронова «Артист» и др.), оказывающие гуманитарную помощь искусству, детям и нуждающимся в помощи взрослым;
- БФ крупных предпринимателей (фонд Владимира Потанина, фонд Дмитрия Зимина «Династия», фонд Олега Дерипаски «Вольное дело», фонд Михаила Прохорова и др.) – фонды,

помогающие науке и образованию (в виде выделения средств на грантовую поддержку), культуре, искусству и спорту, медицине и здравоохранению, защите экологии и животных;

- международные благотворительные (волонтерские) организации («Врачи без границ», «Врачи мира», «Международный Красный Крест», «Армия Спасения» и др.), оказывающие гуманитарную, социально-психологическую, медицинскую и реабилитационную помощь;
- благотворительные организации среднего и малого уровня (общество анонимных алкоголиков и анонимных наркоманов, хосписы для умирающих онкологических больных), специализирующиеся преимущественно на нефинансовой социальной поддержке или медико-социальной помощи;
- БФ Российской Православной Церкви (РПЦ) – оказывающие институтам образования и воспитания, а также, нуждающимся гражданам гуманитарную и духовную помощь;
- частные меценаты (Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, Владимир Крайнев и др.) [2].

Как подчеркивает М.А. Кислякова, крупные корпоративные БФ реализуют социальные инвестиции в пользу помощи многодетным семьям; матерям-одиночкам; детям-сиротам; тяжелобольным и инвалидам; пожилым одиноким людям; а также участвуют в различных благотворительных проектах, таких, например, как: проекты по экологической безопасности; программы по социальной поддержке особо уязвимым группам населения; по борьбе с наркоманией и алкоголизмом; программы оказания помощи в строительстве и восстановлении храмов [3].

Е.Г. Васильева указывает на то, что «организационный порядок институциональной благотворительности соотносится с административными и ресурсными структурами благотворительного взаимодействия». Причем, административная структура реализуется в рамках интеграционного взаимодействия «благотворительные фонды – организации НКО – государственные контролируемые органы», а ресурсная – в рамках «субъекты благотворительности – интернет-технологии – волонтеры – благополучатели» [4, с. 62].

Как известно, некоммерческие объединения (НКО) и благотворительные фонды могут создаваться в различных социально-организационных и правовых формах: как общественные организации и общественные движения, в качестве ассоциаций (союзов), некоммерческих партнерств различных объединений (работодателей, профессиональных союзов, социальных и религиозных организаций и пр.), в качестве различных фондов (общественных, благотворительных).

Какие же БФ созданы с целью интеграции России и Донбасса?

Сегодня действует семь благотворительных фондов и два общественных волонтерских объединения (НКО):

1. Российский Красный Крест – его основная миссия – гуманитарная, связанная с работой с переселенцами из Донбасса;

2. Фонд «Доктор Лиза» также нацелен на оказание гуманитарной помощи беженцам, семьям с тяжелобольными родственниками и детьми;

3. БФ «Весна» запустил российский проект «Врачи помогают беженцам», причем данная помощь может быть как непосредственной, очной, так и онлайн-консультативной, кроме того, формируются бригады врачей-волонтеров и разворачиваются гуманитарные медикосоциальные центры в ЛНР и ДНР [5];

4. Фонд «АиФ Доброе сердце» посредством применения телеграм-бота принимает заявки на оказание оперативной гуманитарной и социально-правовой и юридической помощи по всему региональному пространству России и оказывает помощь как российским семьям, так и семьям и переселенцам из ДНР и ЛНР;

5. БФ «Подарок ангелу» несет медико-социальную, гуманитарную и адаптивную миссию – занимается закупкой медицинского оборудования для Республиканского травматологического центра на Донбассе;

6. БФ «Гольфстрим» оказывает непосредственную помощь населению ДНР и ЛНР, не покинувшему по тем или иным причинам территории, и оказавшемуся в, чрезвычайной и экстремальной жизненной ситуации;

7. БФ «Большая перемена» преследует важные образовательные цели: в 2022г. запущена программа помощи эвакуированным детям в получении образования под эгидой «Бережная поддержка». Кроме того, в рамках реализации программы повышения квалификации для преподавателей истории из Донбасса задействовано Российское историческое общество [6];

8. Общественное волонтерское объединение «Пища жизни», благодаря которому волонтеры уже несколько месяцев оказывают продовольственную поддержку, поставляя горячие обеды населению ДНР и ЛНР;

9. Поисково-спасательное волонтерское объединение «Лиза Алерт» принимает заявки от переселенцев из ДНР и ЛНР на поиск близких родственников на территории России.

Очевидно, что работа всех этих фондов и общественных объединений способствует скорейшей интеграции России и Донбасса.

Исследование динамики общей активности и целевой ориентации деятельности благотворительных фондов, с учетом фактора специальной военной операции, отражает заслуживающий внимания феномен изменения профиля НКО. Новые реалии не только обусловили создание вышеречисленных, относительно специализированных, фондов, но привели к изменению направлений деятельности уже существующих.

Интересным примером является региональный рязанский фонд «Мамино сердце».

Созданный в 2016 году в результате волонтерской инициативы его основателей из числа предпринимателей, психологов, врачей и студентов фонд, оказывал помощь особенным детям, интернатам, многодетным и малолетним матерям-одиночкам, погорельцам, детям, оказавшимся в проблемной ситуации. Фонд взял под патронаж Рязанский Дом Ребенка, Интернат «Вера», а также женщин – подопечных центра социального обслуживания населения «Семья».

С началом специальной военной операции (СВО) и изменением состава попечительского совета фонд взял направление на поддержку граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию в связи с проведением СВО, а также, на формирование патриотического сознания детей и молодежи, прибывшей из зоны военных действий.

Переориентация фонда под влиянием факторов интеграции Донбасса расширила круг волонтеров, партнеров и инициативных граждан. Их общее число превысило 500 человек. С расширением волонтерского и спонсорского состава фонда стало возможным расширить социальные группы подопечных и виды оказания помощи. В 2022 году «Мамино сердце» взял под опеку ПВРЫ (пункты временного размещения) Рязанской области, оказал гуманитарную помощь семьям мобилизованных и непосредственно жителям зоны боевых действий.

Практика фонда «Мамино сердце» показала, что идея интеграции Донбасса несколько изменила конфигурацию волонтерской и спонсорской поддержки. Благотворительная активность проявляется не только в форме денежных или материальных пожертвований, но еще и в форме объединения компетенций профессионалов: врачей, спортивных тренеров, юристов, психологов – в виде мастер-классов, тренировок, консультаций.

В целом, в рамках интеграции России и Донбасса уже заметны определенные сдвиги в сторону углубления и расширения интегративных связей в следующих сферах деятельности:

– экономической (происходит перестройка национальных хозяйств в условиях специальной военной операции), но пока основные предметы торговых отношений – это поставки высококачественного антрацитового угля в Россию взамен поставок электроэнергии, газа и продовольствия на Донбасс. Как подчеркивают И.В. Митрофанова, Р.А. Ялмаев и М.А. Ялмаева: «Возрождение хозяйственного комплекса Донбасса во многом связано:

– с интеграцией с Россией, примеры которой есть. Будущее экономики ЛНР и ДНР зависит от того, насколько оперативно они перестроят торговые потоки с Украины на Россию и мировой рынок» [7, с. 48];

– социально-направленной на формирование активной гражданской позиции различных слоев

населения России и Донбасса, в частности, налаживается сотрудничество в области молодежной политики. Так, летом 2022 г. были подписаны договоры о сотрудничестве между главой ДНР и общественной организацией ЛНР «Молодая гвардия» – с одной стороны, и общественным объединением «Российский Союз Молодежи» (РСМ) – с другой. В рамках сотрудничества, в соответствии с первым соглашением, «Молодую гвардию» наделили статусом опорной организации РСМ на территории ДНР; в соответствии со вторым – определен ориентир на адаптацию молодежи Донбасса в молодежную политику РФ [8]. Как подчеркивают Н.Х. Гафиатулина и др., общественная волонтерская деятельность «включена в поле государственной молодежной политики, она решает молодежные проблемы, связанные с занятостью, социальным обеспечением, образованием, здравоохранением» [9, с. 64];

– культурной, направленной на интеграцию культурной жизни, в рамках которой происходит взаимообмен ценностями, идеями, актуализируется интерес к возрождению национального культурного наследия, к традициям и к исторической памяти. Так, активность проявляет Всероссийское волонтерское общественное объединение «Волонтеры культуры», «Волонтеры истории». Участие в волонтерской деятельности позволяет старшим поколениям вспомнить и возродить, а молодым – пополнить знания о культуре, обычаях и традициях славянской культуры [10];

– образовательной, направленной на усиление сотрудничества и интеграцию между российскими вузами и вузами Донбасса. Так, М.Н. Кушаков подчеркивает, что в практике организации

работы вузов идет развитие интерактивных образовательных платформ, разработка информационного и методического обеспечения, «создание совместных образовательных программ, открытие студенческих технопарков, бизнес-инкубаторов, обновление учебно-лабораторной базы и программ обучения». В условиях интеграции ДНР в образовательное пространство РФ проводится работа по синхронизации системы образования ДНР с искомой системой РФ [11, с. 293].

Как отмечают О.В. Бахлова и И.В. Бахлов, усиление и углубление процессов интеграции России и Донбасса в гуманитарной, социальной и культурной составляющих выражается не только в интенции «к образованию единого культурно-гуманитарного пространства России и республик Донбасса, основанного на общих ценностях и традициях», но и, в первую очередь, в «признании русского языка незаменимым средством всесторонних коммуникаций» [5, с. 212].

Резюмируя вышеизложенное, стоит подчеркнуть, что общественные объединения и благотворительные фонды вносят свой ощутимый вклад в процессы интеграции России и Донбасса, поскольку их деятельность имеет положительную направленность и нацеленность на эффективное социально-экономическое взаимодействие, правовое, социокультурное, образовательное сотрудничество. Деятельность общественных объединений и благотворительных фондов – это такой важный элемент социальной структуры, который, безусловно, должен иметь широкомасштабную поддержку со стороны государства и общества.

Литература:

1. *Фоменко В.А.* Социокультурная и управленческая парадигма волонтерства: подходы в научной диахронии / В.А. Фоменко, С.В. Петрова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 234–239.
2. *Гениберг Т.В.* Тенденции, проблемы и перспективы развития благотворительности в России / Т.В. Гениберг // Проблемы экономической науки и практики. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2016. Т. 2. С. 52–60.
3. *Кислякова М.А.* Реализация благотворительной деятельности в России на современном этапе развития общества / М.А. Кислякова // Глобальный научный потенциал. 2015. № 5(50). С. 47–50.
4. *Васильева Е.Г.* Тенденции и перспектива институциональной благотворительности в России / Е.Г. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 1(31). С. 59–64.
5. *Бахлова О.В.* России и Донбасса Роль общественных объединений в процессах сотрудничества и интеграции / О.В. Бахлова, И.В. Бахлов; Отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов; АНО ВО

Literature:

1. *Fomenko V.A.* Sociocultural and managerial paradigm of volunteering: approaches in scientific diachrony / V.A. Fomenko, S.V. Petrova // State and municipal management. Scientific notes. 2021. № 4. P. 234–239.
2. *Geniberg T.V.* Trends, problems and prospects for the development of charity in Russia / T.V. Geniberg // Problems of economic science and practice. Collection of scientific works. Novosibirsk, 2016. Vol. 2. P. 52–60.
3. *Kislyakova M.A.* Implementation of charitable activities in Russia at the present stage of society development / M.A. Kislyakova // Global Scientific Potential. 2015. № 5(50). P. 47–50.
4. *Vasilyeva E.G.* Trends and prospects of institutional charity in Russia / E.G. Vasilyeva // Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2016. № 1(31). P. 59–64.
5. *Bakhlova O.V.* Russia and Donbass The role of public associations in the processes of cooperation and integration / O.V. Bakhlova, I.V. Bakhlov; Responsible editor M.A. Bulavina, V.I. Gerasimov; ANO

«УМЦ» // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции: материалы международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 210–212.

6. Вузы России и Донбасса станут единым образовательным пространством. URL : <http://rg.ru/2022/06/05/po-odnim-uchebnikam.html>

7. *Митрофанова И.В.* Экономическая интеграция России и Донбасса: реальность и перспективы / И.В. Митрофанова, Р.А. Ялмаев, М.А. Ялмаева // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6(59). С. 46–52.

8. «Молодую Республику» наделили статусом опорной организации РСМ в ДНР. URL : <https://fadm.gov.ru/news/65530>

9. *Гафиатулина Н.Х.* Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска / Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 27–30.

10. *Ковров В.В.* Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах / В.В. Ковров, В.К. Биловус // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 292–296.

11. *Кушаков М.Н.* Стратегические направления развития образовательных услуг Донбасса в условиях интеграции в образовательное пространство Российской Федерации / М.Н. Кушаков; Отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов; АНО ВО «УМЦ» // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 293–300.

VO «UMC» // Russia and Donbass: prospects for cooperation and integration: materials of the international scientific-practical conference. M., 2022. P. 210–212.

6. Universities of Russia and Donbass will become a single educational space. URL : <http://rg.ru/2022/06/05/po-odnim-uchebnikam.html>

7. *Mitrofanova I.V.* Economic integration of Russia and Donbass: reality and prospects / I.V. Mitrofanova, R.A. Yalmaev, M.A. Yalmaeva // Society: politics, economics, law. 2018. № 6(59). P. 46–52.

8. The «Young Republic» was given the status of the supporting organization of the RSM in the DPR. URL : <https://fadm.gov.ru/news/65530>

9. *Gafiatulina N.Kh.* Volunteer activity in the system of organizing social work with youth at risk / N.Kh. Gafiatulina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 1. P. 27–30.

10. *Kovrov V.V.* The influence of volunteering on the social activity of students in Russian universities / V.V. Kovrov, V.K. Bilovus // State and municipal management. Scientific notes. 2022. № 4. P. 292–296.

11. *Kushakov M.N.* Strategic directions for the development of educational services in Donbass in the context of integration into the educational space of the Russian Federation / M.N. Kushakov; Responsible editor M.A. Bulavina, V.I. Gerasimov; ANO VO «UMC» // Russia and Donbass: prospects for cooperation and integration: Materials of the International scientific and practical conference. M., 2022. P. 293–300.

Загирова Эльвира Махачевна

кандидат социологических наук,
младший научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
elvirazagirova12@mail.ru

Elvira M. Zagirova

Candidate of Sociological Sciences,
Junior Researcher,
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
elvirazagirova12@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ
В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ**

**SOCIO-ECONOMIC FACTORS
OF CHILDREN'S HEALTH
IN MODERN DAGESTAN**

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические факторы детского здоровья. Проблема здоровья приобретает актуальность на фоне ухудшения демографической ситуации, неудовлетворительным медицинским обслуживанием, рождением детей с неизлечимыми болезнями, отсутствием необходимой инфраструктуры. Ключевым в рамках анализа понятия «здоровье» является повышение значения «человеческого капитала», который для социально-экономического развития российского общества закономерно требует наличия здорового трудоспособного населения. В данном ракурсе особую значимость приобретает детское здоровье и положение дел в данной сфере, ибо вектор развития в ней определяет демографическое будущее страны. На основе результатов авторского исследования установлено, что негативными факторами детского здоровья являются образ жизни родителей (асоциальное поведение), низкий уровень материального благополучия семьи, отсутствие возможности получения качественной медицинской помощи.

Annotation. The article discusses the socio-economic factors of children's health. The health problem is becoming urgent against the background of the deteriorating demographic situation, unsatisfactory medical care, the birth of children with incurable diseases, and the lack of necessary infrastructure. The key in the analysis of the concept of «health» is to increase the importance of «human capital», which for the socio-economic development of Russian society naturally requires a healthy able-bodied population. In this perspective, children's health and the situation in this area are of particular importance, because the vector of development in it determines the demographic future of the country. Based on the results of the author's research, it was found that the negative factors of children's health are the lifestyle of parents (antisocial behavior), the low level of material well-being of the family, the lack of access to quality medical care.

Ключевые слова: дети, здоровье, детское здоровье, здоровый образ жизни, демографическая проблема, репродуктивное поведение.

Keywords: children, health, children's health, healthy lifestyle, demographic problem, reproductive behavior.

Введение. В полной мере можно согласиться с позицией отечественных исследователей, что в современном обществе актуальным является проблема здоровья, причем, не только физического, но и духовного. Более того, при рассмотрении института здоровья особое место занимает детское здоровье. Чем обусловлен такой повышенный интерес именно к детскому здоровью? Естественно, имеет место социально-экономические, демографические, образовательные и иные факторы, которые оказывают зависимости от ситуаций, определенное (позитивное/негативное; сильное/слабое) влияние на формирование:

Если обратиться к статистическим данным, то анализ ситуации во второй половине 2010 г. показывает, что в России около 43 тыс. ВИЧ-инфицированных детей. Почти половина рожденных в России детей имеют психические отклонения; 35 % детей в России рождаются с врожденными заболеваниями; 12 % детей в России рождаются недоношенными; число детей инвалидов в стране составляет более 500000 (2 %) и только 25 % новорожденных в нашей стране полностью здоровы.

– во-первых, отношения и восприятия детского здоровья;

Врачи констатируют увеличение детей больных аутизмом: если в 2015 г. насчитывалось 17700 случаев заболевания, то в 2016 г. уже более 22000. В России 70–80 тыс. детей имеют диагноз ЗПР (Задержка психического развития) и обучаются в специальных школах и классах. Около 90 %, из числа заболевших сахарным диабетом, имеют 1 тип диабета [2].

– во-вторых, последствия ухудшения ситуации со здоровьем детей для национальной безопасности Российского государства [1].

Таким образом, приведенный статматериал показывает, что проблема детского здоровья является острой для нашего общества и ей необходимо уделять больше внимания.

По мнению российских исследователей, «здоровье ребенка как процесс адаптации к окружающей среде, целостное состояние организма особенно интенсивно формируется в раннем детстве. Биологической задачей этого периода в жизни ребенка является обеспечение роста и качественного развития его организма, социальной – обучение тем формам и навыкам самостоятельной индивидуальной и общественной деятельности, которые в дальнейшем понадобятся ребенку как члену малых и больших социальных групп» [3, с. 127].

Обеспечение здоровья детей официальная власть в лице Министерства здравоохранения РФ усматривает в «организации постоянного

контроля за состоянием их здоровья и развития, в регулярном проведении комплексных лечебно-оздоровительных и реабилитационных мероприятий». Однако, по мнению автора, всего лишь одна декларация вряд ли способна успешно решить, в целом, вопрос детского здоровья, видимо, в данной области необходимо осуществление комплекса мер, который способен в полной мере обеспечить решение возникающих проблем. Если обратиться к положению детского здоровья в Дагестане, то ситуация выглядит следующим образом: «Среди заболевших инфекционными болезнями в январе-ноябре 2022 г., дети в возрасте 0–17 лет составляли по коклюшу – 99,1 %, острыми кишечными инфекциями – 71,6 %, острыми инфекциями верхних дыхательных путей – 57,3 %, паротитом эпидемическим – 65,5 %, острым гепатитом А – 72,7 %» [4]. Сравнительный анализ 2021 и 2022 гг. показывает, что в Дагестане очень сложной была ситуация с детской смертностью (табл. № 1).

Таблица 1

Умершие в возрасте до 1 года	2021 г.	% к предыдущему году	2022 г.	Разница в %
Январь	29	161,1	14	-51,7
Февраль	23	56,1	30	+30,4
Март	30	111,1	44	+46,7
Апрель	29	126,1	29	0
Май	12	109,1	21	+75
Июнь	33	194,1	27	-18,2
Итого:	156	165	+5,7	

Исследователи сделали вывод о том, что в 2022 г., в сравнении с 2021 г., ситуация улучшилась, но все «равно умерло детей больше чем в аналогичном периоде 2021 г.» [5].

Разумеется, что, несмотря на принимаемые меры, распространение детских болезней приобретает иные масштабы, и ключевую роль в ухудшении ситуации с детским здоровьем выполняет отказ молодых родителей от профилактических прививок, потому что они не доверяют качеству вакцин. В качестве аргументаций они приводят известные им случаи, когда некачественное хранение вакцины приводит к тяжелым последствиям для здоровья ребенка.

Проблема здоровья, не только детского, но и взрослого населения, тесно связана с демографическим вопросом: российские фамилисты еще с конца 90-х гг. прошлого века обозначили актуальность проблемы рождаемости в стране, констатировали ее снижение, трансформацию репродуктивного поведения населения и т.д. Следует отметить, что, несмотря на важность демографической проблемы, ей практически не уделялось внимания, и такая политика в последующем выразилась в депопуляции населения: «Начавшаяся в начале 1990-х гг. и продолжавшаяся 20 лет до 2013 г. в России депопуляция породила ряд крайне острых для страны проблем. Прежде всего, ускорилось сокращение доли России в мировом населении, поскольку на этот процесс стали влиять не только более высокие темпы роста населения мира, но и уменьшение численности населения РФ вследствие естественной

убыли. В результате, Россия, занимая четвертое место в мире по численности населения в начале 1990-х гг., передвинулась в новом тысячелетии на девятое. Этот процесс ведет к снижению геополитического статуса государства, сокращению его экономического и оборонного потенциала, ослаблению политического влияния в мире, и он продолжится, но для России немаловажным является, какими темпами это будет происходить» [6, с. 18].

Л.Л. Рыбаковский, на основе анализа демографической ситуации, сделал вывод, что «страна вступила во второе десятилетие XXI в... когда:

- во-первых, перестали действовать меры демографической политики в области рождаемости и менее результативными становятся меры в области смертности;

- во-вторых, на фоне сокращения их вклада в рост рождаемости и сокращение смертности происходит повышение значимости процессов изменения численности репродуктивных контингентов и старения населения» [7, с. 47].

Демографическая проблематика активно разрабатывалась в российской науке, в частности, В.Н. Архангельским [8], А.Г. Вишневым [9] и др.; среди дагестанских исследователей необходимо отметить публикации Э.М. Загировой [10; 11].

Демографическую проблему и ее негативные социально-экономические последствия призван был решить национальный проект «Здоровье»,

основной целью которого было обозначено в необходимости улучшения качества первичной медицинской помощи, повышения внимания к охране материнства и здоровья детей, в мерах по снижению смертности населения, усилению профилактической направленности здравоохранения.

Методика исследования. С целью выявления социально-экономических факторов детского здоровья был проведен пилотный опрос. В массив попали, в основном, молодые родители, которые могут объективно оценить потребности своего ребенка и сложности, с которыми они сами сталкиваются в процессе ухода и воспитания. N = 217.

Обсуждение результатов исследования. В современной науке сформировалась позиция, что на состояние детского здоровья определенное воздействие оказывает социально-экономическое положение родителей; здесь имеется в виду уровень образования, материальное благосостояние, место проживания, состояние инфраструктуры, возможности оказания жизненно необходимых услуг.

Какие же причины представляются для опрошенного населения важными в поддержании детского здоровья и при возникновении проблемы с ним первоочередными для решения? В исследовании респондентам был задан вопрос: «Какие проблемы Вас больше всего беспокоят в настоящее время?», на который получены следующие ответы: 29,3 % по всему массиву указали на важность состояния здоровья членов своей семьи. При этом 15,9 % указали на то, что их ребенок не страдает хроническими болезнями и при рождении не имел врожденного заболевания или каких-то проблем со здоровьем, в целом. Далее, 33,9 % отмечают свои переживания за социальную инфраструктуру, в частности, отсутствие дошкольных заведений (27,3 %), а также школ (29,6 %) вблизи территории своего проживания. Далее, опрошенное население не в меньшей степени беспокоит вопрос собственного трудоустройства,

Литература:

1. URL : <https://vseprodetok.ru/statistika-o-detyax/> (дата обращения 18.01.2023).
2. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, [et al.] // Eurasian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.
3. Рыбакова М.В. Формирование здоровья детей первого года жизни в московской семье / М.В. Рыбакова, И.Ю. Тюрина // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 127–132.
4. URL : <https://dagstat.gks.ru/storage/mediabank/> (дата обращения 15.01.2023).
5. URL : <https://yandex.ru/search/?text=> (дата обращения 09.01.2023).

ибо Дагестан всегда имел высокий уровень безработицы, причем, в скрытой форме.

Отсутствие материального дохода естественно уменьшает возможности семьи в удовлетворении своих физических и духовных потребностей. Поэтому одна четвертая часть опрошенных отметила, что они надеются на помощь со стороны родителей. Более того, больше половины опрошенных в городской местности зависят от помощи родителей в воспитании детей – отвести в садик, кружки, встретить со школы, делать домашние задания. По сравнению с горожанами, в сельской местности в помощи со стороны взрослых членов семьи нуждается 15,1 %. Это связано с тем, что, например, со школы ребенок может сам возвращаться, посетить кружок также может самостоятельно, потому что само место проживания (село) существенно облегчает получение определенных услуг. Далее, результаты опроса показывают, что подавляющая часть опрошенных указывает на отсутствие качественной медицинской помощи (59,3 %), специалистов узкого профиля (33,1 %), на необходимость получения платных услуг, ибо в государственных медицинских учреждениях качество медицинской помощи не в полной мере удовлетворяет опрошенных.

Резюме. Анализ социально-экономических факторов и их влияние на детское здоровье показывает, что проблема здоровья является актуальной и требует пристального внимания со стороны властей. Следует отметить, что фактор здоровья оказывает самое непосредственное влияние на демографическую ситуацию в стране: состояние здоровья родителей и их образ жизни является ключевым при планировании будущего ребенка. Результаты опроса показывают, в целом, неудовлетворенность опрошенных своим материальным благосостоянием; испытывают определенный страх за свое будущее (лишиться работы); кроме того, вызывает тревогу отсутствие необходимой инфраструктуры, а также – качественного медицинского обслуживания.

Literature:

1. URL : <https://vseprodetok.ru/statistika-o-detyax/> (date of the application 18.01.2023).
2. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, [et al.] // Eurasian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.
3. Rybakova M.V. Formation of health of children of the first year of life in a Moscow family / M.V. Rybakova, I.Yu. Tyurina // Sociological research. 2008. № 10. P. 127–132.
4. URL : <https://dagstat.gks.ru/storage/mediabank/> (date of the application 15.01.2023).
5. URL : <https://yandex.ru/search/?text=> (date of the application 09.01.2023).

6. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и её этнические аспекты в России / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
7. Рыбаковский Л.Л. Динамика населения России и её компоненты в 2001–2025 гг. / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 43–50.
8. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение / В.Н. Архангельский // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 129–136.
9. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М., 2006. 599 с.
10. Загирова Э.М. Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние и тенденции / Э.М. Загирова // Вестник ИИАЭ. 2016. № 4. С. 163–170.
11. Загирова Э.М. Репродуктивное поведение дагестанских народов: состояние и тенденции (по результатам социологического опроса) / Э.М. Загирова // Вестник Южнороссийского государственного технического университета. 2017. № 2. С. 121–126.
6. Rybakovsky L.L. Depopulation and its ethnic aspects in Russia / L.L. Rybakovsky // Sociological research. 2015. № 4. P. 18–28.
7. Rybakovsky L.L. Dynamics of the population of Russia and its components in 2001–2025 / L.L. Rybakovsky // Sociological research. 2011. № 12. P. 43–50.
8. Arkhangelsky V.N. Reproductive and marital behavior / V.N. Arkhangelsky // Sociological research. 2012. № 2. P. 129–136.
9. Vishnevsky A.G. Demographic modernization of Russia: 1900–2000. M., 2006. 599 p.
10. Zagirova E.M. Demographic behavior of the Dagestani family: state and trends / E.M. Zagirova // Bulletin of the IIAE. 2016. № 4. P. 163–170.
11. Zagirova E.M. Reproductive behavior of Dagestani peoples: state and trends (based on the results of a sociological survey) / E.M. Zagirova // Bulletin of the South Russian State Technical University. 2017. № 2. P. 121–126.

Зейналов Гусейн Гардаш оглы

доктор философских наук,
профессор,
кафедра права и философии,
Мордовский государственный
педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева
zggo@mail.ru

Елисеев Максим Алексеевич

аспирант кафедры права и философии,
1 год очной формы обучения,
Мордовский государственный
педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева
Maximrm@icloud.com

**СМЕШАННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
СРЕДА: ЗНАНИЕВАЯ ОСНОВА
ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В данной статье смешанная объективно-виртуальная образовательная среда рассматривается в качестве источника знаниевой основы целостности личности человека. Специфические средства коммуникации и общения представляют коммуникативно-диалоговую модель образования, где главное место занимает сам человек. Определяют этот процесс его личностные качества. Целью формирования целостности личности заключается в подготовке к профессиональной деятельности и обеспечении безопасной жизнедеятельности на основе формирования нового мировидения, соответствующего содержанию смешанной объективно-виртуальной реальности.

Ключевые слова: смешанная образовательная среда, целостность личности человека, знаниевая основа.

Еще в далеком 1970 г. Международная организация ЮНЕСКО признала кризисное состояние современного образования, обозначив противоречие «...в разрыве между существующей системой образования и реальными условиями жизни общества» [3. с. 10]. Можно согласиться с мнением Н.Н. Моисеева в том, что этот кризис может оказаться более опасным среди всей совокупности современных кризисов [5]. Опасность заключается в том, что современное

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы» и

Guseyn G. Zeynalov

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Department of Law and Philosophy,
Mordovian State Pedagogical University
named after M.E. Evseyev
zggo@mail.ru

Maxim A. Eliseev

Postgraduate Student of the Department
of Law and Philosophy,
1 year of Full-time Study,
Mordovian State Pedagogical University
named after M.E. Evseyeva
Maximrm@icloud.com

**MIXED EDUCATIONAL ENVIRONMENT:
THE KNOWLEDGE BASE
OF THE INTEGRITY
OF A PERSON'S PERSONALITY**

Annotation. In this article, a mixed objective-virtual educational environment is considered as a source of the knowledge basis of the integrity of a person's personality. Specific means of communication and communication represent a communicative-dialogue model of education, where the main place is occupied by the person himself. This process determines its personal qualities. The goal is to prepare the individual for professional activities and life in general, to form a new worldview that corresponds to the content of mixed reality and this historical stage in the development of society.

Keywords: mixed educational environment, integrity of human personality, knowledge base.

общество и культура более не способны обеспечить целостность личности человека, а образование сформировать его самодостаточность¹.

Внешне ситуация выглядит как переход от промышленно-индустриального общества к информационно-постиндустриальному. В реальности речь идет о становлении новой культурно-цивилизационной реальности смешанного типа. Классическая социальная система формирует

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» по теме «Смешанная (гибридная) объективно-виртуальная реальность: расширение границ образования».

целостность человека на основе духовного освоения предметного мира. Современный человек образовывается на границе предметного и виртуального миров. Радикальные трансформации происходят во всех сферах культуры, в том числе в науке и образовании.

Единый образовательный процесс представляется на двух не интегрированных платформах виртуального и предметного характера. По этой причине образование не успевает за сложной динамикой развития общества и ухода от предметного мира во все более виртуальный. Смешанная образовательная среда формирует расчлененную, фрагментаризованную личность. Образование как подсистема общества, формируя бытие человека на двух платформах, не способно обеспечить его социокультурную целостность, в первую очередь знаниевого составляющего. В особенность понимания целостности личности человека на современном этапе развития смешанной культуры входит господство принципов постнеклассической науки и синергийно-стохастической картины мира как признание целостности мироздания – биосферы и общества, ноосферы и человека, так и включенность в структуру мироздания самого человека в качестве активного элемента. При этом возникает несоответствие знаниевого содержания и методов обеспечения целостности человека к существующим традициям и потребностям сегодняшнего российского общества. Разрыв растет и ускоряется, прежде всего, в высшем университетском образовании.

В начале 21 века человечество, в том числе российское общество, вступило в состояние глобальной бифуркации и совершило резкий поворот в своем развитии [1]. Современное общество ставит задачей образования формирование в сознании человека единой целостной культуры. Эта особенность требует от образования применения в процессе обучения подходов и принципов целостности, комплексности и системности к познаваемым объектам. В учебном процессе это проявляется часто через методологическую интеграцию естественных и гуманитарных наук, научного знания и искусства, сегментов эстетического, естественнонаучного и гуманитарного познаний.

Парадокс новой реальности заключается в том, что знание современного человека формируется на основе информационного освоения виртуальных образов предметной реальности. Если классическая модель познания включает в себя два элемента: предметный «мир – субъективное знание», то современная модель чаще включает три элемента: «мир – виртуальный образ мира – субъективное знание». В классическом образовании многообразие знаний сводится к трем типам: знание-умение, знание-оценка, знание-информация. В новой реальности все эти типы сводятся к информационному представлению. Информация по содержанию не познаваема, а человек способен понять смысл и уловить ценностное значение. Следовательно, познание в информационном мире происходит в качестве понимания и осознания.

Однако в отличие от предметной реальности информация не обладает смысловой однозначностью. Сделать это на основе абстрактных понятий категориального аппарата классической науки тоже невозможно, а допускать многозначность и разночтение смыслов при единстве процессов обучения и воспитания в образовании не следует, так как одной из функций образования является обеспечение межпоколенной преемственности в культуре. Поэтому легче и удобнее однозначность смыслов в современном образовании достичь на основе представления виртуальных образов предметного мира в процессе презентации учебного материала. «Непознавательные» способы представления учебного материала можно применять как более доступные формы выражения, стремясь оказать влияние на модель поведения.

Меняется также и понимание истины, ее передача через образование. В классическом понимании истинным является научное знание доказанное, апробированное, соответствующее предметной реальности. Образование лишь представляется таковым. Современность предлагает новый подход, где истинность определяется не научностью, а иной рациональностью – востребованностью, практичностью, финансовой выгодой и т.д. Налицо ориентированность современного образования, в том числе и в России, на прагматические, утилитарно-прикладные цели, обусловленные состоянием и перспективами развития общества, социума, цивилизации. По этой причине современное образование формирует новый стиль мышления, который характеризуется синтетичностью и синкретичностью.

Смешанная образовательная среда выстраивается на новых принципах нестабильности и нелинейности, в новом мышлении актуализируется освоение ситуаций нестандартности. Особенности его становятся коммуникативность и диалог, дискурсивность и инновационность, рефлексивность и оперативность. Если обратить внимание на последнее понятие, то увидим, что в рамках смешанной реальности решающее значение имеет время – скорость, быстрота рефлексии в масштабах конкуренции существующих в глобальном образовательном пространстве типов мышления.

Становится понятным, что суть типа мышления определяет стиль мышления, некая логика данного процесса. В нашем понимании стиль фиксирует устойчивые, повторяющиеся отличительные и неявные черты, особенности мышления и языка ученого. Если следовать рассуждениям Л.А. Микешиной, то стиль научного мышления определяется как исторически сложившаяся устойчивая система знаний. Он включает в себя общепринятые в методологии нормативы, общеприятые философские принципы, в рамках которых исследователь проводит свою научную деятельность в данную эпоху [4, с. 108–117]. В таком случае при классической системе образования знание транслируется от учителя к ученику. В результате такого механического стиля обучения знание не соответствует требованиям наших дней. Наука раскрывает вчерашний мир, а образование транслирует

знание вчерашнего дня. В таком случае можно вслед за отечественным ученым Н.Н. Моисеевым заявить: «Как далеко до завтрашнего дня!» [5].

Смешанная культурная реальность формирует свой стиль мышления. С позиции смешанной реальности и глобализации образовательного пространства человек стремится локализовать свое жизненное пространство до минимума и абсолютизировать его. Именно через диалог минимизированного (локализованного) максимума (т.е. жизненного пространства) и глобализированного образовательного пространства выстраивается знаниевое составляющее целостности личности человека. Механизм данного диалога можно осмыслить через изучение книги известного средневекового ученого, мыслителя Николая Кузанского «Об ученом незнании» [2].

Стиль научного мышления представляет собой интегративное образование, иерархически упорядоченную систему. Наблюдается сближение стиля мышления, идеалов и норм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, фундаментальных и прикладных наук; системных теорий и художественности, теоретических знаний (явных) и неявных знаний (М. Полани), доминантных ценностей и субкультурных, элементов мифа и реальности, мифологизации и виртуализации.

В данном случае учащийся превращается в активного элемента коммуникативного процесса. В диалоговом процессе участвуют не только

учитель и ученик, но и предметно-виртуальная образовательная среда – ученик. Линия диалога проходит по установкам ученика и подчиняется его приоритетам. Новая целостность человека формируется в качестве синтеза разнообразных сфер знания в области системных теорий, естественнонаучных и гуманитарных знаний и строится на единстве трех сфер познания предметного мира – живой и неживой природы и социальной реальности, которые создают целостную объединенную картину мира научного и философского характера, осуществляется расширение возможностей использования информационных технологий.

В большей мере образование должно отталкиваться от смешанного образа мира, который сконструирован отчасти современным человеком. Таким образом, кризис современного образования отражается в формировании целостности личности человека. Эффективность современной педагогической деятельности на пути обеспечения целостности личности может быть достигнута нелинейным диалогом и коммуникативностью. В ходе диалогового взаимодействия с окружающим предметным и виртуальным мирами, со своей внутренней и внешней культурной средой человек рождает смысл всего данного сложного процесса, из чего в дальнейшем вытекает «смыслопорождающая» деятельность. Данная деятельность определяет сущность внутренней культуры личности и направлена на обеспечение знаниевого содержания целостности личности человека.

Литература:

1. Капица С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. М. : Наука. 1997. 286 с.
2. Кузанский Н. Об учёном незнании. URL : <https://booksonline.com.ua/view.php?book=117737f>
3. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ / Ф.Г. Кумбс; Пер. с англ. С.Л. Володиной [и др.]; Под ред. д-ра эконом. наук Г.Е. Скорова; Послесл. д-ра эконом. наук, проф. В.А. Жамина. М. : Прогресс, 1970. 261 с.
4. Микешина Л.А. Философия познания. Polemические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
5. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993. Вехи-2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века. М. : Аспект Пресс, 1994. 304 с. URL : http://www.ccas.ru/manbios/kak_daleko_r.html

Literature:

1. Kapitsa S.P. Synergetics and forecasts of the future / S.P. Kapitsa, S.P. Kurdyumov, G.G. Malinetsky. M. : Science. 1997. 286 p.
2. Kuzansky N. About scientific ignorance. URL : <https://booksonline.com.ua/view.php?book=117737f>
3. Coombs F.G. The crisis of education in the modern world: System analysis / F.G. Coombs; Translation from English S.L. Volodina [et al.]; Edited by Doctor of Economics G.E. Skorova; Afterword of doctor of economics, professor V.A. Zhamina. M. : Progress, 1970. 261 p.
4. Mikeshina L.A. Philosophy of knowledge. Polemic chapters. M. : Progress-Tradition, 2002. 624 p.
5. Moiseev N.N. How far to tomorrow... Free reflections 1917–1993. Milestones-2000. Notes on the Russian intelligentsia on the eve of the new century. M. : Aspect Press, 1994. 304 p. URL : http://www.ccas.ru/manbios/kak_daleko_r.html

Ихнева Валерия Евгеньевна
аспирантка Департамента социологии,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
VEIkhneva@fa.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ЭТАП ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация. Одним из важнейших этапов в жизни каждого человека является выбор профессии, так как правильный выбор определяет будущее. Выбор профессии сопровождается процессом профессиональной ориентации, которая состоит из разных направлений. В статье рассматривается одно из основных направлений – консультирование. На основе авторского социологического исследования доказано, какие каналы информирования в наибольшей и наименьшей степени оказывают помощь в выборе профессии.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессиональное консультирование, студенты с инвалидностью, группы инвалидности, нозологические группы, каналы информирования.

Сегодня рыночная экономика позволяет каждому человеку свободно действовать, однако, она же предъявляет к нему высокие требования: умение делать правильный выбор, готовность к непредсказуемым ситуациям. Поэтому важным аспектом успешной жизни человека является правильный выбор профессии, который будет изначально отвечать профессиональным желаниям, способностям и в результате будет востребована на рынке труда. Именно поэтому большую роль в жизни будущего специалиста играет профессиональная ориентация и реализация в рамках нее модели «хочу-могу-надо».

Решение проблем подготовки человека к осознанному профессиональному самоопределению становится жизненно необходимым [2]. Но современная молодёжь испытывает трудности в профессиональном самоопределении, так как не все направления профориентации осуществляется эффективно. Особенно важна профориентация для людей с инвалидностью, так как в процессе должны учитываться их особенности, потому что эффективно организованная профессиональная ориентация создает качественную основу формирования готовности обучающихся с инвалидностью к профессиональному самоопределению [3].

Valeria E. Ikhneva
Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Financial University under
the Government of the Russian Federation
VEIkhneva@fa.ru

PROFESSIONAL COUNSELING AS A STAGE OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES

Annotation. One of the most important stages in the life of every person is the choice of profession, because the right choice determines the future. The choice of profession is accompanied by a process of professional orientation, which consists of different directions. The article considers one of the main directions – consulting. On the basis of the author's sociological research, it's proved which information channels provide the greatest and the least assistance in choosing of the profession.

Keywords: professional orientation, professional counseling, students with disabilities, disability groups, nosological groups, information channels.

Профессиональная ориентация состоит из пяти основных направлений: информирования, консультирования, подбора, отбора и адаптации. В рамках данной статьи будет рассмотрен второй этап – профессиональное консультирование.

Профконсультация – оказание помощи школьникам, абитуриентам, студентам в оценке своих способностей к различным видам трудовой деятельности, в выборе профессии. Целью профконсультации является помощь в том, чтобы человек научился понимать себя, свое настоящее положение, научился критически оценивать себя и свои профессиональные возможности, научился сознательно использовать различные способы саморазвития и оказания положительного влияния на свою жизненную ситуацию [1].

В целях исследования профориентации вузов, проведено авторское социологическое исследование на тему «Профессиональная ориентация обучающихся с инвалидностью и ОВЗ». Опрошено 239 студентов с инвалидностью. Среди них есть инвалиды I группы – 16 %, II группы – 24 %, III группы – 50 %, а также среди опрошенных есть студенты со статусом ребенок-инвалид, то есть им на момент обучения не исполнилось 18 лет.

По характеру инвалидности опрошено 50 % респондентов с нарушением опорно-двигательного аппарата, 11 % с нарушением зрения, 7 % с нарушением слуха и 34% с другими видами заболеваний.

Был задан вопрос о том, с каким направлением профориентации чаще всего сталкивались студенты? Так, на 2 месте по популярности после профессионального информирования (36 %) находится профессиональное консультирование (28 %). Рассматривая по группам инвалидности, студенты I группы чаще остальных сталкивались с профконсультированием – 39 %, студенты II группы инвалидности – 31 %, III группы инвалидности – 26 %, студенты со статусом ребенок-инвалид меньше всех сталкивались с данным направлением – 8 %; более того, это направление профориентации для них в принципе является не самым популярным среди остальных направлений.

В результате проведенного исследования, были получены следующие данные: для студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата профконсультация находится на втором месте по частоте выбора данного ответа – 31 %, для студентов с нарушением зрения также на втором, однако, профессиональный подбор имеет такое же распределение – 28 %, для студентов с нарушением слуха данное направление самое популярное; то есть, они чаще сталкивались в своей жизни именно с профессиональной консультацией – 25 % и люди с другими нарушениями – 24 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с профессиональным консультированием студенты встречались не так часто, как с информированием, но чаще, чем со всеми остальными направлениями профессиональной ориентации.

В исследовании необходимо было выявить самые востребованные каналы, которые помогают студентам в выборе профессии. На вопрос: «Кто помогал/помогает Вам с информацией о направлениях подготовки в вузах региона» получены следующие ответы: самым популярным каналом среди перечисленных для студентов являются родители (51 %), не менее значимый канал – сотрудники вузов (26 %), друзья (24 %), другие родственники (17 %) и учителя в школе (15 %). Самыми невостребованными каналами являются сотрудники медико-социальной экспертизы (5 %), педагог-психолог в школе (5 %), сотрудники государственной-службы занятости населения (3 %). Среди опрошенных 19 % отмечают, что им никто не помогает в вопросах консультации.

В рамках исследования необходимо было изучить ответы на этот вопрос в зависимости от группы инвалидности. На первом месте остаются для всех групп инвалидности родители: I группа (50 %), II группа (48 %), III группа (51 %), статус ребенок-инвалид (68 %). Следующий по значимости канал для большинства опрошенных студентов с инвалидностью являются сотрудники вузов: I группа (26 %), II группа (24 %), III группа (26 %), статус ребенок-инвалид (28 %). На третьем месте

по популярности каналов информирования находятся друзья: I группа (16 %), II группа (21 %), III группа (27 %), статус ребенок-инвалид (32 %).

Наименее популярным каналом информированности является педагог-психолог: I группа (3 %), II группа (3 %), III группа (5 %), статус ребенок-инвалид (8 %). Сотрудники медико-социальной экспертизы: I группа (3 %), II группа (9 %), III группа (4 %), статус ребенок-инвалид (4 %). Также, менее популярными ответом являются сотрудники государственной службы занятости населения: I группа (0 %), II группа (5 %), III группа (2 %), статус ребенок-инвалид (4 %).

Рассматривая зависимости от нозологической группы, то без изменений остается самый популярный канал для всех характеров инвалидности-родители: студенты с нарушением опорно-двигательной системы (47 %), с нарушением зрения (44 %), с нарушением слуха (69 %), другие нарушения (58 %). Сотрудники вузов являются вторым по популярности ответом среди опрошенных: студенты с нарушением опорно-двигательной системы (23 %), с нарушением зрения (32 %), с нарушением слуха (31 %), другие нарушения (28 %). Третьим по значимости каналом являются друзья, распределение ответов: студенты с нарушением опорно-двигательной системы (20 %), с нарушением зрения (28 %), с нарушением слуха (31 %), другие нарушения (28 %).

Наименее популярные каналы для большинства студентов – сотрудники медико-социальной экспертизы, однако, студенты с нарушением зрения не согласны с данной позицией, так как данный ответ среди них набрал 20 %. Также, к менее значимым каналам можно отнести сотрудников государственной службы занятости населения: студенты с нарушением опорно-двигательной системы (3 %), с нарушением зрения (4 %), с нарушением слуха (0 %), другие нарушения (3 %).

В рамках исследования необходимо было выяснить каналы информирования о востребованных профессиях в регионе, где проживает студент с инвалидностью. Самым популярным каналом информирования являются родители (46 %), далее следуют родственники (25 %) и друзья (22 %). Однако большой процент студентов с инвалидностью считают, что никто им не помогал с информацией о востребованных профессиях (24 %).

Меньше всего студенты с инвалидностью получали информацию от педагога-психолога в школе (6 %), от администрации школы (5 %), от студентов вузов (5 %), сотрудников государственной службы занятости населения (4 %), сотрудников медико-социальной экспертизы (3 %).

В зависимости от группы инвалидности, наиболее значимым каналом являются родители: для инвалидов I группы (34 %), II группы (38 %), III группы (48 %), ребенок-инвалид (72 %). Следующим не менее важным каналом для респондентов являются другие родственники: для инвалидов I группы (21 %), II группы (22 %), III группы (23 %), ребенок-инвалид (44 %). На третьем месте по количеству ответов находится канал друзья: для инвалидов I группы (21 %), II группы (19 %),

III группы (23 %), ребенок-инвалид (28 %). Больше всего влияния оказывает ближайшее окружение на студентов, имеющих статус ребенка-инвалид, то есть, не достигших 18 лет.

Наименее востребованные каналы для студентов с I группы инвалидности являются сотрудники медико-социальной экспертизы (8 %), сотрудники государственной службы занятости населения (5 %), администрация в школе (3 %) и педагог-психолог (0 %). Мнение студентов II и III группы инвалидности совпадают со студентами I группы, но для студентов со статусом ребенок-инвалид наименее значимыми каналами выступают учителя в школе (12 %), администрация в школе (8 %), педагог-психолог (8 %), но в отличие от остальных групп инвалидности сотрудники медико-социальной экспертизы являются значимым каналом информированности (24 %).

На вопрос: «Кто информировал/информирует Вас о том, чем занимаются представители профессий?» получены следующие ответы: родители (47 %), сотрудники вузов (39 %) и родственники (26 %), друзья (23 %) и учителя в школе (19 %). Менее популярные ответы: администрация в школе (7 %), педагог-психолог (5 %), сотрудники Государственной службы занятости населения (5 %) и сотрудники Медико-социальной экспертизы (3 %).

Абсолютно для всех групп инвалидности первым каналом информирования остаются родители: I группа (42 %), II группа (41 %), III группа (49 %), ребенок-инвалид (56 %). На втором месте по значимости для всех групп инвалидности находятся сотрудники вуза: I группа (39 %), II группа (38 %), III группа (42 %), ребенок-инвалид (36 %). На третьем месте находится канал – родственники для следующих групп инвалидности: I группа (29 %), III группа (27 %), ребенок-инвалид (32 %). Для студентов, имеющих II группу инвалидности, на третьем месте по значимости находится канал друзья – 26 %.

Менее востребованные каналы: для студентов всех групп инвалидности: педагог-психолог, сотрудники государственной службы занятости населения, сотрудники медико-социальной экспертизы.

В зависимости от нозологической группы, ответы распределились следующим образом. Самым популярным вариантом о том, кто информирует студентов о функциях интересующих их профессий, стали родители: студенты с нарушением опорно-двигательного аппарата (43 %), с нарушением зрения (40 %), с нарушением слуха (56 %), другие нарушения (53 %). На втором месте для студентов находится канал сотрудники вузов. Так ответили 37 % студентов с нарушением опорно-двигательной системы, 40 % с нарушением зрения, другие нарушения 41 %. Для студентов с нарушением слуха на втором месте по значимости

Литература:

1. Гудкова Е.В. Основы профориентации и профессионального консультирования. М. : Издательство ЮУрГУ, 2004. 92 с.

находится канал родственники (31 %) и сотрудники вузов (31 %). На третьем месте у большинства опрошенных студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата находятся родственники (25 %); аналогичный ответ был получен от студентов с другими нарушениями (28 %). Для студентов с нарушением зрения и слуха на третьем месте находятся друзья (32 % и 19 % соответственно).

Менее значимыми каналами для опрошенных студентов являются педагог-психолог; данный вариант выбрали 5 % студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата, 4 % с нарушением зрения, 6 % с нарушением слуха и другие нарушения 5 %. Следующий наименее популярный канал информирования сотрудники Медико-социальной экспертизы: нарушение опорно-двигательного аппарата (3 %), нарушение зрения (4 %), нарушением слуха (0 %) и другие нарушения (3 %).

Таким образом, в вопросе о направлении подготовки в вузе региона, о востребованных профессиях, о функционале профессий, вне зависимости от группы и характера инвалидности, все студенты выбирают канал информированности «родители», так как именно они, в большей степени, заинтересованы в будущем своего ребенка, поэтому стараются консультировать по вопросам профессионального выбора. Сотрудники вузов также заинтересованы в рекрутинге абитуриентов, поэтому проводят всегда консультации для школьников и их родителей. Также – друзья и одноклассники, которые сами проходят процесс профессионального самоопределения являются ближайшим окружением, поэтому их советы становятся важными для респондентов.

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что наименее популярный канал - педагог-психолог. Сегодня – это актуальная проблема, так как одной из функций педагога-психолога в старшей школе является проведение тестов по определению склонностей и составление рекомендации по выбору будущей профессии, однако, в полной мере данные функции не реализуются, что подтверждают результаты опроса. Также, наименее эффективным каналом консультирования является медико-социальная экспертиза. Безусловно, помощь в профессиональном самоопределении не является главной задачей данного заведения, но остается одной из задач, которые также в полной мере не реализуются. И еще один канал, который в меньшей степени оказывает помощь в профессиональном консультировании – государственная служба занятости населения, одной из задач которой является консультация людей с инвалидностью и помощь в подборе профессий. Как показывают результаты анкетирования, данная служба не столь эффективна в своей работе для студентов с инвалидностью.

Literature:

1. Gudkova E.V. Fundamentals of career guidance and professional counseling. M. : SUSU Publishing House, 2004. 92 p.

2. Ходусов А.Н. Профессиональная ориентация учащейся молодежи в условиях сетевого социального партнерства / А.Н. Ходусов // Педагогика. 2015. № 3. С. 53–61.

3. Шаяхметова Н.Н. Профессиональная ориентация и социальная адаптация обучающихся с инвалидностью в условиях инклюзивного образования / Н.Н. Шаяхметова, З.Б. Ишембитова, Г.Г. Саятгалиева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 7. С. 152–154.

2. *Khodusov A.N.* Professional orientation of students in the conditions of network social partnership / A.N. Khodusov // *Pedagogy*. 2015. № 3. P. 53–61.

3. *Shayakhmetova N.N.* Professional orientation and social adaptation of students with disabilities in inclusive education / N.N. Shayakhmetova, Z.B. Ishembitova, G.G. Saitgalieva // *Bulletin of Cherepovets State University*. 2015. № 7. P. 152–154.

Коблева Зурет Халидовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики
факультета экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
zureta01@mail.ru

Каратабан Ирина Асфаровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики
факультета экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
irakarataban@mail.ru

Губжочкова Нурет Карпушевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики
факультета экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru

Мамизева Зухра Хаджимуратовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики
факультета экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
Zuhra-m81@yandex.ru

**ДОБРАЧНОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. В настоящее время институт семейно-брачных отношений переживает сложные трансформационные процессы, связанные с изменениями в социально-экономической сфере, под воздействием которых складываются определенные тенденции в системе традиционного добрачного поведения, характеризующиеся как добрачное сожительство перед началом семейной жизни. В статье анализируются основные тенденции добрачного сожительства, определяющие выбор брачной стратегии в условиях формирования семейно-брачных отношений в молодежной среде. Актуальность темы и ее недостаточная разработанность в отечественной науке определила выбор настоящего исследования, связанного с популяризацией феномена добрачного

Zoret Kh. Kobleva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy Sociology and Pedagogy
of the Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
zureta01@mail.ru

Irina A. Karataban

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy
of the Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
irakarataban@mail.ru

Nuret K. Gubzhokova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy
of the Faculty of Management,
Maykop State Technological University
gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru

Zukhra Kh. Mamizheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy
of the Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
Zuhra-m81@yandex.ru

**PREMARITAL COHABITATION
IN THE MODERN YOUTH ENVIRONMENT**

Annotation. Currently, the institute of family and marriage relations is going through complex transformational processes associated with changes in the socio-economic sphere, under the influence of which certain trends are emerging in the system of traditional premarital behavior, characterized as premarital cohabitation before the start of family life. The article analyzes the main trends of premarital cohabitation that contribute to the choice of a certain marriage strategy in the context of the formation of family and marriage relations among young people. The relevance of the topic and its insufficient development in domestic science determined the choice of this study, associated with the popularization of the phenomenon of premarital cohabitation and a significant weakening of moral regulation

сожителства и значительным ослаблением моральной регуляции в системе матримониального поведения молодых людей в современных условиях. В ходе социологического исследования было установлено, что большая часть респондентов относится положительно к феномену добрачного сожителства как возможности проверить свои чувства перед вступлением в официальный брачный союз. Эмпирическую базу исследования составили основные положения и выводы отечественных социологов по данной проблеме, а также, результаты самостоятельного социологического исследования, характеризующие особенности добрачного поведения молодежи. Методологическую основу исследования составили системно-ценностный и гендерный подходы, а также, методы сравнения, наблюдения, анкетирования, позволяющие выявить основные тенденции и специфику формирования добрачного сожителства среди молодых людей на современном этапе. Практическая значимость статьи заключается в использовании положений и выводов в процессе в создании семейно-информационной политики государства, в формировании социокультурных ценностей семьи при активном содействии социальных институтов общества и средств массовой информации.

Ключевые слова: добрачное сожителство, семья, трансформация, брачный выбор, семейные ценности, брак, институт семьи, семейно-брачные отношения, социокультурные ценности.

Современный этап развития общества характеризуется глубокими трансформационными процессами в сфере семейно-брачных отношений, связанными с противоречивыми тенденциями в системе ценностных установок и представлений о будущей семье, претерпевшие серьезные изменения в настоящее время.

Добрачное поведение складывается на основе традиционных представлений о семье, способствующее формированию определенных норм и моделей поведения в системе добрачных отношений, оказывающих серьезное влияние на выбор будущего партнера и модели современной семьи.

В настоящее время, традиционная система добрачного поведения претерпела серьезные изменения, связанные с широким распространением в молодежной среде феномена добрачного сожителства, приобретающего все большую популярность в нашем обществе.

Под **добрачным сожителством** следует понимать совместное проживание партнеров перед вступлением в брачный союз при отсутствии каких-либо условностей и обязательств.

Актуальность темы исследования обусловлена серьезными изменениями, происходящими в традиционном добрачном поведении молодых людей, связанными с выбором новых форм и

in the system of matrimonial behavior of young people in modern conditions. In the course of a sociological study, it was found that most of the respondents have a positive attitude to the phenomenon of premarital cohabitation as an opportunity to test their feelings before officially entering into marriage. The empirical basis of the study was the main provisions and conclusions of domestic sociologists on this problem, as well as the results of an independent sociological study characterizing the features of premarital behavior of young people. The methodological basis of the study was based on system-value and gender approaches, as well as methods of comparison, observation, and questioning, which allow to identify the main trends and specifics of the formation of premarital cohabitation among young people at the present stage. The practical significance of the article lies in the use of provisions and conclusions in the process of creating a family information policy of the state, in the formation of socio-cultural values of the family with the active assistance of social institutions of society and the media.

Keywords: Premarital cohabitation, family, transformation, marital choice, family values, marriage, family institution, family-marriage relations, socio-cultural values.

моделей семьи, среди которых особую популярность приобретает сожителство в добрачный период.

Целью исследования является выявление основных механизмов формирования системы добрачного сожителства в молодежной среде.

В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

- рассмотреть особенности формирования добрачного поведения молодых людей в настоящее время;
- проанализировать основные социальные механизмы, способствующие формированию добрачного сожителства в молодежной среде;
- провести социологический анализ выявления особенностей сожителства вне брака по гендерному принципу.

В отечественной науке проблемам добрачного поведения молодежи, в контексте социокультурных изменений, происходящих в обществе, посвящены работы А.И. Антонова, [1]; В.М. Медкова [2]; С.И. Голод [3], рассматривавшие особенности функционирования семьи как социального института через призму трансформационных процессов, оказавших существенное влияние на формы матримониального поведения молодых людей.

Проблемам подготовки молодежи к семейной жизни посвящены исследования Т.А. Гурко [4], уделявшей особое внимание особенностям добрачного поведения и становлению молодой семьи в современных условиях.

Специфика добрачного сожительства в контексте популяризации незарегистрированного брака рассмотрены в исследованиях Я.В. Беляевой [5]; Ю.С. Воеводиной, [6]; Е.А. Вовк, [7]; Н.Ю. Егоровой [8], в которых анализируется роль социальных факторов и причины сожительства в молодежной среде.

К числу основных работ, раскрывающих институциональные характеристики сожительства следует отнести исследования А.В. Ковалевой [9], А.Р. Михеевой [10], выявляющие особенности формирования семейно-брачных отношений, основанные на отказе от традиционных форм семьи и широком распространении альтернативных форм брака в современных условиях.

Во второй половине XX века в условиях глобальных социально-экономических изменений в обществе, сопровождающиеся низким уровнем жизни и неуверенностью в завтрашнем дне, происходит процесс переосмысления ценностей традиционной семьи и появления, не свойственных российской ментальности, принципов внесемейных ценностей, связанных со стремительным распространением незарегистрированного сожительства в нашей стране.

Опрос, проводившийся ВЦИОМ в 2022 году с общей выборкой в 1600 человек показал, что 27 % юношей и 20 % девушек, в возрасте от 18 до 24 лет положительно оценивают добрачное сожительство [11].

Сожительство вне брака в современных условиях получает все большее одобрение со стороны социума, проявляющееся в лояльном отношении к таким парам, формирующие, тем самым, определенные нормы и поведенческие установки в общественном сознании, основывающиеся на значительном снижении социальной значимости и прочности самого института семьи, следствием которого является выбор различных форм и моделей незарегистрированных брачных отношений еще в добрачный период.

Особый интерес для нашего исследования представляют критерии сожительства с точки зрения поведенческой позиции партнеров, которые выделяет З.Х. Саралиева [12], к числу которых следует отнести:

- негативный опыт партнеров в предыдущем браке;
- обоюдное решение партнеров о совместной жизни в условиях сожительства;
- наличие доверительных отношений между партнерами, не требующих официального подтверждения в паспорте;
- отсутствие готовности взять на себя обязательства по отношению к друг другу;

– наличие определенных этнических или религиозных ограничений вступать в официальный брак с конкретным партнером;

– существенная разница в возрасте между брачными партнерами.

Данный подход позволяет нам утверждать о дифференциации сожительства, характеризующегося вариативностью форм и моделей семейно-брачных отношений в современных условиях, связанных с нежеланием молодых людей регистрировать свои отношения.

Следует отметить, что сам факт вступления в официальный брачный союз ради «штампа в паспорте» для молодежи утрачивает свою социальную значимость, уступая место принципам автономии и отсутствию обязательств в отношениях между партнерами.

К числу основных социальных факторов, способствующих формированию феномена добрачного сожительства в современных условиях, следует отнести:

- низкий уровень материального достатка партнеров, формирующий в сознании молодых людей устойчивые представления о необходимости больших финансовых затрат для создания семьи;
- отсутствие собственного жилья;
- снижение брачного возраста и изменение репродуктивных установок молодежи, способствующих популяризации сожительства вне брака;
- увеличение количества разводов и нежелание вновь регистрировать свои отношения, связанные с правовым регулированием системы взаимоотношений супругов в официальном браке.

Несомненно, традиционная семья представляет фундаментальную основу общества, которой свойственны институциональные и социокультурные изменения с течением времени, к числу которых следует отнести влияние западноевропейских традиций, оказавших существенное влияние на формирование ценностных стереотипов и установок в российском обществе, где сам термин брака модифицирован как «близкие отношения», а супругов принято называть «парами».

Значительной трансформации подверглось и само понимание добрачных отношений, к которым современная молодежь относится легкомысленно, считая, что в нынешних условиях «тратить время и средства» на ухаживание, цветы и походы в кино не совсем разумно, а во многих случаях, они целиком и полностью заменяются сожительством перед браком, позволяющее лучше узнать партнерам друг друга.

Подобные новомодные тенденции, к сожалению, получают одобрение со стороны молодых людей как возможность проявления своих индивидуальных ценностей и предпочтений, не свойственных российской ментальности и ценностям традиционной семьи.

С целью выявления причин добрачного сожительства в современной молодежной среде, мы провели социологический опрос в апреле 2021 года среди молодых людей в возрасте от 18 до 22 лет, преимущественно, проживающих в

г. Майкопе, Республики Адыгея, в котором приняли участие 100 человек, методом случайной выборки. Все респонденты были поделены по гендерному признаку для выявления особенностей формирования данного феномена.

Таблица № 1

«Причины добрачного сожительства молодых людей в современных условиях?»

Значения	Мужчины от 18 до 22лет	Женщины от 18 до 22лет
Проверить свои чувства перед заключением брака	41	56
Лучше узнать партнера	25	32
Отсутствие времени, в связи с получением образования	34	14

Количественный анализ проведенного нами опроса показал, что основная часть молодых людей стремится проверить взаимность своих чувств еще в добрачный период, о чем свидетельствуют ответы участников опроса: 56 % женщин и 41 % мужчин, при этом количество женщин, для которых особую ценность представляет взаимность чувств со стороны партнера, значительно выше, чем у мужской части респондентов, одобряющих модель добрачного сожительства.

В числе тех, кто уверен, что добрачное сожительство позволяет лучше узнать партнера, оказались 32 % женщин и 25 % мужчин, для которых традиционные элементы добрачного поведения имеют

важную социальную значимость перед вступлением в брак.

Значительный гендерный диссонанс наблюдается в вопросах отсутствия времени на традиционные ухаживания в добрачный период по причине получения образования, в числе которых оказались 34 % мужчин и 14 % женщин, отражающие особенности ценностных предпочтений по гендерному признаку.

Определенный интерес вызвал у наших респондентов вопрос: «Сколько лет необходимо прожить в условиях добрачного сожительства перед вступлением в официальный брак?».

Таблица № 2

Значения	Мужчины от18 до 22лет	Женщины от18 до 22лет
От 1 до 3 лет	52	61
От 1 до 5 лет	34	30
Затрудняюсь ответить	14	9

Результаты исследования подтверждают нашу гипотезу о том, что основная часть молодых людей предпочитают проверить свои чувства в период добрачного сожительства перед официальным заключением брака, для которых оптимальным является промежуток от одного до трех лет, считают 61 % женщин и 52 % мужчин, для которых ценность традиционного брака не утратила своей социальной значимости.

Гендерный анализ данного аспекта позволяет сделать вывод о том, что женщины более склонны к заключению официального брачного союза, чем мужчины, что вполне объяснимо с позиций правового закрепления статуса супругов в браке.

Среди тех, кого устраивает добрачное сожительство в период от одного до 5 лет, оказались 34 % мужчин и 30 % женщин, уверенных, что этот период времени позволит лучше узнать друг друга перед принятием важного решения в своей жизни.

Среди тех, кто затруднился с выбором ответа на поставленный вопрос, оказались 14 % мужской и 9 % женской части респондентов, для которых сам факт добрачного сожительства вызывает

скорее негативные эмоции, связанные с отсутствием желания проживать с партнером в условиях незарегистрированных отношений до вступления в брак, ввиду устоявшихся представлений о ценности традиционной семьи.

Важно отметить, что характер и степень распространения добрачного сожительства в настоящее время приводят к осознанию всей серьезности данной проблемы, подрывающие традиционные ценности семьи, способствующие формированию новых представлений о семейно-брачных отношениях, основанные на приоритете индивидуальных ценностей и праве свободного выбора партнеров в условиях совместной жизни, обусловленные новомодными тенденциями в системе традиционного добрачного поведения, связанные с популяризацией незарегистрированных форм и моделей брака в молодежной среде.

Таким образом, проблема добрачного сожительства в молодежной среде обусловлена наличием двух противоречивых тенденций в современных условиях, с одной стороны, для значительной части молодежи официальный брак продолжает оставаться социально-значимой ценностью; с другой, наряду с общепринятыми социокультурными и ценностными установками, особую

популярность приобретают альтернативные формы и способы добрачного поведения с возможностью выбора новых форм и моделей семейно-брачных отношений в будущем, где прослеживается очевидная модификация традиционных ценностей брака: добрачное сожительство, переходящее в модель незарегистрированного брачного союза, позволяющее реализовать принцип свободных отношений между партнерами, в условиях преобладания индивидуальных ценностных установок при отсутствии серьезных обязательств перед партнером.

Выводы.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что традиционный брак уже не является единственной формой современной семьи, социальная значимость которой существенно снижается в условиях популяризации различных форм и моделей альтернативных брачных союзов, вытесняющие официальный брак, уверенно занимая его место и претендующие на высокую степень легитимности в настоящее время.

Трансформационные процессы, происходящие в сфере добрачного поведения, характеризуются тем, что сам процесс заключения брака уже не является особым событием в жизни молодых людей, которому всегда предшествовал период добрачных отношений, формировавший у каждой личности осознанный подход к процессу заключения брака и создания семьи.

К числу основных последствий феномена добрачного сожительства в молодежной среде следует отнести:

Литература:

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 1998. 368 с.
2. Медков В.М. Демография. М. : Изд. Инфра, 2003. 332 с.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998. 272 с.
4. Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи / Т.А. Гурко // Психология семьи. Самара, 2007. С. 486–492.
5. Беляева Я.В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 17 с.
6. Воеводина Ю.С. Незарегистрированный брак как социальный механизм формирования семейных отношений в российском обществе: методология социологического анализа : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 29 с.
7. Вовк Е.А. Смыслы и значение незарегистрированных отношений: «разновидности» брака / Е.А. Вовк // Социальная реальность. 2005. № 2. С. 102–106

- значительное снижение социальной значимости традиционной семьи;
- отказ от официальной регистрации брака, обусловленный выбором добрачного сожительства, приобретающий характер определенной социальной нормы;
- рост внебрачной рождаемости в молодежной среде;
- увеличение количества неполных семей.

Исходя из вышесказанного следует, что сожительство вне брака, характеризующееся выраженными институциональными формами и пользующееся особой привлекательностью в молодежной среде, представляет серьезную альтернативу традиционной семье, связанную с актуализацией вариативности семейно-брачных отношений и, как следствие, увеличением количества молодых семей, проживающих в условиях незарегистрированного сожительства в современных условиях.

В целях сохранения традиционных ценностей семьи, необходимо проводить серьезную информационную и подготовительную работу с подрастающим поколением, направленную на формирование базовых ценностей современной семьи, подразумевающие широкое участие и взаимодействие государственных органов власти и социальных институтов общества с целью грамотной информированности, повышения знаний и подготовки молодых людей к будущей семейной жизни, от которых зависит благосостояние общества, в целом.

Literature:

1. Antonov A.I. Microsociology of the family. M., 1998. 368 p.
2. Medkov V.M. Demography. M. : Infra Publishing House, 2003. 332 p.
3. Golod S.I. Family and marriage: historical and sociological analysis. SPb. : TOO TC Petropolis, 1998. 272 p.
4. Gurko T.A. The influence of premarital behavior on the stability of a young family / T.A. Gurko // Psychology of the family. Samara, 2007. P. 486–492.
5. Belyaeva Ya.V. The state and dynamics of the attitude of young people to unregistered marriage : abstract of dis. ... candidate of sociological sciences. M., 2008. 17 p.
6. Voevodina Yu.S. Unregistered marriage as a social mechanism for the formation of family relations in Russian society: methodology of sociological analysis: abstract of dis. ... candidate of sociological sciences. M, 2009. 29 p.
7. Vovk E.A. The meanings and meaning of unregistered relationships: «varieties» of marriage / E.A. Vovk // Social reality. 2005. № 2. P. 102–106.

8. *Егорова Н.Ю.* Институционализация отношений сожительства : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.

9. *Ковалева А.В.* «Гражданский брак» в современном российском обществе / А.В. Ковалева // Современная наука. 2010. № 2. С. 118–122.

10. *Михеева А.Р.* Сожительства и внебрачная рождаемость: признаки кризиса или стабильности социального института семьи? / А.Р. Михеева; Под ред. З.Х. Саралиевой // Семья в новых социально-экономических условиях. Материалы международной научно-практической конференции 2–10 октября 1997 г. Н. Новгород. С. 127.

11. ВЦИОМ. Электронный ресурс. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022>

12. *Саралиева З.Х.* Семья – клиент социальной работы : учеб. пособие. Н. Новгород, 2003. С. 129–130.

8. *Egorova N.Yu.* Institutionalization of cohabitation relations : abstract of the dis. ... of the candidate. social sciences. N. Novgorod, 2005. 26 p.

9. *Kovaleva A.V.* «Civil marriage» in modern Russian society / A.V. Kovaleva // Modern science. 2010. № 2. P. 118–122.

10. *Mikheeva A.R.* Cohabitation and illegitimate birth rate: signs crisis or stability of the social institution of the family? / A.R. Mikheeva; Ed. by Z.H. Saralieva // Family in new socio-economic conditions. Materials of the International scientific and practical conference on October 2–10, 1997. N. Novgorod, 1997. P. 127.

11. VTSIOM. An elector resource. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022>

12. *Saralieva Z.X.* Family – the client of social work : textbook. N. Novgorod, 2003. P. 129–130.

Котлярова Виктория Валентиновна

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного
технического университета
в г. Шахты Ростовской области
biktoria66@mail.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
МВД России
imvakula@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент Института социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

**Группообразующие
характеристики
современной российской
студенческой молодежи:
социокультурный аспект**

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению основных группообразующих характеристик современной российской студенческой молодежи. Группообразующими характеристиками являются, по мнению авторов, статус студенческой молодежи, единство возрастных границ, специфические черты субкультуры, этнокультурная принадлежность, профиль выбранной профессии. Авторы приходят к выводу о том, что российская студенческая молодежь дифференцирована несколько в большей степени, чем интегрирована.

Ключевые слова: российская студенческая молодежь, группообразующие характеристики, социокультурный аспект, субкультура, социальная идентичность.

Молодежь как объект социокультурного воздействия всегда представляла научный интерес для исследователей, что детерминировано особенностями ее возрастной группы, которой свойственны юношеский максимализм, сопро-

Victoria V. Kotlyarova

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Institute of Service
and Entrepreneurship (branch)
Don State Technical University
in Shakhty Rostov region
biktoria66@mail.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Humanitarian,
Social and Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
imvakula@mail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**GROUP-FORMING CHARACTERISTICS
OF MODERN RUSSIAN STUDENT YOUTH:
SOCIO-CULTURAL ASPECT**

Annotation. The article is devoted to the sociological understanding of the main group-forming characteristics of modern Russian student youth. The group-forming characteristics are: the status of student youth, the unity of age boundaries, the specific features of the subculture, ethnic and cultural affiliation, the profile of the chosen profession. The authors come to the conclusion that the Russian student youth is somewhat more differentiated than integrated.

Keywords: Russian student youth, group-forming characteristics, sociocultural aspect, subculture, social identity.

тивление в воспроизводстве уже накопленных паттернов поведения, а также – структурная маргинальность. Причем, последнее свойство имеет отношение к студенческой молодежи как маргинальной части населения, которая «не участвует

в производственном процессе, не выполняет общественные функции, не обладает социальным статусом и существует на те средства, которые либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов», имея при этом собственные группообразующие характеристики [1, с. 253].

Итак, какие же группообразующие характеристики можно выделить у современной студенческой молодежи?

Первой и главной, по нашему мнению, группообразующей характеристикой является статус студенческой молодежи, который определяется процессом прохождения учебно-подготовительной профессиональной деятельности, ориентированной на ее будущее социально-профессиональное положение. Согласно определению И.С. Кона, студенческая молодежь – это «особая социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных социально-психологическими свойствами» [2, с. 39]. Кроме того, студенческой молодежи приписывают ее прошлый социальный статус, коим можно считать статусное положение родителей.

Второй важной характеристикой студенческой молодежи является единство возрастных границ в диапазоне от 18 до 23 лет. Здесь стоит заметить, что возраст вообще имеет большую социологическую значимость, поскольку на каждом конкретном возрастном этапе индивид по-разному отражает и воспринимает окружающий мир, и по-особому реагирует на события социальной жизнедеятельности, претерпевает психосоматические и социальные изменения, которые отражаются на его личностных свойствах и состоянии социального самочувствия. Кроме того, восприятие возраста неизменно культурно и исторически социально обусловлено. Так, хотим обратить внимание на несколько более раннее взросление молодежи на постсоветском пространстве.

К примеру, современная российская студенческая молодежь, экстраполируя свою раннюю взрослость и проявляя социальную активность и включенность в социальные сети, зачастую, еще обучаясь на первом-втором курсах, уже озадачивается поиском работы, соответствующей своим потребностям (потребностям, которые, кстати сказать, не всегда могут быть социально здоровыми и приемлемыми) и сопротивляется тем стереотипным поведенческим моделям молодости, которые предполагают ее исключить из общества.

Говоря о возрастных границах, необходимо также подчеркнуть, что по мере взросления, при переходе на более старший курс обучения, у студенческой молодежи могут отмечаться определенные дифференциации и в профессиональной ориентации, и в заинтересованности отношения к учебе, и удовлетворенности качеством обучения, и восприятию собственных социальных и профессиональных перспектив. Все это накладывает свой отпечаток на социальное самочувствие и

отражается на общей картине социального здоровья студенческой молодежи [3].

Третьей группообразующей характеристикой будем считать специфические черты субкультуры студенческой молодежи, которую принято именовать досуговой, поскольку эта субкультура иллюстрирует отмежевание от жизни старших поколений, не затрагивает трудовые и семейные отношения, а является ориентированной в основном на область развлечений, досуга и общения.

Специфические черты субкультуры студенческой молодежи, как известно, определяют ценностные, формирующиеся в процессе ее социализации, «в ходе которого происходит интериоризация норм общества в ценности личности», а чтобы регулятивные нормы социума результативно трансформировались в мотивационные ценности личности молодого человека, важно включение личности в значимые референтные группы: формальные и неформальные (образовательные, трудовые, семейные, гражданские, культурные, досуговые) [4, с. 175].

Как отмечают в своей монографии, посвященной анализу образа жизни и здоровью, исследователи В.А. Медик и А.М. Осипов, некоторые виды студенческого досуга могут соприкасаться с очень опасными для социального здоровья течениями в молодежной псевдокультуре, пропагандирующей и продвигающей доктрину индивидуализма, гедонизма, свободу интимных отношений, алкоголия и т.д., и лежащей, по сути своей, в русле интересов индустрии развлечений и алкогольного бизнеса [5]. Подобного рода ориентированность, направленную в основном на область развлечений и досуга, С.И. Левикова объясняет тем, что для большинства студенческой молодежи характерно определенное состояние свободы от множества повседневных обязанностей и ответственности, за исключением лишь учебы (да и то далеко не для всех) [6].

Трансформационный и рискованный формат российского общества, детерминированный в т.ч. и пандемией, вызывает затруднения для молодежи, в том числе, студенческой, прохождения процессов социализации и социальной интеграции [7].

В социальных условиях риска и неопределенности, обусловленных изменяющимся характером социума, молодежная досуговая субкультура студентов, способствуя субъективному ощущению благополучия и удовлетворенности жизнью в целом, начинает играть роль некоего своеобразного «амортизатора», несколько смягчающего переход во «взрослое общество» и позволяющего оптимизировать социальное воспроизводство путем понижения уровня конфликтности с ним. Стоит отметить, что посредством молодежной студенческой субкультуры можно констатировать такие важные для становления и развития студенческой молодежи процессы, как процесс самоутверждения и самоидентификации (социального самоопределения).

Здесь хотелось бы обратить внимание на условия формирования социальной идентичности студенческой молодежи. Если в стабильном обществе

социальная идентичность данной когорты трактовалась с позиций освоения ценностей и норм образовательного пространства, наделенного высоким статусом, то в отличие от этого, в так называемом на сегодняшний день, обществе риска, социальное самоопределение студенческой молодежи подвергается неуверенности в своем потенциальном будущем, ощущению социальной несправедливости в виду отсутствия равенства общественного положения, а вследствие этих процессов – в социальном алармизме (тревожности) в характеристике социального самочувствия и недоверия студенческой молодежи к различным происходящим процессам в современном социуме.

В подтверждение вышесказанного, приведем слова Г.И. Герасимова и Е.С. Топиловой, которые также утверждают, что в условиях системной трансформации общества одновременно происходит смена духовно-культурных ориентиров социального развития студенческой молодежи, которые аккумулируют в себе и традиционные представления о нормах и ценностях, и аксиологические инновационные практики, характеризующие процесс переоценки норм и ценностей в культурном сознании студенческой молодежи [8].

В силу неоднородного характера социального происхождения и соответственно материально-экономического положения, студенческая молодежь представляется очень разнородной по своему составу. Однако по причине единства рода деятельности, коей выступает учеба и учебный процесс, а, следовательно, и определенной общности интересов, а также, вследствие однородности возрастных границ наряду с территориальным сосредоточением (например, проживание значительной части студентов в общежитиях), среда студенческой молодежи будет характеризоваться определенным самосознанием, специфической субкультурой и относительно схожим образом жизни.

Четвертой, но уже не общей, а особенной характеристикой, разделяющей студенческую молодежь, является ее этнокультурная принадлежность или, как принято называть, ее этническая идентичность, которая формируется в процессе социализации, социального воспроизводства и интеграции личности. В этой связи, этапы становления этнической идентичности принято

сопоставлять с этапами развития личности. Считается, что этническая идентичность формируется в полном объеме примерно в подростковом возрасте, когда молодой индивид осознает уникальность истории своего народа, специфику традиционной бытовой культуры и распознает свой этнос среди других.

Поскольку этническая идентичность молодежи – динамичное образование, она изменяется со временем, и молодой человек, будучи студентом, может переосмыслить роль этнической принадлежности в течение своей жизни [9]. Известно, что этническое отчуждение, неприязнь и затруднение процесса социальной интеграции и включения в общество в большей степени характерны для молодежи с невысоким уровнем образовательного ценза и маргинальным социальным положением.

И, наконец, еще одной, дифференцирующей характеристикой студенческой молодежи как единой категории, является профиль выбранной профессии. Это означает, что развитие институтом образования способностей студенческой молодежи к конкретным видам деятельности одновременно предполагает и их разделение по личностным способностям и способам жизнедеятельности. Действительно, именно в условиях обучения в вузе у студентов, с одной стороны, сохраняются и воспроизводятся прежние функции – социальные, гуманитарные, профессиональные, формируются стабильные профессиональные установки; с другой стороны – формируются новые функции – коммерческие, предпринимательские.

Довузовская профессиональная ориентация перерастает (или наоборот, не перерастает) в уверенность в необходимости избранного профессионального профиля. Включение в профессию серьезным образом сказывается на качестве социального воспроизводства и общественно-профессиональной интеграции.

Таким образом, из всего сказанного здесь можно сделать вывод о том, что российская студенческая молодежь дифференцирована несколько в большей степени, чем интегрирована. Группообразующими характеристиками являются: статус студенческой молодежи, единство возрастных границ, специфические черты субкультуры, этнокультурная принадлежность, профиль выбранной профессии.

Литература:

1. *Лескова И.В.* Маргинальность и культурная идентификация молодежи / И.В. Лескова // Социальная политика и социология. М., 2008. № 2(38). С. 252–259.
2. *Кон И.С.* Понятие поколения в современном обществоведении / И.С. Кон // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1972. С. 39.
3. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье российской молодежи: макросоциологический анализ рисков / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Котлярова //

Literature:

1. *Leskova I.V.* Marginality and cultural identification of youth / I.V. Leskova // Social policy and sociology. M., 2008. № 2(38). P. 252–259.
2. *Kon I.S.* The concept of generation in modern social science / I.S. Kon // Actual problems of ethnography and modern foreign science. L., 1972. P. 39.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of Russian youth: macrosociological analysis of risks / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kotlyarova // State and municipal

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 281–286.

4. *Горшков М.К.* Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М., 2020. 688 с.

5. *Медик В.А.* Университетское студенчество: образ жизни и здоровье / В.А. Медик, А.М. Осипов. М. : Логос, 2003. 200 с.

6. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 608 с.

7. *Касьянов В.В.* Пандемия и система ограничительных мер как фактор травматизации социального здоровья населения / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, И.М. Вакула // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 237–242.

8. *Герасимов Г.И.* Молодежь в зеркале социокультурных практик : монография / Г.И. Герасимов, Е.С. Топилина; Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д. : Антей, 2012. 128 с.

9. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of inter-ethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.

management. Scientific notes. 2022. № 4. P. 281–286.

4. *Gorshkov M.K.* Youth in the mirror of sociology. To the results of many years of research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M., 2020. 688 p.

5. *Medic V.A.* University students: lifestyle and health / V.A. Medic, A.M. Osipov. M. : Logos, 2003. 200 p.

6. *Levikova S.I.* Youth subculture. M. : FAIR-PRESS, 2004. 608 p.

7. *Kasyanov V.V.* Pandemic and the system of restrictive measures as a factor of traumatizing the social health of the population / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.M. Vakula // State and municipal management. Scientific notes. 2021. № 1. P. 237–242.

8. *Gerasimov G.I.* Youth in the mirror of socio-cultural practices : monograph / G.I. Gerasimov, E.S. Topilina; Responsible editor Yu.G. Volkov. Rostov-on/D. : Antey, 2012. 128 p.

9. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of inter-ethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.

Курбатов Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Южно-Российский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской Академии наук
kurbashy@list.ru

Папа Олеся Михайловна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальных технологий,
Южный Федеральный университет
olesyapapa@list.ru

**«ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ»: ОСНОВНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ И ТРЕНДЫ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных концепций «интернета вещей» (IoT) как глобальной информационно-коммуникационной сети и выявлению основных трендов развития данного феномена. В качестве методологии для анализа концепций эволюции интернета используется акторно-сетевая теория, позволяющая осмыслить указанный феномен как новую социальную реальность в виде информационно-коммуникационной (в том числе виртуальной) онтологии. В статье показано, что у понятия IoT много разных определений, презентаций и образов, обусловленных тем, на чем делают акцент авторы: на сетевой структуре, на IT-технологиях, на интернет-коммуникации между людьми и вещами, на электронном межмашинном взаимодействии, на глобальной сети Wi-Fi для датчиков и регистраторов, на различных транзакциях между приборами, устройствами, различными механизмами и людьми, на так называемом «встроенном интернете» и т.п. В подходах к определению IoT часто используется «умная» метафора, поскольку глобальная сеть вещей (приборов, устройств, датчиков, контроллеров и регистраторов) сотрудничает с людьми, высвобождая их время для решения более творческих задач. Сложились две основные трактовки «интернета вещей», соответственно, сугубо техническая и социотехническая, как показывает анализ. Первая трактовка характеризует IoT как глобальную совокупность технических артефактов, вторая – «социальный интернет вещей» (SIoT), который трактуется, как включение «интернета вещей» в систему социальных отношений. Первая концепция IoT характеризуется как система, включающая четыре основных компонента «интернета вещей»: датчики, сети (коммуникации), аналитику (облако) и приложения, вторая как глобальная сеть «умных» информационно-коммуникационных промышленных энергетических, транспортных, логистических и социальных инфраструктур, которая сотрудничает с

Vladimir I. Kurbatov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Chief Researcher,
South Russian branch
Federal Research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
kurbashy@list.ru

Olesya M. Papa

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Technologies,
South Federal University
olesyapapa@list.ru

**«INTERNET OF THINGS»:
BASIC CONCEPTS AND TRENDS**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the basic concepts of the «Internet of Things» (IoT) as a global information and communication network and the identification of the main trends in the development of this phenomenon. The actor-network theory is used as a methodology for analyzing the concepts of the evolution of the Internet, which makes it possible to comprehend this phenomenon as a new social reality in the form of an information and communication (including virtual) ontology. The article shows that the concept of IoT has many different definitions, presentations and images, due to what the authors focus on: network structure, IT technologies, Internet communications between people and things, electronic machine-to-machine interaction, global Wi-Fi networks for sensors and recorders, on various transactions between devices, devices, various mechanisms and people, on the so-called «embedded Internet», etc. Approaches to defining IoT often use the «smart» metaphor, as a global network of things (instruments, devices, sensors, controllers, and recorders) collaborates with people, freeing up their time for more creative tasks. The analysis shows that there are two main interpretations of the «Internet of things», respectively, purely technical and sociotechnical. The first interpretation characterizes the IoT as a global set of technical artifacts, the second - the «social Internet of things» (SIoT), which is interpreted as the inclusion of the «Internet of things» in the system of social relations. The first IoT concept is characterized as a system that includes four main components of the «Internet of Things»: sensors, networks (communications), analytics (cloud) and applications, the second as a global network of «smart» information and communication industrial energy, transport, logistics and social infrastructures, who works with people. (SIoT) is a trend in the development of IoT, as well as the formation of the «Internet of Everything» (IoE) and the (IoA), are also treated as leading trends. The main trends should also include the development of communication between

людьми. (IoT) является трендом развития IoT, равно как и формирование «интернета всего» (IoE) и «интернета всего, чего угодно» (IoA), также трактуются как ведущие тренды. К основным трендам также следует отнести развитие коммуникации между машинами (M2M), дополняющей коммуникацию между людьми (H2H), использование алгоритмов искусственного интеллекта, формирование на основе этого машинного обучения, возникновение большого количества новых проблем, среди которых проблемы социальные, юридические, этические, проблемы стандартизации протоколов и проблемы безопасности, а также развитие «интернета нано-вещей», а именно, решение указанных проблем на молекулярном уровне.

Ключевые слова: Интернет, сетевая структура, IT-технологии, коммуникация между людьми и вещами, электронное межмашинное взаимодействие.

Термин «интернет вещей» («Internet of Things») или сокращенное в современной исследовательской и популярной литературе его обозначение – IoT ввел в научный и публицистический обиход в 1999 году британский инженер Кевин Эштон. Он ввел данный термин для характеристики глобальной электронной сети, соединяющей физические объекты с Интернетом [1].

Современные отечественные и зарубежные исследователи такие, как З.М. Альбекова, Д.А. Климов, И.Я. Львович, Ю.П. Преображенский, О.П. Чопоров, Б. Вэйри, Дж.-Ф. Дорсемайн, Дж.-Р. Гуляйер, Н. Кнайр и другие характеризуют IoT как глобальную среду, в которой самые разные предметы человеческого повседневного, индустриального и социального обихода связаны друг с другом и, будучи подключенными к сети, независимо друг от друга обмениваются информацией посредством специальных датчиков и коммуникационных устройств [2].

Таким образом, IoT есть глобальная кибер-физическая система, которая состоит из различных физических объектов, подключенных к глобальной информационной среде посредством искусственных подсистем, соответствующего программного обеспечения, электронных платформ, управляющих контроллеров и коммуникационных адаптеров. При этом такая система существует как единое целое, что обеспечивает связь и координацию между различными физическими ресурсами и вычислительными системами.

В настоящее время сложилось представление, что IoT есть глобальная динамическая сетевая инфраструктура, характеризующаяся самонастройкой на основе стандартных протоколов связи, а сами «вещи», как физические, так и виртуальные имеют идентификаторы, используют интеллектуальные интерфейсы и интегрируется в информационную сеть.

Как отмечают современные эксперты, такие как Т. Рампатриз, Р. Аггарвол, М. Гигли, С. Куу, Р. Рамасвами, М. Сомаяя, С. Трипати и другие,

machines (M2M), which complements communication between people (H2H), the use of artificial intelligence algorithms, the formation of machine learning based on this, the emergence of a large number of new problems, including social, legal, ethical problems, problems of standardization of protocols and security problems, as well as the development of the «Internet of nano-things», namely the solution of these problems at the molecular level.

Keywords: Internet, network structure, IT-technologies, communication between people and things, electronic machine-to-machine interaction.

область IoT как глобальная кибер-физическая система распространяется на робототехнику, искусственный интеллект, цифровые технологии, промышленную и торговую логистику, логистику транспорта и энергетики, управление технологическими процессами и крупными социальными инфраструктурами [3].

Понятие «Интернет вещей» является достаточно объемным и многозначным, а зачастую даже спорным, в соответствии с этим, задачей настоящей статьи является выявление и анализ основных концепций данного социотехнического феномена в рамках различных исследовательских подходов и основных трендов, которые складываются в связи с его развитием.

В качестве методологии для анализа концепций эволюции интернета используется акторно-сетевая теория, которая развивается Б. Латуром, Э. Веланом, Р. Кэрроллом, И. Ричардсоном и другими исследователями, представляющая теоретический и методологический подход к социальной теории, согласно которому постоянно изменяющиеся системные качества отношений людей и вещей в информационно-коммуникационных сетях составляют специфику современных социальных отношений, идеи Г.П. Щедровицкого, касающиеся системного представления о деятельности и взаимодействиях, а также современные методологические подходы, связанные с осмыслением сетевого взаимодействия как новой социальной реальности и её новой социальной (в том числе виртуальной) онтологии [4].

У понятия «IoT» много разных определений, презентаций и образов, обусловленных тем, на чем делают акцент авторы: на сетевой структуре, на IT-технологиях, на интернет-коммуникации между людьми и вещами, на электронном межмашинном взаимодействии, на глобальной сети Wi-Fi для датчиков и регистраторов, на различных транзакциях между приборами, устройствами, различными механизмами и людьми, на так называемом «встроенном Интернете» и т.п.

Сложилось две основные трактовки «интернета вещей», соответствующая, сугубо техническая и социотехническая. Первая трактовка характеризует IoT как глобальную совокупность технических артефактов. IoT характеризуется как система, включающая четыре основных компонента «интернета вещей»: датчики, сети (коммуникации), аналитику (облако) и приложения с разной степенью воздействия [5].

Современные исследователи, а именно, Л. Атзори, Э. Лера, Дж. Морабито, М. Нитти и многие другие отмечают тенденции формирования социальных кибер-физических систем. Согласно этому, формируется социальный интернет вещей в виде глобальной системы, которая обеспечивает взаимодействие между всеми элементами системы в реальном времени. Это соответствует второй трактовке «интернета вещей», социотехнической трактовке, в соответствии с чем он называется социальным «интернетом вещей» («SocialInternetofThings») и получает свое обозначение в виде – SloT. В этом плане речь идет о разных уровнях «SocialInternetofThings»: маркетинговый уровень, уровень масс-медиа, индустриальный уровень, экологический уровень, повседневный бытовой уровень и т.д. [6]. В соответствии с этим, концепция IoT, а особенно SloT, понимается как система, связывающая в единое целое не только физические объекты, но и людей и их разнообразные социальные отношения. Соответственно, объекты не только производят информацию, но и участвуют в различных операциях, становятся виртуальными агентами рынка онлайн-платежей, осуществляют финансовые транзакции, они должны быть идентифицированы в онлайн-мире и соответствовать требованиям информационной безопасности. Это означает, что IoT и SloT становятся необходимым элементом информационного социума, что делает изучение их важной и актуальной исследовательской задачей.

Социальный Интернет вещей (SloT), новая концепция объединения социальных сетей с IoT. SloT – это имитация социальных сетей между людьми и объектами. Такие объекты, как люди, считаются разумными и социальными. Они создают свою социальную сеть для достижения своих общих целей, таких как улучшение функциональности, производительности и эффективности, а также – для удовлетворения необходимых им услуг.

Такие авторы, как Р.Малекшаши, А.Рахмани и А.Сафари отмечают, что «социальный интернет вещей» создает условия для повсеместного распространения человеко-ориентированных вычислений и использования больших данных для социальных потребностей [7].

IoT и SloT вместе образуют, как отмечают такие отечественные и зарубежные исследователи, как А. Агарвол, А. Вайтмор, М. Вейрих, А. Катасонов, Ли Да Ху, С. Такома, К. Эберт, совокупность и экосистему технических и социальных артефактов, в соответствии с чем указанная система образует глобальную сеть и сервисную инфраструктуру. В данной трактовке есть достаточно много своих

нюансов, в частности, некоторые исследователи, например, Д. Шин полагают, что IoT является частью более широких социотехнических систем, включающих людей, человеческую деятельность, пространства, артефакты, инструменты и технологию [8].

В подходах к определению IoT часто используется «умная» метафора, поскольку глобальная сеть вещей (приборов, устройств, датчиков, контроллеров и регистраторов) сотрудничает с людьми, высвобождая их время для решения более творческих задач, в соответствии с чем и возникли такие понятия, как «умные города», «умная среда», «умные фабрики», «умное здравоохранение», «умное сельское хозяйство», «умный транспорт», «умные рабочие места», «умные школы», «умные больницы», «умные сети», «умные здания» и «умные дома» и т.п.

Новая информационно-коммуникационная глобальная среда, как пишут современные исследователи, такие как Э. Боргия, Р. Китчин, Э. Лещински, Т. Луриалт, Ж. Мак-Арлд и другие, показывает, как «встречаются» и взаимодействуют реальный (физический) и цифровой миры и как они находятся в информационном взаимодействии [9].

Трендом новой информационно-коммуникационной глобальной среды является развитие коммуникации между «вещами». Поскольку «вещами» являются механизмы и машины, то возник термин «от машины к машине», который широко используется и хорошо известен в телекоммуникационном секторе. Коммуникация между машинами, обозначаемая как M2M дополняет коммуникацию типа H2H (коммуникацию между людьми). В некоторых материалах M2M трактуется как промышленный интернет, который, по мнению таких отечественных и зарубежных исследователей, как А.С. Бородин, М. Вольф, Х. Генг, Т.А. Москаленко, Р.В. Киричек, Д. Серпаносне противоречат концепциям IoT и является индустриально-промышленной частью интернета вещей, т.е. его специализированным сегментом [11].

Таким образом, «интернет вещей» глобальная сеть (вещей и людей), взаимосвязанных, обменивающихся данными, поддерживаемой вычислительными устройствами. При этом в данной глобальной сети, «умные» индустриальные энергетические, транспортные, логистические и социальные инфраструктуры существуют как взаимосвязанные и обменивающиеся информацией в режиме реального времени.

Компания Cisco(CiscoResearchCenter), американская транснациональная компания, разрабатывающая и продающая сетевое оборудование, в своих отчетах подчеркивает, что уже в 2025 году инвестиции в развитие «интернета вещей» составят более 10 триллионов долларов. По данным компании IDC (International Data Corporation) – международная исследовательская и консалтинговая компания, занимающаяся изучением мирового рынка информационных технологий и телекоммуникаций, уже к 2025 году к интернету будет подключено более 75 миллиардов устройств. В

настоящее время, как подчеркивают отечественные и зарубежные эксперты, например, А.А. Поркшеян, А.А. Синельников, М.А. Юдина, М.В. Ядровская, А. Рахмани, М. Зимблер, С. Кумар, Р. Малекшахи, А. Сахафи, П. Тивари, Ф.В. Ходаковский, внедрение технологий «интернета вещей» является приоритетным направлением [10].

К настоящему времени не прекращаются споры относительно сущности этого социотехнического феномена, его концепции и соответственно стали множиться его определения и характеристики. Можно привести несколько наиболее распространенных определений данного этапа эволюции интернета.

Еще одна специализированная область интернета вещей, называемая Web of Things (WoT), ориентирована на программное обеспечение строительства и архитектуры, включая в себя, как отмечают А. Бини, Р. Минерва, К. Нан, Д. Ротонди, Б. Силва, М. Хан, набор стандартов для взаимодействия различных платформ, доменов и приложений [12].

Американская транснациональная компания Cisco ввела в практический оборот термин «интернет всего» (IoE) для характеристики системы, объединяющей людей, информацию, вычисления, процессы вещи. Данная концепция эволюционирует в сторону «интернета чего угодно (Internet of Anything – IoA), что представляет собой сеть, с которой соединяются вещи всех видов, образуя единую глобальную программную экосистему. Нужно отметить, что «интернет всего», согласно которому должны быть учтены все виды соединений людей, машин, данных и вычислительных устройств, в настоящее время является достаточно расплывчатой концепцией [13].

К результатам обсуждения основных концепций «интернета вещей» и трендов его развития можно отнести следующее. Основная цель технологии «интернета вещей» заключается в контроле, использовании и преобразовании собранной информации в соответствующие действия и решения. Особенностью «интернета вещей» является сетевая структура. Ключевыми компонентами являются люди, агрегаты, вычислительное оборудование, алгоритмы искусственного интеллекта, программное обеспечение и услуги. Люди предоставляют свои личные идеи через веб-сайты, приложения или подключенные устройства, которые они используют (например, социальные сети, контроллеры, датчики, трекеры и т.п.

Характеристика основных концепций «Интернета вещей» дает возможность выявить и основные тренды данной глобальной социотехнической системы. «Интернет вещей» активно формируется как новый этап развития Интернета, выражающийся в масштабируемой сети элементов (вещей и людей), взаимосвязанных, обменивающихся данными, поддерживаемой вычислительными устройствами, использующая алгоритмы искусственного интеллекта и другие интеллектуальные технологии, пишут такие исследователи, как Г. Барбоза, Т. Линн, Э. Рибейро, П. Эндо,

анализируют эти данные, чтобы «понимать» человеческие проблемы и предоставлять соответствующий контент в соответствии с их личными или деловыми потребностями, что помогает им быстро решать проблемы или принимать решения. Алгоритмы искусственного интеллекта, использующие машинное обучение, позволяют предприятиям извлекать больше пользы из своих постоянно растущих объемов данных, более того, искусственный интеллект является фундаментальным компонентом, необходимым для понимания огромного количества данных, собираемых в наши дни, и повышения их ценности для социальной жизни [14].

Непрерывно осуществляется рост трафика данных и подключенных устройств, взаимодействующих с человеком. Непрерывно развиваются устройства цифровых помощников, а именно, голосовой пользовательский интерфейс, связанный с использованием голоса при настройке устройств, изменении настроек, подаче команд и получении результатов станет нормой. Использование голоса при настройке устройств, изменении настроек, подаче команд и получении результатов станет нормой не только в умных домах, на фабриках, но и между ними, например, в автомобилях и носимых устройствах.

«Интернет вещей» становится привлекательной формой инвестиций, поскольку широко распространяется использование различных интеллектуальных устройств, таких как умные зеркала, которые будут анализировать ваше лицо и вызывать врача, если человек выглядит больным, умный банкомат, который будет включать в себя умные камеры безопасности, умные кровати, которые выключат свет, когда все спят, умные датчики по всему району, которые фиксируют все, от пешеходных маршрутов, использования общего автомобиля, занятости здания, потока сточных вод и выбора температуры, и т.п.

Промышленный «интернет вещей» повышает эффективность и производительность за счет интеграции и анализа данных, что невозможно без взаимосвязанного производственного процесса. Еще один тренд – это технология «цифровых двойников». Благодаря его использованию, организации могут создать четкую картину того, как их устройства IoT взаимодействуют с производственным процессом. Это дает предприятиям представление о том, как работает жизненный цикл их машин, и позволяет им заранее прогнозировать изменения, которые могут потребоваться.

Развитие «интернета вещей» выявляет большое количество новых проблем, среди которых проблемы социальные, юридические, этические проблемы, проблемы стандартизации протоколов и проблемы безопасности, в соответствии с чем, новым трендом является формирование общего регламента по защите данных. Среди них пять принципов: аутентификация, конфиденциальность, целостность, доступность и интероперабельность (это способность заставить все устройства, связанные с организацией, обмениваться данными и выполнять определенную задачу) необходимы для обеспечения безопасности

между различными устройствами. Процедура подтверждения проверяется, как пишут С. Шашрестани, М. Элдхорд и Х. Ченг, распознается и утверждается сертифициацией устройства, чтобы решить, является ли клиент аутентичным для использования ресурсов. биометрическая аутентификация в зависимости от потребностей клиента [15].

Литература:

1. *Ashton K.* That «Internet of Things» Thing / K. Ashton // RFID Journal. 2009. URL : <http://www.rfidjournal.com/articles/pdf174986> (date of the application 11/03/2018).

2. *Климов Д.А.* Интернет вещей. Актуальные вопросы образования и науки: по материалам международной научно-практической конференции 31 октября 2019 г. / Д.А. Климов, З.М. Альбекова // Вестник научных конференций. ООО Консалтинговая компания Юком, 2019. № 10-4. С. 43–45; Проблемы использования технологий интернет вещей / И.Я. Львович [и др.] // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2019. № 1. С. 73–75; Internet of Things: A Definition & Taxonomy / B. Dorsemayne [et al.] // Conference: NGMAST 2015At: Cambridge, UK. 09–11 September 2015; *Patel K.K.* Internet of Things-IOT: Definition, Characteristics, Architecture, Enabling Technologies, Application & Future Challenges / K.K. Patel, S.M. Patel // International Journal of Engineering Science and Computing. 2016. № 6. P. 6122–6131.

3. *Aggarwal R.* RFID Security in the Context of «Internet of Things» / R. Aggarwal, M. Lal Das // First International Conference on Security of Internet of Thing. 2012. Kerala, 17–19 August 2012. P. 51–56; Arampatzis T. [et al.]. A Survey of Security Issues in Wireless Sensors Networks, in Intelligent Control. Proceeding of the IEEE // International Symposium on, Mediterrean Conference on Control and Automation. 2005. P. 719–724; Gigli M. Internet of Things, Services and Applications Categorization / M. Gigli, S. Koo // Advances in Internet of Things. 2011. № 1. P. 27–31; Somayya M. Internet of Things (IoT): A Literature Review / M. Somayya, R. Ramaswamy, S. Tripathi // Journal of Computer and Communications. 2015. № 03. P. 164–173.

4. *Carroll N.* Service Science – an Actor Network Theory Approach / N. Carroll, E. Whelan, I. Richardson // International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation. 2012. Vol. 4. № 3. P. 52–70; *Щедровицкий Г.П.* Связь естественного искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности / Г.П. Щедровицкий // Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : 2005. С. 293–314; *Шаев Ю.М.* Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология / Ю.М. Шаев // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 40–45.

5. Internet of Things Global Standards Initiative. URL : <http://www.itu.int/en/ITU-T/gsi/iot/Pages/default.aspx> (date of the application 05.02.2015).

Развивающимся трендом развития «интернета вещей», как указывают многие авторы, например, И. Акулдиз, С. Баласураманам, Дж. Джорнет, Дж. Кангашаруи и другие, является формирование так называемого «интернета нано-вещей», а именно создание сетей для управления информационными процессами на молекулярном уровне [16].

Literature:

1. *Ashton K.* That «Internet of Things» Thing / K. Ashton // RFID Journal. 2009. URL : <http://www.rfidjournal.com/articles/pdf174986> (date of the application 11/03/2018).

2. *Klimov D.A.* Internet of things. - In: Actual issues of education and science: based on the materials of the international scientific and practical conference on October 31, 2019 / D.A. Klimov, Z.M. Albekova // Bulletin of scientific conferences. LLC Consulting company Yukom, 2019. № 10-4. P. 43–45; Problems of using technologies of the Internet of things / I.Ya. Lvovich, A.P. Preobrazhensky, Yu.P. Preobrazhensky, O.N. Choporov // Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. 2019. № 1. P. 73–75; Internet of Things: A Definition & Taxonomy / B. Dorsemayne [et al.] // Conference: NGMAST 2015At: Cambridge, UK. 09–11 September 2015; *Patel K.K.* Internet of Things-IOT: Definition, Characteristics, Architecture, Enabling Technologies, Application & Future Challenges / K.K. Patel, S.M. Patel // International Journal of Engineering Science and Computing. 2016. № 6. P. 6122–6131

3. *Aggarwal R.* RFID Security in the Context of «Internet of Things» / R. Aggarwal, M. Lal Das // First International Conference on Security of Internet of Thing. 2012. Kerala, 17–19 August 2012. P. 51–56; Arampatzis T. [et al.]. A Survey of Security Issues in Wireless Sensors Networks, in Intelligent Control. Proceeding of the IEEE // International Symposium on, Mediterrean Conference on Control and Automation. 2005. P. 719–724; Gigli M. Internet of Things, Services and Applications Categorization / M. Gigli, S. Koo // Advances in Internet of Things. 2011. № 1. P. 27–31; Somayya M. Internet of Things (IoT): A Literature Review / M. Somayya, R. Ramaswamy, S. Tripathi // Journal of Computer and Communications. 2015. № 03. P. 164–173.

4. *Carroll N.* Service Science – an Actor Network Theory Approach / N. Carroll, E. Whelan, I. Richardson // International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation. 2012. Vol. 4. № 3. P. 52–70; *Щедровицкий Г.П.* Связь естественного искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности / Г.П. Щедровицкий // Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : 2005. С. 293–314; *Шаев Ю.М.* Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология / Ю.М. Шаев // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 40–45.

5. Internet of Things Global Standards Initiative. URL : <http://www.itu.int/en/ITU-T/gsi/iot/Pages/default.aspx> (date of the application 05.02.2015).

6. The Social Internet of Things (SloT) when social networks meet the internet of things: concepts architecture and network characterization / L. Atzori // *ComputNetw.* 2012. № 56. P. 3594–3608; *Rho S.* Social Internet of Things: applications, architectures, and protocols / S. Rho, Y. Chen // *Future Gener Comput Syst.* 2018. № 82. P. 667–668.

7. Malekshahi Rad M. Social Internet of Things: vision, challenges, and trends / Malekshahi Rad M., Rahmani, A.M., Sahafi // *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.* 2020. № 52. URL : <https://doi.org/10.1186/s13673-020-00254-6>

8. *Shin D.A* Socio-technical Framework for Internet-of-Things Design: A Human-Centered Design for the Internet of Things / D.A. Shin // *Telematics and Informatics.* 2014. № 31(4). P. 519–531; *Tarkoma S.* Internet of Things Strategic Research Agenda (IoT–SRA). Finnish Strategic Centre for Science, Technology, and Innovation: For Information and Communications (ICT) / S. Tarkoma, A. Katasonov // *Services, Businesses, and Technologies, Finland.* 2011; *Weyrich M.* Ebert Reference Architectures for the Internet of Things // *Software.* 2016. № 33. P. 112–116. Accessed December 2019. URL : <https://doi.org/10.1109/MS.2016.20>; Whitmore, A., Agarwal, A., Li Da Xu The Internet of Things-A Survey of Topics and Trends. // *Information Systems Frontiers.* 2015. № 17 (2). P. 261–274.

9. *Borgia E.* The Internet of Things vision: Key features, applications and open issues. *Computer Communications.* 2014. № 54. P. 1–31. URL : <https://doi.org/10.1016/j.comcom.2014.09.008>; Leszczynski, A. Speculative futures: Cities, data, and governance beyond smart urbanism // *Environment and Planning A: Economy and Space,* 2016. Vol 48(9). P. 691–1708. URL : <https://doi.org/10.1177/0308518X16651445>; *Kitchin R.* Knowing and governing cities through urban indicators, city benchmarking and real-time dashboards. *Regional Studies, Regional Science* / R. Kitchin, T.P. Lauriault, G. McArdle. 2015. Vol. 2(1). P. 6–28. URL : <https://doi.org/10.1080/21681376.2014.983149>

10. *Юдина М.А.* Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы / М.А. Юдина // *Коммуникология.* 2017. Т. 5. № 2. С. 50–67; *Ядровская М.В.* Перспективы технологии интернета вещей / М.В. Ядровская, М.В. Поркшеян, А.А. Синельников // *Advanced Engineering Research.* 2021. Т. 21. № 2. С. 207–217. URL : <https://doi.org/10.23947/2687-1653-2021-21-2-207-217>; *Ходаковский Ф.В.* Перспективы интернета вещей / Ф.В. Ходаковский // *Современные научные исследования и инновации.* 2014. № 12. Ч. 1. URL : <https://web.snauka.ru/issues/2014/12/42161> (date of the application 25.11.2022); *Rad M. Malekshahi, A.M. Rahmani, A. Sahafi [et al.]* // *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.* 2020. Vol. 52. URL : <https://doi.org/10.1186/s13673-020-00254-6>; *Kumar S.* Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review / S. Kumar, P. Tiwari, M. Zymbler // *J. Big Data.* 2019. № 6. URL : <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>

6. The Social Internet of Things (SloT) when social networks meet the internet of things: concepts architecture and network characterization / L. Atzori // *ComputNetw.* 2012. № 56. P. 3594–3608; *Rho S.* Social Internet of Things: applications, architectures, and protocols / S. Rho, Y. Chen // *Future Gener Comput Syst.* 2018. № 82. P. 667–668.

7. Malekshahi Rad M. Social Internet of Things: vision, challenges, and trends / Malekshahi Rad M., Rahmani, A.M., Sahafi // *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.* 2020. № 52. URL : <https://doi.org/10.1186/s13673-020-00254-6>

8. *Shin D.A* Socio-technical Framework for Internet-of-Things Design: A Human-Centered Design for the Internet of Things / D.A. Shin // *Telematics and Informatics.* 2014. № 31(4). P. 519–531; *Tarkoma S.* Internet of Things Strategic Research Agenda (IoT–SRA). Finnish Strategic Centre for Science, Technology, and Innovation: For Information and Communications (ICT) / S. Tarkoma, A. Katasonov // *Services, Businesses, and Technologies, Finland.* 2011; *Weyrich M.* Ebert Reference Architectures for the Internet of Things // *Software.* 2016. № 33. P. 112–116. Accessed December 2019. URL : <https://doi.org/10.1109/MS.2016.20>; Whitmore, A., Agarwal, A., Li Da Xu The Internet of Things-A Survey of Topics and Trends. // *Information Systems Frontiers.* 2015. № 17 (2). P. 261–274.

9. *Borgia E.* The Internet of Things vision: Key features, applications and open issues. *Computer Communications.* 2014. № 54. P. 1–31. URL : <https://doi.org/10.1016/j.comcom.2014.09.008>; Leszczynski, A. Speculative futures: Cities, data, and governance beyond smart urbanism // *Environment and Planning A: Economy and Space,* 2016. Vol 48(9). P. 691–1708. URL : <https://doi.org/10.1177/0308518X16651445>; *Kitchin R.* Knowing and governing cities through urban indicators, city benchmarking and real-time dashboards. *Regional Studies, Regional Science* / R. Kitchin, T.P. Lauriault, G. McArdle. 2015. Vol. 2(1). P. 6–28. URL : <https://doi.org/10.1080/21681376.2014.983149>

10. *Yudina M.A.* Internet of things: problems of social expertise / M.A. Yudina // *Communicology.* 2017. Vol. 5. № 2. P. 50–67; *Yadrovskaya M.V.* Prospects for the technology of the Internet of things / M.V. Yadrovskaya, M.V. Porksheyen, A.A. Sinelnikov // *Advanced Engineering Research.* 2021. V. 21. № 2. P. 207–217. URL : <https://doi.org/10.23947/2687-1653-2021-21-2-207-217>; *Khodakovsky F.V.* Prospects for the Internet of Things / F.V. Khodakovsky // *Modern scientific research and innovation.* 2014. № 12. Part 1. URL : <https://web.snauka.ru/issues/2014/12/42161> (date of the application 11/25/2022); *Rad M. Malekshahi, A.M. Rahmani, A. Sahafi [et al.]* // *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.* 2020. Vol. 52. URL : <https://doi.org/10.1186/s13673-020-00254-6>; *Kumar S.* Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review / S. Kumar, P. Tiwari, M. Zymbler // *J. Big Data.* 2019. № 6. URL : <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>

11. *Moskalenko T.A.* Архитектуры промышленного Интернета Вещей / Т.А. Москаленко, Р.В. Киричек, А.С. Бородин // Информационные технологии и телекоммуникации. 2017. Т. 5. № 4. С. 49–56; *Geng H.* The Industrial Internet of Things (IIoT), in Internet of Things and Data Analytics Handbook. 2017. 816 p.; *Serpanos D.* Internet of Things (IoT) Systems. Architectures, Algorithms, Methodologies. / D. Serpanos, M. Wolf. Springer International Publishing. 2018. P. 37–54.

12. *Minerva R.* Towards a definition of the Internet of Things (IoT) / R. Minerva, A. Biru, D. Rotondi // IEEE Internet Initiative. 2015. № 1. P. 1–75; *Khan M.* A Web of Things-Based Emerging Sensor Network Architecture for Smart Control Systems / M. Khan, B.N. Silva, K. Han // Sensors. 2017. Vol. № 17. № 2. P. 329–346.

13. CISCO Internet of Everything Blog. What does Internet of Things Mean For You? URL : <http://blogs.cisco.com/ioe> Dostę (date of the application 29.04.2014).

14. The Internet of Things: Definitions, Key Concepts, and Reference Architectures / T.G. Lynn [et al.] // The Cloud-to-Thing Continuum. Dublin. 2020. P. 1–22.

15. *Elkhodr M.* The Internet of Things: New Interoperability, Management AndSecurity Challenges / M. Elkhodr, H. Sand Shahrestani, H. Cheung // International Journal of NetworkSecurity and Its Application. 2016. Vol. 8(2). P. 114–123.

16. *Akyildiz I.F.* The Internet of Nano-Things. IEEE / I.F. Akyildiz, J.M. Jornet // Wirel. Commun. 2010. Vol. 17. P. 58–63; *Balasubramaniam S.* Realizing the Internet of Nno Things: Challenges, Solutions, and Applications / S. Balasubramaniam, J. Kangasharju // Computer. 2013. Vol. 46. P. 62–68.

11. *Moskalenko T.A.* Architectures of the industrial Internet of Things / T.A. Moskalenko, R.V. Kirichek, A.S. Borodin // Information technologies and telecommunications. 2017. Vol. 5. № 4. P. 49–56; *Geng H.* The Industrial Internet of Things (IIoT), in Internet of Things and Data Analytics Handbook. 2017. 816 p.; *Serpanos D.* Internet of Things (IoT) Systems. Architectures, Algorithms, Methodologies. / D. Serpanos, M. Wolf. Springer International Publishing. 2018. P. 37–54.

12. *Minerva R.* Towards a definition of the Internet of Things (IoT) / R. Minerva, A. Biru, D. Rotondi // IEEE Internet Initiative. 2015. № 1. P. 1–75; *Khan M.* A Web of Things-Based Emerging Sensor Network Architecture for Smart Control Systems / M. Khan, B.N. Silva, K. Han // Sensors. 2017. Vol. № 17. № 2. P. 329–346.

13. CISCO Internet of Everything Blog. What does Internet of Things Mean For You? URL : <http://blogs.cisco.com/ioe> Dostę (date of the application 29.04.2014).

14. The Internet of Things: Definitions, Key Concepts, and Reference Architectures / T.G. Lynn [et al.] // The Cloud-to-Thing Continuum. Dublin. 2020. P. 1–22.

15. *Elkhodr M.* The Internet of Things: New Interoperability, Management AndSecurity Challenges / M. Elkhodr, H. Sand Shahrestani, H. Cheung // International Journal of NetworkSecurity and Its Application. 2016. Vol. 8(2). P. 114–123.

16. *Akyildiz I.F.* The Internet of Nano-Things. IEEE / I.F. Akyildiz, J.M. Jornet // Wirel. Commun. 2010. Vol. 17. P. 58–63; *Balasubramaniam S.* Realizing the Internet of Nno Things: Challenges, Solutions, and Applications / S. Balasubramaniam, J. Kangasharju // Computer. 2013. Vol. 46. P. 62–68.

Любецкий Николай Петрович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и практики
физической культуры и спорта,
Донской государственный
технический университет
lyubeckiyn@mail.ru

Демьянова Людмила Михайловна

кандидат медицинских наук,
доцент,
заведующая кафедрой
физической культуры
и спортивно-оздоровительных
технологий,
Донской государственный
технический университет
lyudmila-d2@yandex.ru

Лукьяшко Алёна Геннадьевна

старший преподаватель
кафедры теории и практики
физической культуры и спорта,
Донской государственный
технический университет
verina.t@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samycin78_@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В КОНЦЕ XX ВЕКА**

■ ■ ■

Аннотация. В августе 1991 года в Москве произошла либеральная контрреволюция. Это стало возможным из-за предательства интересов советского народа правящей партноменклатурой, силовиками из КГБ, теневыми цеховиками, творческой и научной советской интеллигенцией (агенты влияния Запада). Обрушению СССР изнутри предшествовала радикальная трансформация массового сознания, амбивалентность и деформация русского национального характера в результате многолетней «западнизации» советского общества в рамках информационно-психологической войны, которую Администрация США тайно осуществляла против СССР (Гарвардский проект). В итоге, гибель Красной империи стала реальностью. По мнению авторов статьи, возрождение России возможно, если и российское общество,

Nikolay P. Lyubetsky

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Lyudmila M. Demyanova

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Physical Culture and Sports
and Social Technologies,
Don State Technical University
lyudmila-d2@yandex.ru

Alyona G. Lukyashko

Senior Lecturer of the Departments
of Theory and Practice
Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
verina.t@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samycin78_@yandex.ru

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS
OF THE DEFORMATION OF THE RUSSIAN
NATIONAL CHARACTER
AT THE END OF THE XX CENTURY**

■ ■ ■

Annotation. In August 1991, a liberal counter-revolution took place in Moscow. This became possible due to the betrayal of the interests of the Soviet people by the ruling party nomenklatura, the security forces, the KGB, the shadow guild members, the creative and scientific Soviet intelligentsia (the agents of influence of the West). The collapse of the USSR from within was preceded by a radical transformation of mass consciousness, ambivalence and deformation of the Russian national character as a result of many years of «Westernization» of Soviet society as part of the information and psychological war that the US Administration secretly carried out against the USSR (Harvard project). As a result, the death of the Red Empire became a reality. According to the authors of the article, the revival of Russia is possible if both Russian society, and the truly

и подлинно национальная элита, и власть учтут на будущее исторические ошибки, совершенные ими в конце XX века, которые привели к амнезии исторической памяти и к утрате значительной частью русского народа национального самосознания.

Ключевые слова: русский народ, национальный характер, особенности русского национального характера, лаксизм, теория «конвергенции», индекс «Джини», национальная элита, болезнь «европейничанья», традиционные жизненные ценности, суверенитет.

Для более глубокого постижения смыслов, заложенных в нашей статье, обратим свои взоры к таким базовым (ключевым) **понятиям** как «народ», «русский народ», «национальный характер».

Итак, народ – (иначе этнос) – это усвоенные стереотипы (исторические традиции) приспособления к природной среде обитания, которые составляют главное отличие членов одного этноса от другого. Следовательно, в этнос людей объединяет не столько осознание общего интереса, а, главным образом, подсознательная тяга людей друг к другу, основанная на общности стереотипов поведения и ментальности.

Теперь перейдём к понятию «русский народ» – это исторический и политический союз, преимущественно восточнославянских, финноугорских и тюркских этнических групп, сложившийся в ходе их многовековой адаптации к природной среде обитания на фундаменте общих традиций и цивилизационных предпочтений как в культуре, так и в повседневном поведении (авторы считают, что именно подсознательный уровень индивида определяет его принадлежность к тому или иному народу, а, стало быть, любой человек, который видит сны на русском языке и испытывает подсознательную тягу к Русскому миру, может называть себя русским).

И наконец, понятие «национальный характер» – достаточно устойчивая, но подверженная изменениям целостная структура, сформированная в течение многовековой совместной жизни людей на основе древних архетипов и стереотипов приспособления к природной среде обитания определенного этнического сообщества под воздействием духовно-нравственных начал, культурно-мировоззренческих и политико-экономических факторов, выражающаяся как в цивилизационных предпочтениях, так и в культуре, и в повседневной жизни.

Детерминантами национального характера выступают язык, история, религия, литература, искусство, наука, технологии, политическое устройство, условия жизни, психофизическая природа нации.

В рамках реализации заявленной тематики нашей статьи, следует отметить, что **лучшие черты русского национального характера, почти сплошь выросли из Православия, и**

national elite, and the authorities take into account for the future the historical mistakes they made at the end of the 20th century, which led to amnesia of historical memory and the loss of a significant part of the Russian people of national identity.

Keywords: Russian people, national character, features of the Russian national character, laxism, convergence theory, Gini index, national elite, «Europeanism» disease, traditional life values, sovereignty.

это: духовность, совесть, соборность, милосердие, сострадание, религиозность, ответственность, могучая воля, страстность, доброта, правдоискательство, привязанность к России т.д.

«Вместе с тем, все пишущие о русской культуре говорят о том, что русским необходимо дисциплинировать волю и мышление, без чего они легко становятся беспомощными мечтателями и авантюристами. Русский философ Н.О. Лосский (1870–1965) согласен с этими авторами. В одной из своих работ, которая **называлась «Характер русского народа»** (1957), он пишет, что беда русских – недостаток средней области культуры. Они – максималисты: «всё или ничего». С одной стороны – вершины святости, с другой – сатанинское зло». Отсутствие дисциплины при утрате религии (духовности) ведёт в интеллигентной среде, традиционно одержимой «болезнью европейничанья», к нигилизму и сервиллизму, а в малообразованной народной толще – к хулиганству. В русском человеке сочетается Петр Великий, князь Мышкин, Хлестаков, Чичиков и Александр Грибоедов» [1]. **Отрицательные свойства русского народа** – экстремизм, максимализм, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, неуважение своих талантливых соотечественников, дерзкое испытание традиционных ценностей, анархизм – могут привести и приводят к крайним и опасным расстройствам частной и общественной жизни.

Ещё Н.А. Бердяев сокрушался по поводу «**антиномичности**» России: это самая анархичная, самая безгосударственная страна и, одновременно, самая бюрократическая, обожающая государство и его носителей; русские – самый «всемирно-отзывчивый, нешовинистический народ, и, одновременно, у русских дикое проявления национальной ограниченности. Ему вторит советский филолог А.М. Панченко: «в падениях и восстаниях живёт русский человек». Большевицкая революция 1917 года и трагические события конца 20-го века в советской России есть яркое тому подтверждение.

«Новая либеральная Россия», в первые десятилетия своего существования, была втянута младореформаторами Андропова в процесс глобализации: в стране приветствовались яростные нападки на государство, призывы к его всяческому умалению как препятствия на пути «прогресса и процветания». «Коллективный Запад и глобалисты понимали, что тысячелетняя Россия,

глубоко впитавшая в себя нормы и ценности государственничества, христианские ценности, не смотря на все исторические попытки их разрушения, остается непреодолимым препятствием на пути реализации их сатанинских целей. Поэтому в либеральной России были открыты Западом все шлюзы для деформации русского национального характера и наших традиционных ценностей для проникновения западного представления о «нормальной жизни», а, по сути, сатанинской – её захлестнула чудовищная волна подмены моральных принципов и норм, потоки лжи, обмана, ненависти, жадности, страсти к бесконечным удовольствиям и развлечения, космополитизма, эгоизма, разврата, наркомании. Всё это было своеобразной артподготовкой для реализации Мировой Закулисы западного плана окончательного разрушения и расчленения России, о чём они, в связи с событиями на Украине, говорят сегодня с удивительной откровенностью» [2]. А началась эта «бесовщина» в августе 1991 года либеральной контрреволюцией в СССР. Это стало возможным, поскольку советская творческая и научная контрэлита, одержимая «*болезнью европейничанья*», русофобией и богоборчества в течение многих лет, своей неконструктивной, уничижительной критикой буквально разрушала СССР изнутри. Напомним, что курировал (а фактически поощрял) диссидентство советской творческой и научной интеллигенции генерал-полковник КГБ СССР Филипп Бобков (руководитель Пятого управления КГБ СССР) – скрытый и коварный враг Советского Союза и личный друг генсека Ю.В. Андропова. Именно при них, нам на горе, Западом успешно реализовалась в СССР лукавая теория «конвергенции» – изобретение масонов – русофобов Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера, которую наши «заклятые» друзья из-за океана использовали в 70–80-х годах XX века в рамках пресловутой политики разрядки как таран для сокрушения СССР изнутри. К сожалению, получилось.

Очень интересно пишет А.А. Зиновьев о сомнительных «играх» в эпоху «конвергенции» в среде советской творческой и научной интеллигенции. Одна такая игра – «*кукиши в кармане*» – заключалась в следующем. «*Значительная часть столичной интеллигенции заняла позицию «как бы расстрелянных».* Эти люди прекрасно устроивались в жизни и сделали успешную карьеру, но, вместе с тем, стремились выглядеть так, будто именно они суть жертвы режима. При этом они стремились урвать для себя всё – и блага режима, и репутацию борцов против режима» [3, с. 368].

Академик Н.Н. Моисеев также считал, что «кухонная интеллигентщина» вместе с партийной номенклатурой несёт ответственность за системный кризис и последующую катастрофу в нашей стране [4, с. 213].

Можно не разделять эти категорические позиции, но очевидно, что развал великого федеративного государства (Красная империя), резкое сокращение ВВП, падение уровня образования и науки, сокращение численности населения даже при наличии демократии трудно назвать большим

позитивным достижением. Несомненно, что в до-реформенном СССР науки развивалась при всех недостатках и просчётах власти и т.п., в основном, по восходящей линии. А.А. Зиновьев в своей книге «*Русская трагедия*» обращает наше внимание ещё на два фактора, сыгравших важную роль в описанном переломе во взглядах советских людей на Запад [5].

Первый из этих факторов – *убожество профессиональной информации о Западе и неспособность советского идеологического аппарата противопоставить западной пропаганде достаточно эффективную контрпропаганду. Советский Союз имел на Западе десятки тысяч своих профессионально подготовленных представителей в лице дипломатов, журналистов, шпионов, учёных и т.п. В самом Советском Союзе были бесчисленные учреждения и организации, занятые изучением Запада. Но эта гигантская армия «специалистов», за редким исключением, оказалась сбродом халтурщиков, паразитов, невежд и халуз* [5]. А гигантский идеологический аппарат, занятый пережёвыванием потерявших даже идеологический смысл марксистских догм, не смог даже в ничтожной мере использовать в контрпропаганде материалы, которыми изобиловали средства массовой информации самого Запада и которые буквально вопили о преимуществах советской экономики перед западной! Но граждане Советского Союза об этом ничего не знали и считали Америку обетованной страной, где не жизнь, а «малина», где «кисельные берега и молочные реки текут», а США это, чуть ли, не рай земной, обещанный марксистами, но на самом деле построенный на Западе, а не в Советском Союзе! Хотя всё было далеко не так.

По мнению философа и аналитика А.А. Зиновьева: «**Второй из упомянутых выше факторов, повлиявших на разрушение Советского Союза,** заключается в том, что советская творческая и научная интеллигенция, допущенная властями до непосредственного знакомства с Западом, отбиралась как представители привилегированных слоёв и оказались на Западе в исключительных условиях. Им не надо было добывать средства существования на Западе, искать работу, конкурировать с западными специалистами, приобретать жильё, платить налоги, беспокоиться о медицинском обслуживании, думать об образовании и будущем детей, трудиться в условиях западных предприятий, испытывать негативные последствия общения с соседями и коллегами по работе и т.д., то есть, они, советские интеллектуалы фактически не погружались в реальную жизнь западного общества со всеми его реальными кошмарами, о которых писали тысячи честных западных писателей и которые показывались в тысячах более или менее реалистичных фильмов, но которые советские люди просто не могли и даже не хотели замечать. У этих советских людей из научной и творческой элиты было гарантированное защищённое положение у себя дома (жильё, зарплата, медицинское обслуживание и т.д.). Они имели какие-то деньги от своего государства, а также в виде т.н. «подачек» от западных учреждений, эти деньги

тратились ими, без оглядки на то, что на них надо жить в будущем. А если они тратили свои деньги, то с лихвой их окупали, приобретая в западных магазинах вещи, дефицитные в Советском Союзе. Фактически они на Западе были в положении гостей и зевак, паразитов и спекулянтов. Для них пребывание на Западе было привилегией как для людей советских. Они видели тут то, что могли, что им Запад позволял видеть, и что они хотели видеть в силу своей мировоззренческой «зашоренности» (преклонения перед Западом), а именно – изобилие вещей в магазинах Запада, комфорт, прекрасное обслуживание и т.п., то есть они видели витрину Запада, рекламу и поверхностные проявления западной ущербной экономики потребления, а не её основы, глубины и скрытую негативную сущность. Они всё это сравнивали с тем состоянием, в каком с этой точки зрения находились их соотечественники в Советском Союзе. И все (почти все без исключения) делали вывод, будто земной рай, обещанный марксистами, на самом деле построен на Западе, а в Советском Союзе имел место «чёрный провал». Поразительно то, что такой вывод делали не какие-то плохо образованные представители низших слоёв населения, а образованные профессора, почтенные академики, маститые дипломаты и даже лица из партийно-государственной номенклатуры» [5, с. 280].

Этот процесс деградации и низкопоклонства перед Западом, о котором после Великой Отечественной войны волновался И.В. Сталин, постепенно захватил, прежде всего, высшие слои советского общества, высшее руководство и интеллектуально-идеологическую элиту страны в 1970–80-х годах XX века. Кризис советского общества начался после известного XX съезда КПСС, в ходе фактического демонтажа прежнего курса государства (построения социализма в СССР) и замены его на лукавую идеологию «конвергенции» к началу 1960-х годов. План преобразования природы и опережающего развития производства был свёрнут в СССР. Всего в тот период времени было отменено 25 общесоюзных планов и программ по основным направлениям Народного хозяйства. Хрущёвская оттепель 1960-х годов сменилась в нашей стране брежневским застоём 1970-х годов, затем, в 1980-х годах в СССР грянула горбачёвская «Перестройка» и Советский Союз в 1991 году распался, разрушенный изнутри творческой и научной контрэлитой, теневыми цеховиками, предателями-силовиками из КГБ и партийно-государственной продажной номенклатурой, возжаждавших иметь для себя западные блага, надеясь сохранить и то, что они имели в Советском обществе. Эти высшие слои советской контрэлиты (а не низшие) стали прозападно настроенными – произошло их идеологическое перерождение.

На основании всего вышеизложенного, можно смело утверждать, что кризис советского общества начал созревать на высотах идеологии и власти, а не в сфере экономики! В числе его симптомов следует упомянуть потерю чувства и сознания гражданской ответственности перед своей страной и своим народом, а также, потерю

способности объективного понимания как советской, так и западной экономики даже на уровне обыкновенного здравого смысла, не говоря уже о высотах науки.

И как здесь не вспомнить верное замечание генсека Ю.В. Андропова о советском обществе: **«Мы десятки лет жили в обществе, которое не понимали»**. А учёных было, как говорится, пруд пруди. И сейчас учёных, обслуживающих российскую власть, не счесть. А понимания социальных явлений, удовлетворяющих критериям научных подходов, так и не предвидится. К сожалению, пока руководство нашей страны пытается понравиться всем без исключения – в результате, им недовольны все. Люди с нормальной гражданской и социальной ответственностью просто не могут понять, зачем государство заигрывает с русофобским меньшинством, публично отказывающим России в праве на цивилизационную самобытность и отстаивание собственных жизненных интересов. Хочется верить в то, что высшее руководство, всё же, перестанет пытаться угодить **«и нашим, и вашим»**. Тогда дело за малым: публично изложить те принципы и идеалы, которые определили бы образ России будущего.

К сожалению, грозная опасность распада нашей Родины по-прежнему не преодолена: у России отсутствует идеология, в социальных вопросах наблюдается непростительный для великой державы **лакцизм**, то есть, снисходительное отношение государства к «пятой колонне» и минимализм в вопросах защиты нравственности и наших традиционных духовно-нравственных ценностей. Подрывные силы прозападно настроенной российской контрэлиты успешно обрабатывают наше молодое поколение в системе российского образования. России только ещё предстоит осознать необходимость строгого контроля за культурной и идеологической сферой. Всё это можно осуществить в рамках возрождения России.

Наш антропологический ориентир – не Homo eopoticus и не квалифицированный потребитель, а творческий человек достатка. Здесь ещё можно добавить и этическую формулу: защитник идеала, **«добро с кулаками»**, сборник воинствующей справедливости. Эта русская формула должна быть так или иначе обнаружена в идеологии. И всё это реально воплотить в нашу жизнь, однако при этом надо нам ещё учитывать и особенности нашего Национального характера. А народный характер составляют различные черты, в том числе и взаимоисключающие: такие, например, как смелость, и одновременно – трусость. Один литературный персонаж **А.А. Зиновьева** высказал мысль: **«Не могу понять, почему каждый русский по отдельности – гений, а все вместе – глупый народ. А мы, немцы, наоборот. Каждый из нас по отдельности – глуп, а, в целом, образуем гениальный народ»**. Так вот, говорит А.А. Зиновьев, в одном из своих интервью О. Назарову («Родная газета» от 11 июля 2003 г.), «от рождения русский народ – очень способный народ. Но отношение к способностям у нас такое, что эти способности

редко нами используются». И далее, **А. Зиновьев** в этом же интервью О. Назарову продолжает: **«Я много времени уделил изучению русского народа. Нас отличает, например, очень низкий уровень самоорганизации, очень высокий уровень холуйства, высокая степень склонности к предательству. И, конечно, очень низкая самооценка и преклонение перед другими народами»**. И что тут возразишь? Справедливо сказано! От себя добавим, что **русский человек никогда не живёт настоящим (сегодняшним днём), а только ради эфемерного, непонятого и иллюзорного «будущего»**, которое, когда настаёт или его обманывает или ужасает, приводя в состояние изумления, растерянности и хронического стресса. И действительно, про Россию XX века можно сказать, **что наша страна – это «Страна непрочитанных книг, упущенных возможностей и ... невыученных уроков истории»** [Автор]. А ещё – **«Созданное вчера считается у нас дурным завтра, а сегодня у нас создаётся то, что было уничтожено вчера»** [Автор]. Вот такие парадоксы. «Берите суверенитета сколько хотите» (Б.Н. Ельцин). Взяли – и страна распалась из-за этнического сепаратизма на окраинах Красной империи.

А вот ещё интересные мысли знаковых людей России на тему: кто мы, русские, такие? Ещё Ф.М. Достоевский заметил как-то, в своём гениальном предвидении хаоса грядущей революции в России: **«Широк русский человек, широк и склонный ко всему фантастическому и беспорядочному без внутренних ограничений – широк так, что сузить бы надо. Плохо быть широким без особой гениальности»**. Ему вторит **А.П. Чехов**: **«Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Или: «Самолюбие и самомнение у нас европейское, а развитие и поступки азиатские»** (А.П. Чехов). Наш исторический экскурс в бурные события XX–XXI века подвигает нас к мысли, что одной из главных причин обрушения нашей государственности (дважды) в XX веке, является «перманентный дух самоотречения» – отличительная черта нашего противоречивого Национального характера. И действительно, в нашем национальном характере удивительным образом уживаются два взаимоисключающих друг друга психологических комплекса: комплекс социокультурной неполноценности – «болезнь европейничанья» и комплекс социальной исключительности – **«Москва – Третий Рим, и четвертому не быть!»**, создающих антиномическое напряжение внутри мятущегося русского Духа, раздваивающих и разрывающих его целостность [6, с. 204].

По поводу этой двойственности, раздвоенности в размашистом характере и поведении русского человека писал нобелевский лауреат Иван Бунин: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений и обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из древа – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств,

от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв» («Окаянные дни», 1919 г.). То есть, в одном случае, – продолжим глубокую мысль – наблюдение Ивана Бунина, – русский народ богобоязненный, трудолюбивый, рассудительный и милосердный, а в другом случае, когда дух материализма («Золотой телец») и своекорыстия берёт верх в душе русского человека, им овладевает немотивированная злоба, жажда разрушения, одержимость и богорочество, и тогда: «Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье» (А. Герцен).

Сильно сказано, однако, и возразить здесь что-либо сложно, памятуя о том, что именно русские люди своими же руками разрушили (дважды) в XX веке своё уникальное, самобытное государство; разрушили веками налаженную, размеренную жизнь, где многие были просто счастливы, поставив, таким образом, под сомнение своё будущее, будущее своих детей, внуков, их счастливое детство.

И до отрезвления в современной либеральной России ещё весьма далеко! Повторимся, но это чревато в России очередной социальной катастрофой при недостатке умственной рефлексии и контроля ума русского человека, который в своей извечной погоне за западной завиральной «новизной» не привязан к фактам, не идёт дальше – за кулисы слова, занимаясь бездумно лишь коллекционированием слов непонятных ему, а не изучением подлинной, реальной жизни, что и было отмечено физиологом **И.П. Павловым и А.С. Пушкиным**: **«За новизной бежать смиренно народ бессмысленно привык»**.

Моральную амбивалентность (или, скорее, расхлябанность) в русском национальном характере увидел и Ф.М. Достоевский: **«О, мы, русские, непосредственны, мы Зло и Добро в удивительном смешении, мы любители просвещения и Шиллера, и в то же время мы бушем по трактирам и вырываем у пьянчужек, собутыльников наших бородёнки»** [7, с. 726].

Однако, чтобы выжить, самосохраниться, а, тем более, победить коллективный Запад перед лицом неумолимо жестокого и коварного англосаксонского врага, стоящего перед нами во всеоружии, современной России (во главе с русским, имперообразующим народом), сегодня нужны не разрушительные для российского общества глупые метания размашистой русской души на краю бездны, между **«идеалом Мадонны»** и **«идеалом содомским»**, не наше прекраснотушие, инфантилизм, равнодушие к происходящему и беспечность, не русский максимализм без внутренних ограничителей и тормозов, нам сегодня нужна не вседозволенность, а «Россия сегодня, как никогда, нужна внутренняя сила, нужна крепость духа дисциплины» (К.Н. Леонтьев), а еще, по нашему мнению, России нужна ответственность национальной элиты, профессионализм и... духовная мобилизация [8, с. 237].

Сегодня российским политикам при принятии ими тех или иных решений нужна разумная осторожность, памятуя о двух роковых исторических

ошибках февралистов (февраль 1917 г.) и прорабов «Перестройки» (август 1991 г.) в XX веке, что привело к обрушению (дважды) российской государственности на фоне паралича политической воли и власти. Знаменитый русский историк В.О. Ключевский, исследуя исторические пути движения России во времени, пришёл к выводу о том, что одним из отличительных признаков великого народа служит способность подниматься на ноги после падения и Россия это не раз демонстрировала себе самой и всему остальному миру.

Сегодня главная миссия России, – с точки зрения президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, – это нести мир, добро, согласие народам; указывать человечеству направление развития (космос, социализм, четвёртое измерение); объединять разные народы в рамках самобытной евразийской цивилизации; регулировать отношения между Западом и Востоком; останавливать глобалистов – претендентов на мировое господство и... сохранять окружающую среду [9, с. 17].

Главный урок из исторических событий XX – начала XXI вв. заключается в том, что нация, – без патриотичной, профессиональной, системной национальной элиты, выражающей интересы и чаяния своего народа – нежизнеспособна! Однако, – по мнению видного российского общественного и политического деятеля и писателя А. Проханова, – российскую современную элиту создавал Запад, покоривший нашу страну после 1991-го года. Она – продукт Запада как кока-кола, джинсы, или мюзиклы Бродвея. Эта, сфабрикованная Западом элита, уничтожила российскую промышленность с её ведущими оборонными отраслями. Эта элита отняла у народа множество технологий, умений и навыков. Эта элита отлучила народ от вековой русской работы, погрузив его в непрерывные низменные развлечения и унылое потребление. Эта элита получила на Западе ярлык на правление и правит Россией, как правили ею ордынцы во время ига.

В час смертельной войны такая элита воюет на стороне Запада, она ведёт Россию не к победе, а к поражению. Эта мягкая замшевая сила глушит энергию русского сопротивления, в ней захлёбываются политические и культурные инициативы, устремлённые к Победе!

В итоге, в результате непродуманных либеральных реформ, осуществлённых правящей советской антиэлитой в рамках теории «конвергенции», в эпоху Брежнева – Андропова, и затем – Горбачёвщины, а потом уже постперестроечной России, – под патронажем глобалистов из «Римского клуба», «Трёхсторонней конференции» и ЦРУ, – в России произошло расширение масштабов социальной поляризации российского либерального общества, снижение у большинства нашего населения жизненного уровня и рост бедности, невозможность получения качественной медицинской помощи и образования достойного уровня, слабость институтов социальной защиты, что породило неуверенность у людей в завтрашнем дне, привело и значительному усилению социальной и политической напряжённости в

российском обществе, распространению недовольства граждан общим состоянием дел в стране, ухудшению параметров качества жизни населения и, в конечном итоге, привело к снижению социальной безопасности страны. То есть, состояние и качество политической элиты страны является источником серьёзных угроз в силу ряда рисков: коррупция, безответственность, безнаказанность, групповые привилегии, демонстративное потребительское поведение, угроза перерождения, дефицит реальной идентификации элиты с государством и обществом, отсутствие жизненного опыта по эффективному управлению людьми и производством, разнонаправленность интересов политической элиты и общества.

И здесь следует отметить один важный социальный феномен, характерный для русского национального характера, то есть, только для России – отчужденность общества от власти, что является традиционной чертой отечественной политической культуры. Опасно не только само наличие дистанции между властью и российским обществом, но и разнонаправленность векторов интересов «верхов» и «низов», хотя в нормальной ситуации политическая элита и граждане должны смотреть в одну сторону – и с точки зрения их личных интересов и потребностей, и с точки зрения их восприятия интересов государства. Россия, на сегодня, это кланово-олигархический режим, который плетётся в цивилизационной колее Запада. Чтобы выстоять, Российская Федерация должна измениться – идейно, психологически и социально на фундаменте динамического консерватизма опережающего развития и Православия, ликвидации катастрофического разрыва в уровне жизни наших граждан (не было в СССР ситуации, когда 1 % населения владел 70 % национального богатства).

Нам, чтобы выжить в гибридной войне, сегодня жизненно необходима смена элит. Прозападную еврейскую русофобскую антиэлиту необходимо заменить на русскую Национальную элиту, состоящую из государственников и патриотов. И в этом – спасение возрождающейся России. Социальной прослойкой, ориентированной на будущее, становится инженерное, научное, образовательное общество. Другой группой будут люди, работающие в оборонном комплексе и служащие в российской армии. В обозримом будущем, большие усилия будут нужны, чтобы защищать нашу Родину. Именно эти две прослойки и будут определять, как и насколько быстро нам предстоит преодолеть отсталость России. Любому здравомыслящему человеку понятно, что смена экономического курса, которая позволит выбраться из нескончаемой стагнации, выйти на траекторию устойчивого роста и обрести, наконец, экономический суверенитет как основу суверенитета политического, становится условием сохранения России.

В нашем понимании Национальная элита – это лучшая группа населения страны, обладающая научным, патриотически ориентированным мировоззрением, ответственная, то есть, способная к политической и государственной мысли и деятельности во имя России, на благо своего

государства, ставящая во главу угла своей деятельности моральные ценности евразийской цивилизации, уважающая власть, свой народ и государство, способная формировать смыслы и стратегию развития в условиях жесткого цивилизационного противостояния России и враждебного Запада, любящая свой народ. Также, здесь важна способность населения страны понимать свою народную власть и вести диалог и с властью, и с элитами. И российские власти, и элиты должны понимать и вести конструктивные диалоги с народом и друг с другом – без враждебности и конфронтации. Это станет залогом государственной, экономической и политической устойчивости и жизнеспособности российского государства. Для стабильности российского общества также важно, чтобы государство четко определилось в своих основных социальных обязательствах в отношении своих граждан. Власть обязана следить за нравами (за их соблюдением в обществе) бороться с безответственностью, коррупцией, взяточничеством, кумовством, приписками, мародёрством – вообще, с безнаказанностью элит, чтобы не допустить их перерождения в антиэлиты. И, конечно, вопрос преемственности власти актуален для России сегодня как никогда, чтобы не допустить новых социальных потрясений в будущем и разрушения собственного государства, как это уже имело место быть в XX веке (дважды).

Великий русский мыслитель и пророк, неузнанный гений России историк и философ К.Н. Леонтьев (1831–1891) сформулировал на все времена пять обязательных условий стабильности России, и это:

- централизованная, сильная, народная монархическая власть – жёсткая, суровая, но справедливая российская государственность;
- свободная, самостоятельная, ни на кого не оглядывающаяся Православная церковь;
- наличие в стране национальной патриотической ответственной системной элиты из лучших граждан России и сословная иерархия;
- крепкая, здоровая патриархальная семья;
- цветущая многообразием уникальная культура России (единство – в сложности).

Несоблюдение этих важных условий стабильности России, сформулированных К.Н. Леонтьевым ещё в XIX веке, и стало причиной национальной катастрофы царской России в феврале-октябре 1917 года и советской России в августе 1991 года. А вот ещё одно из потрясающих предвидений К.Н. Леонтьева в исторической судьбе России и Европы: *«Всё человечество старо – это большой старик, и «чтобы русскому народу действительно пробыть надолго... народом – «богоносцем» он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснён». Потому Леонтьев так приветствовал сохранение сословий в обществе и крепкую власть. Иначе – из народа – «богоносца» русские незаметно для самих себя превратятся в народ – «богоборец»!*

[10, с. 403]. К.Н. Леонтьев видел Россию самостоятельным культурно-историческим типом цивилизации, будущее которой зависит от умения противостоять враждебной Европе [11, с. 388].

Считаем, что спасение России – в единстве народа, национальной элиты и власти, основанном на христианских ценностях и нормах, на нравственной силе, на социальной справедливости на образе будущего, привлекательном для всего российского общества. И это будет солидарное общество с сильными социалистическими элементами, которое будет ориентировано не на утилизацию человеческого «материала», а на его прогресс и развитие. Причём, это должно быть солидарное рыночное государство – корпорация, где все граждане являются ассоциированными собственниками значительной доли национальных активов (основного массива активов данного государства – корпорации).

Однако на сегодня, по данным Global Wealth Report за 2019 год, на долю самых богатых россиян (1 %) приходится 58,2 % всех личных активов в России. Это позволило маркировать либеральную Россию как страну с самым высоким имущественным неравенством среди 40-ка наиболее экономически значимых государств мира. **Индекс Джини** (показатель распределения доходов по всем группам населения) по накопленному богатству в РФ совершенно за пределами и составляет, по разным подсчётам, от 0,83 до 0,88. Сегодня в России построено «общество двух третей наоборот», уже устоявшийся непотребный уклад, в котором две трети населения – бедняки [12, с. 42]. Сложившаяся сегодня ситуация в нашей стране с колоссальным имущественным и социальным расслоением российского общества глубоко противоречит мнению русского философа И.А. Ильина, которое переключается с мыслями А.С. Пушкина о жизненной цели русского народа, и это: «Жить в глубочайшей цельности и искренности – божественными содержаниями – в совершенной форме...» [13, с. 55–56].

С учётом испытаний, выпавших на нашу долю в XX веке, можно сказать, что сегодня именно русские знают, что такое жизнь под идеологическим и экономическим прессингом и что такое жизнь в условиях полной анархии, что такое реальный социализм и что такое волчий либерализм. Этот бесценный опыт Русской цивилизации позволяет ей теперь вернуться к идеологической оси и осуществить новую сборку общественного целого. **Через всё это уже сейчас приоткрывается нарождающаяся идеология в нескольких геостратегических проектах, которые как бы исподволь уже осуществляются Россией:** это и восстановление в Арктике полярной русской цивилизации, разрушенной в 1990-е годы;

– закрепление России на Дальнем Востоке, где она осуществляет ключевые высокотехнологичные производства;

– это южный средиземноморский проект с военными базами в Осетии, Абхазии, в Крыму и в Сирии;

– это защита населения Донецкой и Луганской народных республик от бандеровцев – неонацистов;

– это миротворческая операция на Украине с целью демилитаризации и денацификации Украины и её возвращения в лоно «Русского мира».

Русским постоянно приходится сражаться за свою Победу, испытывая огромное напряжение внешнего давления враждебного англосаксонского мира, которому «для его выживания нужны ресурсы всего человечества» (А. Зиновьев). Поэтому в XXI веке русский народ как государственное целое, как носитель евразийской цивилизации должен, как никогда, быть политически и исторически зрячим, чётко представлять, кто он и куда идёт. Кто его друзья, а кто его традиционные враги [14, с. 69].

Мы абсолютно согласны с Президентом РФ Владимиром Путиным, который в своём обращении к гражданам России, в связи с началом миротворческой операции на Украине от 25.02.2022 сказал о будущем России: «Настоящая сила в справедливости и правде, которая на нашей стороне. А если это так, то трудно не согласиться с тем, что именно сила и готовность к борьбе лежат в основе независимости и суверенитета, являются

тем необходимым фундаментом, на котором только и можно надёжно строить своё будущее, строить свой дом, свою семью, свою Родину» [15, с. 1–2]. Действительно, сегодня мы, русские, оказались в пересменке истории, на перепутье, и нам не от кого ждать подсказок – ни от Запада, ни от Востока. Секрет нашей победы – в нас самих. Как сказал великий русский поэт Фёдор Тютчев: «Истинный защитник России – это история. Историей в течение трёх столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу». От себя добавим, что господином истории, главным её вершителем является наш Бог Иисус Христос – Он и есть главный защитник России на крутых изломах отечественной и мировой истории. Предназначение России, её миссия понимается сегодня через осознание своей особой роли в мире. Она заключается в сохранении идеалов христианства в его изначальном виде, служении добру, справедливости в своём Отечестве и мире, защите народов, сохранении их традиций и культур, а также борьбе с силами мирового зла («удержании мирового зла», то есть, удержании мира от сползания в «царство беззакония»). Русский народ сегодня всё больше интуитивно осознает несовместимость западной и российской цивилизации на самом глубоком уровне – метафизическом. На кону – судьбы и России, и мира.

Литература:

1. *Гулыга А.В.* Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 211–212.
2. *Соколова Р.* Метафизика западной цивилизации в свете современных представлений на Украине / Р. Соколова // Ж. Изборский клуб. Стрелы победы. 2022. № 8(106). С. 113.
3. *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. С. 368.
4. *Моисеев Н.Н.* Избранные труды. М., 2003. С. 213.
5. *Зиновьев А.* Русская трагедия. М. : Родина, 2020. 280 с.
6. *Бачинин В.А.* Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом / В.А. Бачинин // Исторические очерки политической теологии и культурной антрологии. СПб. : Алетейя, 2005. С. 204.
7. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: в двух томах. Том второй, части III, IV. ТОО «Можайск-Терра», 1995. С. 726.
8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М. : ДАРЪ, 2005. С. 237.
9. *Аверьянов В.В.* Русский Ковчег: Альтернативная стратегия мирового развития / В.В. Аверьянов // Изборский клуб. 2020. № 1(77). С. 17.
10. *Волкогонова О.* Жизнь замечательных людей. Константин Леонтьев. М. : Молодая гвардия. 2013. С. 403.

Literature:

1. *Gulyga A.V.* Creators of the Russian Idea. M. : Molodaya Gvardiya, 2006. P. 211–212.
2. *Sokolova R.* Metaphysics of Western civilization in the light of modern ideas in Ukraine / R. Sokolova // Zh. Izborsky club. Arrows of Victory. 2022. № 8(106). P. 113.
3. *Zinoviev A.A.* Confessions of a renegade. P. 368.
4. *Moiseev N.N.* Selected works. M., 2003. P. 213.
5. *Zinoviev A.* Russian tragedy. M. : Rodina, 2020. 280 p.
6. *Bachinin V.A.* National idea for Russia: the choice between Byzantism, evangelism and secularism / V.A. Bachinin // Historical essays on political theology and cultural anthropology. SPb. : Aleteyya, 2005. P. 204.
7. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov: in two volumes. Volume two, parts III, IV. LLP «Mozhaisk-Terra», 1995. P. 726.
8. *Leontiev K.N.* Byzantism and Slavism. M. : DAR, 2005. P. 237.
9. *Averyanov V.V.* Russian Ark: An Alternative Strategy for World Development / V.V. Averyanov // Izborsky Club. 2020. № 1(77). P. 17.
10. *Volkogonova O.* Life of wonderful people. Konstantin Leontiev. M. : Young Guard. 2013. P. 403.

11. *Волкогоронова О.* Жизнь замечательных людей. Константин Леонтьев. М. : Молодая гвардия, 2013. С. 388.

12. Идеология Победы как национальный проект (интегральный доклад Изборского клуба) // Изборский клуб. 2021. № 10(96). С. 42.

13. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина / И.А. Ильин // Изборский клуб. 2020. № 9(95). С. 73.

14. *Зиновьев А.* Изборский клуб. № 5. С. 69.

15. Сила – в справедливости и правде. А правда на нашей стороне. Обращение президента РФ Владимира Путина // «Российская газета». 2022. № 41(8689). С. 2.

11. *Volkogonova O.* Life of wonderful people. Konstantin Leontiev. M. : Young guard, 2013. P. 388.

12. The ideology of Victory as a national project (an integral report of the Izborsk club) // Izborsk club. 2021. № 10(96). P. 42.

13. *Ilyin I.A.* Pushkin's prophetic vocation / I.A. Ilyin // Izborsk club. 2020. № 9(95). P. 73.

14. *Zinoviev A.* Izborsky club. № 5. P. 69.

15. Strength is in justice and truth. And the truth is on our side. Address of the President of the Russian Federation Vladimir Putin // Rossiyskaya Gazeta, 2022. № 41(8689). P. 2.

Максимович Александр Владимирович
аспирант,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
amaksimovich-22@ranepa.ru

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. Социальное прогнозирование является важной сферой научной и управленческой деятельности. Для современных обществ, характеризующихся структурной сложностью и высоким динамизмом, проявления неопределенности и нестабильности являются практически нормальным состоянием. Поэтому не только осуществление, но и исследование феномена социального прогнозирования является актуальной задачей. Целью данной статьи является рассмотрение социального прогнозирования в условиях неопределенности на основе анализа имеющихся теоретических подходов к этой проблеме.

Ключевые слова: социальное прогнозирование, управленческая деятельность, неопределенность, социальное развитие, государственное управление, информационное общество.

Социальное прогнозирование может осуществляться на разных уровнях социальной реальности: начиная от уровня отдельных организаций до государственного уровня или даже до уровня глобальных процессов. Социальное прогнозирование выступает важнейшей практикой, позволяющей выработать общие ориентиры деятельности, предугадать и минимизировать возможные риски, осуществить планирование и распределение ресурсов. Иными словами, социальное прогнозирование – это возможность в какой-то степени контролировать будущее.

Существуют различные определения социального прогнозирования. В одном из словарей по социологии управления оно определяется следующим образом: «специфическая научная деятельность, которая исходит из многозначности и многовариативности изменений социальных систем и возможности вероятностных утверждений об их будущем с относительно высокой степенью достоверности» [1]. К этому определению следует добавить, что социальное прогнозирование – это не только научная, но и практическая деятельность, осуществляемая сегодня в самых разных областях социальной жизни. Однако практика не

Alexander V. Maksimovich
Graduate Student,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
amaksimovich-22@ranepa.ru

THEORIES OF SOCIAL DEVELOPMENT AS A FORM OF SOCIAL FORECASTING UNDER IN THE CONTEXT OF UNCERTAINTY

Annotation. Social forecasting is an important area of scientific and management activity. For modern societies, characterized by structural complexity and high dynamism, manifestations of uncertainty and instability are almost a normal state. Therefore, not only the implementation, but also the study of the phenomenon of social forecasting is an urgent task. The purpose of this article is to consider social forecasting in the context of uncertainty based on an analysis of the available theoretical approaches to this problem.

Keywords: social forecasting, management activity, uncertainty, social development, public administration, modernization, information society.

может осуществляться без опоры на теоретический фундамент.

Неопределенность – неустранимый фактор человеческой жизни. Однако отношение к этому фактору меняется в различных условиях, меняется и само понимание неопределенности. Можно было бы выделить два типа – глобальную и ситуативную неопределенность. Если посмотреть в перспективе на историю человеческих обществ, можно обнаружить, что на протяжении большей части человеческой истории люди имели дело с ситуативной неопределенностью, глобальная же неопределенность не осознавалась как проблема. Под глобальной неопределенностью мы понимаем здесь неопределенность жизненной ситуации в целом, принципиальную открытость будущего – не только будущей судьбы отдельного человека, но будущего общества. Ситуативная неопределенность вызвана возможным воздействием неких факторов, меняющих конкретные обстоятельства, но не оказывающих принципиального воздействия на формы социального существования в целом.

Ситуативная неопределенность в традиционных обществах была связана с возможными угрозами,

такими как, например, угроза недостатка ресурсов (возможный неурожай, голод), угроза жизни – болезни, военная агрессия. Проблемы, с которыми регулярно сталкивались люди в традиционных обществах, были достаточно однотипными, предсказать общий ход событий и выработать необходимую стратегию действий не представляло особого труда. Экзистенциальная же неопределенность снималась в рамках религиозных ритуальных практик.

Неопределенность, с которой имеют дело общества модерна и постмодерна, принципиально иная. Переход от традиционных обществ к обществу модерна в Европе занял несколько веков и сопровождался глубокими изменениями социальной структуры, острыми социальными конфликтами, формированием новых социальных групп и разрушением прежних. Предсказуемость и стабильность социального уклада стала достоянием прошлого, открытым и непредсказуемым оказалось не только будущее отдельных людей, но и будущее общества в целом. Развитие научного знания разрушило религиозную картину мира, наряду с социально-экономической и политической нестабильностью возникла и нестабильность мировоззренческая. Выход модернизации на пределы западного мира вызывал столь же глубокие потрясения социальных и культурных устоев в других обществах.

Ответом на вызов социальных потрясений стали попытки научного их осмысления, выявления закономерностей социального развития и социальной организации, что подразумевало возможность преодоления неопределенности и контроля социальных процессов, возникли представления о возможности социальной инженерии различного масштаба.

Формирование государств современного типа, управляемых при помощи рациональной бюрократии, а также современного промышленного производства, которое также нуждалось в рациональном управлении, организации, планировании и прогнозируемости, способствовало тому, что общества в самых разных своих аспектах становились всё более подверженными целенаправленному регулирующему воздействию со стороны специализированных структур.

Однако распространение различных практик регулирования не устраняло воздействие неопределенности, а скорее способствовало тому, что работа в условиях неопределенности превращалась в своеобразную норму. Прогнозирование, планирование, проектирование в современных обществах становятся устойчивыми управленческими практиками в самых разных областях деятельности – от политики до культуры.

Даниел Белл, автор одного из самых известных исследований, посвященных социальному прогнозированию, писал: «Социолог всегда испытывает соблазн выступить в роли если не пророка, то провидца» [2]. Речь идет о претензиях, заложенных во всех социологических концепциях социального развития. Любая схема социального развития, претендующая на универсальность,

логически превращается в инструмент социального прогнозирования, пытающегося уловить и определить развитие тех или иных тенденций. Ярчайшим примером такой попытки была концепция исторического развития, предложенная Карлом Марксом. Но прогностический элемент содержали и концепции Огюста Конта и его учителя – Анри де Сен-Симона. Макс Вебер не предлагал стадийных теорий, но и его интерпретация современного капиталистического общества содержала в себе элементы прогнозирования, включая, например, прогнозирование дальнейшего нарастания бюрократизации и рационализации.

Практически все авторы социологических теорий, выделявшие стадии исторического развития, претендовали на то, что располагают определенным видением будущего – и наиболее очевидным оно должно было выглядеть для тех обществ, которые несколько запаздывали в своем развитии и располагали «образцом» в виде обществ наиболее продвинутых, на который могли ориентироваться. Даже с учетом позднейшей критики многие тенденции социального развития эти авторы определяли правильно. Проблема заключалась в недостаточном учете ряда важных факторов, в частности, значения культурной специфики для осуществления тех или иных социальных и политических изменений.

Остановимся на некоторых общих теориях социального развития.

Теории индустриального общества. Временем расцвета теорий индустриального общества были 50–60-е гг. XX века. Наиболее яркими представителями этого подхода к анализу общества считаются Дж. Гэлбрейт и Р. Арон. Согласно Гэлбрейту, ключевая роль в индустриальном обществе принадлежит инженерным и управленческим знаниям и навыкам, его концепция может быть рассмотрена в ряду многочисленных технократических концепций, подчеркивающих роль управленцев-специалистов-технократов в современных развитых обществах.

Согласно Арону, индустриальное общество обладает следующими основными чертами: отделение производства от семьи, глубокое разделение труда, индустриальное производство, нацеленное на накопление капитала, усиление роли рационального расчета не только в производстве, но во всех сферах деятельности, высокая степень концентрации рабочей силы и необходимость организации производственной деятельности. Он также отмечал, что эти черты присутствуют как в капиталистических, так и в социалистических обществах, потому идеологические различия между этими обществами не имеют большого значения. И социалистические, и капиталистические общества принадлежат к одному типу – индустриальному. Промышленное производство как доминирующая сфера экономики подразумевало широкое применение различных практик научного управления, включающих элементы планирования и прогнозирования.

Теории индустриального общества противостояли также и марксизму, основанному на

убеждении в неизбежности краха капиталистического общества. Теории индустриального общества подчеркивали способность капиталистических обществ к изменению и не были склонны абсолютизировать различия между двумя версиями «единого индустриального общества». Теории индустриального общества сохраняли прогрессистское видение истории, и некоторую общность с марксизмом – в том плане, что и для них экономические, производственные факторы выступали важнейшим двигателем социального развития.

Теория постиндустриального общества. Тесно связанными с теориями индустриального общества были концепции общества постиндустриального, переход к которому констатировался многими авторами на основе анализа новейших трендов социально-экономического развития зрелых индустриальных обществ.

Наиболее ярким представителем теории постиндустриального общества был Даниел Белл, чья основная работа называлась «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». Название работы указывало на то, что постиндустриальное общество еще не является свершившимся фактом, однако, анализ тенденций развития индустриальных обществ, указывал, по мнению Белла, на скорый переход к обществу нового типа.

Основными прогнозируемыми чертами этого общества будут:

- усиление роли теоретического знания;
- возрастание роли социального класса носителей этого знания;
- перемещение основной массы работников из сферы производства в сферу услуг и расширение этого сектора экономики, модификация труда, который станет, в основном, взаимодействием человека с человеком, а не взаимодействием с техникой, как это было преимущественно в индустриальном обществе.

Белл выделяет также изменение структуры неравенства, дальнейшую технизацию производства и жизни, в целом. В связи с важностью последнего фактора, постиндустриальное общество обозначали также как «информационное». И, наряду с теориями постиндустриального общества, возникло множество теорий **общества информационного**, в рамках которых их создатели пытались прогнозировать социальные, культурные и экономические последствия развития информационных технологий.

Теории информационного общества. Подобных теорий было предложено довольно много. Наиболее разработанной и масштабной была

Литература:

1. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / Под ред. А.В. Тихонова. М., 2015.

концепция, изложенная Мануэлем Кастельсом в трехтомной работе «Информационная эпоха». Кастельс прослеживает, как информационные технологии меняют все сферы социальной жизни от политики до формирования идентичностей. Он говорит о формировании культуры реальной виртуальности, о том, что в информационную эпоху вся реальность кодируется средствами коммуникации и то, что не существует в пространстве сети, не существует для современного человека вообще. Кастельс говорит и об изменении характера капитализма, который превращается в глобальный «информационный капитализм».

Пытаясь прогнозировать характер новой реальности, формируемой информационными технологиями, Кастельс пишет, в частности: «Это система, в которой сама реальность (то есть материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [3].

Кастельс уделяет много внимания и анализу глобализации, в осуществлении которой информационные технологии играют огромную роль. Концепции глобализации, также содержащие значительный прогностический компонент, стали особенно популярными в 80–90-е гг. XX века. Так или иначе, различные концепции глобализации исходили из признания необходимости и неизбежности распространения в глобальном масштабе западных институтов и ценностей.

Концепции постиндустриального и информационного общества оказались, практически, последними попытками масштабного теоретического социального прогнозирования. В начале XXI века, в связи с общим мировоззренческим и идеологическим кризисом, связываемым с эпохой постмодерна, очертания будущего оказались размытыми, что усиливает неопределенность.

Прогнозирование будущего связывается сегодня не столько с «большими теориями», сколько с ожиданиями, связанными с развитием науки и технологий, способными внести какие-то радикальные изменения в судьбу цивилизации, а также, с прогнозированием возможных проблем и рисков, возникающих на различных уровнях социальной реальности. В условиях осознания растущей неопределенности и уязвимости человечества перед многочисленными рисками, роль социального прогнозирования возрастает.

Literature:

1. Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary / Ed. A.V. Tikhonova. M., 2015.

2. *Bell D.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. М. : Academia, 2004. С. 63.
3. *Castells M.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. URL : <http://www.vusnet.ru/biblio/download.aspx?id=3064> (дата обращения 25.09.2022).
4. *Agadzhanian A.* «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и неизбежность секулярного Модерна (теоретическое эссе) / А. Агаджанян // Государство религия церковь. 2012. № 1. С. 83–110.
5. *Maksimovich A.V.* Средства массовой информации: толерантность, ксенофобия и экстремизм в молодежной среде / А.В. Максимович // Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-н/Д. : РГУПС, 2005. С. 92–95.
6. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrucken : LAP LAMBERT, 2017. 124 p.
7. *Samygin S.I.* Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности / С.И. Самыгин, О.В. Степанов // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 54–59.
8. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 / Н.Х. Гафиатулина, В. В. Касьянов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2020. 178 с.
9. *Zinchenko G.P.* Социология управления : учебно-метод. комплекс / Г.П. Зинченко, Я.Г. Зинченко. Ростов-н/Д. : Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2013. 150 с.
10. *Zinchenko G.P.* Инженеризация публичного администрирования / Г.П. Зинченко, Я.Г. Зинченко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 180–184.
11. *Zinchenko Ya.G.* Бюрократия: динамика и трансформация / Я.Г. Зинченко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 3. С. 188–200.
2. *Bell D.* The coming post-industrial society. Experience of social forecasting / D. Bell; Translation from English. Ed. 2nd, rev. and additional. M. : Academia, 2004. P. 63.
3. *Castells M.* Information era: economy, society, culture. URL : <http://www.vusnet.ru/biblio/download.aspx?id=3064> (date of the application 09/25/2022).
4. *Agadzhanian A.* «Multiple modernities», Russian «damned questions» and the inviolability of secular Modernity (theoretical essay) / A. Agadzhanian // State religion church. 2012. № 1. P. 83–110.
5. *Maksimovich A.V.* Mass media: tolerance, xenophobia and extremism in the youth environment / A.V. Maksimovich // Problems of education of tolerance and prevention of extremism in the youth environment: materials of the All-Russian scientific-practical conference. Rostov-on/D. : RGUPS, 2005. P. 92–95.
6. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrucken : LAP LAMBERT, 2017. 124 p.
7. *Samygin S.I.* Social security in the system of social and humanitarian knowledge about security / S.I. Samygin, O.V. Stepanov // Social and humanitarian knowledge. 2014. № 11. P. 54–59.
8. Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, P.S. Samygin, S.I. Samygin. M. : Limited Liability Company «Rusigns», 2020. 178 p.
9. *Zinchenko G.P.* Sociology of management: Educational and methodical complex / G.P. Zinchenko, Ya.G. Zinchenko. Rostov-on/D. : South Russian Institute of Management – a branch of the federal state budgetary educational institution of higher professional education Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (YURIUF RANEPА), 2013. 150 p.
10. *Zinchenko G.P.* Engineering of public administration / G.P. Zinchenko, Ya.G. Zinchenko // State and municipal management. Scientific notes. 2018. № 3. P. 180–184.
11. *Zinchenko Ya.G.* Bureaucracy: dynamics and transformation / Ya.G. Zinchenko // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2012. № 3. P. 188–200.

**Муллахмедов
Хаджимурад Сайдахмедович**
аспирант кафедры психологии
и социально-культурного сервиса,
Дагестанский государственный
технический университет
mr.mullakhmedov@mail.ru

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО: ОЦЕНКИ И ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматривается корпоративное волонтерство и его распространение в современном дагестанском обществе. Показано, что государственные и частные предприятия и организации активно участвуют в добровольческом движении. Однако имеется отличительная черта, которая выражается в том, что корпоративное волонтерство и благотворительность порой подменяют друг друга, что показали данные авторского исследования. Опрошенное население больше осведомлено о благотворительных фондах и их деятельности, по сравнению, с корпоративным волонтерством. Результаты исследования показывают, что респонденты содержание корпоративного волонтерства в основном усматривают в реализации социальных программ.

Ключевые слова: волонтерство, волонтер, корпоративное волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, дагестанское общество, благотворительность, бедность, материальное неблагополучие, социальная незащищенность.

Введение. В постсоветский период наблюдается активизация деятельности бизнес-общества, которое стало участвовать в реализации социально значимых программ, оказывать помощь социально-незащищенным категориям населения; причем, субъектами оказания такой помощи выступали не только сотрудники компаний, частных фирм, заводов, фабрик, но и люди, которые столкнулись с определенными проблемами, которые они не в силах решать самостоятельно. Справедливости ради, следует отметить, что корпоративное волонтерство не является новым для российского общества явлением, потому что в советский период имело широкое распространение шефство и масштабы его распространения были большими.

Прежде чем перейти к анализу института волонтерства, следует изложить суть данного явления. По истории появления волонтерства, его функций, типах и специфике в отечественной науке

Hadzhimurad S. Mullahmedov
Postgraduate Student
of the Department of Psychology
and Socio-Cultural Service,
Dagestan State Technical University
mr.mullakhmedov@mail.ru

CORPORATE VOLUNTEERING: ASSESSMENTS AND PERCEPTIONS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF DAGESTANIS

Annotation. The article discusses corporate volunteering and its spread in modern Dagestan society. It is shown that public and private enterprises and organizations actively participate in the voluntary movement. However, there is a distinctive feature, which is expressed in the fact that corporate volunteering and charity sometimes replace each other, as shown by the data of the author's research. The surveyed population is more aware of charitable foundations and their activities, compared with corporate volunteering. The results of the study show that respondents mainly see the content of corporate volunteering in the implementation of social programs.

Keywords: volunteering, volunteer, corporate volunteering, volunteerism, volunteer activity, Dagestan society, charity, poverty, material disadvantage, social insecurity.

существуют фундаментальные исследования, в частности, работы Н.И. Горловой [1], С.Г. Климовой и И.А. Климова [2], Л.А. Кудринской [3], А.В. Невского [4], М.В. Певной [5] и др.

Если обратиться к корпоративному волонтерству, то ему уделяется большое внимание в отечественной науке, в частности, в исследованиях Ю. Белановского [6], С.М. Восленского [7], А. Гарибяна [8], Н.П. Гатиной [9] и др.

Таким образом, можно констатировать, что из года в год наблюдается повышение интереса к волонтерству, в целом, и участию в волонтерской работе, в частности. Особенно активно в данном процессе молодое поколение и интерес к этой работе формируется в учебных заведениях [10]. К сожалению, оказалось забытым распространенное среди подростков «тимуровское» движение, на основе которого в общественном сознании

формировалось чувство сострадания, сочувствия, желания оказать посильную помощь нуждающимся, причем, не только людям, но и пострадавшим животным.

Либерально-демократические ценности с тезисами защиты прав человека искоренили из жизни человека представления о необходимости оказать помощь и содействие незнакомому человеку. Вместе с тем, существовавшие не одно десятилетие принципы взаимопомощи, в реальной жизни оказались востребованными и активное участие в этом принимают не только простые граждане, но и государственные и частые кампании. Поэтому в полной мере можно согласиться с мнением о том, что «интерес политиков и социальных аналитиков к теме волонтерства/добровольчества... в последние годы не уменьшился. Со временем, первоначальный энтузиазм по поводу роста разнообразных форм социальной активности россиян сменился более критичной, но и более спокойной аналитической работой, выявляющей особенности, имманентные трудности и внешние препятствия для этой формы общественной активности» [11, с. 59].

Что такое корпоративное волонтерство? Каковы механизмы его осуществления? Как и кто должен заниматься организационным аспектом корпоративного волонтерства? Куда направить благотворительный сбор? – это далеко не полный перечень вопросов, которые требуют своего осмысления.

Корпоративное волонтерство, «прежде всего, это система общих ценностей, основанная на взаимодействии между клиентами, сотрудниками и обществом» [12]. Однако «с волонтерством, вообще, все не очень хорошо, а с корпоративным – еще хуже. К тому же, коммерческая организация просто так привлечь волонтеров не может, ей нужно создавать какой-то благотворительный фонд. Либо ей нужно направлять волонтеров в какие-то некоммерческие организации. В целом, понятно, что речь идет о добровольцах, которые организуются, благодаря компании, которая является их основным местом деятельности. Это может быть инициатива снизу, когда сотрудники начинают кому-то помогать, а компания поддерживает их материально, морально и как-то еще. Или сверху, что бывает еще чаще. Какая-то деятельность в рамках корпоративной стратегии либо в рамках своих собственных идей о том, как нужно работать с человеческими ресурсами..., чтобы сплотить коллектив, повысить его командный дух» [13]. Аналогично звучит позиция «не интерес бизнеса к тому, что происходит в сфере благотворительности, особенно ярко контрастирует на фоне того, как бизнес хочет нас всему научить. Они говорят что-то вроде: «Ну, вы же понимаете, чтобы с нами сотрудничать, вы должны соответствовать». У них не возникает идеи спросить: «Скажите, а чему мы должны соответствовать, чтобы вы стали нашими партнерами?» [14, с. 95].

Какие предпочтения имеют участники корпоративного волонтерства?

О. Решетников выделяет следующие преимущества:

- «1) денежный дар как рычаг;
- 2) рекрутинг сотрудников;
- 3) стабильные обязательства;
- 4) групповая работа;
- 5) лидерство;
- 6) новые способности;
- 7) укрепление имиджа корпорации;
- 8) развитие корпоративной культуры, корпоративной сплоченности;
- 9) разнообразии видов социальной деятельности организации свободного времени;
- 10) создание новых социальных связей, способствующих» [15, с. 24].

Результаты исследования. В рамках исследования корпоративного волонтерства в Дагестане, был проведен пилотажный опрос. Результаты на вопрос: «Какие благотворительные фонды, организации, проекты Вы знаете?» показывают, что опрошенные хорошо информированы о фонде «Инсан» (73,1 %), что вполне объяснимо – он активно участвует в помощи социально-незащищенным категориям населения. Далее, 57,1 % указали на «Чистое сердце», 63,5 % отметили Благотворительный фонд имени Сайидмухамада Абубакарова, 35,1 % – «Благосфера» (фонд, помогающий детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации), 31,3 % подчеркнули «Фирдаус», 24,1 % – «Живи и Дари Жизнь Другим», 19,3 % – «Теплый дом на горе», 18,1 % – «Надежда».

Следует отметить, что из 680 некоммерческих организаций 103 являются благотворительными фондами, но опрошенное дагестанское население информировано только о тех фондах, которые ведут активную благотворительную деятельность. При этом их количество существенно увеличилось с 62 в 2012 г. до 171 в 2021 г. [16].

Далее, был задан вопрос, показывающий степень участия опрошенного населения в благотворительности. Подавляющая часть респондентов ответила, что они выплачивают закят и считают это посильной помощью для нуждающихся (73,4 %). Далее, 58,3 % помогают одеждой, продуктами питания; одна треть перечисляет денежные средства в фонды, которые объявляют сбор на оказание высоко квалифицированной помощи. В ходе исследования было выявлено, что имеются, если так можно назвать, «личные благотворительные фонды», когда человек по личной инициативе привлекает своих друзей, знакомых, родственников для оказания помощи бедным категориям населения. Как удалось выяснить автору, 1 человек вместе с другими (обычно 3–4 человека) берут под опеку несколько семей (количество зависит от изначально собранной суммы) и ежемесячно от имеющихся средств оказывают помощь

(покупают продукты, овощи, фрукты, если есть дети, то смеси, памперсы, или же отдельно на них деньги). При этом по собранным деньгам велся отчет и в социальных сетях показывали, кому и в какой сумме была оказана помощь. К сожалению, в группе, которой помогали, как выяснили сами добровольцы, отвозившие помощь, оказались не порядочные люди, которые пользовались помощью этих людей, что, в конце концов, привело к тому, что такая работа была свернута.

Далее, данные на вопрос показывают, что подавляющая часть опрошенного населения не имеет представления о существовании на территории Дагестана корпоративного волонтерства (71,2 %). Знают, что государственные и частные кампании оказывают помощь нуждающимся 19,3 % процента, и, в основном, они называли С. Керимова, который каждый год отправляет дагестанцев в хадж. При этом, по мнению 40,1 % респондентов, корпоративное волонтерство заключается в реализации социальных программ, включающих помощь детдомам, геронтологическим центрам, школам-интернатам; 37,3 % отмечают важность участия в решении экологических проблем, 22,2 % суть данной деятельности усматривают в налаживании наставничества, как это было при социалистическом строе, когда на предприятиях, заводах, фабриках оно имело распространение; наряду с решением вопроса загрязнения природы, 20,4 % указали на необходимость озеленения территории проживания, и этот вопрос очень актуален для Махачкалы, когда при обновлении дорожного полотна были вырублены деревья. Есть в городе улицы, на которых нет ни одного дерева, что причиняет большие неудобства для горожан в летнее время. Очень часто люди сталкиваются с необходимостью получить консультации у юристов, врачей, социальных педагогов, и в данном направлении, разумеется, корпоративное добровольчество могло бы оказать существенную поддержку, особенно неимущим гражданам. При этом статистически незначимая часть указала на отсутствие потребности в корпоративном волонтерстве (3,0 %), видимо, это обусловлено тем, что данная когорта уверена в собственных силах и не видит необходимости обращаться за помощью к незнакомым людям. Вместе с тем, одна пятая часть респондентов затруднилась выразить свою позицию, и это объясняется тем, что, по мнению автора, они не знают, во-первых, о волонтерстве, в целом, во-вторых, что в российском обществе существует корпоративное добровольчество и его функции существенны, в первую очередь, в формировании позитивного климата внутри коллектива.

Каковы масштабы распространения корпоративного волонтерства в Дагестане? К сожалению, статистические данные не показывают реальную картину, и остается только предположить, что на республиканском уровне предприятия оказывают помощь нуждающимся. Поэтому больше половины опрошенных затруднились ответить на вопрос: «Как Вы думаете, в последнее время, число предприятий, заводов, фабрик оказывающих помощьросло?» По мнению 24,1 % опрошенных, доля таковых снизилась на фоне ухудшения социально-экономического положения, роста цен,

изменения самой социальной политики государства в пандемийный период. Затруднились ответить на вопрос 23,1 % респондентов. В массив исследования попали респонденты, работающие в частном секторе. При конкретизации вопроса о том, какую помощь оказывает организация, в которой они трудятся – результаты исследования показывают, что они представления не имеют о социальной деятельности своей организации. При этом основная часть ответивших отметила, что их предприятие занимается волонтерской деятельностью; акцент делали на том, что во время религиозного мусульманского праздника, организация участвует в коллективном ифtare (совместное принятие пищи во время поста месяца Рамадан), то есть, выделяют деньги на продукты. Несомненно, что в дагестанском обществе есть социальная группа, которая проживает за чертой бедности. Общественные деятели, политики подчеркивают, что тревогу вызывает низкий уровень материальной обеспеченности именно занятых на производстве: низкий уровень оплаты труда не позволяет им обеспечить достойный уровень жизни.

В связи с вышесказанным, возникает необходимость в определении понятия «социальное служение». Что это такое? Оно заключается в оказании помощи нуждающимся людям.

В русле религиозного понимания, данное явление было изучено О.И. Антоновой и Н.Б. Костиной, которые пришли к выводу о том, что «осуществление социальных функций во всем их многообразии и, прежде всего, связанных с социальной защитой (в узком смысле), с социальным обслуживанием, патриотическим и нравственным воспитанием, является «полем сотрудничества» общностей различной конфессиональной принадлежности, с одной стороны, и религиозных общностей и государства, с другой» [17, с. 94]. Иными словами, по мнению автора, корпоративное волонтерство должно быть социальным служением, социальной ответственностью бизнеса, социальностью, и такой подход позволит консолидировать многонациональное и поликонфессиональное общество. К сожалению, состоятельные люди свое предназначение усматривают исключительно в том, чтобы помогать религиозным центрам, что ни в коей мере не вызывает вопросов – это право человека, но лучше было бы, если состоятельный человек участвовал в реализации социальных программ, в данном случае, в строительстве школ, детских садов, в которых ощущается огромная нехватка, особенно в крупных городах (в Махачкале остро о себе дает знать эта проблема – дети занимаются в школах в 3 смены; более того, большие классы, что не позволяет педагогам эффективно осуществлять учебный процесс). Также, желательным является активизация корпоративного волонтерства в разрешении экологических проблем, в частности, в восстановлении экосистемы, например, озера Ак-Гель.

Заключение. Анализ корпоративного волонтерства показывает, что данная форма оказания помощи в Дагестане в общественном сознании имеет слабое представление и большей частью связывается с благотворительностью.

Респонденты осознают важность оказания помощи социально незащищенным категориям населения, а также тем, кто столкнулся со сложной жизненной ситуацией. Видимо, корпоративное волонтерство должно заключаться в решении

множества значимых социальных проблем, которым государство не уделяет в полной мере внимания: строительство социальных объектов, защита окружающей среды, восстановление поврежденной экосистемы и т.д.

Литература:

1. Горлова Н.И. Отражение истории волонтерства советского периода в фондах центральных российских архивов / Н.И. Горлова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3.

2. Климова С.Г. Социокультурные и институциональные механизмы и ресурсы современных и советских солидарных практик (на примере советского шефства и корпоративного волонтерства) / С.Г. Климова, И.А. Климов; Отв. ред. М.К. Горшков // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 18. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 55–59.

3. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика / Л.А. Кудринская // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.

4. Невский А.В. Социология волонтерства: определение границ исследования / А.В. Невский // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 32–48.

5. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия / М.В. Певная // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 67–77.

6. Белановский Ю. Чему бизнес может поучиться у благотворительности? Корпоративное и социальное волонтерство. Опыт брендов и мнения экспертов. М.: Омега-Л, 2017. С. 94–98.

7. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005. 640 с.

8. Гарибян А. Корпоративное волонтерство и детские дома для умственно отсталых / А. Гарибян // Корпоративное и социальное волонтерство. Опыт брендов и мнения экспертов. М.: Омега-Л., 2017. С. 257–261.

9. Гатина Н.П. Советская номенклатура: история и перспективы изучения / Н.П. Гатина // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2010. С. 53–56.

10. Ковров В.В. Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах / В.В. Ковров, Н.Х. Гафиатулина, В.К. Биловус // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 292–296.

11. Климова С.Г. Социокультурные и институциональные механизмы и ресурсы современных и советских солидарных практик (на примере советского шефства и корпоративного волонтерства) /

Literature:

1. Gorlova N.I. Reflection of the history of volunteering of the Soviet period in the funds of the central Russian archives / N.I. Gorlova // Vestn. Sev.(Arctic) feder.un-ta. Ser.: Humanit. and social sciences. 2018. № 3.

2. Klimova S.G. Socio-cultural and institutional mechanisms and resources of modern and Soviet solidarity practices (on the example of Soviet patronage and corporate volunteering) / S.G. Klimova, I.A. Klimov; Ed. by M.K. Gorshkov // Russia reforming: Yearbook. Issue 18. M.: New Chronograph, 2020. P. 55–59.

3. Kudrinskaya L.A. Volunteer labor: essence, functions, specificity / L.A. Kudrinskaya // Sociological research. 2006. № 5. P. 15–22.

4. Nevsky A.V. Sociology of volunteering: defining the boundaries of research / A.V. Nevsky // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. № 1. P. 32–48.

5. Pevnaya M.V. Management of Russian volunteering: the essence and contradictions / M.V. Pevnaya // Sociological research. 2016. № 12. P. 67–77.

6. Belanovsky Yu. What can business learn from charity? Corporate and social volunteering. The experience of brands and expert opinions. M.: Omega-L, 2017. P. 94–98.

7. Voslensky M.S. Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. M.: Zakharov, 2005. 640 p.

8. Garibyan A. Corporate volunteering and orphanages for the mentally retarded / A. Garibyan // Corporate and social volunteering. The experience of brands and expert opinions. M.: Omega-L., 2017. P. 257–261.

9. Gatina N.P. Soviet nomenclature: history and prospects of study / N.P. Gatina // Document. Archive.History.Modernity.Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, October 21–22, 2010 Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita, 2010. P. 53–56.

10. Kovrov V.V. The influence of volunteering on the social activity of students in Russian universities / V.V. Kovrov, N.Kh. Gafiatulina, V.K. Bilovus // State and municipal management. Scientific notes. 2022. № 4. P. 292–296.

11. Klimova S.G. Socio-cultural and institutional mechanisms and resources of modern and Soviet solidarity practices (on the example of Soviet patronage and corporate volunteering) / S.G. Klimova,

С.Г. Климова, И.А. Климов; Отв. ред. М.К. Горшков // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 18. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 55–79.

12. *Посажеников М.* Возникновение корпоративного волонтерства как перспективного социального партнерства в России. URL : <https://csrjournal.com/12763-vozniknovenie-korporativnogo-volonterstva-kak-perspektivnogo-socialnogo-partnerstva-v-rossii.html> (дата обращения 10.01.2023).

13. Эксперты о корпоративном волонтерстве: взгляд главного редактора «Филантропа». URL : <https://volonter-school.ru/2016/03/eksperty-o-korporativnom-volonetrstve-matvej-masaltsov> (дата обращения 11.01.2023).

14. *Белановский Ю.* Чему бизнес может поучиться у благотворительности? / Ю. Белановский // Корпоративное и социальное волонтерство Опыт брендов и мнения экспертов. М. : Омега-Л., 2017. С. 94–98.

15. *Решетников О.* Корпоративное волонтерство Теоретические основы / О. Решетников // Корпоративное и социальное волонтерство Опыт брендов и мнения экспертов. М. : Омега-Л., 2017. С. 23–37.

16. URL : https://dagstat.gks.ru/gos_vo_obsh (дата обращения 11.01.2023).

17. *Антонова О.И.* Роль религиозных общностей в реализации социальной политики / О.И. Антонова, Н.Б. Костина // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 89–96.

I.A. Klimov; Ed. M.K. Gorshkov // Russia reforming. Yearbook. Issue 18. M. : Novy Chronograph, 2020. P. 55–79.

12. *Posazhennikov M.* The emergence of corporate volunteering as a promising social partnership in Russia. URL : <https://csrjournal.com/12763-vozniknovenie-korporativnogo-volonterstva-kak-perspektivnogo-socialnogo-partnerstva-v-rossii.html> (date of the application 10.01.2023).

13. Experts on corporate volunteering: the view of the editor-in-chief of «Philanthropist». URL : <https://volonter-school.ru/2016/03/eksperty-o-korporativnom-volonetrstve-matvej-masaltsov> (date of the application 11.01.2023).

14. *Belanovsky Yu.* What can business learn from charity? / Yu. Belanovsky // Corporate and social volunteering Brand experience and expert opinions. M. : Omega-L., 2017. P. 94–98.

15. *Reshetnikov O.* Corporate volunteering Theoretical foundations / O. Reshetnikov // Corporate and social volunteering Brand experience and expert opinions. M. : Omega-L., 2017. P. 23–37.

16. URL : https://dagstat.gks.ru/gos_vo_obsh (date of the application 11.01.2023).

17. *Antonova O.I.* The role of religious communities in the implementation of social policy / O.I. Antonova, N.B. Kostina // Sociological research. 2009. № 9. P. 89–96.

Муртузова Заира Магомедовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
nirvana1509@mail.ru

Ремиханова Рамила Идрисовна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
технический университет
reramila@yandex.ru

Алиева Ажайбике Ханapieвна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества,
Северо-Кавказский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)»
biyke@mail.ru

**МАКТАБЫ В СОВРЕМЕННОМ
ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ
РЕЛИГИОЗНОСТИ**

■ ■ ■

Аннотация. Повышение религиозности дагестанского населения обусловлено активизацией деятельности религиозных организаций, их стремлением вовлечь в лоно ислама большой пласт людей. На основе вторичного анализа социологического материала установлено, что в современном дагестанском обществе наблюдается увеличение масштабов распространения мусульманского образования разного уровня (от примечетского до высшего исламского). Данное обстоятельство способствует росту религиозности, изменению внешнего облика последователя ислама (ношение хиджаба женщиной и одежды широкого покроя мужчинами). Сравнительный анализ материала и измерение типов религиозности показывает, что декларируемое респондентами отношение к религии (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) не согласуется с их культовым поведением: наиболее значимыми исламскими предписаниями для опрошенного дагестанского населения являются молитва и пост. Результаты исследования позволяют утверждать, что исламское образование оказывает непосредственное влияние на вовлечение людей в лоно ислама и повышение их религиозности.

Zaira M. Murtuzova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University
nirvana1509@mail.ru

Ramila I. Remikhanova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer Departments
of the History of the Fatherland,
Dagestan State Technical University
reramila@yandex.ru

Azhaybike Kh. Alieva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History of the Fatherland,
North Caucasus Institute (branch)
FGBOU VO «All-Russian
State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)»
biyke@mail.ru

**МАКТАБЫ В СОВРЕМЕННОМ
ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ
РЕЛИГИОЗНОСТИ**

■ ■ ■

Annotation. The increase in the religiosity of the Dagestani population is due to the intensification of the activities of religious organizations, their desire to involve a large stratum of people in the bosom of Islam. Based on a secondary analysis of the sociological material, it is established that in modern Dagestan society there is an increase in the scale of the spread of Muslim education at various levels (from Tibetan to higher Islamic). This circumstance contributes to the growth of religiosity, changes in the appearance of a follower of Islam (wearing a hijab by a woman and wide-cut clothes by men). A comparative analysis of the material and the measurement of the types of religiosity shows that the attitude to religion declared by the respondents (a convinced believer, a believer, a wavering, an unbeliever and a convinced unbeliever) is not consistent with their cult behavior: the most significant Islamic prescriptions for the surveyed Dagestan population are prayer and fasting. The results of the study suggest that Islamic education has a direct impact on the involvement of people in the bosom of Islam and increasing their religiosity.

Ключевые слова: дагестанское население, ислам, мактаб, религиозное образование, религиозность, религия, типы религиозности, религиозное поведение.

Keywords: dagestan population, Islam, maktab, religious education, religiosity, religion, types of religiosity, religious behavior.

Введение. В постсоветский период отечественной истории наблюдался исламский ренессанс – на смену атеизму и атеистической идеологии советского периода пришло религиозное мировоззрение, которое в недавнем прошлом имело небольшие ниши своего существования. Разумеется, в советском государстве была провозглашена свобода совести, которая оставалась «свободой» на словах, а в реальности господствовала идеологическая система, соответствующая социалистическим идеям, в которой не было места религии как «опиуму народа» (К. Маркс). В этой связи, логично возникает вопрос: «Как получилось, что в кратчайший срок одна идеологическая система была заменена другой?». Следует отметить, что в данном явлении нет ничего непонятного – мусульманские народы, особенно, проживающие в сельской местности, не утратили свою приверженность исламу и исламским ценностям, о чем свидетельствует, например, празднование Ураза-Байрам, население соблюдало религиозный пост, выплачивало религиозный налог (закят-уль-фитр). Конечно, соблюдение многих исламских постулатов было невозможным, но носители мусульманства следовали определенным правилам исповедуемого вероучения. Однако ключевым в религиозном возрождении было разрушение существовавшего социально-экономического, политического, духовного уклада, образование вакуума, который быстро заполнили религиозные учения. Наряду с традиционными вероисповеданиями, на территорию Российского государства проникли и различного рода секты, страну наполнили миссионеры из западноевропейских государств; причем, со стороны официальной власти такое «вторжение» не встречало никакого противостояния, что в последующем вылилось в теракты и экстремизм.

Исламское возрождение закономерно сопровождалось появлением религиозных учебных заведений (мактабы, медресе, исламские вузы), естественно, что в стенах данных учебных заведений формировалось религиозное мировоззрение и объяснение явлений.

Следует отметить, что вопрос исламского образования хорошо освещен в российской науке (Р.М. Мухаметшин [1, 2], К.И. Насибуллов [3], Р.Ф. Патеев [4], Р.О. Рамазанов [5] и др).

Наряду с религиозным образованием, длительную историю исследования имеет явление «религиозность», которое в науке понимается как «социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств» [6, с. 124]. При этом «реальную приверженность к религии – религиозность – следует определять по характеру различных форм религиозного поведения человека» [7, с. 139], поэтому индикаторами измерения культурного поведения выступают:

- 1) молятся;
- 2) следуют религиозным заповедям;
- 3) посещают религиозные службы в храме;
- 4) читают священные книги;
- 5) причащаются;
- 6) исповедуются;
- 7) соблюдают установленные посты.

Таким образом, в статье рассматривается влияние мусульманского образования на религиозность и культовое поведение дагестанских народов.

Методика исследования. В статье проведен вторичный анализ социологических опросов М.М. Шахбановой [8; 9; 10] и Р.О. Рамазанова [11; 12; 13] по изучению религиозности и религиозного поведения дагестанского населения, а также, начального сегмента мусульманского образования в Дагестане.

Обсуждение результатов. Ранее было отмечено, что исламский ренессанс логично поставил вопрос о религиозном образовании, необходимости подготовки кадров для религиозных организаций. Исследование Р.О. Рамазанова показывает, что 75,3 % родителей и 82,0 % учеников мактабов положительно оценивают роль примечетской школы с аргументацией «они позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина»; далее, 13,7 % и в 2,5 раза большая часть учеников считают, мактабы «обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество». Обращает на себя внимание, что 25,5 % учащихся подчеркивают, мактабы не допускают «проникновение экстремистских исламских идей и вносят вклад в обеспечение национальной безопасности Российского государства», доля родителей придерживающихся данного суждения статистически незначимая (2,0 %). Кроме того, одна четвертая часть опрошенных учащихся усматривает роль мактабов в осуществлении «воспитательной и религиозно-просветительской деятельности». При этом статистически незначимая доля респондентов-родителей отмечает отрицательные позиции «обучение в примечетских школах формирует исключительно религиозное мировоззрение и мировосприятие у учеников» (2,0 %), «в примечетских школах отсутствует обучение детей параллельно светским наукам и больше упор делается на освоение религиозных знаний» (1,9 %), «обучение в примечетских школах не контролируется

официальными органами власти (Министерство образования, Комитет по делам религий, Рай-ОНО, ГорОНО и т.д.), поэтому могут формировать у обучаемых установки религиозной нетерпимости, идеи религиозного экстремизма», в то время как ученики примечетских школ вообще не отметили ни одно из отрицательных суждений. Полученный материал позволяет сделать вывод о том, что респонденты, в целом, положительно оценивают работу мактабов в современном дагестанском обществе. А какую роль примечетские школы играют в религиозном поведении и религиозности опрошенного населения? Ответ на это вопрос дают результаты, приведенные в таблице 1.

Следует отметить, что критериями определения уровня религиозности являются индикаторы, определяющие отношение к вере («Верите ли Вы в Бога?», «Вы верующий?») и религиозное поведение, выражающееся в религиозной практике (соблюдение религиозных обрядов, ритуалов, выполнение религиозных предписаний и в данном контексте очень важным является частотность их соблюдения). Более того, рост религиозности рассматривают как меру религиозной идентичности [14, 15], потому что «уровень религиозности принято считать базовой характеристикой религиозной идентичности» [16, с. 111].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» (%)

Варианты ответов	Всего
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	32,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	48,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	9,3
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	3,1
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	1,3
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Бога (Аллаха)	1,4

Полученный материал показывает превалирование варианта «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», при этом одна треть респондентов придерживается суждения «я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды». Далее, менее 10 % отметили позицию «я убежденно верующий человек, но, вообще, не соблюдаю религиозные предписания и обряды», ее также разделяет

каждый третий опрошенный в подгруппе «убежденно верующих». М.М. Шахбанова отмечает «рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей, храмов), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д.» [17] (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы «Как часто Вы совершаете намаз (молитесь)?», «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?», «Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?» (%)

Варианты ответов	%
Как часто Вы молитесь?	
Я постоянно совершаю намаз(молюсь)	54,0
Я от случая к случаю совершаю намаз(молюсь)	10,3
Я вообще не совершаю намаз (не молюсь)	29,4
Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?	
Я всегда соблюдаю пост (Уразу)	49,7
Я иногда соблюдаю пост (Уразу)	31,3
Я вообще не соблюдаю пост (Уразу)	10,3
Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?	
Я всегда выплачиваю религиозный налог (закят)	31,9
Я редко выплачиваю религиозный налог (закят)	21,1
Я вообще не выплачиваю религиозный налог (закят)	30,0

Верификация прикладного материала констатирует, что из обязательных предписаний исламского вероучения, респонденты чаще совершают намаз (молятся) и соблюдают пост. Выплата религиозного налога, хотя является обязательным для мусульманина, осуществляет одна треть респондентов. Ранее был сделан вывод о том, что обозначение опрошенными типа религиозности (убежденно верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) не соответствует их культурному поведению, иными словами, наблюдается «конфликт» между типом религиозности и следованием базовым положениям ислама.

Резюме. Проведенный анализ социологического материала дагестанских исследователей позволяет сделать вывод о том, что опрошенное дагестанское население демонстрирует высокий уровень религиозности, активное религиозное поведение – оно является «выборочным», то есть, респонденты из обязательных предписаний относительно регулярно следуют только двум правилам: намазу и посту. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о существовании несогласованности между декларируемым отношением к религии и реальным религиозным поведением опрошенного дагестанского населения.

Литература:

1. *Мухаметшин Р.М.* Стратегические направления развития мусульманского образования в России / Р.М. Мухаметшин // *Ислам в современном мире.* 2015. Т. 11. № 4. С. 35–46.
2. *Мухаметшин Р.* Мусульманское образование в современной России на рубеже XXI века / Р.М. Мухаметшин // *Ислам в России: наука и образование. Материалы научной конференции.* СПб., 2013. С. 52–57.
3. *Насибуллов К.И.* Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан / К.И. Насибуллов // *Исламоведение.* 2015. № 1. С. 29–42.
4. *Патеев Р.Ф.* Россия: проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана) / Р.Ф. Патеев // *Кавказ и глобализация.* 2008. № 2 (3). С. 150–160.
5. *Рамазанов Р.О.* Начальный сегмент мусульманского образования в Республике Дагестан: история, современное состояние, проблемы. Мачакала : Издательство АЛЕФ, 2022. 233 с.
6. *Яблоков И.Н.* Социология религии. М. : Мысль, 1979. 182 с.
7. *Анурин В.Ф.* Религия как фактор социальной интеграции / В.Ф. Анурин // *Социологические исследования.* 2013. № 1. С. 135–146.
8. *Шахбанова М.М.* Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов / М.М. Шахбанова, А.З. Нурилова // *Вестник ИИАЭ.* 2015. № 1. С. 141–151.
9. *Шахбанова М.М.* Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих / М.М. Шахбанова // *Исламоведение.* 2015. Т. 6 № 3(25). С. 85–96.
10. *Шахбанова М.М.* Религиозная активность дагестанских верующих (по результатам социологического исследования) / М.М. Шахбанова // *Исламоведение.* 2015. Т. 6. № 4(26). С. 52–62.
11. *Рамазанов Р.О.* Примечетская школа в современном дагестанском обществе: по материалам социологического исследования / Р.О. Рамазанов // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.* 2021. № 1. С. 248–254.
12. *Рамазанов Р.О.* Теологическое образование в современном российском обществе: состояние и проблемы (на примере примечетской школы) / Р.О. Рамазанов // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Т. 13. № 1. С. 52–69.
13. *Рамазанов Р.О.* Мусульманское образование в современном образовательном пространстве: состояние и оценка (на примере примечетских школ Дагестана) / Р.О. Рамазанов // *Caucasian Science Bridge.* 2021. Т. 4. № 1. С. 18–29.

Literature:

1. *Mukhametshin R.M.* Strategic directions of development of Muslim education in Russia / R.M. Mukhametshin // *Islam in the modern world.* 2015. Vol. 11. № 4. P. 35–46.
2. *Mukhametshin R.* Muslim education in modern Russia at the turn of the XXI century / R.M. Mukhametshin // *Islam in Russia: science and education. Materials of the scientific conference.* SPb., 2013. P. 52–57.
3. *Nasibullov K.I.* The initial segment of Muslim education: the results of monitoring of cadet courses in the Republic of Tatarstan / K.I. Nasibullov // *Islamic Studies.* 2015. № 1. P. 29–42.
4. *Pateev R.F.* Russia: problems of co-optation of graduates of Islamic universities into the official Muslim clergy (on the example of Dagestan) / R.F. Pateev // *Caucasus and Globalization.* 2008. № 2(3). P. 150–160.
5. *Ramazanov R.O.* The initial segment of Muslim education in the Republic of Dagestan: history, current state, problems. Makhachkala, 2022. 233 p.
6. *Yablokov I.N.* Sociology of religion. M. : Mysl, 1979. 182 p.
7. *Anurin V.F.* Religion as a factor of social integration / V.F. Anurin // *Sociological research.* 2013. № 1. P. 135–146.
8. *Shakhbanova M.M.* Specificity of the manifestation of religious identity of Dagestani peoples / M.M. Shakhbanova, A.Z. Nurilova // *Bulletin of the IIAE.* 2015. № 1(41). P. 141–151.
9. *Shakhbanova M.M.* Religiosity and cult behavior of Dagestani believers / M.M. Shakhbanova // *Islamic Studies.* 2015. Vol. 6. № 3(25). P. 85–96.
10. *Shakhbanova M.M.* Religious activity of Dagestan believers (according to the results of a sociological study) / M.M. Shakhbanova // *Islamic Studies.* 2015. Vol. 6. № 4(26). P. 52–62.
11. *Ramazanov R.O.* The Tibetan school in modern Dagestan society: based on the materials of a sociological study / R.O. Ramazanov // *State and municipal administration. Scientific notes.* 2021. № 1. P. 248–254.
12. *Ramazanov R.O.* Theological education in modern Russian society: state and problems (on the example of a Tibetan school) / R.O. Ramazanov // *Historical and socio-educational thought.* 2021. Vol. 13. № 1. P. 52–69.
13. *Ramazanov R.O.* Muslim education in the modern educational space: state and assessment (on the example of Tibetan schools in Dagestan) / R.O. Ramazanov // *Caucasian Science Bridge.* 2021. Vol. 4. № 1. P. 18–29.

14. Белов М.Т. Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи / М.Т. Белов // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д., 2019. С. 186–193.

15. Гафиатулина Н.Х. Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи / Н.Х. Гафиатулина // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д., 2019. С. 217–224.

16. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

17. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.

14. *Belov M. T.* Management of religious landmarks in the minds of modern youth / M. T. Belov // Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State Economic University. Rostov-n/D., 2019. P. 186–193.

15. *Gafiatulina N. Kh.* Religious attitudes as an element of managing the value orientations of modern youth / N. Kh. Gafiatulina // Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State Economic University. Rostov-on/D., 2019. P. 217–224.

16. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / Project leader and editor-in-chief L. M. Drobizheva. M. : Russian Political Encyclopedia, 2013. 485 p.

17. *Shakhbanova M. M.* Ethnic, religious and state-civil identities of Dagestani peoples in the conditions of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.

Нурилова Альбина Захарьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
alnuza@mail.ru

**ПРОБЛЕМА НАРКОТИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)**

Аннотация. Проблема наркотизации населения, особенно молодого поколения представляется одной из актуальных не только по причине расширения ее масштаба, но и тем, что за ней тянется целый шлейф иных преступлений и правонарушений, которые люди совершают будучи под воздействием запрещенных препаратов. Проведенное исследование показывает существование в общественном сознании молодого поколения дагестанцев отрицательного восприятия наркомании, во-первых, как средства составляющего угрозу жизни, способствующего физической и духовной деградации личности, во-вторых, как болезни. Существенную роль в борьбе с данным асоциальным явлением способны выполнить учебные заведения в сотрудничестве с родителями, а также проведение профилактических мероприятий направленных на формирование в обществе отрицательного восприятия данного явления.

Ключевые слова: наркомания, наркотики, психоактивные вещества, дагестанская молодежь, деструктивное поведение, асоциальное поведение.

Введение. Итогом распада Советского Союза является не только появление на постсоветском пространстве самостоятельных государственных образований, разрыв хозяйственных связей, утрата прежней идеологии, но и появление деструктивных явлений практически во всех социальных сферах. Особенно актуальной в этот период стала молодежная проблематика, ибо вопросы воспитания подрастающего поколения, к сожалению, оказались не только отодвинуты на второй план, но и вообще проигнорированы официальной властью [1]. Еще большему ухудшению ситуации способствовало изменение самой образовательной системы, введение Болонской системы, несмотря на протесты педагогического сообщества. И через десятилетия осталось множество вопросов как к самой системе, так и к ЕГЭ, в частности, связанные с качеством образования выпускников школ, колледжей и высших учебных заведений. Из всего комплекса вопросов наибольшую тревогу вызывает сфера воспитания не только на школьном уровне, но и при получении среднего специального и высшего

Albina Z. Nurilova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University
alnuza@mail.ru

**THE PROBLEM OF DRUG ADDICTION
OF YOUNG PEOPLE
(ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)**

Annotation. The problem of drug addiction of the population, especially the younger generation, seems to be one of the most urgent, not only about the reason for its expansion, but also because it is followed by a whole train of other crimes, offenses that people commit while under the influence of prohibited drugs. The conducted research shows the existence in the moral consciousness of the younger generation of Dagestanis of a negative perception of drug addiction, firstly, as a means of life-threatening, contributing to the physical and spiritual degradation of the individual, and secondly, as a disease. Educational institutions can play an essential role in combating this antisocial phenomenon in cooperation with parents, as well as carrying out preventive measures aimed at forming a negative perception of this phenomenon in society.

Keywords: drug addiction, drugs, psychoactive substances, Dagestan youth, destructive behavior, antisocial behavior.

образования. Происходящие в настоящее время события в российском обществе показывают, что тема воспитания требует самого пристального внимания со стороны общественности и самого государства, ибо позволит избежать многие отрицательные явления в нашей жизни. В данной статье рассматривается отношение молодого поколения дагестанцев к такому деструктивному явлению как наркомания, которая получила распространение в молодежной среде. Специалисты приводят данные, что «наркомания в нашей стране получила распространение отнюдь не из-за социально-экономического кризиса 1990-х годов. По данным исследований, проводившихся в СССР в начале 1920-х годов, доля несовершеннолетних, принимавших наркотики, достигала 10 % от их общего числа; большая часть наркоманов – кокаинистов была моложе 20 лет. В 1965 году в СССР, по данным Министерства здравоохранения, насчитывалось 10 тысяч больных наркоманией. Их численность в 1970 году составила 10,4 тысяч, а в 1985 году – 16,4 тысяч» [2, с. 365].

Что такое наркомания и каковы причины ее появления? По мнению С.А. Быкова, «наркомания – это болезнь, имеющая социальные корни, и любая форма отклоняющегося (девиантного) поведения, в том числе и наркомания, есть следствие имеющихся нарушений, прежде всего социального и личностного плана» [3, с. 114]. Почвой появления и распространения наркомании может быть целый спектр причин, среди них специфика характера личности, социокультурная среда, невозможность самореализации, трудности подросткового периода, непонимание со стороны ближнего круга и, как правило, желание самоутвердиться и др.

Разумеется, ухудшению ситуации способствует вовлеченность в данный процесс большого пласта людей, который как потребляет наркотики, так и распространяет их. Кроме того, наркоторговля является одним из самых прибыльных наряду с незаконной продажей оружия и оказания секс-услуг. Ни для кого не является секретом, что определенную роль в существовании данных негативных тенденций в нашем обществе способствует недостаточная активность правоохранительной системы по изживанию данного явления. Вместе с тем, следует признать, что наркоторговля является мировой проблемой, следовательно, и бороться с ней нужно всем вместе. Кроме того, распространение данного явления и прием наркотических препаратов способствует и росту преступности; распространение получили так называемые «закладки», к сожалению, ночные бары, дискотеки, концерты и т.д. стали местом распространения наркотиков. В этой связи можно согласиться с мнением С.Г. Анисимовой, что «сегодня проблема наркомании... принимает острую форму в связи с реализацией программ социально-экономического развития... компьютеризацией школ, распространением сети Интернет в самых отдаленных поселениях, повышением уровня благосостояния населения и активным строительством объектов международного значения, на которых используется труд иностранных рабочих из ближнего и дальнего зарубежья» [4, с. 114].

В социологических исследованиях проблема наркотизации активно изучается, что позволило провести типологизацию ее этапов:

- 1) с конца XIX до 30-х годов XX в., когда осуществлялась «разработка социальных проблем и причин распространения алкоголизма и наркомании, социально-гигиенические и бытовые аспекты данной девиации, взаимосвязь с другими формами отклоняющегося поведения;
- 2) с 30-х до конца 50-х гг. когда практически перестали изучать данное явление с учетом идеологических установок в нашем обществе;
- 3) с конца 50-х до конца 80-х гг. по объективным причинам заново проблема наркотизации стала актуальной, но ею занимались другие специалисты, в частности, психиатры, наркологи, юристы, медики и т.д.;

4) период перестройки, когда на волне гласности и перестройки появилась возможность плотно изучать природу и социальные факторы появления данного явления;

5) этап исследования теории девиаций, «в том числе наркотической зависимости. Социология девиантного поведения начинает приобретать статус отраслевой социологии» [5, с. 43].

Н.Н. Меликова выделяет следующие модели студенческой молодежи по отношению к наркотикам:

- 1) «чистые»;
2. «равнодушные»;
3. «экспериментаторы», которые подразделяются на:
  - а) амбивалентные,
  - б) лояльные;
4. «любители», среди них:
  - а) амбивалентные;
  - б) лояльные;
5. «наркоманы»:
  - а) амбивалентные,
  - б) лояльные;
6. «неискренние» [6, с. 50].

Методы исследования. Социологический опрос по изучению проблемы наркотизации в современном дагестанском обществе было проведено в учебных заведениях республики. В массив попали ученики школ, студенты колледжей и вузов. N = 311.

Результаты исследования. Если обратиться к Дагестану, то среди северокавказских регионов «Дагестан вышел на первое место по числу наркоманов на душу населения. Самый высокий уровень наркотизации – в городах республики. Лидерами являются Кизлярский, Дербентский, Тарумовский, Сулейман-Стальский районы... На учете в республиканском наркодиспансере – более 6,8 тыс. чел. При этом несколько благотворительных организаций, созданных де-юре для помощи наркоманам, на самом деле являются коммерческими» [7]. Данный вывод констатирует, что проблема наркотиков, их распространение является злободневной, ей уделяют внимание, о ней говорят, но, к сожалению, не выработан механизм профилактики и противостояния.

Как выглядит социально-демографический портрет наркомана и как дагестанская молодежь относится к наркотизации, были ключевыми в авторском исследовании. Следует отметить, что сложившееся стереотипное восприятие наркомана как не очень умного, худого, больного и несчастного не всегда соответствует тому образу, который дают опрошенные: при признании этих характеристик респонденты подчеркивают, что

наркотики больше используют состоятельные люди, которые могут их купить. По мнению автора, такая позиция не всегда соответствует действительности – практика показывает, что пристраститься к наркотикам могут люди независимо от своего материального положения, то есть как состоятельные, так и не очень. Какое восприятие наркотического препарата, вернее, обозначение его характерно дагестанской молодежи? Опрошенная дагестанская молодежь однозначно описывает наркотик как зло несущее смерть, отраву, яд и «средство непорядочных людей» заработать (83,1 %). При этом следует отметить, что такая характеристика наркотика превалирует в оценках студентов медицинской направленности, которые, по сравнению, с другими подгруппами осознают последствия не только физического, но и психического плана для человека употребляющего запрещенный препарат. Далее в рамках исследования проблематики наркотизации, для нас интерес представляет установление причин распространения данного социального явления в современном дагестанском обществе. По мнению 48,1 % опрошенных, распространение наркотиков обусловлено отсутствием воспитательной работы в учебных заведениях, начиная со школы и заканчивая другими учебными заведениями. Однако 31,9 % респондентов отмечают, что кураторы проводят профилактические мероприятия, причем с участием религиозных деятелей, медиков, наркологов, которые объясняют последствия употребления наркотических средств. При этом данные мероприятия, по мнению респондентов, носят больше формальный характер (11,3 %).

Установление отношения к наркомании предполагает выявление почвы для появления данного явления. Так, по мнению опрошенных, одна треть отмечает, что желание «просто попробовать» является одной из причин употребления наркотиков, 25,1 % таковым считает отсутствие жизненной цели, 23,5 % опрошенных усматривают в «желании быть «крутым», выделяться среди сверстников». При этом подавляющая часть не в полной мере понимает последствия употребления наркотических препаратов с аргументацией «один раз можно, я не привыкну» (61,2 %). По мнению автора, определенное влияние на наркотизацию общества оказывает молодежная субкультура, которая ненавязчиво и латентно способствует ее распространению. Здесь имеются в виду молодежные стримы, на первый взгляд «пустая болтовня – ничего не будет», кумиры молодежи (например, Моргенштерн, ради справедливости, на его деятельность вполне обоснованно обратили внимание правоохранительные органы, которые обвинили его в пропаганде наркотиков).

В рамках исследования наркотизации возникает вопрос – «Какие источники дают информацию о запрещенных препаратах?». Результаты опроса показывают, что впервые респонденты информацию получили от друзей (39,1 %), наркоманов (27,3 %), СМИ (21,3 %), родителей (19,1 %), педагогов (11,3 %). Обращает внимание, что те социальные слои, которые должны предупреждать о вреде и опасности наркотиков, располагаются в

конце списка источников, а должны быть в лидерах, то есть именно связка «родители-педагоги» способна формировать в сознании населения (молодежи) угрозу психоактивных веществ, именно они способны защитить и предостеречь подрастающее поколение от употребления наркотиков.

Изложение отношения дагестанской молодежи к проблеме наркомании закономерно ставит множество других вопросов, в частности, «Как быть с членами семьи, в которой есть наркоман?», «Какая должна быть политика по профилактике наркомании и кто должен ее осуществлять?», «Кто должен осуществлять реабилитацию наркоманов?» и это далеко не полный перечень вопросов, на которые необходимо ответить. И в основе решения всех этих вопросов должны быть программы, которые включают в себя решение самых злободневных проблем и, в первую очередь, нужно признаться в том что в российском обществе в целом, в регионах в частности, имеет место наркотизация, причем с каждым годом, данная проблема только усугубляется. По данным авторского опроса, одной из причин распространения наркомании является упадок нравственности (69,7 %) сопряженный с отсутствием комплексной программы профилактики и реабилитации наркоманов. Необходимо признаться в том, что есть представители молодого поколения, которые в силу необдуманности своего поступка, отсутствия жизненного опыта, выросшие в неблагополучной семье, подверженные внешнему влиянию (со стороны сверстников или под их влиянием, угрозой с их стороны), оказались вовлечены в этот процесс. Им можно помочь с привлечением гражданского общества, духовных лидеров, кумиров молодого поколения, волонтеров, которые способны внести существенный вклад в минимизацию наркотизации современного дагестанского общества.

Обсуждение наркотизации закономерно требует анализа состояния членов семьи, которые непосредственно столкнулись с данной проблемой. Во-первых, члены семьи, где есть наркоман, становятся «созависимыми», ибо вынуждены решать вопросы лечения и реабилитации; во-вторых, как правило, употребляющий запрещенные препараты несет угрозу членам своей семьи, ибо под их действием не способен контролировать свои действия; в-третьих, наркоман является угрозой для своего окружения – друзей, соседей, потому что могут как вовлечь их в употребление наркотиков, так и вымогать у них деньги, угрожать физической расправой. Кроме того, причиной распада семьи часто является именно употребление наркотиков одним из супругов. Данный вопрос освещен в работах Э.М. Загировой, которая на основе исследований сделала вывод, что «причины, связанные с девиантным поведением одного из супругов – наркомания, алкоголизм – негативно отражаются на семейном климате, способствуя разрушению семьи. Разумеется, имеются и исключения, вернее даже не исключения, а ситуация, когда женщина вынуждена терпеть физическое насилие со стороны супруга,

проживая с супругом, страдающим алкоголизмом, наркоманией только потому что не в состоянии самостоятельно материально обеспечить своих детей. Кроме того, отсутствие жилья, психологической защиты и поддержки со стороны родственников, порой и категоричность родителей, не допускающих развода, особенно дочери, считая, что она должна и обязана сохранять семью несмотря ни на что, вынуждает женщину оставаться в браке против своего желания» [8, с. 90].

Ранее было отмечено, что исламское возрождение, появление религиозных учебных заведений, в которых параллельно светской школе обучаются дети, позволяет вести профилактическую работу среди подрастающего поколения. М.М. Шахбанова отмечает, что опрошенное дагестанское население деятельность религиозных центров наряду с решением множества социально-экономических проблем (оказание помощи социально незащищенным категориям населения, бедным, неизлечимо больным и т.д.) связывает и с реабилитацией наркоманов [9], ибо вовлечение наркомана в религиозную сферу, по мнению респондентов, позволит его «спасти».

Литература:

1. *Касьянов В.В.* Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций / В.В. Касьянов, О.И. Шкуропий, Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 70–74.
2. *Горшков М.К.* Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с.
3. *Быков С.А.* Наркомания среди молодежи как показатель дезадаптированности / С.А. Быков // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 48–52.
4. *Анисимова С.Г.* Наркотизм молодежи северных территорий: особенности и профилактика / С.Г. Анисимова // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 113–118.
5. *Журавлева Л.А.* Факторы и условия наркотизации молодежи / Л.А. Журавлева // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 43–47.
6. *Маликова Н.Н.* Типология отношений студентов к наркомании / Н.Н. Маликова // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 50–57.
7. По числу наркоманов Дагестан занял одно из лидирующих мест на Северном Кавказе. URL : <https://news.myseldon.com/ru/news/index/248120195> (дата обращения 07.01.2023).
8. *Загирова Э.М.* Традиционная семья в Дагестане: специфика и альтернативы институциональной трансформации : монография / Э.М. Загирова; Отв. ред. М.Б. Гимбатова. М. : РУСАЙНС, 2021. 150 с.

Разумеется, наркомания – это социальная болезнь, которая физически и духовно калечит человека, поэтому лечение должно быть комплексным: физически с использованием различных препаратов можно улучшить состояние наркомана, но одновременно должно быть и психологическое воздействие.

Резюме. Проведенное исследование позволяет утверждать, что распространение наркомании в современном российском обществе в целом, и в Дагестане в частности, вызвано целым рядом факторов, среди которых важнейшими являются социально-экономические – желание преступных элементов заработать, расслоение российского общества, появление кланов контролирующих ключевые сферы теневой экономики, серые схемы, ухудшение благосостояния, безработица и т.д. Не меньшее значение имеет утрата существовавших традиционных ценностей, активная деятельность социальных сетей, блоггерство, молодежная субкультура, в данном контексте, рэперы, которые пропагандируют «новые ценности и идеалы».

Literature:

1. *Kasyanov V.V.* The specificity of social adaptation of youth as a mechanism for the prevention of behavioral addictions / V.V. Kasyanov, O.I. Shkuropiy, N.Kh. Gafiatulina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 70–74.
2. *Gorshkov M.K.* Youth of Russia: sociological portrait / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : TSSPIM, 2010. 592 p.
3. *Bykov S.A.* Drug addiction among young people as an indicator of maladaptation / S.A. Bykov // Sociological research. 2000. № 4. P. 48–52.
4. *Anisimova S.G.* Narcosis of the youth of the northern territories: features and prevention / S.G. Anisimova // Sociological research. 2011. № 7. P. 113–118.
5. *Zhuravleva L.A.* Factors and conditions of youth anesthesia / L.A. Zhuravleva // Sociological research. 2000. № 6. P. 43–47.
6. *Malikova N.N.* Typology of students' attitudes to drug addiction / N.N. Malikova // Sociological research. 2000. № 7. P. 50–57.
7. Dagestan took one of the leading places in the North Caucasus in terms of the number of drug addicts. URL : <https://news.myseldon.com/ru/news/index/248120195> (date of the application 07.01.2023).
8. *Zagirova E.M.* The traditional family in Dagestan: specifics and alternatives to institutional transformation : monograph / E.M. Zagirova; Ed. by M.B. Gimbatova. M. : RUSAINS, 2021. 150 p.

9. *Шаханова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.

9. *Shakhbanova M.M.* Ethnic, religious and state-civil identities of Dagestan peoples in the conditions of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
rashram@yandex.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Преобразования постсоветского периода развития российского общества затронули не только социально-экономическую, политическую сферы, но и идеологическую. Так, доминантными стали либерально-демократические ценности, которые сменили ранее существовавшие символы и ценности. Если в советский период в государстве существовала соответствующая социалистической системе модель политических ценностей, и она сформировалась на базе социалистических принципов, то изменение вектора развития Российского государства на первый план выдвинули другие маркеры. Результаты авторского исследования показывают, что подавляющая часть опрошенной дагестанской молодежи не интересуется политическими процессами; ключевыми политическими ценностями для респондентов являются социальная справедливость и патриотизм.

Ключевые слова: политические ценности, дагестанская молодежь, патриотизм, патриотические установки, политические процессы, политические лидеры, политическая активность, политическая стабильность.

Введение. Распад Советского государства привел к изменению политической структуры российского общества: на место КПСС пришла многопартийная система, представленная различными партиями, которые кардинально отличаются между собой идеологиями и целями, соответственно, и электоратом.

Изменение социально-экономического и политического уклада закономерно способствовало разрушению существовавшей ценностной системы, и на смену ей пришли либерально-демократические ценности. Разумеется, такая трансформация сопровождалась как положительными, так и негативными тенденциями, наблюдался конфликт между разными идеологическими и ценностными системами, что впоследствии способствовало разрушению существовавшей мировоззренческой картины. Особенно ярко это выразилось в конфликте поколений: «немаловажную роль при смене поколений играют и внешние факторы: политические, экономические, культурные и другие. Различные политические,

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
rashram@yandex.ru

**POLITICAL VALUES
OF DAGESTAN YOUTH**

Annotation. The transformations of the post-Soviet period of the development of Russian society affected not only the social, economic, political spheres, but also the ideological one. Thus, liberal democratic values have become dominant, which have replaced previously existing symbols and values. If in the Soviet period there was an understanding of political values corresponding to the socialist system in the state and it was formed on the basis of socialist principles, then the change in the vector of development of the Russian state was brought to the fore by other markers. The results of the author's research show that the vast majority of Dagestan youth surveyed are not interested in political processes; the key political values for respondents are social justice and patriotism.

Keywords: political values, dagestan youth, patriotism, patriotic attitudes, political processes, political leaders, political activity, political stability.

экономические и социальные потрясения могут вносить разлад между поколениями в плане восприятия и признания ими каких-либо ценностных ориентиров или идеалов. Представители разных поколений являются носителями тех или иных социальных и культурных моделей поведения. В исторических рамках это выражается в столкновении ценностей в конце 1960-х и 1970-х годах на Западе по мере возрастания постмодернистских социальных паттернов. Ценностный кризис разворачивается в России и странах бывшего СССР в конце 1980-х и 1990-х годов. Россия изменила вектор своего развития [1, с. 43].

Иными словами, «разрыв между ценностями, идеалами, установками молодого и старшего поколений, стремительное развитие общества, которое приводит к смене социальных норм и ценностей, формирование глобального социального и информационного пространства, – основные факторы, которые влияют на вовлеченность современной российской молодежи в политическую деятельность» [2, с. 54]. В этой связи,

правомерным является рост научного интереса к процессу политизации, особенно молодого поколения, ибо «молодые люди убедительно заявляют о своих предпочтениях, становясь если не главной, то значимой частью социальной базы политических и социальных протестов в обществе, их движущей силой» [3, с. 184]. Не менее важным является тот факт, что, отличие нынешнего поколения «российской молодежи от остального населения страны заключается в том, что оно первое, для которого адаптация к новым экономическим, социальным и политическим реалиям постсоветской России уже не является актуальной, поскольку сами эти реалии представляют для него естественную среду обитания» [4, с. 239].

Можно согласиться с мнением о том, что «политические ценности молодежи, как и российского общества, включают общечеловеческие ценности, элементы традиционных ценностей, определяющих воспроизводство особенностей национальной культуры и гражданской идентичности» [5, с. 89], а также, «постматериалистические ценности, а удовлетворение материальных потребностей начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Распространение эмансипативных ценностей, в свою очередь, создает культурную основу для создания новых демократических институтов и способствует росту толерантности в обществе» [6, с. 19].

Что такое ценность, какие ее виды существуют и востребованы в российском обществе?

По мнению О.В. Степанищенко, политические ценности есть «сложный конструкт, который целесообразно рассматривать... на двух уровнях формирования – микро- и макросоциума. На уровне микросоциума политические ценности представляют собой одну из подсистем социальных ценностей – комплекса целей, установок, идеалов в сфере общественных и социально-политических отношений, отражающих интересы и потребности конкретной социальной группы. Переходя на более высокий уровень макросоциума, в первую очередь – государства, система политических ценностей трансформируется в систему идеологическую» [7, с. 290]. Анализ понятия «ценность» позволило Т.К. Ростовской и Т.Б. Калиеву сделать вывод, что в нем «соединились три аспекта значения:

- 1) характеристика внешних свойств человека;
- 2) психологические качества человека;
- 3) отношения между людьми, межличностные отношения» [8, с. 11].

Автору импонирует определение политических ценностей, данное А.В. Селезневой, «как обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций, и рассматриваем их в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения.

В рамках нашего подхода политические ценности обладают рядом особенностей:

- 1) количество политических ценностей довольно ограничено;
- 2) политические ценности иерархически упорядочены и системно организованы;
- 3) политические ценности выражаются в абстрактных категориях и тесно связаны с политическими представлениями, раскрывающими смысл ценностных конструктов» [9, с. 8].

Методы исследования. Социологический опрос по изучению политических ценностей дагестанского населения был проведен в 2022 г. в городах и районах республики. N = 603. Отдельно выделен подмассив молодежи.

Результаты исследования. Российские исследователи отмечают, что современная молодежь в политическом аспекте нельзя назвать пассивной, однако, говорить об ее активной политической деятельности тоже не представляется возможным по целому ряду причин. Разумеется, есть когорта, ориентированная на политическую карьеру, но, как известно, для этого нужна мощная поддержка и обычно ее имеют люди, чьи родители или родственники ведут активную политическую деятельность и имеют политический вес. Иными словами, за исключением небольшой прослойки, в целом, молодое поколение можно назвать аполитичным и основанием для такого вывода является отсутствие интереса к политическим процессам в стране, а также - электоральное поведение. Реалии показывают, что молодое поколение не очень активно участвует в избирательной кампании, однако, у него ярко выражен протестный потенциал.

В рамках исследования политического поведения дагестанской молодежи был задан вопрос: «Насколько Вам интересна политика?». Подавляющая часть респондентов указала на отсутствие интереса к политическому компоненту (54,1 %) против 33,5 %, которая демонстрирует активную политическую позицию. При этом 11,2 % затруднились выразить свою позицию.

Таким образом, средний показатель свидетельствует об аполитичности опрошенной дагестанской молодежи, хотя позиция одной трети констатирует существование заинтересованности политической составляющей. Данные по возрастным подгруппам показывает, что, в сравнении, доля интересующихся политическими процессами выше в возрастном разрезе 31–35 лет (41,4 %), то есть, поколение, которое в социальном плане существенно отличается от возраста 0–17 лет (15,2 %). Видимо, для возрастной подгруппы, которая имеет большие широкие вертикальные и горизонтальные социальные связи, характерна активная политическая позиция. Далее, одна треть респондентов во всех возрастных подгруппах, в той или иной степени, интересуется политическими процессами в России. При этом возрастной подмассив 31–35 лет обсуждает политические процессы в кругу своих друзей, на работе и с членами своей семьи (уточнение – с отцом). Анализ показывает,

что мужчины, в сравнении с женщинами, чаще интересуются политикой.

Результаты исследования показывают, что ключевыми политическими ценностями являются социальная справедливость и на нее указали 73,1 % опрошенных; причем, явно выраженных отличий между социально-демографическими подгруппами не наблюдаются, только с повышением возраста респондентов увеличивается доля придерживающихся данного утверждения. На фоне тех сложных процессов, которые протекают в российском обществе, формирование и внедрение в массовое сознание принципов патриотизма представляется одним из самых важных. Наиболее актуальными для общества являются принципы социальной справедливости (72,1 %). Далее, уважение к традициям как к политической ценности подчеркнута одной второй частью опрошенного населения. Далее, 45,6 % указывают на важность равенства, 32,1 % подчеркнули суждение «державность», и одна седьмая доля указали на необходимость ориентацию на западные ценности. При этом возникает вопрос: «Насколько западные ценности отвечают национальным интересам Российского государства?». Объявление спецоперации показало, что ситуация внутри российского общества является довольно сложной – 30-летняя история с ориентацией на западные ценности свидетельствует о глубоком идеологическом разломе. Оказалось, что для одной части россиян важным является патриотизм и необходимость защиты Отечества, для других – собственный комфорт и нежелание отказаться от потребительского отношения к государству при параллельном отрицании собственной ответственности за будущее России.

Литература:

1. *Ростовская Т.К.* Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции : монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М. : РУСАЙНС, 2019. 228 с.
2. *Чуев С.В.* Политические ценности российской молодежи: материалы исследования / С.В. Чуев, А.Н. Тимохович, С.В. Гришаева // *Власть*. 2017. Т. 25. № 11. С. 54–60.
3. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.]; Под общ.ред. Ю.А. Зубок ; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с.
4. *Петухов В.В.* Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России. Россия и Китай: молодёжь XXI века : монография / В.В. Петухов; Отв. ред. М.К. Горшков [и др.]. М. : Новый хронограф, 2014. С. 239–259.
5. *Ростовская Т.К.* Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции : монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М. : РУСАЙНС, 2019. 43 с.

Среди политических ценностей, как ранее уже было отмечено, важным является патриотизм и патриотическое воспитание. Как известно, данный компонент является ключевым в формировании государственно-гражданской идентичности [10], а также – в консолидации российского общества [11].

Что такое патриотизм? Автору ближе понимание патриотизма как ценности, являющейся «проекцией ценностного единства и, возможно, осознаваемая потребность в консолидации, половина россиян считают вполне вероятными рост патриотических настроений и их углубление, вплоть до защиты интересов страны» [12, с. 300]. Следует отметить, что российская идентичность и патриотизм – это явления одного порядка, которые находятся в тесной связке и влияют друг на друга, поэтому они являются важными элементами в обеспечении межнационального согласия, политической стабильности и эволюционного развития.

Резюме. Проведенный анализ показывает, что в массовом сознании дагестанской молодежи сформировалась иерархия политических ценностей, среди которых преобладающими являются социальная справедливость и патриотизм. Отсутствие первой, сопряженной с низким уровнем доверия политическим институтам, может дестабилизировать ситуацию в стране, а патриотические установки способны укрепить в общественном сознании гордость за страну и ее достижения. Однако ряд исследований отечественных социологов констатирует о слабой позиции в общественном сознании ответственности за страну, что в полной мере продемонстрировали события последнего времени.

Literature:

1. *Rostovskaya T.K.* Value orientations of modern youth: features and trends : monograph / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev. M. : RUSAINS, 2019. 228 p.
2. *Chuev S.V.* Political values of Russian youth: research materials / S.V. Chuev, A.N. Timokhovich, S.V. Grishaeva // *Power*. 2017. Vol. 25. № 11. P. 54–60.
3. Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling: monograph / Yu.A. Zubok, O.A. Alexandrova, M.B. Bulanova [et al.]; under the general editorship of Yu.A. Zubok; FNCS RAS. Belgorod : «Epicenter», 2022. 360 p.
4. *Petukhov V.V.* Generation of «zero»: ideological attitudes and political participation in Russia. Russia and China: Youth of the XXI century : monograph / V.V. Petukhov; Editors: M.K. Gorshkov [et al.]. M. : Novy Chronograph, 2014. P. 239–259.
5. *Rostovskaya T.K.* Value orientations of modern youth: features and trends : monograph / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev. M. : RUSAINS, 2019. 43 p.

6. *Inglehart R.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации, и как это меняет мир. М. : Мысль, 2018. 347 с.
7. *Степанищенко О.В.* Понятие и природа политических ценностей / О.В. Степанищенко // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 2. С. 284–292.
8. *Ростовская Т.К.* Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции : монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М. : РУСАЙНС, 2019. 228 с.
9. *Селезнева А.В.* Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ / А.В. Селезнева // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 6–18.
10. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
11. *Шахбанова М.М.* Патриотические установки в массовом сознании дагестанской молодежи / М.М. Шахбанова // Вестник ИИАЭ. 2013 № 4. С. 91–100.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М.К. Горшков [и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017. 424 с.
6. *Inglehart R.* Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. M. : Mysl, 2018. 347 p.
7. *Stepanishchenko O.V.* The concept and nature of political values / O.V. Stepanishchenko // Bulletin of St. Petersburg State University. 2011. № 12. Iss. 2. P. 284–292.
8. *Rostovskaya T.K.* Value orientations of modern youth: features and trends : monograph / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev. M. : RUSAINS, 2019. 228 p.
9. *Selezneva A.V.* Political values in the modern Russian mass consciousness: psychological analysis / A.V. Selezneva // Man. Community, management. 2014. № 2. P. 6–18.
10. *Shakhbanova M.M.* Ethnic, religious and state-civil identities of Dagestani peoples in the conditions of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.
11. *Shakhbanova M.M.* Patriotic attitudes in the mass consciousness of Dagestan youth / M.M. Shakhbanova // Bulletin of the IIAE. 2013. № 4. P. 91–100.
12. Russian society and challenges of the time. The fifth book / M.K. Gorshkov [et al.]; Edited by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M. : TheWholeWorld, 2017. 424 p.

Ремиханова Рамила Идрисовна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
технический университет
reramila@yandex.ru

Шихалиева Дагмара Сергоевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
anabella.07@bk.ru

Нурилова Альбина Захарьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
alnuza@mail.ru

КАРЬЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируется карьерное поведение дагестанской молодежи. Показано, что молодое поколение дагестанцев, в основной своей массе, ставит перед собой амбициозные цели, ориентировано на карьерный рост. Аналитика социологического материала показывает, что в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи в тесной увязке находятся ориентация на личностную социализацию и реализацию, причем карьерный рост и материальное благополучие имеет заметное значение в их установках. Ключевым фактором в карьере, респонденты считают наличие хорошего образования и высокой квалификации. Вместе с тем, немаловажное значение имеют «нужные связи», без которых невозможно сделать карьеру.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, карьера, социализация, карьерная стратегия, стартовый потенциал, стартовые возможности, самореализация.

Введение. В современный период развития российского общества заметно возрастает роль молодого поколения, актуализируются его мировоззренческие, образовательные, национальные, духовные, политические и иные ценности и ориентации. Как на формирование, так и на их трансформацию огромное влияние оказывает экономический фактор, ибо «сфера экономики – одна из основных, где молодежь призвана реализовать свои знания, способности и трудовые навыки. В общесоциальном аспекте, включение молодежи в процесс самореализации в трудовых

Ramila I. Remikhanova

Candidate in Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of History Fatherland,
Dagestan State Technical University
reramila@yandex.ru

Dagmara S. Shikhalieva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University
anabella.07@bk.ru

Albina Z. Nurilova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University
anabella.07@bk.ru

CAREER STRATEGY OF DAGESTAN YOUTH

Annotation. The article analyzes the career behavior of Dagestan youth. It is shown that the younger generation of Dagestanis, for the most part, sets ambitious goals, is focused on career growth. The analysis of the sociological material shows that in the public consciousness of the interviewed Dagestani youth, orientation towards personal socialization and realization are closely linked, and career growth and material well-being have a noticeable weight in their attitudes. Respondents consider having a good education and high qualifications to be a key factor in their career. At the same time, the «necessary connections» are of no small importance, without which it is impossible to make a career.

Keywords: dagestan youth, career, socialization, career strategy, starting potential, starting opportunities, self-realization.

отношениях есть воспроизводство социально-профессиональной, а в конечном итоге – социально-классовой структуры общества» [1, с. 68]. Иными словами, в условиях рыночной экономики, обозначение молодым человеком своей целью построение карьеры, а также, стремление максимально реализовать свой личностный, профессиональный и социальный потенциал [2] – приобретает особую значимость.

В рамках исследования карьерной стратегии молодого поколения закономерно возникает

необходимость установления содержания термина «карьера». Что такое карьера? Определенный данного явления существует множество, в частности, «карьера... процесс самореализации человека в профессии, процесс развития его познаний, умений и индивидуальных качеств, позволяющих достичь нового социального и профессионального статуса» [3, с. 338]. В этой связи, вопросы: «Какой должна быть молодежная политика Российского государства?» и «Каким должно быть значение молодежи в осуществлении этой политики?» являются ключевыми при реализации основных положений молодежной политики, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Более того, по мнению авторов, в рамках молодежной политики важным является предоставление возможностей для молодого поколения сделать карьеру, создать условия для его личностной самореализации. Поэтому «тема государственной молодежной политики в условиях последних реалий, связанных с высокой социальной турбулентностью... все чаще возникает в качестве приоритетной повестки и обсуждения заинтересованного сообщества...» [4, с. 904].

При изучении сути карьеры на поверхность всплывает и гендерный аспект данного явления, ибо, хотя это не афишируется, но практически всегда при трудоустройстве человек сталкивается с проявлением гендерной дискриминации, когда при равных возможностях мужчины и женщины вопрос трудоустройства решается в пользу мужчины по объективным и субъективным причинам. Поэтому исследователи при анализе карьеры ввели понятие «стеклянный потолок» как «искусственно созданные барьеры, основанные на предрассудках, которые не позволяют квалифицированным работникам, в первую очередь женщинам и представителям национальных меньшинств, продвигаться по службе и занимать руководящие посты в организациях» [5, с. 142].

Методика исследования. С целью выявления карьерной стратегии молодежи было проведено интервью среди студентов средних специальных и высших учебных заведений Дагестана. Кроме того, в массив попала подгруппа, которая работает и, следовательно, проблему трудоустройства знает «изнутри». N = 229.

Результаты исследования. Что является важным для дагестанской молодежи? Данные исследования показывают, что личностная самореализация есть ключевой индикатор жизненного успеха (59,9 %). В чем заключается жизненный успех и, как показывает опрос, основным, в данном контексте, является получение образования, причем, востребованного на рынке труда образования и специальности. Гендерный анализ показывает, что для респондентов-мужчин привлекательна ИТ-сфера (63,8 %), в то время как женщины больше ориентированы на гуманитарное образование (51,9 %). Но насколько востребованы на рынке труда выпускники высших и средних специальных учебных заведений? Реалии свидетельствуют о том, что женщины, имеющие высокий образовательный статус, переqualифицируются на другие виды деятельности, где они в материальном плане чувствуют себя более комфортно.

Примером является пандемийный период, когда, введенный локдаун, заметно отразился на частном секторе и на экономическом самочувствии наемных работников. При этом уютно себя чувствовали именно индивидуальные предприниматели, которые не зависели от социальных выплат государства, ибо могли на дому зарабатывать (например, сфера услуг – парикмахеры, визажисты, швеи и т.д.).

Далее, на карьерную стратегию и профессиональный выбор детей заметное влияние оказывают родители, ибо, транслируемая последними ценность той или иной профессии, вполне способна в последующем определить выбор ребенка. Данный аспект нашел свое выражение в концепции родительского участия в образовании Дж. Эпштейна [6]. Также, научный интерес представляет классификация отечественных исследователей, предложивших типологические группы родительского участия в образовании, который включает в себя:

- 1) «опекуны»;
- 2) «наблюдатели»;
- 3) «невидимки» [7, с. 76].

Следует отметить, что, в определенной степени, ошибочным является утверждение о влиянии уровня образования родителей на профессиональный выбор детей: практика показывает, что родители с низким уровнем образования могут ориентировать своего ребенка на получение престижного образования и высокий социальный лифт с мотивацией: «Пусть мой ребенок будет более успешным, чем его родители».

Также, при рассмотрении карьерной стратегии не менее важным является соответствие образования и самой профессии. Даже можно предположить, что человек, который не смог устроиться по полученной им в стенах учебного заведения специальности, может быть причислен к безработным, потому что его специализация и, выполняемая им в реальности работа, не соответствуют друг другу. Иными словами, «работа по специальности является условием завершения, начатой в вузе профессиональной социализации, в противном случае, он утрачивает знания и навыки, полученные в процессе обучения» [8, с. 114]. Разумеется, только на предприятии выпускник сможет наработать определенный опыт, который позволит ему в последующем сделать карьеру, если у него такая цель существует. К сожалению, не всегда специалисты оказываются востребованными на рынке труда, ибо, как сами выпускники школ, так и их родители не учитывают вакансии и необходимые для экономики специальности, а это создает определенные риски не только для выпускника учебного заведения, но и для экономики, в целом, потому что наличие «лишнего» слоя специалистов создает «перегрев» в одной отрасли при дефиците в другой.

Какие меры, опрошенные готовы принять для своей самореализации? Эмпирический материал показывает, что для респондентов важными

являются материальное благополучие (43,7 %), получение качественного образования (39,1 %), повышение квалификации (29,3 %), работа приносящая удовольствие (28,1 %), желание сделать карьеру (27,9 %) и обращает на себя ориентированность молодого поколения организовать личный бизнес (27,8 %). Вместе с тем, для дагестанской молодежи не менее важны и «житейские вопросы», в частности, создание семьи (59,3 %), иметь собственное жилье (41,3 %) и машину (27,3 %), а также – отдых, путешествия (21,3 %). В целом, по совокупности, можно отметить тесную взаимосвязь экономических и образовательных параметров, которые являются важными в карьерном росте, соответственно, данное обстоятельство, в определенной степени, будет определять будущее опрошенной дагестанской молодежи.

Не является секретом, что безработица имеет большой масштаб распространения именно среди молодого поколения. Даже, молодые люди, имеющие высокий образовательный статус, не всегда могут трудоустроиться по самым разным причинам, среди которых существенными, по мнению авторов, являются 2 фактора:

- а) низкий уровень оплаты труда;
- б) нежелание работодателя нанимать специалиста с отсутствием опыта работы.

С последним фактором дело обстоит намного сложнее – как может вчерашний выпускник набраться опыта, если он по объективным причинам не мог трудоустроиться? Это первое, второе – реформирование системы образования существенно уменьшило возможность обеспечения полноценной практики для студентов как средне-специальных, так и высших учебных заведений, а это является существенной преградой на пути личностной самореализации и карьерного роста.

В рамках изучения карьеры, закономерно возникает вопрос и о возможности трудоустройства. В исследовании респондентам был задан вопрос, который показывает способы поиска ими работы. Так, 32,1 % опрошенных обратились за помощью к родственникам; 23,7 % – непосредственно в организацию, при этом почти половина обратившихся получила отказ с мотивацией отсутствия опыта работы (здесь следует отметить, что это, в основном, кандидаты, имеющие экономическое и юридическое образование); далее, почти четверть опрошенных нашла себе работу через объявления о вакансиях; причем, здесь значима роль Интернета. При этом 23,5 % опрошенной молодежи оставляла объявления и после собеседования, правда с испытательным сроком, претендент смог трудоустроиться. Вместе с тем, следует отметить, что проведенное исследование показывает, что не все так радужно в трудовой сфере:

Литература:

1. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М. : Мысль. 1970. 285 с.

есть скрытая безработица и ее масштабы не маленькие. При этом само трудоустройство является уже успехом, и сложности в этом могут существенно снизить карьерный потенциал, более того, ситуацию может усугубить низкий уровень стартовых возможностей. То есть, даже наличие высокого образовательного статуса еще не является залогом успешной самореализации. Если обратиться к данным российских исследователей, то «изучение взаимосвязи между способом трудоустройства и экономической отраслью показывает, что в отраслях, в большей степени, связанных с государственной службой и бюджетными организациями, дружеские связи для поиска работы используются значительно реже, чем в отраслях, связанных с коммерческой деятельностью. Лидером по частоте трудоустройства через друзей или знакомых является строительство... Напротив, меньше всего работников, трудоустроенных через знакомых, в сфере образования, а также в армии и в органах безопасности. Эти закономерности можно объяснить тем, что в бюджетной сфере, где уровень оплаты труда традиционно ниже, чем в коммерческой, трудоустройство через неформальные социальные связи не так актуально в силу меньшего количества претендентов на вакантные должности. Кроме того, формализованный механизм проверки кандидатов (большое количество формальных требований и критериев, которым кандидат на должность обязан соответствовать) во многих случаях просто исключается возможность трудоустройства «по знакомству» в госсекторе» [9, с. 81]. С данной позицией невозможно согласиться, ибо картина во многих регионах выглядит иначе: например, дагестанская молодежь и не только, больше ориентирована на работу в государственном секторе, потому что уверена в том, что «небольшую зарплату, но стабильно будут получать» в отличие от того же частного сектора, где очень часто отсутствует соцпакет. Кроме того, в частном секторе существует серая схема оплаты труда и по выходе на пенсию человек, несмотря на свою достаточно большую зарплату в коммерческом секторе, может оказаться с небольшой социальной выплатой в форме пенсии.

Резюме. Проведенный анализ карьерной стратегии дагестанской молодежи позволяет сделать вывод о том, что она демонстрирует высокую степень активности, наблюдается существование определенных целей; причем, эти цели вполне обоснованы, молодое поколение учитывает собственный потенциал в их реализации. Кроме того, респонденты свое будущее связывают с переездом в крупные мегаполисы с аргументацией больших возможностей для самореализации именно в них, а также, исходят из того, что в центральных российских регионах у них больше возможностей для успешной жизни и при желании создать собственный бизнес.

Literature:

1. Shubkin V.N. Sociological experiments. M. : Thought. 1970. 285 p.

2. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, [et al.] // Eurasian Journal of Bio Sciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.
3. Голобоков А.С. Особенности и проблемы карьеры современной российской молодежи / А.С. Голобоков, А.Р. Тюгаев // АНИ: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 338–341.
4. Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи / И.С. Шаповалова // Регионология. 2021. Т. 29. № 4. С. 902–932.
5. Берн Ш. Гендерная психология. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 320 с.
6. Epstein J. Connections Count: Improving Family and Community Involvement in Secondary Schools. 2007 Principal Leadership. Vol. 8. № 2. P. 16–22.
7. Гошин М.Е. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа / М.Е. Гошин, М.А. Пинская, Д.С. Григорьев // Социологические исследования 2021. № 5. С. 70–83.
8. Zubok Yu.A. Young specialists: training and demand in the labor market / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Sociological research. 2015. № 5. С. 114–121.
9. Креховец Е.В. Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников / Е.В. Креховец, Д.А. Шпилев // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 78–89.
2. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, [et al.] // Eurasian Journal of Bio Sciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.
3. Golobokov A.S. Features and problems of the career of modern Russian youth / A.S. Golobokov, A.R. Tyugaev // ANI: pedagogy and psychology. 2017. Vol. 6. № 2(19). P. 338–341.
4. Shapovalova I.S. Problems of implementation of the state youth policy in the reflection of regional youth / I.S. Shapovalova // Regionology. 2021. Vol. 29. № 4. P. 902–932.
5. Bern S. Gender psychology. SPb. : Prime-EUROZNAK, 2001. 320 p.
6. Epstein J. Connections Count: Improving Family and Community Involvement in Secondary Schools. 2007 Principal Leadership. Vol. 8. № 2. P. 16–22.
7. Goshin M.E. Forms of parental participation in the education of children in schools of different types / M.E. Goshin, M.A. Pinskaya, D.S. Grigoriev // Sociological Research 2021. № 5. P. 70–83.
8. Zubok Yu.A. Young specialists: training and demand in the labor market / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Sociological research. 2015. № 5. P. 114–121.
9. Krekhovets E.V. The role of informal social ties in the employment of students and graduates / E.V. Krekhovets, D.A. Shpilev // Sociological research. 2020. № 8. P. 78–89.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии и
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

■ ■ ■

Аннотация. Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих этапа общества знаний в информационном обществе отличается от политической культуры данной социальной общности индустриального общества. Ее важность обусловлена ролью государственных и муниципальных служащих в проведении государственной политики в обществе. Все наиболее важные вопросы выносятся для решения в сферу политических отношений. А государственные и муниципальные служащие – реализаторы последних. И то, насколько они понимают и разделяют эти решения, политику государства, также зависит эффективность реализации государственной политики и интересов общества. Однако сегодня в социологии крайне редко встречаются исследования политической культуры данной социальной группы. Между тем, в целях более эффективного развития данного явления это делать необходимо. Цель статьи – исследование состояния политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России. В статье были использованы работы по политической культуре, таких авторов как: П. Бурье, П. Сорокин и др; результаты эмпирических исследований отечественных авторов. В качестве метода исследования – анализ документов. Анализ этих материалов позволил сделать следующие выводы. Сегодня в России происходит становление новой политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих информационного общества, его этапа – общества знаний. Это можно рассматривать как новый социальный феномен, обусловленный ролью этой социальной группы в обществе и самим новым обществом. Политическая культура представителей властных структур все еще содержит в себе элементы политической культуры индустриального общества, а не только общества знаний. И сегодня она не является ни авангардом политической, но и не является крайне отсталой. Необходимо ее дальнейшее

Natalia G. Khoroshkevich
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology and Legal Support
of State and Municipal Administration
Ural Federal University
named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

CHARACTERISTICS AND FACTORS OF POLITICAL CULTURE OF STATE CIVIL AND MUNICIPAL EMPLOYEES AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

■ ■ ■

Annotation. The political culture of state civil and municipal employees of the knowledge society stage in the information society differs from the political culture of this social community of industrial society. Its importance is due to the role of state and municipal employees in the implementation of state policy in society. All the most important issues are submitted for decision in the field of political relations. And state and municipal employees are the implementers of the latter. And how much they understand and share these decisions, the policy of the state, also depends on the effectiveness of the implementation of state policy and the interests of society. However, today in sociology, studies of the political culture of a given social group are extremely rare. Meanwhile, in order to more effectively develop this phenomenon, this must be done. The purpose of the article is to study the state and main state civil and municipal employees influencing the political culture in modern Russia. The article used works on political culture, such authors as: P. Burye, P. Sorokin, etc.; results of empirical studies of domestic authors. The study method is document analysis. The analysis of these materials made it possible to draw the following conclusions. Today, Russia is developing a new political culture of state civil and municipal employees of the information society, its stage is the knowledge society. This can be seen as a new social phenomenon, due to the role of this social group in society and the new society itself. The political culture of representatives of power structures still contains elements of the political culture of an industrial society, and not just a knowledge society. And today it is neither the vanguard of political, but also it is not extremely backward.

исследование. Какой должна быть политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих в обществе знаний – это вопрос для дальнейшего ее исследования в целях более эффективного удовлетворения интересов общества.

Ключевые слова: политическая культура, государственные гражданские и муниципальные служащие, феномен, характеристика, факторы.

Актуальность темы исследования.

Современный мир меняется. В настоящее время идет процесс развития нового типа общества – информационного, становление одного из его этапов – общества знания. Происходит переосмысление роли государства, и, как известно, следствием этого является изменение требований к государственным гражданским и муниципальным служащим.

Сегодня происходит формирование государственных и муниципальных служащих, соответствующих новым условиям, характерным для нового этапа развития общества. В данной работе речь пойдет об одном из аспектов данной социально-профессиональной группы – ее политической культуре.

В настоящее время в РФ отсутствует планомерная целенаправленная политика, направленная на развитие политической культуры данной социальной общности, как и всего общества в целом. Но, развивать политическую культуру крайне важно, особенно у представителей властных структур. Уже давно доказано представителями менеджмента, что наиболее эффективно сотрудники работают в том случае, если они понимают и разделяют политику организации. Чем больше будут отвечать взгляды государственных и муниципальных служащих вызовам времени, тем представители данной социальной общности будут более готовыми к прогрессивным переменам в обществе, более восприимчивыми к новым формам политического взаимодействия, новым политическим ценностям. И это важно, так как именно представители этой группы осуществляют государственную политику. А значит, будут более всесторонне решать различные социальные проблемы (все самые важные экономические, социальные, культурные вопросы выносятся на политический уровень) – удовлетворять потребности общества.

Цель статьи – исследование состояния политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России.

Объект – политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих как новый социальный феномен в обществе.

Предмет – характеристики политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России как нового феномена.

Keywords: political culture, state civil and municipal employees, phenomenon, characteristic, factors.

Для написания статьи был использован метод анализа документов.

Характеристики политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России.

В современном обществе постоянно возрастает ценность не только информации, а знания. Общество знания предполагает ценность не информации, а умение работать с ней и получать знания посредством ее анализа. Теперь индивид – это не просто человек, умеющий искать, использовать информацию, а человек способный сам получать из нее знание, думать, анализировать и т.д. В этих условиях меняется отношение к государству и к его служащим.

Явление политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих можно рассмотреть новое социальное явление, и новый социальный феномен [1]. Но, прежде чем исследовать политическую культуру как социальный феномен, необходимо ввести определение политической культуры. **Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих** – это «часть общей культуры, характеризующая уровень политических отношений в обществе, состоящая из системы групп элементов культуры (политических ценностей, знаний, норм, оценок, языка, деятельности), регулирующих взаимодействие государственных гражданских и муниципальных служащих с другими акторами (социальными группами, институтами и т.д.) в процессе завоевания, удержания, использования ими государственной власти для достижения своих целей [2, с. 157].

В самой «широкой» трактовке под феноменом обычно понимают «явление, данное в чувственном созерцании» [3]. В обыденной речи этот термин может означать необычное явление, редкий факт [4].

В социологии рассматривают социальный феномен или социальное явление, которое означает «элемент социальной реальности, обладающий всей полнотой социальных свойств и признаков; это любое проявление отношений или взаимодействия людей или даже отдельное событие или случай; все, что проявляет себя, существует, есть в социальной действительности. Социальные явления – это явления взаимодействия людей, осуществляемые в социальном пространстве: непосредственно в контактной группе или опосредованно через причастность индивидов к

сообществам, через социальные организации, институты» [5].

Признаки социального явления: взаимодействие акторов, повторяемость взаимодействий, принудительность правил, длительность, непрерывность, необходимость, многосторонность, обмен услугами [6].

Политическую культуру государственных гражданских и муниципальных служащих можно рассматривать как социальный феномен, т.к. это элемент социальной реальности (она имеет место в обществе), регулирует политические взаимодействия представителей данной социальной группы, а их немало – тогда явление массово. Эти взаимодействия происходят в новом обществе постоянно, по правилам новой политической культуры, регулируют разные аспекты политической деятельности. И политическая культура необходима данной группе, так как они отстаивают, благодаря ей, лучше свои политические интересы. Их взаимодействия, благодаря данной культуре, повторяемы, стандартизированы. Нормы культуры принуждают действовать определенным образом. Но, без них было бы сложнее взаимодействовать, был бы хаос. Политическая культура данной социальной группы общественно значима, так как эта социальная группа довольно массовая и поводит политику государства в обществе. Социальный феномен предполагает обмен услугами. Здесь – это проведение государственной политики, с одной стороны, и отстаивание своих политических интересов, с другой. Тогда политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих в новом типе общества – это социальный феномен. Для любого нового типа общества характерна своя политическая культура, как у всего общества, так и отдельных его групп. **Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих общества знаний – это феномен, обладающий своими характеристиками, своей спецификой. Последняя обусловлена ролью данной социальной группы в обществе (они проводят политику государства) и спецификой самого общества знаний.** Государственные гражданские и муниципальные служащие занимают особое место и выполняют особые функции в обществе. Это налагает на них более высокую ответственность, чем на большую часть населения. Они – представители государства, всегда на виду.

В этой связи, их политическая культура должна быть более передовой. Как отмечает Я.А. Гайдук, политическая культура государственных служащих должна быть «ядром социально-политического развития» [7]. Это значит, что государственные гражданские и муниципальные служащие должны стать проводниками государственной политики во всех сферах жизни общества, в том числе, и политической, и развивать политическую культуру населения. Это особенно касается нового типа общества. Общество знания – это не только умение человека работать с информацией и производить знание. Сегодня его рассматривают как новую стадию социально-экономического развития [8, с. 10–12], что вполне логично:

меняются технологии, меняются другие сферы жизни. Знание все больше создает условий, благоприятных для личности. Здесь более всего условий для воплощения идеи гуманизма, и население более требовательно к реализации его принципов. Оно более критично. Может само вырабатывать знания, анализируя информацию. Здесь все более становится популярна ценность личности, ее самореализации. Наступает время, когда во главу угла ставится личность, ее развитие. Это время личностного роста, раскрытия личности. А значит, и политика государства должна быть направлена на раскрытие личности, созданы для этого все условия, механизмы, институты и т.д. Тогда роль государственных и муниципальных служащих в обществе оно тоже меняется. Функции, которые обычно выполняют государственные чиновники, меняются. Государство сегодня все чаще пытается привлечь к решению проблем в обществе различные социальные общности. Оно отходит от роли, когда жестко контролировало все сферы жизнедеятельности общества. И в этом нет такой нужды. Значит, и роль его государственных служащих меняется. Пересматривается их назначение, государства и его сотрудников. Последние должны разделять идею гуманизма и создавать условия для ее воплощения в обществе. А значит, в политическом плане быть более прогрессивными, так как все наиболее важные вопросы экономики, социальные, выносятся на уровень политики.

Таким образом, они должны быть образцом, наиболее передовыми в политическом плане. Более того, государство должно развивать для этого политическую культуру данной социальной группы постоянно и целенаправленно. Кроме того, оно должно развивать политическую культуру общества, а государственные служащие должны эту политику реализовывать.

Это означает, что в информационном обществе, а именно на одном из его этапов – обществе знания, политическая культура должна обладать отличными характеристиками, обусловленными ролью данной политической группы уже в новом обществе. И это, действительно, феномен, отличный от каких-либо других социальных феноменов.

Характеристики политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих современного общества

Если рассматривать состояние политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих на данный момент, то можно сказать следующее.

Во-первых, так как чиновники являются частью населения РФ, то те характеристики политической культуры, которые характерны по стране в целом, присущи и чиновникам. Это – фрагментарность, патернализм и, в то же время, недоверие граждан государству, безверие в свои силы, отсюда – слабый интерес к политике и сосредоточение на экономических и социальных проблемах, вера в «доброе царя», противоречивость по очень важным вопросам, авторитаризм,

политическая дискретность, определенное сходство действий «верхов» и «низов», правовой нигилизм и верхов и низов, сильная персонализация власти, черты и Востока и Запада, атомарность населения в плане политического участия, неумение договариваться между собой разных социальных общностей, «верхов» и «низов», стихийность развития политической культуры т.д. Кроме того, сегодня происходит переосмысление ряда политических ценностей, таких как «государство», «суверенитет», «патриотизм», «справедливость» и т.д. Им придается новое понимание.

Тип политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в России можно охарактеризовать скорее подданнический (следуя классификации политических культур. Предложенный Алмондом и Верба) с элементами партисипативной культуры.

С точки зрения классификации политических культур Э.Я. Баталова, в России у госслужащих скорее этактическая политическая культура, с элементами рыночной культуры. Эти элементы также имеют место в определенные годы и причём на макроуровне.

Для политической культуры государственных и муниципальных служащих в России скорее характерна двойственность (классификация Ю.Б. Ирхина). Это выражается в подданническом характере подчинения, слабый интерес к активному политическому участию. Но, в тоже время, развитие научно-технического прогресса приобщает к западным политическим ценностям. Это цифровизация, наличие Интернета.

В определенной мере, эти характеристики присущи всей социально-профессиональной группе государственных гражданских и муниципальных служащих, так как они также являются частью населения современной России.

Другой вопрос: Насколько это для них характерно? И как можно охарактеризовать их политическую культуру на фоне других групп населения?

Это можно сделать, исследуя компоненты политической культуры представителей данной социальной группы. В качестве компонентов исследовать политические ценности, политические нормы, политическое знание, политический язык, политическую деятельность.

Если следовать классификации ценностей М. Роккича, то все ценности делятся на ценности-цели и ценности-средства. В политической сфере также можно применить эту классификацию и поделить ценности на эти две группы. Ценности-цели – это право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, мир, на достоинство, равенство перед законом, на свободное определение национальности и языка, инновационность, социальная справедливость, глобализм, патриотизм, свобода передвижения, выбора места пребывания и проживания, выезда и возвращения в РФ, свободу вероисповедания, космополитизм, неприкосновенность частной жизни, жилища,

тайну (свободу) переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, свободу информации, свободу слова, институционализм, самореализацию [9, с. 244, 246]. Тогда, в качестве ценностей-средств можно отметить такие ценности как: высшая власть в государстве принадлежит народу, выборность представительных органов власти, различные формы выражения населением своего волеизъявления, государство как партнер, развивается инициатива граждан, верховенство закона, ответственность государственных служащих при принятии и реализации политических решений, многопартийность, плюрализм мнений, «прозрачность» всех выборных процедур в политике, толерантность, открытость к новым формам демократических процедур, субъектами политики могут выступать как политические организации, так и отдельные граждане, политическая культура граждан и государственных гражданских и муниципальных служащих [9, с. 243–244].

Как показывают результаты анализа данных социологических исследований, проведенных в разных регионах РФ, политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России не всегда соответствуют ценностям постиндустриального общества, что обусловлено общей нестабильностью в обществе [10, с. 141; 11, с. 18].

Исследование политических ценностей на государственной службе среди федеральных служащих было проведено в 2021 г. К.А. Филковой. Наиболее важными политическими ценностями для опрошенных ФГГС являются: равенство, конституционализм и национальная безопасность [12, с. 159]. Настораживает важность последней.

С каждым годом возрастает разрыв между политической элитой, чиновниками и населением. Это происходит как в социальных, экономических, так и в законодательных аспектах. Разрабатываемые Государственной Думой РФ нормативно-правовые акты, направлены не на повышение благосостояния россиян, а на предоставление большей свободы действий бюрократии. К примеру, депутаты Государственной Думы РФ одобрили в первом чтении проект закона, освобождающий представителей властных структур, судей, прокуроров, военнослужащих и другие категории граждан от наказания за нарушение антикоррупционных норм, если это произошло от не зависящим от чиновников обстоятельствам [12, с. 150]. В отношении остальных групп населения законодательство носит скорее запрещающий характер [12, с. 159–160].

Если сравнить выбор ценностей респондентами в данном исследовании с ценностями, которые относятся к обществам индустриальному и информационному, то большая часть политических ценностей, выбранных респондентами, все-таки, уже принадлежит к ценностям последнего. Однако некоторые ценности продолжают относиться к обществу индустриальному. Это – карьера, коллективизм. И они заняли близкие места после тройки наиболее сильных ценностей [12, с. 159].

Также, Филкова проранжировала предложенный ею спектр политических ценностей относительно пирамиды потребностей А. Маслоу. В ходе исследования было выявлено, что наиболее важные для ФГГС политические ценности относятся, согласно теории А. Маслоу, к потребностям в уважении, что на ступень ниже потребности общества в самореализации [12, с. 162]. Для сравнения, можно привести результаты исследования политической культуры россиян, проведенного в 2020 г. А.И. Ждановым и Р.Т. Мухаевым. Они сравнивали политические ценности россиян, начиная с 1990-х гг. прошлого времени и пришли к выводу, что последние претерпели сильные изменения. Политические ценности развивались по спирали. В 1990-е гг. были сильны, но на рубеже веков наступило разочарование в следствие результатов демократических реформ. И были сильны подданические, элитарные, националистические и «правые» настроения. Сильна была ориентация на стабильность [13, с. 49].

На данный момент снова возрос интерес к ценностям демократии, политики, запрос на перемены, политическое участие [14, с. 49]. Свобода ценится выше справедливости и недоверия к государству. Мухаев и Жданов это связывают с наличием у граждан относительного достатка, личного капитала, возможностью индивидуальной мобильности и курсом государства на укрепление «традиционных ценностей» [13, с. 46]. Но это не говорит о том, что сейчас в обществе – только эти ценности. За них – больше половины населения. Но и политические ценности, преобладавшие на рубеже веков, продолжают иметь место. Сохраняется их эклетика. Но постепенно, население больше склоняется к более передовым ценностям. Также, следует отметить, что интерес к тем или иным политическим ценностям зависит от благосостояния россиян. Здесь есть прямая связь с удовлетворением потребностей по таблице А. Маслоу.

Чиновники различаются не только по оплате труда, но и по возможностям, информационным, административным и т.д. Государственные служащие, занимающие высокие руководящие посты, составляют часть элит регионального и федерального уровней, они составляют политико-административную элиту России. Согласно теории элит, элита более сплоченна, чем другие слои населения, они претендуют на управление обществом и могут это делать. А значит, административно-политическая элита также более политически активна и сплоченна в отстаивании своих интересов, чем чиновники, не входящие в элиту.

Сегодня российскому обществу хочется перемен, а элите и режиму – консервации своего положения при «реформаторской» риторике. Поэтому элиты транслируют ту политическую повестку, которая им удобна [14, с. 50]. Однако, как показывает история, если элита не шла навстречу потребности в назревших изменениях, то ее сменяла более прогрессивная элита.

Элита всегда выполняла определенные функции в обществе, а значит - в ней всегда была потребность, но в разное время эти функции были

разными [15, с. 56]. Сегодня, чтобы удержаться у власти, политическая элита должна пропагандировать демократические, гуманистические принципы и соответственно содействовать их претворению в жизнь. Современной российской политической элите следует лучше учитывать потребности в обществе, быстрее перестраиваться под них. Это – в ее интересах. Если элита тормозит прогрессивное развитие, то государственные служащие не всегда имеют возможность осуществлять передовую политическую культуру. Стоит принять во внимание и этот факт.

В настоящее время политические ценности социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих не являются авангардом, самыми передовыми в обществе. Но, они, все равно, подвергаются может и медленным, и не осознанным изменениям под влиянием внешней среды.

Что касается норм социальной группы государственных и муниципальных служащих, то здесь можно отметить следующее.

Во-первых, она имеет те же права в политическом плане, что и остальное население РФ. Однако часть их политических прав ограничена федеральными законами в целях более эффективного проведения ими государственной политики.

Во-вторых, сегодня происходит формирование новых политических норм и отмирание некоторых старых. В качестве примеров таких норм можно отметить прямые линии населения с Президентом. На смену получения информации из газет и ТВ приходит обмен мнением о политических событиях в соц. сетях. Это деятельность организаций, которые пытаются решить не политические проблемы, но выносят их на политический уровень (например, проблемы охраны окружающей среды). Идет процесс расширения новых форм взаимодействия граждан с властью.

Структура политического знания государственных гражданских и муниципальных служащих может выглядеть следующим образом. Это – теории и методологии политики; знание российской и зарубежной политической истории; знание политического устройства РФ; современная политическая ситуация: в России; за рубежом; методы воздействия на ситуацию.

Анализ состояния политического знания государственных и муниципальных служащих затруднен отсутствием подобных социологических исследований. В связи с этим, проанализированы не все аспекты политического знания государственных гражданских и муниципальных служащих.

Уровень знания теории и методологии политики, политической истории России и зарубежных стран крайне сложно определить. Такие знания госслужащие получают в процессе освоения специальности «государственное и муниципальное управление» в вузе. В дальнейшем, аттестация, квалификационный экзамен, курсы повышения квалификации не предусматривают изучения подобных вопросов. Не поведется на этот счет

исследования. Их нет ни в научной литературе, ни в отчетах по проводимым социологическим исследованиям внутри органов государственного и муниципального управления.

Государственные и муниципальные служащие имеют хорошую подготовку по вопросам внутреннего государственного устройства РФ и территорий, где замещают свои должности. При поступлении на государственную или муниципальную службу они проходят тестирование, где включены вопросы о государственном и территориальном устройстве РФ, политическом взаимодействии в РФ.

Перечни вопросов по этим испытаниям включают именно вопросы на знание федерального и местного законодательства об устройстве органов власти в РФ и территориях.

Государственные и муниципальные служащие отлично осведомлены о политических процессах, происходящих в РФ, тех территориях, областях или муниципальных образованиях, где эти чиновники замещают свои должности. Так как они, их материальное благополучие (останутся на службе или нет) несмотря на политическую нейтральность, предписанную и законодательством, непосредственно зависят от того, какой политический лидер придет к власти. Более того, имеют место случаи, когда на госслужащих оказывается давление со стороны руководства. Государственные и муниципальные органы власти используют административный ресурс в целях содействия нужному им кандидату. Продолжает сохраняться принцип личной преданности даже на самых высоких уровнях. Тому есть многочисленные примеры: смена правительства при смене глав государств [16].

Что касается еще одного компонента политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих – политического языка, то здесь можно отметить его «огрубление» в 1990-е гг. Это было связано с переходом нашей страны от социализма к капитализму и началу перехода от общества индустриального к постиндустриальному. П. Сорокин писал следующее о речи в период революционных событий. На первом этапе революции происходит «расторжение» речевых рефлексов. То, что раньше было под запретом, люди начинают говорить. Только на втором этапе, когда к власти приходят новые политические силы, совершившие революцию, люди начинают следить за тем что говорят, возвращается нормальная речь [17, с. 61]. Таким образом, в переходные периоды всегда происходит огрубление речи, в том числе и политической.

В настоящее время в России происходит «формирование нового политического словаря сопровождается процессами интенсивного фразеологического и словотворчества» [18, с. 63]. Идет процесс смены пластов политического словарного запаса. Широко употребительные на определенном этапе слова уходят в пассивный запас, когда происходит смена исторических эпох (коммунистической, демократической). Вводятся в обиход новые слова и выражения [18, с. 64]. Сюда относятся все

новые официальные названия, обозначающие административную систему власти: термины и номенклатурные наименования федеральной и местной власти: Президент РФ, Правительство РФ, Представитель Президента РФ, Федеральное собрание, законодательное собрание Свердловской области и т.д. Появились новые социологемы, обозначающие понятийное поле государственных структур: «государственный аппарат», «социально-политические институты» «государственно-исполнительная власть» и т.д. [19, с. 5]. Сюда можно отнести новые лексические единицы: пропрезидентский, антитеррористический, псевдодемократия, конфликтогенный. Новые словосочетания: ближнее зарубежье, протестное голосование, вертикаль власти, административный ресурс [18, с. 45]. Одной из наиболее заметных примет современного политического языка, по мнению ряда исследователей, стала богатая метафорика. Например, растительные – это ветви власти; военные метафоры – предвыборные баталии, война компроматов; спортивные – предвыборная гонка и т.д. [18, с. 66]. Происходит интенсивное заимствование политических терминов из других языков. Они могут быть достаточно различны. Например, консенсус, плюрализм, саммит, инаугурация, импичмент, электорат, экзит-пол(exit poll), пиар (PR, паблик рилейшнз) и т.д.

Идет процесс формирования нового политического жаргона. Например, оборонка, социалка, бюджетник, льготник, силовик, управленец и т.д. Излишняя жаргонизация – это свидетельство процесса огрубления политического языка, происходившего в 1990-е гг. [20, с. 232].

Говоря об изменениях политического языка современной России, необходимо отметить быстроту этих изменений. Последнее характерно для всех стран, входящих в информационное общество. Увеличение темпа изменений в политическом языке – следствие ускорения изменений в обществе, в языке, а значит и в политическом языке [20, с. 232–233].

Вышеперечисленные особенности, имеющие место в политическом языке современной России, в гораздо большей степени присущи политической речи представителей органов государственной и муниципальной власти, так как они составляют часть словарного запаса, который те используют в процессе работы [20, с. 232].

Еще один компонент политической культуры – это политическая деятельность. Государственные гражданские и муниципальные служащие могут выступать и объектом, и субъектом политических взаимодействий. С одной стороны, они, как и все остальные члены общества, испытывают на себе воздействие государственной политики, с другой, они сами проводят эту политику.

Как было отмечено выше, до сих пор имеют место случаи, когда госслужащих заставляют идти на выборы и голосовать за определенного кандидата [16]. Тогда здесь встает вопрос о добровольной активности госслужащих и их действительном мнении о политических лидерах.

Как показывают результаты исследования, молодые госслужащие более настроены что-то сделать и считают, что они смогут на что-то повлиять. Кстати, это одна из причин выбора в качестве места работы государственной службы. Однако с возрастом уверенность в свои возможности влияния на общественные процессы падает. Госслужащие более старшего возраста испытывают разочарование в своих властных полномочиях [11, с. 141, 143].

Если говорить о добровольном политическом участии госслужащих, то можно предположить, что она была бы не слишком высокой в сложившихся условиях, также как и у остального населения. Основная масса населения занята решением своих материальных проблем. У госслужащих на первом месте также – собственное благополучие [14, с. 74]. На практике, госслужащие не проявляют большую заинтересованность в переменах. Например, по данным социологического опроса, наименьшую заинтересованность в переменах проявляют пенсионеры (43 %), военные и сотрудники правоохранительных органов (44 %), работники сферы финансов, услуг и торговли (45 %), сельские жители (47 %), госслужащие (48 %) [21, с. 122].

Формируются новые инструменты и институты общественного доверия государственной власти. Например, это ежегодные *прямые линии Президента РФ с населением*, в ходе которых устанавливается контакт всех граждан с главой государства [20, с. 57].

Новые институты и инструменты управления предполагают наличие доверия к государственным служащим со стороны общества. Эти ценности непосредственно связаны с качествами государственного служащего, его мотивациями и результатами практической деятельности. *Общественное доверие* также имеет многоплановое значение. *Менеджмент доверия* является, пожалуй, главной отличительной чертой деятельности государственного служащего в будущем [22, с. 60].

Литература:

1. *Хорошкевич Н.Г.* Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих как феномен постиндустриального общества и пути ее развития / Н.Г. Хорошкевич // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 52–55.
2. *Хорошкевич Н.Г.* Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих с социологических позиций: понятийный аппарат / Н.Г. Хорошкевич // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 104–107.
3. Феномен. Википедия. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 25.07.2022).

Государственные служащие, которые поступили на государственную службу, руководствуясь мотивами служения обществу, чаще показывают готовность сменить место работы. Хотя остаются те, кто на первое место ставят карьеру, материальное благополучие [10, с. 407]. Это тоже - показатель того, что на практике государственные структуры не готовы, не имеют политических ценностей передового постиндустриального общества, строить которое пытается современная Россия.

Рассматривая политическое поведение госслужащих, стоит отметить влияние нового феномена в политических отношениях – сеть интернет. Интернет выступает еще одним инструментом реализации политики государства, что сегодня пытаются сделать госструктуры. Сегодня получают развитие новые, онлайн-формы политического взаимодействия и механизмы взаимосвязи властных структур и общества [10, с. 72].

Выше было рассмотрено состояние политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих через рассмотрение ее отдельных компонентов. И сегодня их политическая культура не является передовой, хотя не стоит говорить, что она отсталая. В отдельных компонентах, чиновники проявляют высокую степень осведомленности: политическое знание, политические нормы. Но это связано с выполнением их должностных обязанностей. В остальном – политические ценности, политическая деятельность все еще содержат элементы индустриального общества. Хотя идет процесс преобразований: постепенно старые политические ценности вытесняются более прогрессивными. В период становления и развития нового общества исследование политической культуры (как одного из важных аспектов) функционирования социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих представляется очень актуальным в целях его дальнейшего корректирования и совершенствования.

Literature:

1. *Khoroshkevich N.G.* Political culture of state civil and municipal employees as a phenomenon of post-industrial society and ways of its development / N.G. Khoroshkevich // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 6. P. 52–55.
2. *Khoroshkevich N.G.* Political culture of state civil and municipal employees from sociological positions: conceptual apparatus / N.G. Khoroshkevich // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 7. P. 104–107.
3. Phenomenon. Wikipedia. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F> (date of the application 14.062022).

4. Феномен. Википедия. Словари и энциклопедия на академике. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58305> (дата обращения 25.07.2022).
5. Социальный феномен, определение, примеры кратко. URL : <https://intellect.icu/sotsialnyj-fenomen-opredelenie-primery-9273> (дата обращения 14.06.2021).
6. Социальное явление. URL : https://studopedia.ru/9_120496_sotsialnoe-yavlenie.html (дата обращения 07.11.2022).
7. *Гайдук Я.А.* Политическая культура государственных гражданских служащих в современной России: автореферат дис. кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2012. 26 с. URL : <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a630.php> (дата обращения 20.07.2021).
8. *Алексеева И.Ю.* Что такое общество знаний. М., 2009.
9. *Хорошкевич Н.Г.* Политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России / Н.Г. Хорошкевич // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 243–247.
10. *Васильева Е.А.* Ценностная трансформация в системе государственной службы (на примере Республики Саха (Якутия)) / Е.А. Васильева // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 139–147.
11. *Бойко Е.А.* Ценностная государственная служба и ценности государственных служащих: установление, измерение, формирование / Е.А. Бойко, В.Н. Меньшова; Под ред. Е.Р. Метелевой // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование. Материалы международного Байкальского форума. 2018. С. 16–23.
12. *Филкова К.А.* Исследование влияния политических ценностей на ценностную ориентацию федеральных государственных гражданских служащих (на примере МЧС России) / К.А. Филкова // Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2021. № 2(87). С. 156–164.
13. *Жданов А.И.* Эволюция системы политических ценностей в современной России / А.И. Жданов, Р.Т. Мухаев // Социально-политические исследования. 2020. № 4(9). С. 43–52.
14. *Вартанов А.А.* Система мотивации государственных служащих: факторный анализ / А.А. Вартанов, О.А. Лымарева // Journal of Economy and Business. 2019. Vol. 10-1(56). P. 74–77.
15. *Миллс Р.* Властвующая элита. М. : Из-во иностранной литературы, 1959.
16. Госслужба и выборы. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyiboryi_5659546 (дата обращения 25.12.2020).
4. Phenomenon. Wikipedia. Dictionaries and encyclopedia on academician. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58305> (date of the application 14.062022).
5. Social phenomenon, definition, examples briefly. URL : <https://intellect.icu/sotsialnyj-fenomen-opredelenie-primery-9273> (date of the application 14.062022).
6. Social phenomenon. URL : https://studopedia.ru/9_120496_sotsialnoe-yavlenie.html (date of the application 18.112022).
7. *Gaiduk Ya.A.* Political culture of state civil servants in modern Russia: abstract dis. Candidate of Political Sciences: 23.00.02. M., 2012. 26 p. URL : <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a630.php> (date of the application 20.07. 2021).
8. *Alekseeva I.Yu.* What is a knowledge society. M., 2009.
9. *Khoroshkevich N.G.* Political values of state civil and municipal employees in modern Russia State and municipal management / N.G. Khoroshkevich // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 3. P. 243–247.
10. *Vasilyeva E.A.* Value transformation in the system of public service (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)) / E.A. Vasilyeva // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2017. Vol. 12. № 5. P. 139–147.
11. *Boyko E.A.* Value civil service and values of civil servants: establishment, measurement, formation / E.A. Boyko, V.N. Menshova; Ed by E.R. Meteleva // Eurasian integration project: civilizational identity and global positioning. Materials of the International Baikal Forum. 2018. P. 16–23.
12. *Filkova K.A.* Study of the influence of political values on the value orientation of federal civil servants (on the example of the Russian Emergencies Ministry) / K.A. Filkova // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Sciences Series. 2021. № 2(87). P. 156–164.
13. *Zhdanov A.I.* Evolution of the system of political values in modern Russia / A.I. Zhdanov, R.T. Mukhaev // Socio-political research. 2020. № 4(9). P. 43–52.
14. *Vartanov A.A.* Motivation system of civil servants: factor analysis / A.A. Vartanov, O.A. Lymareva // Journal of Economy and Business. 2019. Vol. 10-1(56). P. 74–77.
15. *Mills R.* The ruling elite. M. : Publishing House of Foreign literature, 1959.
16. Civil Service and Elections. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyiboryi_5659546 (date of the application 14.062022).

17. *Сорокин П.* Социология революции. М. : Астрель, 2008.

18. *Бобровская Г.В.* Об особенностях современного политического языка / Г.В. Бобровская // Русская речь. 2006. № 4. С. 63–67.

19. *Воробьева О.И.* Политическая лингвистика. Современный язык политики. М. : Из-во ИКАР; 2008.

20. *Хорошкевич Н.Г.* Политический язык государственных гражданских и муниципальных служащих в современном обществе / Н.Г. Хорошкевич // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 231–235.

21. *Петухов В.В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители / В.В. Петухов, Р.В. Петухов // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.

22. *Ювица Н.В.* Государственный служащий будущего: модернизация качеств и доверие общества / Н.В. Ювица // Economics. Law. State. 2019. № 4(6). С. 55–61.

17. *Sorokin P.* Sociology of the revolution. M. : Actrel; 2008.

18. *Bobrovskaya G.V.* On the peculiarities of the modern political language / G.V. Bobrovskaya // Russian speech. 2006. № 4. P. 63–67.

19. *Vorobyova O.I.* Political linguistics. Modern language of politics. M. : IKAR, 2008.

20. *Khoroshkevich N.G.* Political language of state civil and municipal employees in modern society / N.G. Khoroshkevich // State and municipal management. Scientific notes. 2020. № 2. P. 231–235.

21. *Petukhov V.V.* Request for changes: reasons for updating, key terms and potential carriers / V.V. Petukhov, R.V. Petukhov // Policy. Policy studies. 2019. № 5. P. 119–133.

22. *Yuvitsa N.V.* Civil servant of the future: modernization of qualities and trust in society / N.V. Yuvitsa // Economics. Law. State. 2019. № 4(6). P. 55–61.

Чебыкина Ирина Витальевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры философии,
социологии и социальной работы,
Институт гуманитарного
и социально-экономического образования,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
irinach@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и социальной работы,
Институт гуманитарного
и социально-экономического образования,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
tz1708@yandex.ru

**SP-ПРОФИЛЬ ПЕДАГОГА СПО:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ИЗМЕРЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируются характеристики социального портрета педагогических работников среднего профессионального образования (далее - СПО), направленные на обновление и исследования кадрового состава и его характеристик. Для описания педагогов СПО как социальной группы использовался такой практический инструмент как SP-профиль, это методика анализа актуальной самооценки респондентами своего социально-психологического и профессионального состояния. В основе SP-профиля лежат социально-демографические характеристики, удовлетворенность профессиональной сферой, мотивация к деятельности в профессиональной сфере, самооценка психологического состояния, социально-бытовая удовлетворенность, оценка состояния профессиональной группы. Результаты исследования будут полезны для качественного обновления педагогического состава СПО, изучения его мотивации и удовлетворенности качеством профессиональной и социальной жизни.

Ключевые слова: педагоги среднего профессионального образования, SP-профиль, профессиональная группа, СПО, человеческий капитал.

Актуальность разработки, апробации и последующего применения разнообразных прикладных инструментов, позволяющих исследо-

Irina I. Chebykina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Sociology and Social Work,
Institute of Humanitarian
and Socio-Economic Education,
Russian State
Vocational Pedagogical University
irinach@mail.ru

Tatyana A. Zaglodina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Social Work,
Institute of Humanitarian
and Socio-Economic Education,
Russian State
Vocational Pedagogical University
tz1708@yandex.ru

**SP-PROFILE OF AN SPE EDUCATOR:
SOCIOLOGICAL MEASURING
POSSIBILITIES**

Annotation. The article analyzes the characteristics of the social portrait of teachers of secondary vocational education (hereinafter - SVE), aimed at updating and researching the staff composition and its characteristics. To describe SVE teachers as a social group we used such practical tool as SP-profile, which is a technique to analyze the respondents' actual self-assessment of their socio-psychological and professional state. SP-profile is based on: socio-demographic characteristics, satisfaction with professional sphere, motivation for activity in professional sphere, self-assessment of psychological state, social and domestic satisfaction, assessment of professional group state. The results of the study will be useful for qualitative updating of SVE teaching staff, studying their motivation and satisfaction with the quality of professional and social life.

Keywords: teachers of secondary vocational education, SP-profile, professional group, SVE, human capital.

вать социально-демографические и профессиональные характеристики педагогов СПО, обусловлена необходимостью реализации программ

формирования и развития человеческого капитала современных организаций СПО, столкнувшихся в последнее время с достаточно серьезными кадровыми вызовами¹.

Численность сотрудников СПО на 2020 год по данным Мониторинга ВШЭ [5, с. 8] составила 376 тыс. человек, при этом с каждым годом актуализируется тенденция старения педагогических кадров [4] и возрастает прогнозируемая потребность в обновлении персонала системы СПО. По мнению исследователей (С.А. Днепров, Р.А. Валиев, И.Ф. Тулькибаева), старение контингента преподавателей в целом препятствует их постоянному пребыванию в состоянии синхронного самообразования определяет низкую мотивацию к каким-либо изменениям и к профессиональному росту [2; 3]. Другие авторы (Л.М. Андрухина, О.И. Власова, С.А. Днепров, Т.В. Пермякова) отмечают проблему низкой привлекательности профессии исходя из финансовых соображений и престижности деятельности [1].

Другим значимым показателем является уровень образования преподавателей СПО и мастеров производственного обучения, который составляет порядка 89 % от общей численности педагогического состава образовательных организаций СПО [4]. Согласно сводному отчету Министерства просвещения по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования», высшее образование имеют более 95 % преподавателей СПО и половина мастеров производственного обучения. Остальные имеют среднее профессиональное образование (преподаватели – 4,3 % специалисты и 0,14 % квалифицированные рабочие; мастера – 42,6 % специалисты, 5,8 – квалифицированные рабочие). Чуть более 4 % преподавателей имеют степень кандидата наук, менее 0,2 – доктора наук. Среди мастеров производственного обучения доля остепененных сотрудников незначительна (менее 0,2 %). Этот факт следует рассматривать в совокупности с тем, что значительная часть преподавателей СПО не имеет профессионально-педагогического образования (по одним данным 84,1 % от общего числа педагогических кадров [1], по другим – треть преподавателей и 75,2 % мастеров, что вызывает обоснованную озабоченность у исследователей [3].

В связи со сложившимися тенденциями, актуализируются задачи тщательного исследования социального портрета сотрудников СПО, проведения сравнительного анализа в разрезах географическом, половозрастном, профессиональном с целью принятия управленческих решений, направленных на коррекцию кадрового состава и его характеристик, а также по привлечению и удержанию сотрудников СПО.

В данной статье мы представим один из практических инструментов, позволяющих исследовать социальный портрет педагогов СПО, названный авторами **SPP-профиль**.

SPP-профиль – методика описания актуальной самооценки респондентами своего социально-психологического и профессионального состояния (из начальных букв изучаемых в рамках SPP-профиляблоков и состоит данная аббревиатура – socio-psycho-professional).

В отличие от описания социально-демографического портрета, фиксирующего в большей степени объективные характеристики опрашиваемых, SPP-профиль позволяет:

- собрать данные о субъективной оценке респондентами ряда характеристик в каждой из шкал;
- оценить эти характеристики качественно и количественно;
- представить данные в сопоставимых единицах измерения;
- визуализировать полученную информацию.

Собранная информация может быть использована для расчета индексов, средних, имеет четкие критерии для сравнения (что необходимо, в частности, при проведении мониторинговых исследований, либо для сравнения текущей и «идеальной» ситуации).

Прежде, чем мы рассмотрим инструмент (методику) исследования, кратко охарактеризуем совокупность участников опроса (анкетирования), проведенного осенью 2022 года коллективом Российского государственного профессионально-педагогического университета. В качестве объекта исследования выступили педагоги и мастера производственного обучения, а также административные сотрудники, работающие в системе среднего профессионального образования. Выборка – двухступенчатая, смешанная. На первой ступени были отобраны образовательные организации среднего профессионального образования по состоянию на сентябрь 2022 года, путем простого случайного отбора из перечня элементов генеральной совокупности. Ошибка выборки составляет ± 5 %. На второй ступени – педагогических работников внутри образовательных организаций по квотам: педагоги и мастера, все квотные смещения были ликвидированы путем «ремонта» выборки. Сбор данных велся путем онлайн-анкетирования. На этой совокупности была апробирована методика SPP-профиля.

Всего было опрошено 3416 человек из колледжей России. Из них абсолютное большинство (83,1 %) это женщины, чуть более половины (55,3 %) находятся в возрасте от 36 до 55 лет (19,4 % – 25–34 года, 19,8 % – 56 лет и старше). Большинство из

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Педагогические работники СПО: рекрутирование, профессиональная

адаптация и социальная репрезентация» (прикладное исследование, № 073-00104-22-01).

них (62,1 %) замужем/женаты, у 42,9 % есть несовершеннолетние дети.

Большинство опрошенных сотрудников колледжей занимают должности преподавателей/педагогов (80,7 %), мастеров – 7,9 %, остальные (11,4 %) – представители административно-управленческого персонала и специалисты колледжей. Высшее образование есть у 87,6 % опрошенных, у 76,6 % оно соответствует занимаемой должности.

В системе образования педагоги СПО работают чаще дольше, чем в системе СПО, что позволяет

предположить наличие у них опыта работы в других образовательных организациях (табл. 1). В целом по стажу работы педсостав СПО достаточно стабильный, опыт преподавания и административной деятельности значительный.

С одной стороны, это позволяет предположить достаточно хорошую осведомленность участников опроса о процессах, происходящих в СПО в течение длительного времени. С другой стороны, может свидетельствовать о несколько «суженном» взгляде на ситуацию в связи с отсутствием базы для сравнения процессов, происходящих в других образовательных организациях.

Таблица 1

Распределение педагогов СПО по стажу работы (в % от ответивших)

Продолжительность, лет	Стаж работы		
	в системе образования	в системе СПО	в должностях
До 3-х лет	11,7	19,2	19,8
3–10 лет	24,4	31,4	32,4
11–20 лет	26,8	24,9	23,4
21–30 лет	22,6	16,6	15,7
31–40 лет	11,2	6,2	6,7
41 год и более	3,4	1,6	2,0
Преподаватели (среднее, лет)	16,6	12,2	12,9
Мастера ПО (среднее, лет)	14,0	12,7	12,2
АУП (среднее, лет)	20,7	16,2	7,4
Специалисты (среднее, лет)	14,5	9,5	8,5

Далее, рассмотрим содержание инструмента для описания социально-психологического и профессионального состояния педагогов СПО.

Описание инструмента

SPP – профиль включает следующие показатели:

SPP – 0. Социально-демографические характеристики респондентов;

SPP – 1. Удовлетворенность респондентов профессиональной сферой;

SPP – 2. Мотивация респондентов к деятельности в профессиональной сфере;

SPP – 3. Самооценка респондентами психологического состояния;

SPP – 4. Социально-бытовая удовлетворенность респондентов;

SPP – 5. Оценка респондентами состояния профессиональной группы.

Каждый блок включает 10 показателей (кроме 0 шкалы, которая содержит традиционные вопросы социально-демографического плана, а также 5 шкалы, которая включает 11 показателей). Соответственно, профиль будет включать в себя 51 показатель, который предлагается оценить по шкалам от 1 до 5, где 1 – уровень изучаемого признака максимально низкий, 3 – средний, а 5 – максимально высокий.

Далее, охарактеризуем состав блоков.

SPP – 1 Удовлетворенность профессиональной сферой.

Мы исходим из того, что для хорошего самочувствия и поддержания высокой работоспособности педагогам необходимо чувствовать себя «на своем месте», принятыми в отношениях с коллегами и руководством, принимать должностные обязанности и возможности профессионального развития, а также гордиться своей профессией, чувствовать ее социальную значимость (что выражается в ее престиже и уровне оплаты труда в том числе). Данный блок включает в себя следующие переменные:

1.1 Удовлетворенность занимаемой должностью.

1.2 Удовлетворенность выполняемыми обязанностями.

1.3 Удовлетворенность возможностями карьерного роста.

1.4 Удовлетворенность возможностями профессиональной мобильности в данной сфере деятельности.

1.5 Удовлетворенность отношениями с коллегами.

1.6 Удовлетворенность отношениями с руководством.

- 1.7 Удовлетворенность возможностями самореализации.
- 1.8 Удовлетворенность возможностями развития и улучшения профессиональных компетенций.
- 1.9 Удовлетворенность уровнем престижа нынешней профессии.
- 1.10 Удовлетворенность уровнем оплаты труда.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – полностью не

удовлетворен(а), 2 – скорее не удовлетворен(а), 3 – 50/50, 4 – скорее удовлетворен(а), 5 – полностью удовлетворен(а). Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

На рисунке 1 представлены данные об удовлетворенности педагогов СПО профессиональной сферой. Можем отметить, что из всех переменных ниже всего оценен показатель «удовлетворенность оплатой труда». Наиболее высокая удовлетворенность отмечена по показателям: удовлетворенность занимаемой должностью, удовлетворенность выполняемыми обязанностями, удовлетворенность отношениями с коллегами и с руководством.

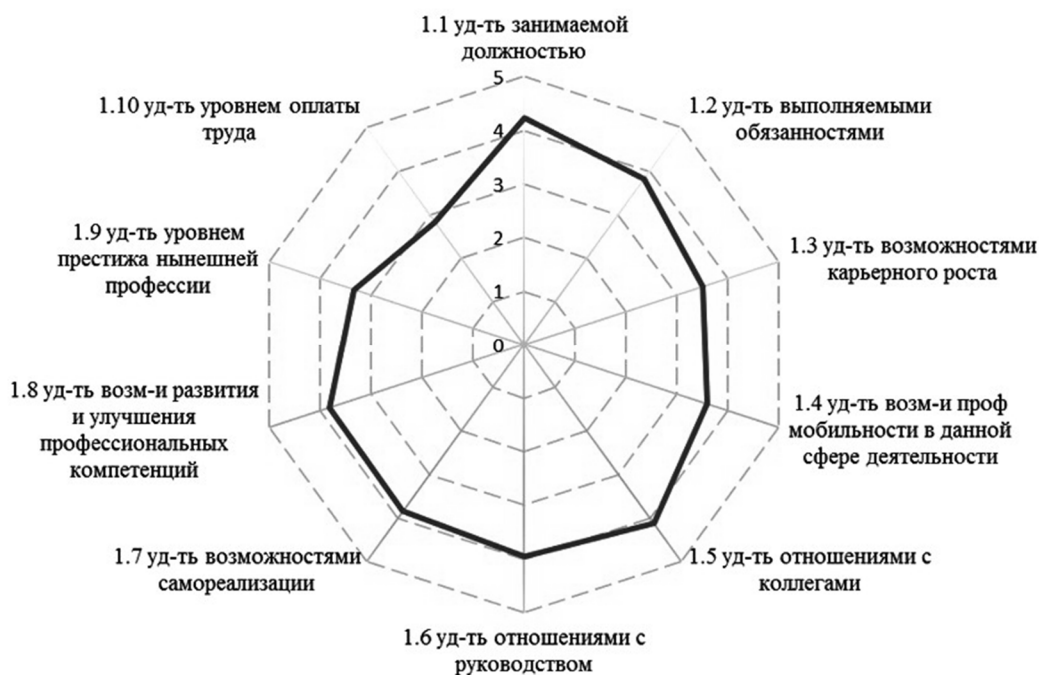

Рисунок 1 – Удовлетворенность педагогов СПО профессиональной сферой (SPP – 1)

SPP – 2 Мотивация к деятельности в профессиональной сфере

Следующий блок – это самооценка уровня мотивации в профессиональной сфере, на который влияют самооценка возможностей и нацеленности на саморазвитие, готовность продолжить работу в данной профессиональной сфере, участвовать в научной и грантовой деятельности, взаимодействовать с обучающимися и коллегами. Уровень мотивации – один из важнейших аспектов социально-психологического самочувствия педагогов, поскольку именно он способствует активности педагогов в образовательной и научной деятельности, помогает поддерживать профессиональный интерес и форму. Данный блок включает в себя следующие переменные:

- 2.1 Уровень мотивации на саморазвитие и реализацию как личности.
- 2.2 Уровень мотивации на развитие в нынешней профессии.
- 2.3 Уровень мотивации на взаимодействие с обучающимися.

2.4 Уровень мотивации на взаимодействие с коллегами.

2.5 Уровень мотивации на продолжение деятельности (работы) в нынешней профессии.

2.6 Уровень мотивации на участие в научной деятельности.

2.7 Уровень мотивации на участие в грантах и фундаментальных исследованиях.

2.8 Уровень мотивации на сохранение занятости в данной сфере на ближайшие годы.

2.9 Уровень мотивации на привлечение и развитие новых кадров в профессионально-педагогической сфере.

2.10 Уровень мотивации на карьеру в сфере профессионально-педагогического образования.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – уровень мотивации низкий, 2 – уровень мотивации ниже среднего, 3 – уровень мотивации средний, 4 – уровень мотивации выше среднего, 5 – уровень мотивации высокий. Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

Рисунок 2 – Мотивация педагогов СПО к деятельности в профессиональной сфере (SPP – 2)

Как видно из рисунка 2, наиболее высокая мотивация у педагогов на взаимодействие с обучающимися и коллегами, а ниже остальных (мотивация на среднем уровне) – мотивация на участие в грантах и фундаментальных исследованиях. Остальные параметры мотивации находятся на уровне несколько выше среднего. И это такие параметры, как саморазвитие, продолжение деятельности в данной сфере и профессии. На наш взгляд, отсутствие «большой науки» в системе СПО – один из факторов, тормозящих развитие данных образовательных учреждений, хотя объективно (исходя из требований грантов РФФИ, например), основная проблема в СПО не в отсутствии грантов и исследований для СПО, а отсутствие профессионалов высокой квалификации (прежде всего, кандидатов наук, доцентов) в колледжах.

SPP – 3 Самооценка психологического состояния.

Исследование социального самочувствия педагогов СПО было бы неполным без исследования их психологического состояния. К данной группе показателей отнесены энергичность, уверенность в себе и самооценка, уровень психоэмоциональных нагрузок и качество социально-психологического климата в коллективе. Данный блок включает в себя следующие переменные:

3.1 Ваше обычное психологическое состояние в период реализации вами профессиональной деятельности (во время учебного года).

3.2 Ваше обычное психологическое состояние в период отпуска.

3.3 Субъективная оценка вашей энергичности, полноты сил в настоящий момент.

3.4 Самооценка вашей уверенности в себе как в профессионале в данной профессии в настоящий момент.

3.5 Самооценка вашей востребованности как профессионала в данной сфере.

3.6 Самооценка уровня психологической комфортности работы в сфере профессионально-педагогического образования для вас.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – состояние плохое, 2 – удовлетворительное, 3 – среднее, 4 – хорошее, 5 – отличное. Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

Следующие три шкалы оценивались по другим критериям:

3.7 Субъективная оценка уровня вашего профессионального выгорания, усталости от профессии.

3.8 Субъективная оценка уровня вашего эмоционального выгорания, усталость от уровня психоэмоциональных нагрузок.

3.9 Самооценка вашего уровня психоэмоциональной нагрузки в настоящий момент.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – полное выгорание, усталость, 2 – высокий уровень выгорания, усталости, 3 – средний уровень выгорания, усталости, 4 – уровень усталости и выгорания достаточно низкий, 5 – усталости и выгорания нет. Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

Заключительная десятая шкала оценивалась по шкале от 1 до 5, где: 1 – уровень профессиональной нагрузки чрезвычайно высокий, 2 – уровень профессиональной нагрузки выше среднего, 3 – уровень профессиональной нагрузки оптимальный,

4 – уровень профессиональной нагрузки ниже среднего, 5 – уровень профессиональной нагрузки низкий, недостаточный. Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

3.10 Оцените, пожалуйста, уровень вашей профессиональной нагрузки в настоящий момент.

Как видно из рисунка 3, педагоги чувствуют себя вполне энергичными и бодрыми (хотя эмоциональное состояние в период отпуска бывает и лучше, чем в течение года), что подтверждает важность длительного летнего отпуска у педагогов СПО как времени, когда можно восстановить свои силы и хорошенько отдохнуть.

Что касается уверенности в себе как в профессионале и востребованности в данной области, то показатели также достаточно высокие. Вместе с тем, основным фактором, ухудшающим психологическое состояние, является высокий (выше среднего) уровень профессиональной нагрузки. Данные опроса подтверждают известный факт о том, что для переживания психологического комфорта человеку обязательно нужен стресс. Однако стресс (он, кстати, может произойти и из-за положительных эмоций) не должен быть запредельным и длиться долго, становясь хроническим.

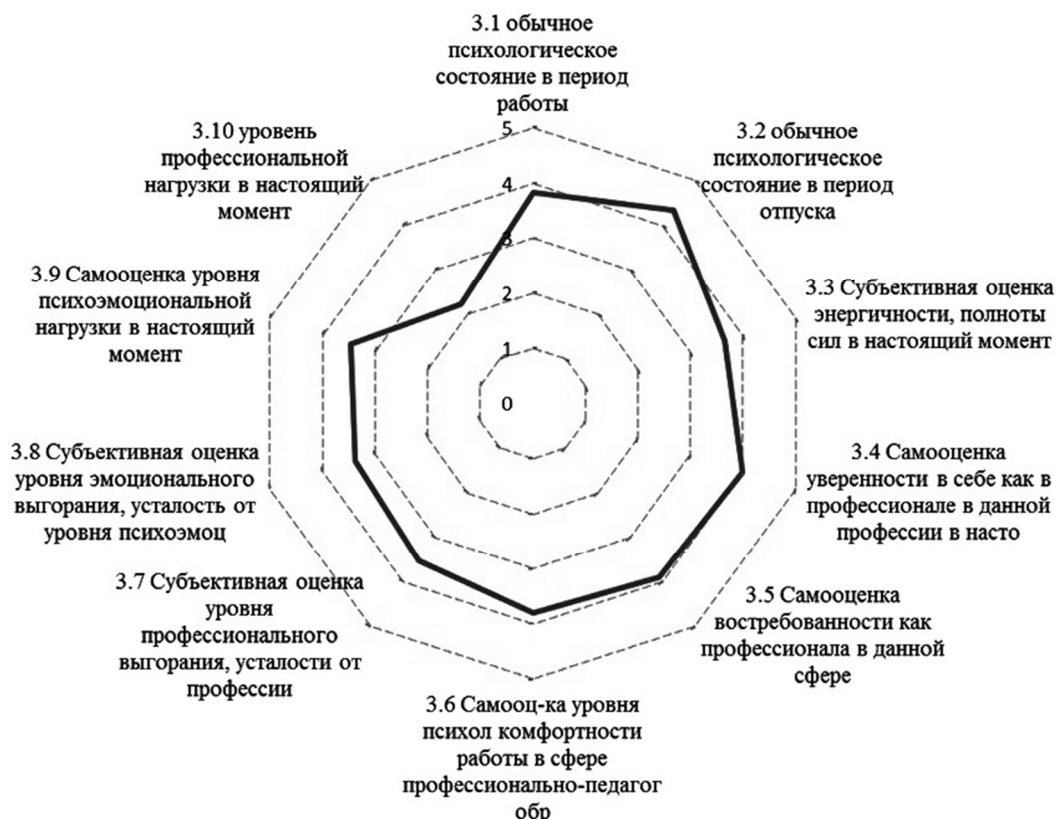

Рисунок 3 – Самооценка педагогами СПО своего психологического состояния (SPP – 3)

Иначе вместо стимулирующего и мобилизационного, стресс может смениться дистрессом (т.е. истощением) и привести к последовательному снижению жизненного тонуса, удовлетворенности работой, отношениями с коллегами/студентами/руководством, стать одной из причин выгорания (эмоционального и профессионального).

Не менее важен для педагогов СПО и быт – следующий блок методики – удовлетворенность в социально-бытовой сфере.

SPP – 4 Социально-бытовая удовлетворенность

К данной группе переменных, описывающих удовлетворенность педагогами своих бытовых условий / повседневной жизни, нами отнесены такие параметры, как качество рабочего места, удовлетворенность жильем, возможностями проведения отпуска, досуга, отношениями с близкими,

доходом и уверенностью в будущем. В блок вошли следующие переменные:

- 4.1 Удовлетворенность оборудованием и качеством рабочего места (оснащенность техникой, ремонт помещений, комфорт и т.д.).
- 4.2 Удовлетворенность качеством жилья.
- 4.3 Удовлетворенность уровнем покупательской способности.
- 4.4 Удовлетворенность качеством (возможностями) отпуска.
- 4.5 Удовлетворенность качеством здоровья.
- 4.6 Удовлетворенность качеством взаимоотношений с родными и близкими.
- 4.7 Удовлетворенность качеством досуга.

4.8 Удовлетворенность уровнем заработной платы.

4.9 Удовлетворенность возможностью получения дополнительного дохода по профессии.

4.10 Удовлетворенность уровнем уверенности в будущем.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – полностью не удовлетворен(а), 2 – скорее не удовлетворен(а), 3 – 50/50, 4 – скорее удовлетворен(а), 5 – полностью удовлетворен(а). Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

В данном блоке участники максимально удовлетворены своими отношениями с родными и близкими (степень значимости социального окружения как поддерживающего сложно переоценить).

Однако половина показателей оценена участниками исследования на среднем и ниже среднего уровне. В число этих показателей попали самооценка удовлетворенности своей покупательской способностью, качеством рабочего места, а также уверенности будущим. Еще ниже оценена удовлетворенность уровнем заработной платы и возможностью дополнительного дохода по профессии.

Таким образом, мы видим, что при наличии достаточно высокой удовлетворенности профессиональной сферой, мотивацией на продолжение профессиональной деятельности и в целом положительную оценку психологического состояния, именно социально-бытовые вопросы и возможность реализовать свои потребности в должной степени являются самой проблемной областью для педагогов СПО.

Рисунок 4 – Самооценка педагогами СПО своей социально-бытовой удовлетворенности (SPP – 4)

SPP – 5 Оценка состояния профессиональной группы

Заключительный блок SPP-профиля - оценка состояния профессиональной группы в целом. В данном блоке нами рассмотрены такие показатели, как наличие или отсутствие профессионального ядра педагогов СПО, уровня профессионализма и профессиональной идентичности, перспективы развития профессиональной группы педагогов СПО, преемственность в ее развитии. В число показателей включены:

5.1 Есть крепкое ядро профессионалов в системе СПО.

5.2 Есть высокий уровень профессионализма у большинства преподавателей/мастеров системы СПО.

5.3 Есть выраженная профессиональная идентичность преподавателей/мастеров системы СПО.

5.4 Есть ясное понимание перспектив развития профессиональной группы преподавателей / мастеров системы СПО.

5.5 Есть стратегия развития системы СПО и ее работников.

5.6 Есть чувство гордости у преподавателей/мастеров системы СПО за принадлежность к данной группе.

5.7 Есть желание и мотивация преподавателей/мастеров системы СПО развиваться в данной сфере.

5.8 Есть достаточное количество молодых преподавателей/мастеров системы СПО, заинтересованных в работе в данной сфере.

5.9 Есть социальные гарантии и льготы для сотрудников системы СПО.

5.10 Есть слаженная система повышения квалификации и обучения для сотрудников системы СПО в соответствии с актуальными изменениями.

5.11. Есть методики обучения специалистов-практиков методикам преподавания и работы в системе СПО в качестве педагогов / мастеров.

Каждый показатель участники опроса оценивали по шкале от 1 до 5, где: 1 – совершенно не согласен, 2 – скорее не согласен, чем согласен, 3 – 50/50, 4 – скорее согласен, чем не согласен, 5 – совершенно согласен. Позиция «затрудняюсь ответить» – 0.

Рисунок 5 – Оценка педагогами СПО состояния профессиональной группы (SPP – 5)

Как видим из рисунка 5, в целом, среди опрошенных есть достаточно позитивное представление о профессиональной группе педагогов СПО. Достаточно высоко оценены состояние профессионализма ее членов, стратегия развития и система повышения квалификации сотрудников, лояльность данной сфере деятельности. Вместе с тем, на среднем и ниже уровне оценены такие параметры, как наличие методик обучения специалистов-практиков методикам работы в системе СПО (а ведь это один из вариантов пополнения кадров колледжей специалистами «с земли», способными передать не теоретические, а практические навыки работы студентам). Кроме того, очень осторожно оценены такие параметры, как достаточность наличия молодых преподавателей в системе СПО (вопрос сменяемости кадров), ниже всего – наличие социальных гарантий и льгот для сотрудников системы СПО.

Подводя итоги исследования шкал профиля, отметим, что наиболее острыми, на наш взгляд, являются качество жизни и нерешенность социально-бытовых проблем преподавателей СПО, не позволяющие им вести достойный уровень

жизни, которого требует высокий уровень интенсивности труда в системе СПО, а также, в целом, специфика педагогической деятельности, связанная с необходимостью постоянного обновления знаний, как теории, так и практики, потенциально рискованный характер труда в педагогике с точки зрения эмоционального и профессионального выгорания.

Крайне необходимо поддержать в целом пока достаточно высокую мотивацию на профессиональную деятельность в СПО, готовность развиваться в ней, продолжать работу даже при недостаточной удовлетворенности рабочим местом, требованиями, недостаточным вознаграждением за труд (специфический, не всегда позволяющий получить доходы вне стен СПО). И одной из таких мер поддержки и привлечения профессиональных кадров в СПО может быть система льгот и поддержки для педагогов СПО, которая бы отчасти могла компенсировать их недостаточную удовлетворенность социально-бытовой сферой, а также помогла им чувствовать себя более оптимистично и уверенно за счет подобной формы социального признания.

Литература:

1. Латентные риски профессиональной деятельности преподавателей СПО: результаты социологического исследования / Л.М. Андрюхина [и др.] // Научно-методическая, организационная и информационная поддержка реализации концепции кадрового обеспечения системы среднего профессионального образования: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 103–132.
2. Днепроv С.А. Психолого-педагогическое обоснование сущности синхронного образования / С.А. Днепроv, Р.А. Валиев // Педагогическое образование в России. 2008. № 3. С. 17–24.
3. Днепроv С.А. От монопрофессиональной подготовки к полипрофессиональной / С.А. Днепроv, Н.Н. Тулькибаева, И.Ф. Медведев // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 5. С. 2–6.
4. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга качества подготовки кадров. URL : <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo>
5. Подготовка кадров для системы СПО: федеральные и региональные инициативы: информационный бюллетень / С.Б. Крайчинская, Е.Е. Петров, О.А. Романова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. 36 с.

Literature:

1. Latent risks of professional activity of SPE teachers: results of sociological research / L.M. Andryukhina [et al.] // Scientific, methodological, organizational and informational support of the concept of staffing of secondary vocational education system: Collection of scientific papers. Yekaterinburg, 2017. P. 103–132.
2. *Dnieprov S.A.* Psychological and pedagogical substantiation of the essence of synchronous education / S.A. Dnieprov, R.A. Valiev // Pedagogical Education in Russia. 2008. № 3. P. 17–24.
3. *Dnieprov S.A.* From monoprofessional training to multiprofessional training / S.A. Dnieprov, N.N. Tulki-baeva, I.F. Medvedev // Professional Education. Capital. 2015. № 5. P. 2–6.
4. Informational and analytical materials on the results of monitoring the quality of personnel training. URL : <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo>
5. Training for the SPE system: federal and regional initiatives: newsletter / S.B. Kraichinskaya, E.E. Petrov, O.A. Romanova; National Research University «Higher School of Economics». M. : National Research University Higher School of Economics, 2022. 36 p.

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр
madina2405@mail.ru

Madina M. Shakhbanova

Doctor of Sociological Sciences,
Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Science
madina2405@mail.ru

**ЭТНИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ
В СТРУКТУРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**ETHNIC CONNOTATIONS
IN THE STRUCTURE OF ETHNIC
IDENTITY OF DAGESTAN YOUTH**

Аннотация. Состояние этнической идентичности напрямую отражается на формировании толерантных и интолерантных установок в массовом сознании, и от их выраженности зависят стабильность и гармоничность дальнейшего развития социума. Поэтому в рамках исследования этнической идентичности важным является анализ этностереотипов, ибо их содержание оказывает заметное влияние на формирование различных типов этнической идентичности и этнического самочувствия в целом. Эмпирический материал показывает превалирование в общественном сознании дагестанской молодежи положительных автостереотипов и данное обстоятельство является одним из существенных факторов в формировании межнациональной толерантности и позитивного межнационального взаимодействия в современном дагестанском обществе.

Ключевые слова: автостереотипы, гетеростереотипы, дагестанская молодежь, межнациональные контакты, полиэтничность, этнические стереотипы.

Annotation. The state of ethnic identity directly affects the formation of tolerant and intolerant attitudes in the mass consciousness and the stability and harmony of the further development of society depend on their severity. Therefore, within the framework of the study of ethnic identity, it is important to analyze ethnostereotypes, because their content has a noticeable impact on the formation of various types of ethnic identity and ethnic well-being in general. Empirical material shows the prevalence of positive autostereotypes in the public consciousness of Dagestan youth and this circumstance is one of the essential factors in the formation of interethnic tolerance and positive interethnic interaction in modern Dagestan society.

Keywords: autostereotypes, heterostereotypes, Dagestan youth, interethnic contacts, polyethnicity, ethnic stereotypes.

Введение. В рамках исследования межэтнических отношений и установок актуальным является установление роли и значения процесса стереотипизации на характер межличностного взаимодействия, а также – на межнациональный климат. Иными словами, ключевую роль в стратегии этнического поведения выполняют существующие в общественном сознании принципы межнационального контактирования, их характер, специфика диалога, ориентированность или, наоборот, стремление не поддерживать коммуникацию. В этой связи, представляется важным охарактеризовать отражение этнической идентичности на формирование национальных установок, а также их взаимовлияние.

Если обратиться к анализу социальных стереотипов, то, как показывает практика, они оказывают заметное влияние на совместную деятельность людей, определяют характер взаимодействия (положительный или отрицательный). Исследователи функции стереотипа усматривают в получении информации о возможном поддержании диалога, причем позитивного, с представителем другой национальной, религиозной, половой, демографической принадлежности.

Среди социальных стереотипов в приоритетном положении находятся этнические стереотипы. Поэтому, изучая стереотип, взятый за единицу измерения как «предвзятое, т.е., не основанное на свежей непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизированных суждений и описаний мнений о свойствах людей и явлений» [1, с. 188], мы исходим из его понимания как «представлений о своем собственном или чужих народах, которые не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к субъекту» [2, с. 130].

Как и любое социальное явление этностереотип имеет структуру, которая включает в себя:

а) автостереотип – совокупность атрибутивных признаков о действительных и воображаемых специфических чертах собственной этнической группы, т.е., оценочные суждения, относимые к собственной этнической общности ее представителями;

б) гетеростереотип – совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах, т.е., совокупность оценочных суждений о других народах.

Авто- и гетеростереотип не обладают самостоятельностью и представляют собой структурные взаимозависимые элементы целостного образования личностного или группового самосознания. Их отличие состоит в том, что автостереотипы, в сравнении с гетеростереотипами, за редким исключением, практически всегда позитивны.

Эмпирическая часть исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском районах Республики Дагестан. N = 543. Распределение по национальной принадлежности: аварцы (24,9 %), даргинцы (18,6 %), кумыки (12,3 %), лакцы (10,5 %), лезгины (19,2 %), русские (5,7 %), чеченцы (4,7 %), другие (4,1 %); по

образованию: среднее (29,8 %), среднее специальное (37,8 %), высшее (32,4 %); по возрасту: 0–20 лет (36,4 %), 21–25 лет (22,7 %), 26–30 лет (20,8 %), 31–35 лет (20,1 %); по полу: мужчины (48,8 %), женщины (51,2 %).

Результаты исследования. Исходя из положения, что этнические стереотипы являются структурным элементом этнической идентичности, а также, индикатором измерения национального самочувствия, они были рассмотрены в рамках изучения этнической идентичности и этнического поведения дагестанской молодежи.

Исследование автостереотипов представителей дагестанских народов проведено с использованием группы признаков «Черты характера» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какими Вы считаете представителей Вашего народа?» (%)

Варианты ответов / Национальности	Гостеприимными		Патриотичными		Сплоченными		Терпеливыми к другим народам		Соблюдающими национальные традиции и обычаи своего народа		Религиозными		Образованными	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Аварцы	94,5	20	77,5	130	720	195	77,5	130	80,0	120	90,5	40	830	90
Даргинцы	91,4	1,4	68,6	129	71,4	100	77,1	29	74,3	29	78,6	5,7	71,4	86
Кумыки	88,1	1,7	62,7	169	62,7	203	64,4	136	64,4	8,5	74,6	5,1	74,6	34
Лезгины	88,2	1,1	76,3	8,6	67,7	16,1	76,3	5,4	77,4	7,5	72,0	15,1	83,9	32
Лакцы	71,9	9,4	62,5	18,8	53,1	21,9	56,3	18,8	37,5	25,0	65,6	15,6	78,1	63
Русские	81,8	9,1	81,8	9,1	90,9	9,1	72,7	0	54,5	27,3	36,4	45,5	81,8	0
Чеченцы	78,8	0	75,8	0	78,8	0	75,8	0	72,7	0	78,8	0	78,8	30
Другие	93,8	0	84,4	9,4	81,3	15,6	71,9	15,6	93,8	0	87,5	3,1	84,4	9,4
Всего:	89,6	2,1	74,0	11,9	70,4	16,2	74,0	9,8	74,3	9,2	80,4	7,5	80,2	6,6

Закономерным является превалирование в массовом сознании дагестанской молодежи позитивной оценки практически всех предложенных черт, хотя, вес каждого из них разный. Если остановиться на проявлении каждого из свойств, то гостеприимство, исторически присущая дагестанским народам черта, соответственно, она и превалирует над иными стереотипами. Среди всех предложенных качеств наименьшее значение имеет стереотип «сплоченные», что является основанием для вывода о слабой выраженности внутриэтнической консолидации опрошенных. Также, низко оценены такие черты, как выраженность толерантности и ориентация на сохранение этнических традиций и обычаев. Превалирование позитивных автостереотипов над негативными свидетельствует о ярко выраженной самоидентификации опрошенных со своим народом. Кроме того, «уровень позитивного отношения к своей этнической группе – показатель относительно независимый от воспринимаемого социального

статуса, в то время, как интенсивность негативного отношения к иноэтническим группам значимо связана с восприятием своего места в системе социальной иерархии, но ни коей мере не с объективно фиксируемым социально-профессиональным статусом» [3, с. 372].

Наш опрос демонстрирует доминирование положительной групповой оценки, тем самым, подтверждая авторскую гипотезу о развитости чувства «мы», следовательно, и стабильности этнической самоидентификации у опрошенной дагестанской молодежи. Данное обстоятельство выступает «основой этнической толерантности» [4, с. 109], как положительное выражение образа «мы-они», демонстрирующее национальные особенности и отличия, ориентированность на консолидацию, чувства гордости и ответственности, стремление отстаивать этнические интересы своей общности. Выраженность положительных автостереотипов при почти полном отсутствии

отрицательных черт констатирует об активации механизмов социально-психологической защиты у членов этнического образования. Следует отметить, что отражение стереотипов на брачное поведение рассматривается Э.М. Загировой [5, 6, 7].

В ходе межличностной коммуникации, огромное значение имеет эмоциональный компонент, чувство эмпатии, позволяющие получать позитивные впечатления от взаимодействия. Характерные для дагестанской молодежи эмоции, показывают результаты на вопрос: «С какими народами Вам комфортно коммуницировать?». По всему массиву опрошенных, позитивные чувства в процессе межличностного общения респонденты демонстрируют в отношении аварцев (27,4 % по всему массиву), среди них выделяются даргинцы (22,9 %) и кумыки (28,8 %); по сравнению с другими перечисленными народами, опрошенным комфортно коммуникация с даргинцами (12,2 %), по остальным дагестанским народам процентные показатели меньше 10 %. О существовании мощной толерантной базы, более того, последовательности в этническом поведении дагестанской молодежи свидетельствует позиция подавляющей части опрошенных, которая демонстрирует позитивное отношение ко всем народам и подчеркивает отсутствие негативных установок к представителям других национальных групп (58,8 %). Различий по этническому и социально-демографическому параметрам не наблюдается, почти равные части респондентов демонстрируют толерантные принципы, более того, не ощущают этнически маркированной границы между собой и иными этносами [8; 9].

Одним из векторов развития отношений между дагестанскими народами является стремление поддерживать общение с существенным уточнением о необходимости иметь самостоятельность, и данное обстоятельство свидетельствует о существовании этнической границы. Полученная эмпирика на вопрос: «С какими народами Вам приятно общаться, дружить?» демонстрирует иное этническое поведение дагестанской молодежи и ее стремление к позитивной коммуникации. На первый взгляд, это явное противоречие, но если вникнуть в вопрос, то здесь нет никакого разногласия – респонденты элементарно не переносят в плоскость личностного пространства и общения национальную проблематику, более того, они ее игнорируют. Также, нереальным является идеальное сосуществование народов, государств, людей, которые отличаются между собой по целому спектру признаков (экономическое развитие, географическое расположение, природные богатства, пол, возраст, образование, национальная принадлежность, человеческий капитал и т.д.). Разумеется, экономически развитые регионы и государства, соответственно, и население в них, чувствуют себя комфортно, по сравнению с теми административными образованиями, которые сталкиваются с трудностями различного характера. Кроме того, всегда имеет место стремление навязать свои мировоззренческие и иные принципы, а также, установки рядом проживающим народам, что встречает, мягко говоря, непонимание, иногда может вылиться и агрессивное

поведение и противостояние. Также, огромное значение в формировании позитивного или негативного отношения к представителю инациональной принадлежности имеет историческая память: если народы не сталкивались с проявлением враждебности и агрессии по отношению к себе от рядом проживающих этносов, в общественном сознании формируется позитивный образ народа-соседа, а отрицательный опыт взаимодействия закономерно образует противоположные взгляды, порой, агрессии и враждебности. В этой связи, научный интерес представляет выявление не только позитива, но и существование/отсутствие деструктивных установок в отношении других народов. Данные, полученные на вопрос: «С какими народами Вам дискомфортно коммуницировать?» показывают преобладание в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи с огромным преимуществом позиции отсутствия дискомфорта при личностном взаимодействии с представителями других этнических общностей (71,5 %). Данная цифра является основанием для констатации в установках молодого поколения дагестанской молодежи принципов толерантности в отношении представителей иноэтнического образования. Вместе с тем, хотя и не такая большая доля респондентов, но, например, аварцы указали на даргинцев, лакцев, лезгин, с которыми им дискомфортно поддерживать межнациональное общение – 10,5 % и 9,5 %, 9,4 %, соответственно; в свою очередь, в подмассиве даргинского населения их доля указавших на аварцев почти в 2 раза меньше (5,7 %). Опрошенным кумыкам неприятен межнациональный диалог с аварцами и даргинцами – 8,6 % и 8,5 %; соответственно, одинаковая часть опрошенных лезгин и лакцев отмечает неприятие общения с аварцами (по 9,4 %), впрочем, как и респонденты чеченцы (6,1 %); респондентам русским дискомфортно общение с кумыками (9,1 %). Существование, хотя и в слабой форме, напряженности и нежелание поддерживать диалог с представителями других народов, как показывает эмпирический материал, сопровождается и обозначением эмоционального дискомфорта в отношении представителей своего народа – здесь можно выделить аварцев (6,5 %), даргинцев (8,6 %), в то время, как в других подгруппах доля таковых небольшая, или же, вообще отсутствует (например, подмассивы лакцев и лезгин).

В рамках исследования этнической границы значимым является выявление отражения чувства неприязни к представителям иных народов на готовность принять/не принять их в разных социальных сферах. Авторский опрос показывает, что респонденты, придерживающиеся точки зрения о комфортности поддерживать отношения с представителями других народов, демонстрируют толерантные установки: так, 61,0 % готовы принять представителя другого народа в качестве супруги(-и) своих детей; 62,6 % – в статусе своего(-ей) супруга(-и), против по обоим позициям – 53,8 % и 55,0 %, соответственно. Далее, 66,1 % готовы принять в статусе непосредственного начальника против 36,7 %, соседом – за 62,8 % против 35,3 %, коллеги по работе – 62,5 %; противоположной позиции придерживаются 27,3 % опрошенных,

жителем республики 61,9 % против выступают 44,4 %, партнером в совместном деле – 64,5 % против 31,0 %, гражданином России – 61,9 % против 42,1 %.

Заключение. Одним маркером толерантности является выраженность этнических стереотипов. Опрос показывает доминирование позитивных автостереотипов над негативными, кроме того, отрицательно состояние межнациональной ситуации на территории своего проживания оценивает именно тот подмассив, который указывает на существование отрицательных черт характера у представителей своего народа. Также, заметное влияние на формирование позитивного межнационального климата оказывает уровень доверия: чем выше доверие к представителям других

Литература:

1. *Кон И.С.* Психология предрассудка / И.С. Кон // Новый мир. 1996. № 9. С. 187–205.
2. *Кон И.С.* К проблеме национального характера / И.С. Кон // История и психология. М. : Наука, 1974. С. 122–158.
3. *Кузнецов И.М.* Вариативность баланса межэтнических установок: причины и условия формирования Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 17 / Кузнецов И.М. Отв. ред. М.К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2019. С. 355–375.
4. *Лебедева Н.М.* «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления / Н.М. Лебедева // Этническая психология и общество. М. : ИЭА РАН «Старый сад», 1997. С. 104–115.
5. *Загирова Э.М.* Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования / Э.М. Загирова // TheCaucasusandtheWorld. 2015. № 20. С. 158–165.
6. *Загирова Э.М.* Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние и тенденции / Э.М. Загирова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 4(48). С. 163–170.
7. *Гафиатулина Н.Х.* Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества / Н.Х. Гафиатулина, Э.М. Загирова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 2(50). С. 143–157.
8. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova, N.K. Gafiatulina [et al.] // Contributions to Economics. 2020. P. 417–430.
9. *Гафиатулина Н.Х.* Этнические стереотипы в молодежной среде поликультурного региона как объект социологического исследования // Н.Х. Гафиатулина // В сборнике: Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений. Материалы Международной научной конференции. 2017. С. 45–53.

народов, тем, соответственно, больше доля позитивно характеризующих межэтнические взаимоотношения. Результаты, полученные на вопросы: «Какими Вы считаете представителей Вашего народа?», «С какими народами Вам комфортно коммуницировать?» и «С какими народами дискомфортно коммуницировать?» показывают доминирование в общественном сознании дагестанской молодежи позитивных установок в отношении других этнических образований. При этом доля, демонстрирующих интолерантность существенно меньше, что является основанием для вывода о сохранении межнациональной стабильности и отсутствии угрозы дестабилизации ситуации, во-первых, в Дагестане, во-вторых, национальной безопасности Российского государства.

Literature:

1. *Kon I.S.* Psychology of prejudice / I.S. Kon // Novy mir. 1996. № 9. P. 187–205.
2. *Kon I.S.* To the problem of national character / I.S. Kon // History and psychology. M. : Nauka, 1974. P. 122–158.
3. *Kuznetsov I.M.* Variability of the balance of interethnic attitudes: causes and conditions of formation of Russia reforming. Yearbook. Iss. 17 / I.M. Kuznetsov; Ed. by M.K. Gorshkov. M. : New Chronograph, 2019. P. 355–375.
4. *Lebedeva N.M.* «The syndrome of imposed ethnicity» and ways to overcome it / N.M. Lebedeva // Ethnic psychology and society. M. : IEA RAS «Old Garden», 1997. P. 104–115.
5. *Zagirova E.M.* Traditional family: theoretical aspects of sociological research / E.M. Zagirova // The Caucasus and the World. 2015. № 20. P. 158–165.
6. *Zagirova E.M.* Demographic behavior of the Dagestan family: state and trends / E.M. Zagirova // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2016. № 4(48). P. 163–170.
7. *Gafiatulina N.H.* The value system of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society / N.H. Gafiatulina, E.M. Zagirova // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2017. № 2(50). P. 143–157.
8. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova, N.K. Gafiatulina [et al.] // Contributions to Economics. 2020. P. 417–430.
9. *Gafiatulina N.Kh.* Ethnic stereotypes in the youth environment of a multicultural region as an object of sociological research / N.Kh. Gafiatulina // In the collection: Multicultural regions: problems and opportunities for harmonization of interethnic relations. Proceedings of the International Scientific Conference. 2017. P. 45–53.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамян Сюзанна Кароевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет
МВД России
milena.555@mail.ru

СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Распространение наркотических средств, борьба с наркоманией и наркопреступностью являются одной из актуальных проблем не только в России, но и во всем мире. Выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, являются одной из задач государственной политики, направленной на обеспечение государственной и общественной безопасности Российской Федерации. Это, прежде всего, обусловлено тем, что на современном этапе развития общества и государства незаконный оборот наркотиков рассматривается как угроза национальной и государственной безопасности страны. В статье рассматриваются вопросы криминологической характеристики преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации.

Ключевые слова: наркомания, наркотики, государство, право, закон, психотропные вещества, наркотические средства, противодействие, безопасность.

Современные реалии последних лет оказывают все большее и большее

влияние на все сфере человеческой жизни. Приближается к текущим изменениям и преступность. Все чаще «торговцы смертью» используют изощренные способы сокрытия собственной противоправной деятельности.

В последнее время ими активно используется DarkNet в качестве основной площадки, где происходит поиск субъектов дилерской сети распространения, устанавливаются и реализуются договоренности о поставке и оплате запрещенного товара. Все чаще в преступную деятельность вовлекается молодежь.

В 2021 г. правоохранными органами зарегистрировано 51444 (47060) наркопреступлений,

Syuzanna K. Abramyan
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

THE STATE, DYNAMICS AND TRENDS OF CRIME RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The distribution of narcotic drugs, the fight against drug addiction and drug crime are among the urgent problems not only in Russia, but also around the world. Detection and suppression of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors are among the tasks of state policy aimed at ensuring state and public security of the Russian Federation. This is primarily due to the fact that at the present stage of development of society and the state, drug trafficking is considered as a threat to the national and state security of the country. The article deals with the issues of criminological characteristics of crime related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the Russian Federation.

Keywords: drug addiction, drugs, state, law, law, psychotropic substances, narcotic drugs, counteraction, security.

совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в сфере компьютерной информации), что составляет 9,9 % от всех IT-преступлений (517722).

Данный вид преступности носит высокоорганизованный характер, наркопреступниками применяются самые современные достижения науки и техники, средства киберпротиводействия и шифрования данных активно внедряются не только в центральных регионах России, но и на периферии. Правоохранительные органы не всегда успевают за изменениями наркопреступности, что вызывает проблемы в эффективном противодействии, выявлении и пресечении данного вида преступлений. Для того чтобы изменить данную ситуацию, необходимо, прежде всего, иметь представление не только об общем состоянии наркопреступности, в целом, но и о ее современном

состоянии в конкретных регионах Российской Федерации [1, с. 47].

Рост числа наркопреступлений неразрывно связан с устойчивым осложнением криминальной ситуации в стране. Рассматриваемые преступные проявления находятся в прямой связи с проблемой преступности.

Сеть Интернет в повседневной жизни дает возможность получать разнообразную информацию и услуги. Вместе с тем, она является площадкой для внедрения в преступную деятельность организованных групп возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, а именно, совершение сделок купли-продажи наркотиков при сохранении анонимности и полной конспирации.

На сегодняшний день самой разнообразной и быстроразвивающейся группой являются синтетические наркотики. К ним относятся ранее широко распространенные первитин, амфетамин, метадон, ЛСД, МДМА, дезоморфин и др. Синтетические наркотики на наркорынок как России, в целом, так и нашего региона попадают как контрабандой, так и из внутренних источников (кустарно-«кухонное» изготовление, изготовление в условиях подпольных лабораторий). К ним можно отнести: эфедрон, первитин и дезоморфин, которые представляют собой жидкости от бесцветного до коричневого цвета, иногда с небольшим количеством осадка. Употребляются данные наркотики, в основном, внутривенно [2, с. 26]. Изучение статистических данных указывает на то, что в настоящее время данные препараты имеют незначительное распространение на территории Российской Федерации. Из разряда синтетических наркотиков в последнее время самое широкое распространение получили, так называемые, дизайнерские наркотики – вещества синтетического происхождения ряда JWH, N-метилэфедрон, MDPV, карбомаилы и прочие карбоксамиды. Все эти вещества условно можно разделить на ряд групп:

- заменители опиоидов;
- вещества, схожие по действию с амфетамином и экстази;
- заменители кокаина;
- синтетические каннабиноиды.

Из названных веществ массовое распространение получили синтетические каннабиноиды и другой вид психоактивных веществ – так называемая, «скорость», «соль», «сахар», которые в основном представляют собой порошок, кристаллы белого, желтоватого, синего цветов. В данную группу входит большое количество наркотиков, а употребляются они в зависимости от пристрастий отдельно взятого потребителя – через инъекции, курение, вдыхание паров, употребление через рот.

Особое внимание уделяется проведению мероприятий по правовому просвещению в сфере ответственности за незаконный оборот наркотиков

с учащимися образовательных организаций Краснодарского края, педагогами и родительской аудиторией.

Для планирования проведения профилактической работы наиболее значимой социально-возрастной группой, на наш взгляд, является молодежь. Данная группа наиболее активна при совершении наркопреступлений, и доля совершенных ею преступлений данного вида составляет 30,7 %. Учитывая то, что в Российской Федерации «молодежь» считается возрастной группой с 14 до 35 лет, начиная с 2020 г., необходимо изменить выделяемые в официальной статистике возрастные группы. Данное изменение позволит наиболее точно определить количество лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, и скорректировать профилактическую деятельность, направленную на данную группу лиц.

Прослеживаемая тенденция по изменению видов наркотических средств и психотропных веществ, изымаемых из незаконного оборота на территории России, показывает преобладание синтетических видов наркотиков. Объясняется это их относительно низкой себестоимостью при их изготовлении и, соответственно, низкой ценой при сбыте. Лаборатории по изготовлению наркотических и психотропных веществ располагаются на территории РФ, что позволяет избежать изъятий при пересечении государственных границ. Данный факт позволяет организовывать поставки крупных партий подконтрольных веществ с наименьшим риском выявления данных фактов правоохранительными органами. При планировании противодействия незаконному обороту должна учитываться статистика по выявленным лицам, находившимся в состоянии наркотического опьянения в момент совершения преступлений. Однако действительные показатели не соответствуют данным, отраженным в официальных отчетах должностных лиц. Необходимо обязать органы предварительного расследования на стадии предварительной проверки и возбуждения уголовного дела во всех случаях направлять лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, на исследование наличия или отсутствия в их организме наркотических и психотропных веществ. Данная мера позволит отразить действительную статистику и приведет к увеличению зарегистрированных преступлений, поскольку если лицо в момент совершения преступления находилось в состоянии наркотического опьянения.

В целях недопущения осложнения ситуации, связанной с незаконным оборотом наркотиков в подпольной среде, проводится мониторинг фактов задержания несовершеннолетних за совершение преступлений в рассматриваемой сфере (с последующей организацией дополнительных профилактических мероприятий в образовательных организациях, в которых обучаются несовершеннолетние). Исходя из анализа представленных данных, отметим, что, несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры, в России продолжает сохраняться высокий уровень наркоугрозы.

Вовлечение населения в различные формы досуговой занятости, а также, формирование мотивации к ведению активного и здорового образа жизни представляют собой ключевой момент при осуществлении профилактической деятельности по данным преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств. Такая профилактика, в первую очередь, нацелена на подростков и молодежь в виду их неокрепшей позиции в отношении своего жизненного пути, поскольку влиять на подростка гораздо эффективнее, чем на взрослого, состоявшегося в жизни человека. Дети и подростки с раннего возраста должны усвоить главный жизненный урок, который заключается в том, что каждый человек сам

Литература:

1. *Семикин Г.И.* Организация антинаркотической профилактической работы со студенческой молодежью в ВУЗах. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2021.
2. *Венедиктов Д.Д.* Здоровоохранение России: кризис и пути преодоления. М. : Медицина, 2020.

несет личную ответственность за свою жизнь и поведение.

Развитие информационных технологий и киберпреступности значительно опережает методы, используемые сотрудниками правоохранительных органов в раскрытии и расследовании наркопреступлений. Данные обстоятельства предопределяют необходимость повышения эффективности работы в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории региона, целенаправленное и наиболее действенное использование сил, средств и методов борьбы с указанным видом преступной деятельности.

Literature:

1. *Semikin G.I.* Organization of anti-drug preventive work with students in universities. M. : Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2021.
2. *Venediktov D.D.* Healthcare of Russia: crisis and ways of overcoming. M. : Medicine, 2020.

Ахметвалеев Ильсур Мансурович

аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
ilsurei@mail.ru

Ilsur M. Ahmetvaleev

Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Kazan (Volga Region)
Federal University
ilsurei@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ПРАВА

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи выступает судебный прецедент в системе «общего права». Судебный прецедент выступает традиционным источником права стран «общего права». Как источник права, судебный прецедент прошел сложную эволюцию. Принцип прецедента окончательно зафиксировал обязанность нижестоящих судов, следовать решениям вышестоящих судов. Конвергенция правовых семей в современном мире, выражается во внедрении отдельных элементов прецедента в правовые системы континентальной семьи. Процесс такого сближения, в целях полноценного анализа исследуемой проблематики, вне всякого сомнения, требует теоретического осмысления.

Ключевые слова: судебный прецедент, система общего права, англо-саксонская правовая семья, источники права.

С емья общего права является второй по распространённости в мире и имеет многовековую историю развития. Корни истоков её формирования происходят из глубины XI века, а причиной её развития послужило завоевание Англии в 1066 году королем Вильгельмом Завоевателем. Такие причины, как укрепление центрального аппарата власти, развитие, формирование новых феодальных правовых норм, а также, отсутствие у короля сильных конкурентов-феодалов приводит к необходимости создания судебных органов, осуществляющих свою деятельность по-новому [1].

Огромную роль в становлении общего права Англии, сыграли, так называемые, ассизы, которые можно обозначить на современном языке судебными заседаниями. Ассизы осуществлялись королевскими судьями по обычаю, который существовал ещё до момента норманнского завоевания, согласно которому, судьи посылались в самые отдаленные уголки Англии, но в пределах королевства, выражаясь иначе, отправлялись в командировку для проведения судебных заседаний. Изначально, система ассизов распространялась только на уголовные дела, но благодаря успешности и популяризации самой идеи, а, со временем, их юрисдикция начала распространяться и на дела гражданские [2].

LEGAL NATURE OF JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF LAW IN THE COMMON LAW SYSTEM

Annotation. The subject of this article is the judicial precedent in the «common law» system. Judicial precedent is a traditional source of law of the «common law» countries. As a source of law, judicial precedent has undergone a complex evolution. The principle of precedent finally fixed the obligation of lower courts to follow the decisions of higher courts. The convergence of legal families in the modern world is expressed by the introduction of individual elements of precedent into the legal systems of the continental family. The process of such convergence, in order to fully analyze the issues under study, no doubt requires theoretical understanding.

Keywords: judicial precedent, common law system, anglo-saxon legal family, sources of law.

В самом смысле терминологического словосочетания «общее право» заложен принцип объединения, которое произошло в результате норманнского завоевания, что, в свою очередь, способствовало объединению правовых обычаев и традиций в одну общую систему права для всего народа [3]. Однако долгий период, почти до конца XIV века, в Англии, обычай преобладал над всеми другими источниками права. Так, обвиняемый в преступлении мог заявить в суде, что общее право к нему не должно применяться, поскольку дело ведется на основе обычаев конкретной местности. Ситуация стала меняться лишь в конце XIV века, когда существенно возросла роль судебного прецедента, вытеснившего местные обычаи [4].

Теоретические и практические аспекты судебного прецедента являются частью различных правовых систем. Исследование вопросов, связанных с прошлым и настоящим, помогает наиболее четко представить и уяснить суть природы судебного прецедента.

Как известно, судебный прецедент – это решение, принятое высшим судебным органом по конкретному делу, которое считается обязательным для других судов при рассмотрении аналогичных дел [4].

По мнению известного Российского ученого юриста В.С. Нерсисянца, судебный прецедент – это судебное решение по конкретному делу, имеющее значение общеобязательного правила для такого решения всех аналогичных дел. Право принимать решения, имеющие значение прецедента, имеют лишь высшие судебные инстанции [5].

Мы также придерживаемся аналогичной точки зрения, ведь, в действительности, это есть, общеобязательное правило, которое было выработано, сформулировано и применено судом высшей инстанции при рассмотрении конкретного дела, для дополнения либо изменения в целях доурегулирования ранее существовавшего правового регулирования определенного рода общественных отношений, которое обязательно и неукоснительно должно быть исполнено нижестоящими судами и судами по статусу соответствующему суду, вынесшему такое решение. Судебный прецедент, играя в создании и функционировании права определяющую роль, отличает систему общего права от иных существующих систем. В этой связи, хотелось бы отметить научно-теоретическое исследование С.К. Загайновой, в котором автор утверждает, что на доктринальном уровне, судебный прецедент находится в состоянии непрерывного развития, сохраняя при этом обязательные черты. Уважать решение вышестоящих судов, признание такого решения в качестве убедительного для всех, по иерархии ниже стоящих судов, носит общеобязательный характер в правоприменительной практике для всех, по иерархии, ниже стоящих судов [2].

Как указывает О.Н. Коростелкина, правовая природа судебного прецедента, жестко связана с местом и ролью органа, его вырабатывающего и принимающего [6]. Однако М.Н. Марченко считает, что в независимости от места и роли органа, по своей природе, судебный прецедент является «продуктом» деятельности судов. Уникальная форма вновь создаваемого источника права, как результат правотворческой деятельности высших судов [7].

Как указывает профессор И.Ю. Богдановская, принцип прецедента окончательно зафиксировал, что при осуществлении своих функций, судьи обязаны следовать решениям вышестоящих судов; такое положение характеризуется ею как действие принципа прецедента по вертикали, тогда как действие принципа прецедента по горизонтали означает обязанность вышестоящих судов следовать своим предыдущим решениям. Принцип прецедента обосновал общеобязательный характер судебного решения не только для сторон, участвующих в деле, тем самым, обозначив окончательный отказ от принципа *res judicata* (*res judicata* – в римском праве положение, в соответствии, с которым окончательное решение полномочного суда, которое вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено).

То, что судьи должны обращаться к предшествующим делам и искать логическую связь между делами, в доктрине рассматривалось как

утверждение «правления права», ограничение судейского нормотворчества, свободного субъективного усмотрения судей. Принцип прецедента, по сути, окончательно признал факт судейского нормотворчества. Однако и в дальнейшем он продолжал претерпевать изменения [8].

По сути своей, судьи, реализовывая свою функцию по осуществлению правосудия, перед вынесением решения по делу могут и должны преодолевать возможные коллизии, ошибки законодателя, тем более при отсутствии нормативно-правового регулирования обстоятельств конкретной жизненной ситуации. Возможно ли в подобной ситуации считать судью законодателем? На наш взгляд это было бы ошибочным суждением, поскольку, руководствуясь высокой степенью ответственности за свою деятельность, за принятые решения, осознанием ответственности за все последствия, судья лишь восполняет пробелы в праве с целью вынесения справедливого решения по делу. Такой подход свидетельствует о гибкости системы общего права, в которой одним из основных источников права выступает судебный прецедент.

Обладая формой неписаной нормы права, судебный прецедент при применении обладает определенной особенностью. Своего рода, количественное изобилие судебных прецедентов по различным жизненным ситуациям, создают условия для адвокатов использовать в практике любой имеющийся в картотеке дел, судебный прецедент, который может подойти к конкретному делу. Выражаясь простым языком, юрист участвующий в деле просто сопоставляет факты, лежащие в основе рассматриваемого дела, и дела, по которому был вынесен прецедент. Кроме того, судебному прецеденту присуще и множество других особенностей. Например, не представляется возможным в точности определить точную дату вступления его в силу, так как, являясь неписаной нормой, судебный прецедент формулируется в течение неопределенного времени. По этому поводу в зарубежных источниках можно встретить следующий тезис: «Даже если сложно точно установить, когда она начала существовать, приходит время, когда можно утверждать, что теперь норма существует» [9].

Актуальной проблемой при использовании судебных прецедентов в качестве одного из основных источников в государствах с системой «общего права» является отсутствие четкой систематизации. Прежде всего, это связано с характером формы неписаного права, поскольку присутствует проблема консолидированной публикации судебных прецедентов. В прояснении такого обстоятельства, на наш взгляд, в своей статье «Эволюция судебного прецедента в «общем праве», И.Ю. Богдановская достаточно подробно и доступно объясняет сложившуюся ситуацию. Так, в странах «общего права» длительное время существовала проблема доступа к решениям, не включенным в судебные отчеты. За последние десятилетия ситуация поменялась. К примеру, ранее в Великобритании доступ к отчетам был разрешен барристерам (практикующим юристам),

а при наличии специально выданного разрешения, солиситорам (Солиситор готовит весь необходимый материал для выступления в суде барристера. Солиситор делает анализ, направляет запросы, собирает сведения и доказательства, но выступать в суде не имеет права). Начиная с 1978 года, судебные отчеты переведены в библиотеку, в которую доступ открыт не только юристам, но и широкой публике. Также, чтобы взять ситуацию под контроль, ранее, в отдельных государствах стали создаваться специальные советы; в Новой Зеландии, например, в подобный совет вошли Генеральный атторней, Генеральный солиситор, пять представителей юридического сообщества, судья Высокого суда, а в Великобритании с 1865 года действует инкорпорированный совет по судебным отчетам, который контролирует наиболее авторитетное издание прецедентов (The Law Reports) [8].

Век цифровизации и повсеместная компьютеризация внесли существенные коррективы в существующую палитру систематизаций источников права. Это также коснулось и судебных прецедентов, что, в свою очередь, весьма благоприятно отразилось в удобстве поиска и оперативном использовании в работе практикующих юристов. Однако такое положение дел вынесло на поверхность другую проблему, обеспечение доступа к неопубликованным прецедентам, что затрудняло их использование на практике. В результате участвующих случаев ссылок на решения судов, информация о которых содержится в информационной системе компьютера, но которой нет в правовой литературе, было предложено ограничить право ссылаться на судебные прецеденты, если они не опубликованы в печатных изданиях. В 1983 г. Палата лордов установила новый прецедент в решении по делу *R. Petroleum Ltd. v. Bernard Kenny Ltd.*, согласно которому, в случае отсутствия специального разрешения, запрещалось ссылаться на неопубликованные

прецеденты. В свою очередь, такое разрешение могло быть выдано адвокату если он мог доказать о содержании в неопубликованном прецеденте принципа права, относящийся к существу рассматриваемого дела и нет возможности сослаться на другой прецедент [2].

В последнее время, все чаще, нормы, выработанные судебными прецедентами, всё больше включаются в действующие законы, расширяя горизонты разновидностей общественных отношений, регулируемых статутным правом. Так, многие уголовные правонарушения получили законодательное закрепление, а вопросы гражданского права решаются как на основе судебного прецедента, так и на основе статутов [4].

Таким образом, вновь принимаемое законодательство неминуемо обрастает все большим числом прецедентов, без взаимосвязи с которыми оно, попросту, не может нормально функционировать [4].

Также, в нашем исследовании несколько слов хотелось бы сказать об исторической значимости и роли судебного прецедента, а также – о его месте в правовой системе современной России. Дело заключается в том, что прецедентное право способствовало формированию общего права как на национальном уровне, так и на уровне правовой семьи. Если провести анализ этого процесса, то удастся проследить связь, существующую между процессом формирования прецедентного права и судами, а также продемонстрировать, как судебный прецедент способствует устранению противоречий между различными правовыми культурами в государствах со смешанными юрисдикциями. Ещё на начальном этапе становления развития современного российского права Б.Н. Топорнин писал: «Идет нормальный процесс анализа российского права, его освобождение от груза идеологических догм и предрассудков...» [10].

Литература:

1. К вопросу об истории английского судебного прецедента // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 5. С. 251.
2. *Загайнова С.К.* Судебный прецедент: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 15. С. 20.
3. *Уолкер Р.* Английская судебная система. М., 1980. С. 24.
4. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права / П.А. Гук; Под науч. ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2003. С. 13.
5. *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. М., 2001. С. 134.
6. *Коростелкина О.Н.* Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 119.

Literature:

1. To the question of the history of the english judicial precedent // International scientific journal «Innovative science». 2016. № 5. P. 251.
2. *Zagainova S.K.* Judicial precedent: historical and legal aspect : dis. ... cand. of law Ekaterinburg, 1999, p. 15. P. 20.
3. *Walker R.* English judicial system. M., 1980. P. 24.
4. *Guk P.A.* Judicial precedent as a source of law / Under scientific / P.A. Guk; Ed. N.I. Matuzova. Penza, 2003. P. 13.
5. *Nersesyants V.S.* Theory of law and state. M., 2001. P. 134.
6. *Korostelkin O.N.* Court practice and judicial precedent in the system of sources of Russian law : dis. cand. legal sciences. M., 2005. P. 119.

7. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. М., 2001. С. 396.

8. *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «общем праве» / И.Ю. Богдановская // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. С. 77

9. Precedent in Law. Oxford, 1987. P. 155.

10. *Топорнин Б.Н.* Система источников права: тенденции развития / Б.Н. Топорнин // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 44.

7. *Marchenko M.N.* Comparative Law. M., 2001. P. 396.

8. *Bogdanovskaya I.U.* The evolution of judicial precedent in the «common law» / I.U. Bogdanovskaya // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2010. P. 78.

9. Precedent in Law. Oxford, 1987. P. 155.

10. *Topornin B.N.* The system of sources of law: development trends / B.N. Topornin // Judicial practice as a source of law. M., 2000. P. 44.

Ефимов Александр Александрович
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры административного
права и административной деятельности,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
proffi_2006@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТРОЙСТВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (PMD) ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Персональные средства передвижения, оборудованные электродвигателем, также называемые на «западе» personalmobilitydevice (PMD), быстро завоевали внимание жителей европейских городов, как новое средство передвижения. В статье рассматривается опыт использования средств индивидуальной мобильности в зарубежных странах, обосновываются причины их популярности у населения. На основе анализа правового регулирования применения электрических средств передвижения малой мощности делается вывод о необходимости совершенствования российского законодательства на базе зарубежного опыта.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, устройства персональной мобильности, электроскутеры, электросамокаты.

Персональные средства передвижения, оборудованные электродвигателем, также, называемые на «западе» personalmobilitydevice (PMD), быстро завоевали внимание жителей европейских городов, как новое средство передвижения. Население разных стран ищет возможности мобильности нового поколения, основанные на экономии, поэтому PMD представляют большие перспективы, но также и значительную опасность для дорожного движения. Эти транспортные средства до последнего времени, во многих государствах, использовались без законодательного регулирования, да и в настоящее время, нормы многих стран в этой сфере существенно различаются.

PMD уже сейчас влияют на процессы регулирования, планирования инфраструктуры в европейских городах, власти которых стремятся предоставить различным группам населения необходимую возможность современной мобильности, при этом обеспечивая безопасность движения транспорта и пешеходов.

Alexander A. Efimov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Administrative Law
and Administrative Activity,
Stavropol branch
of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
proffi_2006@mail.ru

RECEPTION OF THE EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF PERSONAL MOBILITY DEVICES (PMD) OF FOREIGN COUNTRIES INTO RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. Personal vehicles equipped with an electric motor, also called in the «west» personalmobilitydevice (PMD), quickly won the attention of residents of European cities as a new means of transportation. The article examines the experience of using personal mobility aids in foreign countries, substantiates the reasons for their popularity among the population. Based on the analysis of the legal regulation of the use of low-power electric vehicles, it is concluded that it is necessary to improve Russian legislation on the basis of foreign experience.

Keywords: means of individual mobility, personal mobility devices, electric scooters, electric scooters.

Кажется целесообразным, что процесс совершенствования отечественного законодательства в указанной сфере должен базироваться, в том числе, на изучении зарубежного опыта правового регулирования использования PMD (далее – средства индивидуальной мобильности (СИМ)). Чаще всего, европейский законодатель, регулируя данную сферу говорит о e-scooters, т.е., о электроскутерах или по-русски – электросамокатах (хотя необходимо учитывать, что это могут быть в некоторых случаях и разные средства передвижения, с учетом технических характеристик, например, диаметра колес), нередко распространяя правовые ограничения, запреты и правила и на другие виды средств индивидуальной мобильности, поэтому в рамках данной статьи, мы чаще всего будем говорить именно о электроскутерах (в «западном» понимании этого слова), как о главном средстве передвижения в европейских странах.

Кратко рассмотрим некоторые тенденции в сфере регулирования использования электро-

транспорта в Европе и мире. В сентябре 2019 года новый закон о мобильности добавил электроскутеры в закон о дорожном движении Франции с определенными мерами, включая минимальный возраст (от 12 лет). Передвижение на электроскутерах было запрещено на тротуарах, ограничение скорости на дорогах составило 25 км/час, была предусмотрена обязанность для детей в возрасте от 12 лет использовать шлемы. В Лионе оператор, предоставляющий услуги кикшеринга, установил ограничение скорости, основанное на глобальной системе позиционирования (GPS), где в пределах пешеходной зоны города ограничил скорость СИМ в пределах 8 км/час [1]. Париж также стремился ограничить количество фирм, работающих в этой сфере до трех операторов, которым было разрешено предоставлять свои услуги. Национальный закон о мобильности наделял местные власти полномочиями ограничивать количество транспортных средств и операторов, а также налагать дополнительные требования на техническое обслуживание, шум и загрязнение.

В Германии лицензия на электроскутеры для использования на дорогах общего пользования предоставляется, если [2]:

- их максимальная скорость не может превышать 20 км/час;
- установлены передние фары и боковые отражатели;
- установлены два тормоза, которые работают независимо друг от друга;
- установлен звуковой сигнал, который может быть использован для предупреждения других пользователей о приближении.

В начале 2020 года Министерство транспорта Италии опубликовало новые правила для электроскутеров, которые наиболее популярны в Милане, Турине и Риме. Закон устанавливал минимальный возраст для управления ими – 14 лет, обязательное ношение шлема для лиц моложе 18 лет. Предусматривалось, что электроскутеры могут передвигаться с максимальной скоростью 25 км/час на полосе для велосипедистов, и 6 км/час в пешеходных зонах.

В последние годы количество электроскутеров в Республике Мальта неуклонно растет, их использование изначально не охватывалось каким-либо правовым регулированием. Однако всплеск сообщений об авариях, связанных с электроскутерами, привел к призывам к ужесточению и введению соответствующих правил пользования. Новые правила требуют, независимо от форм собственности электроскутеров, чтобы водители были старше 18 лет, имели водительские права и были застрахованы. Одноразовый регистрационный взнос в размере 11,65 евро устанавливается для электроскутеров, а также, ежегодный лицензионный сбор в размере 25 евро.

В Бельгии законно ездить на электроскутерах по дорогам общего пользования, если их скорость ограничена 25 км/час, это же требование

относится и к электровелосипедам. В Норвегии и Швеции есть ограничение в 20 км/ч. В Швеции электронные скутеры должны иметь тормоза, звуковое предупреждающее устройство (сигнал), а водители моложе 15 лет обязаны носить шлем. В Испании установлено ограничение скорости 25 км/час для электроскутеров и требование, чтобы они были застрахованы. В Нидерландах электронные скутеры относятся к той же категории, что и мопеды, с минимальным возрастом 16 лет. Наличие страховки является обязательным условием, кроме того, разрешено использовать только те транспортные средства, которые были одобрены RDW (Нидерландское управление транспортных средств).

Трудно обеспечить соблюдение ограничений и запретов при отсутствии возможности идентификации средств индивидуальной мобильности. Вот почему некоторые страны, такие как Сингапур или Япония, ввели обязательную регистрацию и наличие идентифицирующих знаков. В Германии предусмотрена обязательная страховая наклейка на электроскутере, позволяющая идентифицировать данное средство передвижения на расстоянии [3]. Большинство европейских стран требуют, чтобы на быстрых электровелосипедах отображалась идентификационная табличка, аналогичная той, что используется на мопеде.

В Сингапуре Управление наземного транспорта (LTA) представило новую функцию в своем приложении для смартфонов, позволяющую гражданам и должностным лицам, отправлять сообщения (отчеты) о нарушениях, допущенных на средствах индивидуальной мобильности (электронных скутерах, велосипедах и электровелосипедах), в том числе, о СИМ, не отвечающих техническим требованиям или о лицах, допустивших опасное вождение [4].

Новизна данного вида электротранспорта в сочетании с различными нормативными законодательными рамками и различными уровнями автономии в принятии решений в каждой европейской стране и городе привели к внедрению различных подходов к регулированию использования СИМ по всей Европе. Тем не менее, большинство национальных и местных нормативных актов направлено на определение следующих общих критериев:

- ограничение скорости до 25 км/ч, а в пешеходных зонах в пределах 10 км/ч;
- введение правил безопасности (например, использование шлема, световозращателей и фонарей);
- возрастные ограничения к пользователям СИМ;
- наделение соответствующей компетенцией в области управления микромобильностью местных органов власти;
- требования к профессиональной подготовке (например, наличие водительской лицензии) или без таковой.

Проблемы безопасности являются одной из наиболее насущных проблем, требующих решения и необходимости гибких подходов к регулированию для достижения максимально полезного результата в сфере обеспечения безопасности всех участников дорожного движения.

В этой связи, многими европейскими специалистами подчеркивается необходимость установления ограничений в отношении СИМ, ограничений на их скорость и мощность, а также запрет на их использование на тротуарах. Предлагается разрешить их использование на велосипедных дорожках, с ограничением скорости до 20 км/час. Главной стратегией обеспечения безопасности являются большие штрафы или конфискация транспортного средства, однако, установление ограничений скорости на определенных территориях по GPS также дает весомый результат. Несмотря на весьма результативный санкционный потенциал, расширение стратегии использования СИМ должно пойти по пути обеспечения безопасности, а именно:

- 1) запретить использование для передвижения по тротуарам и/или обеспечить соблюдение низкой скорости;
- 2) обеспечить соблюдение ограничений скорости 25 км/ч или менее в местах совместного использования с другими транспортными средствами. Большинство стран устанавливают либо ограничения на максимальную скорость

Литература:

1. Зарубежный опыт правового регулирования использования отдельных видов средств индивидуальной мобильности / Г.И. Калмыков [и др.] // Аналитический обзор. ФГКУ «ВНИИ МВД России». М., 2021. 30 с.
2. *Нелюбин М.* Основные правила для электро-самокатов в Германии / М. Нелюбин // Новостной интернет-сайт «DW». URL : <https://www.dw.com/ru/a-50835372> (дата обращения 20.12.2022).
3. *Соколов Д.В.* Нормативное регулирование использования электросакутеров в Федеративной Республике Германия, Австрийской Республике и Швейцарской Конфедерации / Д.В. Соколов // Современная наука. 2021. № 3. С. 77–81.
4. Guide to E-Scooter and PMD Laws for Singapore Riders // Singapore Legal Advice. 2022. URL : <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eVpLGOLsJu4J:https://singaporelegaladvice.com/law-articles/e-scooter-laws-singapore+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения 20.12.2022).

движения 20–25 км/ч, либо запрет самих транспортных средств, если максимальная скорость их движения превышает 25 км/ч;

- 3) улучшить конструкцию транспортных средств, повисить сцепление с дорогой и устойчивость;
- 4) усовершенствовать сбор данных о дорожно-транспортных происшествиях на СИМ для оценки показателей безопасности транспортных средств;
- 5) устранить стимулы к опасному поведению (т.е., например, поминутную арендную плату);
- 6) решить проблему загромождения улиц, перераспределение пространства и расширения парковочных мест.

Таким образом, анализ опыта зарубежных стран в части правового регулирования использования СИМ позволит глубже понять вектор регулятивного развития в данной сфере, сформулировать конкретные предложения по совершенствованию отечественного законодательства в данной области с учетом существующих национально-правовых различий и особенностей построения национальных систем законодательства. правоприменительной практики и законодательства европейских и других развитых государств позволит не только своевременно внедрить передовой опыт, но и избежать ошибок на пути совершенствования отечественного законодательства.

Literature:

1. Foreign experience of legal regulation of the use of certain types of means of individual mobility / G.I. Kalmykov [et al.] // Analytical review. FGKU «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia». М., 2021. 30 p.
2. *Nelyubin M.* Basic rules for electric scooters in Germany / M. Nelyubin // Internet site News «D.U». URL : <https://www.dw.com/ru/a-50835372> (date of the application 20.12.2022).
3. *Sokolov D.V.* Regulatory regulation of the use of electric scooters in the Federal Republic of Germany, the Republic of Austria and the Swiss Confederation / D.V. Sokolov // Modern Science. 2021. № 3. P. 77–81.
4. Guide to E-scooter and PMD laws for Singapore riders // Singapore Legal Advice. 2022. URL : <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eVpLGOLsJu4J:https://singaporelegaladvice.com/law-articles/e-scooter-laws-singapore+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (date of the application 12/20/2022).

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Тутаев Олег Иванович

студент 2 МЗЮ курса,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Tutaev@mail.ru

**О ПРОБЛЕМАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ЛЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам применения принудительных мер медицинского характера и принудительного лечения лиц, совершивших преступления. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время нормативно-правовая база, регламентирующая принудительное лечение, устарела, и она требует корректировки.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность, наказание, принудительное лечение.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является конституционной основой, которую необходимо соблюдать, адекватно реагируя на происходящие вокруг события, в том числе, с лицами, которые страдают психическими расстройствами. Эта необходимость подтверждается положениями общепризнанных принципов и норм международного права [10].

Потребность комплексного анализа законодательной базы в настоящее время по-прежнему остается актуальной. Имеющуюся фактуру необходимо взять за основу и подвергнуть оптимизации, направив на качественную защиту прав лиц, особый статус которых требует аккуратного и индивидуального подхода [4]. Положения ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяют, в определенных случаях, ограничивать права и свободы граждан, что порождает риски различных злоупотреблений и нарушений. Они могут быть

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Oleg I. Tutaev

Student of the 2nd MZYU Course,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Tutaev@mail.ru

**ABOUT THE PROBLEMS
OF COMPULSORY TREATMENT
IN MODERN CONDITIONS**

Annotation. The article is devoted to the problematic issues of the use of compulsory medical measures and compulsory treatment of persons who have committed crimes. The authors conclude that, at present, the regulatory framework governing compulsory treatment is outdated, and it needs to be adjusted.

Keywords: compulsory medical measures, criminal law measures, criminal liability, punishment, compulsory treatment.

минимизированы или вовсе исключены при условии того, что нормативные предписания ясно изложены, недвусмысленны и конкретны. Верное понимание и толкование норм, устанавливающих порядок применения принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), также играет важную роль в построении концепции развития нормативной базы в сфере здравоохранения для обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Данный тезис предполагает, что в силу конституционных принципов, недопустимо использование юридических санкций для несоразмерного и произвольного ограничения прав и свобод при применении к лицам мер принуждения [3]. Отсюда же вытекает, адресованное законодателю, требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования. Непонятное и противоречивое правовое

регулирование порождает произвольное правоприменение, нарушающее эти конституционные принципы [2].

Обратим внимание на различные особенности правового регулирования применения в психиатрии мер принудительного характера с медицинской точки зрения [5].

В рамках ч. 4 ст. 11 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 21.11.2011) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», мероприятия по лечению могут проводиться без надлежащего согласия лица, которое подвержено психическому расстройству, без положительного заключения его законного представителя только при использовании принудительных мер медицинского характера по основаниям, предусмотренным УК РФ, и при недобровольной госпитализации в рамках ст. 29 настоящего Закона.

Граждане, допустившие совершение общественно опасного деяния, могут быть подвергнуты применению к ним мер медицинского характера в случае сомнения в их вменяемости при наличии соответствующего экспертного заключения. Как мы видим из практики применения «специального» законодательства, действующие в настоящее время нормы работают недостаточно эффективно, потому что, функционирующие на протяжении долгого времени правила, характеризуются отсылочным характером, включающим учет следующих положений:

– обязательные меры, которые указаны в ч. 1 ст. 13 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» могут применяться при наличии соответствующего решения суда согласно порядка, предусмотренного нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

– согласно ч. 11 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», граждане, совершившие общественно опасные деяния, могут быть подвергнуты мерам принудительного медицинского характера по основаниям и в порядке, установленном федеральным законом [11].

Рассмотрим положения уголовного законодательства, устанавливающие порядок применения принудительных мер медицинского характера. Указанные вопросы раскрываются в главе 15 УК РФ, а также, разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

Согласно ст. 99 УК РФ сферу ПММХ, можно представить посредством двух направлений: амбулаторное наблюдение, а также стационарное лечение, которое, в свою очередь, подразделяется на три группы: принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего, специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением [7].

Далее, обратим внимание на Федеральный закон от 07.05.2009 № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением», который, судя по его названию, регулирует вопросы содержания пациентов в психиатрическом стационаре наиболее строго типа содержания. Данный нормативный акт в качестве предмета регулирования не включает вопросы, касающиеся функционирования психиатрических стационаров иных типов. В этой связи, существует пробел в вопросе правового регулирования деятельности психиатрических стационаров общего и специализированного типов, режим содержания в которых, безусловно, менее строгий и специфичный.

Толкование положений статьи 101 УК РФ позволяет выделить следующие направления работы, реализуемые в психиатрических стационарах: лечение, уход, содержание и наблюдение.

Размышляя о различиях данных направлений в стационарах различных типов, приходим к выводу о том, что в психиатрическом стационаре общего типа наблюдение не должно быть интенсивным (ч. 2 ст. 101 УК РФ); в психиатрическом стационаре специализированного типа наблюдение должно быть постоянным (ч. 3 ст. 101 УК РФ); в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением оно должно быть постоянным и интенсивным (ч. 4 ст. 101 УК РФ) [1].

Проблемы, в этой связи, заключается в следующем:

– во-первых, законодатель, используя такие термины как «лечение», «содержание», «наблюдение» не раскрывает различий между ними;

– во-вторых, законодатель в УК РФ, прописывая условия помещения пациентов в психиатрические стационары с учетом вида осуществляемого наблюдения, выделяет следующие его типы – постоянное и интенсивное, не объясняя принципиальные различия между ними;

– в-третьих, нормы уголовного закона прямо не устанавливают характера наблюдения, реализуемого в психиатрическом стационаре общего типа. С учетом системного толкования смежных положений, касающихся стационаров специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением, напрашивается вывод о том, что в стационаре общего типа наблюдение не должно быть ни интенсивным, ни постоянным;

– в-четвертых, в УК РФ не содержится пояснения относительно возможности или запрета на применение интенсивного наблюдения в психиатрических стационарах иного типа, нежели стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением [9].

Руководствуясь положениями ч. 3 ст. 97 УК РФ, можно констатировать, что порядок исполнения ПММХ определяется уголовно-исполнительным законодательством РФ и иными федеральными

законами. Обратившись к ст. 18 УИК РФ («Применение к осужденным мер медицинского характера»), видим, что в ней не содержится предписаний, регулирующих вопросы деятельности психиатрических стационаров.

Таким образом, законодательством не урегулирован порядок осуществления принудительных мер медицинского характера в психиатрических стационарах общего и специализированного типов, регламентирующий весь комплекс реализуемых мероприятий, включающих требования к организации медицинской помощи, обеспечения режима и способов охраны, вопросов сопровождения пациентов, подлежащих принудительному лечению.

В соответствии с приказом Минздравсоцразвития РФ от 07.10.2005 № 627 «Об утверждении Единой номенклатуры государственных и муниципальных учреждений здравоохранения», руководителям соответствующих органов управления в сфере здравоохранением было предписано привести наименование учреждений здравоохранения в соответствие с номенклатурой, предусматривающей такие виды, как:

- больница психиатрическая (стационар) специализированного типа;
- больница психиатрическая (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Однако приказом Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 № 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» не определены положения о перечисленных выше видах психиатрических стационаров, равно как и вопросы организации охраны, режима и прочих требований.

Приказ Минздрава РФ от 29.01.1997 № 33 «О некоторых вопросах принудительного лечения» установил предписание, адресованное руководителям органов здравоохранения в субъектах РФ, которые должны были организовать работу по преобразованию с сохранением действующих штатных нормативов имеющихся стационаров с усиленным наблюдением в психиатрические стационары специализированного типа [5]. Тем не менее, Временное положение об отделении с усиленным наблюдением психиатрической больницы, утвержденное формально действующим и в настоящее время Приказом Минздрава СССР от 21.03.1988 № 225 «О мерах по дальнейшему совершенствованию психиатрической помощи», закрепляет такого рода порядок. Однако необходимо признать, что положения приказа Минздрава СССР, принятые в совершенно иных социально-политических условиях, морально устарели и требуют обновления [6].

Наравне с законами и подзаконными актами, существует также и ненормативные акты, которые следует учесть и подвергнуть исследованию. Так, Минздравом России подготовлены следующие указания:

– письмо от 01.09.1997 № 10-04/6-200 «Об организации и проектировании психиатрических стационаров», в котором содержится ссылка на монографию Б.А. Казаковцева, Л.Ф. Сидорковой, А.П. Моисеенко «Организация и проектирование психиатрических стационаров в регионах России», посвященную вопросам проектирования и создания психиатрических стационаров;

– согласованное с Генеральной прокуратурой и Верховным Судом России письмо от 23.07.1999 № 2510/8236-99-32 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния», регулирующее вопросы оказания медицинской помощи в психиатрических стационарах;

– письмо от 10.05.2001 № 2510/4817-01-25 «Об отмене Методического письма», основанное на доводах Минюста России, в котором сформулировано требование об утрате силы Методического письма Минздрава РФ от 23.07.1999 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния» (ст. 21 и ч. 1 ст. 81 УК РФ).

Обратим внимание на некоторые аспекты применения принудительных мер медицинского характера в случаях, когда госпитализация осуществляется с участием психиатрической бригады.

В основе п. 3 ч. 9 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обосновывается вмешательство медиков в жизнедеятельность пациентов, которые страдают психическими расстройствами в тяжелой форме. Статья 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» предусматривает, что лицо, подверженное психическим расстройствам, допускается к госпитализации в психиатрический стационар без его согласия либо без согласия его законного представителя до соответствующего решения судьи, если его обследование и психическое расстройство является тяжелым и включает в себя:

- а) его конкретную опасность для себя либо окружающих, или
- б) его беспомощное состояние, то есть, невозможность самостоятельно удовлетворять главные жизненные потребности, или
- в) значительный вред его здоровью в рамках ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи.

Согласно Методическим рекомендациям по работе бригад скорой психиатрической помощи, утвержденным Приказом Минздрава РФ от 08.04.1998 № 108 «О скорой психиатрической помощи», когда лицо по своему психическому состоянию не способно внятно изложить свою позицию в отношении госпитализации (находится в состоянии измененного сознания (делирий,

онейроид, сумеречное состояние) либо диагностируется острый психоз с выраженной растерянностью, крайней загруженностью психотическими переживаниями, или выраженное слабоумие, которое затрудняет определение личностного отношения к факту госпитализации, с целью исключения склонения такого пациента к подписи под документом о согласии на госпитализацию, помещение в больницу во всех подобных случаях следует оформлять только как недобровольное.

С учетом того, что указанный выше приказ не зарегистрирован согласно требованиям п. 10 Указа Президента РФ от 23.05.1996 № 763 (ред. от 17.11.2011) «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», он не может применяться. Тем не менее, в соответствии с Приказом Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 № 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» и Приказом Минздравсоцразвития России от 01.11.2004 № 179 «Об утверждении порядка оказания скорой

медицинской помощи», не предусмотрен запрет на госпитализацию пациентов якобы в «добровольном порядке», если они доставлены в психиатрический стационар бригадой скорой помощи в недобровольном порядке и не могут выразить свое отношение к госпитализации или когда личностное отношение к факту госпитализации установить невозможно [7].

В заключении отметим, что нельзя не принять во внимание тот факт, что нормативно-правовая база, которая функционировала еще 30 лет назад, разнится с нормами, которые есть сейчас. Это – действительно проблема, которая требует немедленного решения, так как законодательная база в настоящее время весьма активно используется в практике и промедления недопустимы [8]. Но вопрос состоит и в том, что пробелы существуют не только в основных законодательных актах, но соответствующих корректировок требуют и подзаконные акты. Существует необходимость в налаживании взаимодействия среди правоприменительных органов, так как именно от единообразного понимания норм права, единого во всех аспектах, зависит эффективность деятельности аппарата здравоохранения в целом.

Литература:

1. *Лаптев Д.Б.* О принудительных медицинских мерах в системе иных мер уголовно-правового характера / Д.Б. Лаптев // *Медицинское право.* 2020. № 3. С. 45–51.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П // *Вестник Конституционного Суда РФ.* 2008. № 3.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П // *Вестник Конституционного Суда РФ.* 2009. № 4.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П // *Собрание законодательства РФ.* 2012. № 29. Ст. 4167.
5. *Сергеев К.А.* Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера / К.А. Сергеев, А.Б. Сергеев // *Медицинское право.* 2018. № 1. С. 3–7.
6. *Тихомиров А.Н.* К вопросу о применении принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, в отношении осужденных, страдающих социопатическими расстройствами / А.Н. Тихомиров, А.М. Смирнов // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* 2015. № 6. С. 21–24.
7. *Козаченко И.Я.* Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
8. *Хайдаров А.А.* Сложности применения принудительных мер медицинского характера по

Literature:

1. *Laptev D.B.* On compulsory medical measures in the system of other measures of a criminal nature / D.B. Laptev // *Medical Law.* 2020. № 3. P. 45–51.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.04.2008 № 7-P // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation.* 2008. № 3.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P of 24.06.2009 // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation.* 2009. № 4.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P of 27.06.2012 // *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 2012. № 29. Art. 4167.
5. *Sergeev K.A.* Separate judicial situations when making decisions on the appointment of compulsory medical measures / K.A. Sergeev, A.B. Sergeev // *Medical law.* 2018. № 1. P. 3–7.
6. *Tikhomirov A.N.* On the issue of the use of compulsory medical measures connected with the execution of punishment in relation to convicts suffering from sociopathic disorders / A.N. Tikhomirov, A.M. Smirnov // *Penal enforcement system: law, economics, management.* 2015. № 6. P. 21–24.
7. *Kozachenko I.Ya.* Criminal law. General part: textbook for universities / I.Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. 6th ed., reprint. and add. M, 2021.
8. *Khaidarov A.A.* The difficulties of applying compulsory medical measures in criminal cases of crimes

уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией / А.А. Хайдаров // Законность. 2021. № 9. С. 61–64.

9. *Шишков С.Н.* Законодательные проблемы принудительных мер медицинского характера (глава 15 УК РФ) / С.Н. Шишков, С.В. Полубинская // Lex russica. 2019. № 6. С. 161–172.

10. *Шишов М.А.* Актуальные вопросы порядка применения принудительных мер медицинского характера / М.А. Шишов // Медицинское право. 2013. № 5. С. 47–51.

11. *Шпынова Е.В.* Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы / Е.В. Шпынова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 65–72.

with administrative prejudice / A.A. Khaidarov // Legality. 2021. № 9. P. 61–64.

9. *Shishkov S.N.* Legislative problems of compulsory medical measures (Chapter 15 of the Criminal Code of the Russian Federation) / S.N. Shishkov, S.V. Polubinskaya // Lex russica. 2019. № 6. P. 161–172.

10. *Shishov M.A.* Topical issues of the procedure for the application of compulsory medical measures / M.A. Shishov // Medical law. 2013. № 5. P. 47–51.

11. *Shpynova E.V.* Compulsory medical measures: theoretical and law enforcement problems / E.V. Shpynova // Actual problems of Russian law. 2015. № 4. P. 65–72.

Кинах Павел Игоревич

аспирант кафедры
международного частного права,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
kinah.pavel@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЧАСТНОЕ ПРАВО В СТРАНАХ
АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА**

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие международного частного права в странах «третьего мира». За основу взяты различные государства африканского континента, такие как: ЮАР, Эфиопия, Кения, Египет, Марокко, Кот-д'Ивуар и другие. Целью исследования является изучение вопросов коллизионного регулирования правоотношений, осложнённых иностранным элементом, и рассмотрение общего развития науки международного частного права в Африке. Автор настоящей статьи проводит анализ действующих правовых систем на африканском континенте, исследуя литературу на иностранных языках, рассматривает проблему взаимодействия коллизионного (международного частного) права африканских стран с международным частным правом западноевропейских государств, оценивает их влияние на становление и развитие МЧП в Африке. Также, в статье освещается проблема внутренних коллизий правовых норм. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время наука международного частного права на африканском континенте на сегодняшний день, всё-таки, развита достаточно слабо. Безусловно, видится большой прогресс государств Африки в эволюции международно-правовых отношений и явное стремление к взаимодействию с более развитыми государствами мира. В этой связи, целесообразным видится создание на Африканском континенте организации, на которую была бы возложена ответственность за составление различных нормативно-правовых актов в сфере унификации МЧП и за продвижение сотрудничества в отношении развития торгового права и коммерческой практики не только внутри континента, но и за его пределами.

Ключевые слова: международное частное право Африки, коллизионные нормы стран африканского континента, обычное право, внутренние коллизии.

Международное частное право (далее – МЧП), как наука и отрасль правоведения имеет достаточно широкую, если не сказать, всемирную географию. Трудно сказать, где конкретно, в каком именно государстве зародилась эта наука. Есть предпосылки считать, что международное частное право зарождалось уже в

Pavel I. Kinakh

Postgraduate Student
of the Department
of Private International Law,
Moscow State University of Law
named after O.E. Kutafin
kinah.pavel@yandex.ru

**INTERNATIONAL PRIVATE LAW
IN THE COUNTRIES
OF THE AFRICAN CONTINENT**

Annotation. This article discusses the development of international private law in the countries of the «third world». Various states of the African continent are taken as a basis, such as: South Africa, Ethiopia, Kenya, Egypt, Morocco, Côte d'Ivoire and others. The purpose of the research is to study the issues of conflict regulation of legal relations complicated by a foreign element, and to consider the general development of the science of private international law in Africa. The author of this article analyzes the current legal systems on the African continent, exploring the literature in foreign languages, considers the problem of the interaction of the conflict (private international) law of African countries with private international law of Western European states, assesses their impact on the formation and development of PIL in Africa. The article also highlights the problem of internal conflicts of legal norms. The author comes to the conclusion that at present the science of private international law on the African continent is still rather poorly developed. Undoubtedly, there is a great progress of African states in the evolution of international legal relations and a clear desire to interact with more developed states of the world. In this regard, it seems appropriate to create an organization on the African continent that would be responsible for drawing up various legal acts in the field of unification of PIL and for promoting cooperation in the development of trade law and commercial practice not only within the continent, but also beyond its borders.

Keywords: private international law of Africa, conflict rules of the countries of the African continent, customary law, internal conflicts.

Римской империи с развитием торговых отношений; также существует версия, что итальянская теория статутов XIII–XV веков является родоначальницей МЧП. Об этом пишет Л.А. Лунц: «Столь же казуистичными, но по содержанию более углублёнными были решения итальянских постгlossаторов, или комментаторов, которые

считаются родоначальниками науки международного частного права. Среди них особенно выделялись Бартол (1314–1357 гг.) и его ученик Бальд (1327–1400 гг.). Бартол положил начало «теории статутів», которая получила полное развитие и господство в XVI–XVII вв. в учениях французских и голландских юристов» [1, с. 124]. Тем не менее наука международного частного права развивалась в учениях голландских юристов, придя в Российской империю в середине XIX века и закрепившись в России уже в XXI веке. Однако международное частное право существовало не только на евразийском и американском континентах, оно также существовало и в странах Африки. Изучение и развитие международного частного права в этом регионе было значительно заторможено по сравнению с другими континентами, потому что Африка не была вовлечена в международную жизнь и долгое время не сотрудничала с международными юрисдикциями. Сравнительная изоляция Африки от внешнего мира не давала полного раскрытия её потенциала в сфере МЧП. Поскольку эти события связаны с экономическим прогрессом, неразвитость международного частного права в Африке свидетельствует о более серьезных проблемах, стоящих перед континентом. Это проблемы изоляции от международно-правовых разработок и недооценка важности развитой правовой инфраструктуры как ключевой предпосылки любой коммерческой деятельности. Как пишет в своей научной статье американский учёный Ричард Фраймпонг, «международное частное право имеет и национальное, и международное происхождение. Оно служит барометром для измерения степени взаимодействия правовой системы одной страны с правовыми системами других стран» [4, с. 679]. Этому способствуют личные и коммерческие связи между физическими и юридическими лицами в соответствующих правовых системах. Если Африка действительно серьёзно относится к взаимодействию с миром, особенно в сфере торговли и коммерции, то ей, возможно, придётся уделить немного больше времени для развития своего международного частного права. В отличие от других регионов мира африканские государства в настоящее время не имеют многосторонних конвенций, непосредственно касающихся существенных вопросов международного частного права. Существующие договоры представляют собой двусторонние соглашения между странами о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений. Однако влияние международного частного права можно увидеть в некоторых региональных экономических договорах африканских стран. В Африке процесс судебного разбирательства стал таким же значительным, как и вопросы материального права. Некоторые африканские страны отреагировали на это, присоединившись к договорам, касающимся аспектов международного судебного сотрудничества. Четыре африканские страны, а именно Египет, Ботсвана, Малави и Сейшельские Острова, являются участниками Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам; две другие страны, а именно Южно-Африканская республика и Сейшельские Острова, присоединены к Гаагской конвенции о получении

доказательств за границей по гражданским или торговым делам. В Зимбабве также существует законодательство, предусматривающее сотрудничество не только с другими национальными, но и международными судами. Взаимодействие Африки с международными учреждениями, занимающимися вопросами международного частного права, было минимальным и часто косвенным. Об этом пишет Ричард Фраймпонг: «В настоящее время есть только три африканских члена Гаагской конференции международного частного права, а именно, Марокко, Египет и Южно-Африканская республика» [4, с. 681]. Определяющей характеристикой международного частного права в Африке является неурегулированность коллизионных вопросов. Среди них – выбор применимого правопорядка в договорных и деликтных правоотношениях, юрисдикция в отношении деятельности в Интернете и проблемы международного частного права, возникающие в связи с трастами и интеллектуальной собственностью. Эти вопросы остаются нерешёнными в основном потому, что к их рассмотрению не обращались судебные органы, законодатели не взяли на себя ведущую роль в принятии нормативно-правовых актов по ним, а африканские учёные не занимались изучением судебной практики.

Когда стороны не пользуются концепцией выбора права, регулирующего их договор, возникает некоторая неопределённость в суждениях о том, какое право следует применять. Право места назначения товара, исполнения договора, право места совершения сделки.

Область международных деликтов в последнее время породила значительную судебную практику. Промышленное и технологическое развитие, а также, достижения в области международных перевозок сделали международные правонарушения областью проблем международного частного права. Но до сих пор в Африке не было авторитетного судебного решения по этому вопросу. «Недавняя возможность решить этот вопрос представилась в кенийском деле *Rage Mohammed Ali против Abdullahim Maasai*. Дело возникло в результате несчастного случая, происшедшего в Уганде. Обе стороны были гражданами и резидентами Кении. Истец предъявил иск о возмещении общего и специального ущерба, причиненного травмами, полученными в результате несчастного случая. Суд отклонил иск» [4, с. 683]. Доказать, что он является сотрудником ответчика, истец не смог. Для суда – это простое и прямолинейное дело о дорожно-транспортном происшествии, которое произошло в иностранном государстве за пределами юрисдикции судов в Кении. Ни адвокат, ни суд не подняли вопрос о возможности предъявления деликтного иска и о сопутствующих вопросах выбора права, которые требовали бы разрешения.

В настоящее время существует тенденция придерживаться концепции *lex loci delicti commissi* в качестве правила выбора права в деликтных правонарушениях. Австралийские и канадские суды отказались от английского правила двойного иска. Соединенное Королевство также внесло законодательные изменения в свой закон по этому

вопросу. Будут ли африканские страны следовать этой тенденции, пока неизвестно. В Нигерии прецедентное право, касающееся правонарушений внутри штата, придерживаются и правила двойного иска, и принципа *lex loci delicti*. Однако позиция по международным правонарушениям неясна. В Южно-Африканской Республике учёные сходятся во мнении, что вопрос является неоднозначным, и, таким образом, судам решать, какой из различных подходов к выбору права в деликтных правонарушениях они хотят принять.

В то время как изучение и развитие международного частного права в Африке затормозилось, африканские страны столкнулись с проблемами коллизий особого рода, которым исторически уделялось большое внимание африканских академических и судебных органов. Это проблемы, возникающие из-за сосуществования нескольких нормативных систем в пределах одной юрисдикции. Эта область исследований, получившая название внутренних коллизий или коллизий нескольких правовых систем, была особенно хорошо развита в колониальную и сразу постколониальную эпоху. В это время национальным властям приходилось решать вопрос о том, как обеспечить сосуществование многочисленных нормативных систем, таких как обычное право, религиозное право и государственное право. Прослеживается тот факт, что в странах Африканского континента существовали и по сей день существуют интертемпоральные коллизии. Г.К. Дмитриева пишет о них следующее: «Интертемпоральные коллизии означают коллизии, возникающие из наличия разновременных принятых в одном государстве правовых норм, предусматривающих регулирование одних и тех же частнопроводных отношений» [2, с. 175]. Выходит так, что изначально в Африканских странах действовало обычное право, позже присоединилось религиозное регулирование отношений, а потом уже наслоилось государственное регулирование на правовом уровне. Однако интересен тот факт, что позже принятые нормы не отменяли действия предыдущих, это в частности, а в целом – одна система норм права не отменяла другую. В результате, порождались внутренние коллизии права, т.е. интертемпоральные коллизии. Примечательно, что именно проблемы, порождённые коллизиями нескольких правовых систем внутри одного государства, дали старт для развития международного частного права в Европе. Именно взаимодействие между законами итальянских городов-государств, возникших после распада Римской империи, заложило основу МЧП.

В Африке проблема внутренних коллизий законов была результатом прагматичной колониальной, а впоследствии и пост-независимой политики, позволяющей местным правовым институтам сосуществовать и взаимодействовать с колониальным, то есть государственным правом. Однако не все африканские страны допускали такое сосуществование, по крайней мере, теоретически. Ричард Фраймпонг в своей статье также акцентирует внимание на том, что «в Эфиопии и Кот-д'Ивуаре обычное право рассматривалось как препятствие для развития и национального единства, поэтому от него отказались в пользу

заимствованного гражданского права континентальных стран, которое обеспечивало единую правовую систему. Напротив, страны, допустившие сосуществование обычного и государственного права, порождали тем самым внутренние коллизии» [4, с. 685].

В области международного коммерческого права транснациональное право уподобляется *lex mercatoria*, состоящему из общепризнанных и принятых принципов коммерческого права, применимых к международным коммерческим сделкам. Первоначальные правила *lex mercatoria* средневековой эпохи были, по сути, европейским делом, и африканцы не участвовали в их разработке. В какой-то степени то же самое можно сказать о новом или формирующемся транснациональном праве международных коммерческих сделок, правила которого были в основном основаны на принципах, разработанных в западной юриспруденции. Кроме того, рассматривая африканскую позицию, юристы этого континента отвергают концептуальную предпосылку *lex mercatoria* в развитии МЧП в Африке, поскольку они не участвовали в разработке его принципов.

Основа этого направления мысли вполне понятна. Африканские государства долгое время находились под колониальным господством в период формулирования большинства нынешних международно-признанных принципов, регулирующих международные коммерческие сделки, которые теперь классифицируются как часть транснационального права. Но какова предпочтительная альтернативная основа, с африканской точки зрения, для решения правовых вопросов, возникающих в связи с международной торговлей? Общеизвестно, что африканские бизнесмены обычно находятся в более слабой позиции по сравнению со своими западными коллегами на международных коммерческих переговорах. Это означает, что африканским коммерсантам часто приходится соглашаться с правовыми системами западноевропейских стран при заключении международных коммерческих сделок. Африканские страны не вносят и не могут вносить какой-либо вклад в разработку правил иностранных правовых систем. Что касается транснационального права, то африканские страны теперь имеют возможность создания и разработки новых норм для обеспечения достижения и поддержания объективного баланса принципов транснационального права. Гбенга Бамоду в своей статье, посвящённой унификации и гармонизации международного коммерческого права в Африке, справедливо отмечает следующее: «Одной из целей транснационального права является защита субъекта правоотношений от ситуации, когда одна из сторон находится в выгодном положении за счёт применения своего собственного права, а другая сторона находится в невыгодном положении из-за необходимости соблюдать иностранное и часто незнакомое право» [3, с. 142]. Подобные ситуации, где одна сторона правоотношений преобладает над другой, можно нивелировать путём формулирования правил международного сотрудничества в отношении международных коммерческих сделок. Вся сущность транснационального права заключается в применении национальных

принципов права к вопросам транснационального масштаба, и это в некоторой степени отражено в определении *lex mercatoria* как совокупности общих принципов и норм обычного права, разработанных в рамках международной торговли, без ссылки на конкретную национальную систему права.

В итоге, если африканские бизнесмены в реальности смогут проявлять свои интересы с теми, с кем они участвуют в международных сделках, африканские страны смогут принимать активное участие в определении формы и направления транснационального права и его принципов. К тому же, африканские правовые системы происходят из западных стран, и они уже сейчас находятся на достаточном уровне политико-правового развития, чтобы заслуживать внимания со стороны иностранных государств в принятии решений о развитии транснационального права и международного частного права в целом.

Существует точка зрения, которой придерживается и Гбенга Бамоду, что африканским странам пора уделить внимание гармонизации своих норм международного частного права, которые затрагивают международную торговлю. По его словам, «она должна включать в себя, прежде всего, разработку общеконтинентальных правил для ответа на предварительный вопрос, национальное право какой страны будет применяться судами государств-членов к внутрирегиональной сделке

Литература:

1. *Луниц Л.А.* Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002.
2. *Международное частное право : учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, Г.К. Дмитриева [и др.]; Отв. ред. Г.К. Дмитриева.* 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
3. *Bamodu G.* Transnational law, Unification and Harmonization of International Commercial law in Africa. *Journal of African Law.* 1994. Vol. 38. № 2. P. 130–143.
4. *Frimpong Oppong R.* Private International Law in Africa: The Past, Present, and Future. *The American Journal of Comparative Law.* 2007. Vol. 55. № 4. P. 675–685.

при отсутствии единых материальных норм; создание правил для выбора или определения того, какие судебные трибуналы государств-членов будут обладать судебной юрисдикцией в отношении споров, возникающих в связи с внутрирегиональными сделками; и разработку правил, помогающих таким трибуналам получать доказательства, находящиеся в других государствах» [3, с. 136]. Наконец, также, очень важно разработать правила, облегчающие признание и приведение в исполнение судебных решений, вынесенных в одном африканском государстве в отношении другого африканского государства. Эти шаги будут способствовать дальнейшему поощрению африканского бизнеса, настроенного на использование возможностей внутрирегиональной торговли, и в результате будут способствовать достижению целей африканских государств в продвижении и поощрении внутрирегиональной торговли и инвестиций. Кроме того, это будет означать распространение африканских идей и решений на международную торговлю.

В заключении следует отметить, что целесообразным нам видится создание на Африканском континенте организации, на которую была бы возложена ответственность за составление различных нормативно-правовых актов в сфере унификации МЧП и за продвижение сотрудничества в отношении развития торгового права и коммерческой практики не только внутри континента, но и за его пределами.

Literature:

1. *Lunts L.A.* Course of private international law : in 3 vol. M. : Spark, 2002.
2. *International private law : textbook / L.P. Anufrieva, K.A. Bekyashev, G.K. Dmitrieva [et al.]; Rep. ed. G.K. Dmitriev.* 2nd ed., revised. and additional. M. : TK Velby, Prospekt Publishing House, 2004.
3. *Bamodu G.* Transnational law, Unification and Harmonization of International Commercial law in Africa. *Journal of African Law.* 1994. Vol. 38. № 2. P. 130–143.
4. *Frimpong Oppong R.* Private International Law in Africa: The Past, Present, and Future. *The American Journal of Comparative Law.* 2007. Vol. 55. № 4. P. 675–685.

Кузнецова Наталья Владимировна
старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kuznezova-1963@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РФ

Аннотация. Одним из приоритетных направлений развития государственной политики в Российской Федерации на данный период времени является улучшение демографической ситуации. В статье анализируются основные проблемы и коллизии российского законодательства, связанные с институтом суррогатного материнства, а также предлагается возможное внесение изменений в семейное законодательство с целью устранения противоречий.

Ключевые слова: суррогатное материнство, генетические родители, доноры, договор о суррогатном материнстве.

Одним из приоритетных направлений развития государственной политики в Российской Федерации на данный период времени является улучшение демографической ситуации. Согласно данным, опубликованным на сайте Министерства труда РФ, целями демографической политики Российской Федерации на период 2015–2025 гг. являются стабилизация численности населения к 2025 году до 145 млн человек (при расчете не учитывалось население вновь присоединенных к РФ территорий) [5]. При этом, по данным ВЦИОМ, количество бесплодных браков в нашей стране колеблется в диапазоне 10–20 % от всего населения репродуктивного возраста [6], при этом с каждым годом эта цифра увеличивается, проблема приобретает статус общеизвестной и обсуждаемой в широких кругах. Причинами таких высоких показателей бесплодия ученые называют совокупность неблагоприятных факторов как природных, так и социальных: экологическая обстановка, повышение возраста вступления граждан в брак, генетические факторы. Вместе с тем, развитие общества, наряду с выявлением проблем, предлагает и новейшие способы их решения, а именно: различные репродуктивные технологии, которые позволяют бездетным семьям стать родителями независимо от диагноза и состояния здоровья будущих родителей. Одной из таких репродуктивных технологий является институт суррогатного материнства, использование которого приобретает на сегодняшний день особую значимость.

Natalia V. Kuznetsova
Senior Lecturer of the Departments
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penal Enforcement Services
kuznezova-1963@mail.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF SURROGACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. One of the priority directions for the development of state policy in the Russian Federation for this period of time is to improve the demographic situation. The article analyzes the main problems and conflicts of Russian legislation related to the institution of surrogacy, proposes amendments to family legislation in order to eliminate contradictions.

Keywords: surrogacy, genetic parents, donors, surrogacy agreement.

Официальное определение суррогатного материнства закреплено в ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19.12.2022 № 538-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно указанному закону, суррогатное материнство - метод вспомогательных репродуктивных технологий, в ходе которого женщина (суррогатная мать) соглашается выносить ребёнка, а после рождения передать его генетическим родителям в соответствии с заключенным между ними договором.

Проблемы института суррогатного материнства, поднимаемые в настоящей статье, существуют в современной России в течение длительного периода времени, однако, до сих пор не остаются решенными на законодательном уровне.

Первым вопросом является определение правовой природы самого договора о суррогатном материнстве. Содержание и форма данного договора в законодательстве должным образом не урегулированы. В юридическом научном мире распространена точка зрения, согласно которой, он ближе всего к договору возмездного оказания услуг. Действительно, если рассматривать данные отношения со стороны гражданского права, то к ним могут быть применены нормы статьи 421 ГК РФ и вся глава 39 ГК РФ (именно этими нормами чаще всего и пользуются медицинские организации для заключения договора с пациентами).

Тем не менее, суть соглашения о суррогатном материнстве заключается в переходе родительских личных неимущественных прав от женщины, родившей ребенка, к супругам (или одинокой женщине), являющимся сторонами по данному соглашению. Из этого следует, что нельзя отнести данное соглашение к категории гражданских договоров об оказании услуг, принимая во внимание лишь возможное наличие возмездного характера данного соглашения. В связи с этим нам видится необходимым урегулировать данный вопрос с договором не только нормами гражданского, но и семейного права, а именно – учитывать, что, с одной стороны, между генетическими родителями и суррогатной матерью возникают неимущественные отношения, которые связаны с имплантацией, вынашиванием и рождением ребенка, а также – с его передачей родителям. С другой стороны, между участниками договора возникают имущественные отношения, связанные с вопросами оплаты услуг суррогатной матери в результате надлежащего исполнения договора. Указанный пробел в законе можно устранить путем включения в Семейный кодекс РФ нормы, выделяющей соглашение (договор) о суррогатном материнстве в особую категорию договора, не относящегося к гражданско-правовому договору.

Второй проблемой следует назвать определение статуса генетических родителей вынашиваемого ребенка, то есть, доноров. Так, в пункте 4 статьи 51 Семейного кодекса РФ указано [1]: лица, состоящие в браке и давшие свое согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями родившегося ребенка, при этом суррогатной матерью ребенок может быть передан генетическим родителям и зарегистрирован ими только с согласия суррогатной матери. Данная норма вызывает множество спорных ситуаций, поскольку на практике нередки случаи, когда суррогатная мать отказывалась дать согласие на запись родителями ребенка (детей) доноров; судебная практика показывает, что суд при этом принимал сторону суррогатной матери [3]. Стоит отметить, что ответственность суррогатной матери в случае, если она отказывается отдавать ребенка родителям, законодательно не установлена и, фактически, может быть предусмотрена только договором между сторонами. В таком договоре нельзя закрепить обязанность суррогатной матери передать ребенка в любом случае, так как это противоречило бы положениям Семейного кодекса РФ. Если суррогатная мать все-таки откажется передать генетическим родителям рожденного ею ребенка и оставит его у себя, то именно она будет записана в качестве его матери. Для этого ей достаточно представить в органы загса медицинское свидетельство о рождении ребенка. При этом, если женщина замужем, то ее муж, согласно российскому законодательству, автоматически признается отцом ребенка. В этом случае генетические родители не смогут оспорить родительские права суррогатной матери и ее супруга, ссылаясь только на то, что она выносила и родила ребенка по договору с ними. Однако генетический отец вправе потребовать проведения анализа ДНК, и в случае, если такой тест подтвердит его отцовство, он имеет право на официальное указание его в качестве отца

ребенка. Генетическая мать ребенка таким правом воспользоваться не сможет, поскольку процедура установления материнства законодательством не предусмотрена.

О следующей проблеме – отсутствия законодательно закрепленной ответственности суррогатной матери в случае, если она отказывается отдавать ребенка родителям, было уже упомянуто выше. Действительно, вопрос о необходимости введения ответственности за неисполнение обязательств сторонами заключаемого договора является актуальным, даже, если рассматривать его вне рамок гражданско-правового характера договора суррогатного материнства. Одной из основных и самых ярких проблем при его заключении является возможность одностороннего отказа от исполнения договора. В случае отказа генетических родителей от родившегося ребенка – они также не понесут никакого наказания, кроме неустойки, если таковая прописана в договоре. Гарантия защиты прав обеих сторон заключаемого договора должна иметь приоритетное значение, поэтому видится необходимым внесение поправок в СК РФ, поскольку, на данный период времени, ни одна из сторон договора суррогатного материнства не защищена от недобросовестности второй. Кроме того, при отказе суррогатной матери передать ребенка, нарушается законное право ребенка знать своих биологических родителей (ст. 54 СК РФ).

Выделим еще одну проблему, выявленную в результате анализа семейного законодательства РФ – заключение договора о суррогатном материнстве с иностранными гражданами и гражданами без гражданства. Указанной проблеме в последнее время уделяется особой вниманием со стороны депутатов Государственной Думы РФ. Так, на момент написания статьи, был одобрен законопроект о запрете на территории России суррогатного материнства для иностранных граждан и лиц без гражданства [4]. Федеральным законом от 19 декабря 2022 года № 538-ФЗ были внесены изменения в отдельные законодательные акты РФ [2]. В обосновании принимаемого решения законодателями, в частности, указано на большое количество уголовных преступлений, связанных с нарушениями закона при суррогатном материнстве. Часть преступлений носят латентный характер и до сих пор не выявлены, поскольку дети, рожденные на территории Российской Федерации в результате применения суррогатного материнства, не приобретают гражданство Российской Федерации, если оба лица, являющиеся генетическими родителями ребенка и записанные родителями в свидетельстве о рождении ребенка, не являются гражданами Российской Федерации. Принятие данного закона будет способствовать, всесторонней защите прав и интересов ребенка, так как у нашего государства будет возможность принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления. Кроме того, внесение изменений в действующее законодательство, регулирующее вопросы суррогатного материнства в РФ, устраняет

существующие противоречия между нормами СК РФ и ФЗ «Об охране здоровья граждан РФ» в части закрепления возможности обращения к услугам суррогатной матери только лицам, состоящим в законном браке или одинокой женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям.

Несмотря на одобрение поправок со стороны законодателей, у указанных нововведений немало противников среди медицинских работников, представителей правозащитных групп и населения. Среди аргументов, которые приводят оппоненты: проблему можно было бы решить просто качественным формированием системы правового регулирования и государственного контроля,

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. URL : <https://rg.ru/documents/2007/10/22/semejny-kodeks-dok.html>
2. Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48663> (дата обращения 09.01.2023)
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Документ опубликован не был, СПС КонсультантПлюс.
4. Проект Федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.12.2022). URL : <https://sozd.duma.gov.ru>
5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: офиц. сайт. URL : <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения 27.12.2022).
6. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): офиц. сайт. URL : <https://vciom.ru> (дата обращения 27.12.2022).
7. All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM): ofic. website. URL : <https://vciom.ru> (date of the application 27.12.2022).

повышенных тарифных ставок для иностранцев и обязательного нахождения при рождении ребенка иностранных родителей, нахождения суррогатной матери и ребенка в специализированном медицинском учреждении до момента вывоза ребенка родителями за рубеж.

Анализ правовых актов в сфере суррогатного материнства позволяет сделать вывод о том, что, по состоянию на сегодняшний день, законодательство остается противоречивым и слабо урегулированным, в связи с чем, нуждается в совершенствовании юридической техники путем юридической ревизии, а также – во внесении ряда изменений в действующее законодательство РФ.

Literature:

1. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 № 223-FZ // Rossiyskaya Gazeta. URL : <https://rg.ru/documents/2007/10/22/semejny-kodeks-dok.html>
2. Federal Law № 538-FZ of December 19, 2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48663> (date of the application 09.01.2023).
3. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.09.2018 № 2318-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizens of S.D. and S.T. on violation of their constitutional rights by paragraph 4 of Article 51, paragraph 3 of Article 52 of the Family Code of the Russian Federation, paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law «On Acts of Civil Status», Part 9 of Article 55 of the Federal Law «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» // The document was not published, SPS ConsultantPlus.
4. Article 55 of the Federal Law «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» (edition made to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 12/08/2022). URL : <https://sozd.duma.gov.ru>
5. SPS Consultant Plus. Draft Federal Law № 41630-8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 08.12.2022). URL : <https://sozd.duma.gov.ru>
6. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation: ofic. website. URL : <https://mintrud.gov.ru> (date of the application 27.12.2022).
7. All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM): ofic. website. URL : <https://vciom.ru> (date of the application 27.12.2022).

Ласкавая Мария Анатольевна
аспирантка кафедры административного
и конституционного права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
89197118000@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА С ПОЗИЦИИ РАВЕНСТВА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье в качестве правовой категории рассматривается конституционный статус субъекта федерации и проводится сравнительный анализ статусных характеристик двух «семей» субъектов Российской Федерации, образованных по национальному и территориальному принципу формирования, а также - шести групп субъектов внутри данных «семей». Приводятся аргументы в пользу преодоления асимметрии субъектного состава с помощью приведения к общему знаменателю конституционно-правовых полномочий субъектов внутри соответствующей группы. Критически оцениваются попытки упростить федеративное устройство используя процесс объединения автономных округов с «материнскими» субъектами.

Ключевые слова: федерализм, асимметричные федерации, субъектный состав, территориальное устройство, конституционный статус субъекта.

Современные территориальные преобразования диктуют науке конституционного права потребность в актуализации осмысления процесса изменения субъектного состава Российской Федерации, его процедурного и юридического оформления, а также его теоретико-доктринального значения. Процесс объединения автономных округов с «материнскими» субъектами и образование, в связи с этим, новых «матрешечных» субъектов, принятие иностранных государств, а также части иностранного государства в состав Российской Федерации в качестве новых субъектов, неизбежно вызывает целый ряд вопросов в контексте положений ст. 5 Конституции Российской Федерации. В этой связи, весьма актуальным нам представляется исследование равностатусности субъектов, образующих собой Российскую Федерацию, существующей асимметрии российского федерализма, её конституционно-правовой природы и тенденциях развития.

В самом общем значении, асимметричные федерации можно определить как федеративные

Mariya A. Laskavaiya
Postgraduate Student
of the Department of Administrative
and Constitutional Law,
Perm State National Research University
89197118000@bk.ru

TO THE QUESTION OF THE RUSSIAN FEDERALISM LEGAL NATURE IN TERMS OF THE CONSTITUTIONAL EQUALITY OF THE RUSSIAN SUBJECTS

Annotation. The article considers the constitutional status of a subject of the federation as a legal category and conducts a comparative analysis of the status characteristics of two «families» of subjects of the Russian Federation, formed according to the national and territorial principle of formation, as well as six groups of subjects within these «families». Arguments are given in favor of overcoming the asymmetry of the subject composition by reducing to a common denominator the constitutional and legal powers of subjects within the corresponding group. Attempts to simplify the federal structure using the process of merging autonomous regions with «parent» subjects are critically evaluated.

Keywords: asymmetric federations, federalism, subject composition, subjects constitutional status.

государства, состоящие из субъектов с разным правовым статусом. При этом ряд учёных справедливо отмечают, что асимметричность — это определенное отступление от такого основополагающего принципа федеративного государственного устройства, как равенство всех субъектов федерации [1].

В то же время, абсолютная симметричность территориального устройства федерации предполагает не только формальное юридическое равенство субъектов, но и фактическое равенство — «одинаковость» их статусов. В юридической науке «статус» как правовая категория находит своё определение в понятиях «правовой», «конституционный» и «конституционно-правовой» статусы [6], при этом учеными-конституционалистами выявляется разное нормативное содержание каждого из этих понятий.

Например, при определении понятия «конституционный статус субъекта федерации» А.С. Морозова проводит параллель с таким понятием, как

«конституционный статус гражданина», фактически рассматривая конституционный статус субъекта федерации как совокупность его прав, обязанностей и ответственности закрепленных в федеральной Конституции.

При определении «конституционно-правового статуса субъекта федерации» можно проследить использование автором более широкого подхода: оно включает в себя «конституционный статус» как основу, а также, совокупность прав, обязанностей и ответственности, зафиксированных в учредительных документах (конституциях, уставах) самого субъекта федерации, в федеральных законах, в решениях Конституционного Суда РФ и Конституционных (Уставных) Судах субъектов.

«Правовой статус» раскрывается автором через «конституционный» и «конституционно-правовой» статусы, а также, через совокупность тех правомочий, обязанностей и ответственности субъекта Федерации, которые предусмотрены нормами договоров (соглашений) конституционно-правового характера, нормативными актами самого субъекта [5].

Предположим, что статус субъектов Российской Федерации является общим. Элементы их общего статуса определяются Конституцией Российской Федерации, а также – конституциями и уставами субъектов Федерации в соответствии с федеральной Конституцией. В основе, Конституция определяет общие параметры статуса субъектов. В этом смысле, один субъект Федерации «совершенно и во всем похож на все другие» субъекты Федерации [6].

Наряду с этим, Конституция устанавливает и определенные особенности в статусе субъектов Федерации. Так, особые черты статуса принадлежат отдельным категориальным группам субъектов Российской Федерации [2]. Подчеркнем, что первая особенность, отличающая одни субъекты от других, заключается в различиях принципов формирования субъектов: три группы субъектов образованы по национальному принципу (республики, автономные округа и автономная область), три другие группы субъектов образованы по территориальному принципу (края, области, города федерального значения).

Таким образом, текст федеральной Конституции предполагает наличие 6 видов (групп) субъектов, закрепленных в ч. 1 ст. 66: республики, области, края, города федерального значения, автономная область и автономные округа. Обособление видов (групп) субъектов Федерации подтверждается также и тем, что перечисление субъектов в алфавитном порядке в тексте Конституции осуществляется *внутри групп*, а не сплошным перечислением. Кроме того, положения Конституции, закрепляющие основы конституционного строя и территориального устройства Российской Федерации также не вносят определённости в части соотношения статусов субъектов разных групп.

Так, ч. 1 ст. 5 Конституции закрепляет равноправие всех субъектов Федерации (республик,

автономных округов, автономной области, городов федерального значения, областей и краёв), одновременно с этим, ч. 2 ст. 5 Конституции выделяет статус республики как государства внутри государства, что, само по себе, исключает равнозначность республики с иными субъектами Российской Федерации, которые таким статусом не наделены [1]. В контексте указанного положения, Г.В. Игнатенко отмечает, что «Конституция обозначила республику как государство, причем весьма деликатным образом «...республика (государство)...», тем не менее, не сопроводив словом в скобках перечень иных субъектов...», таким образом, получается, что «...то, что названо государством равноправно с тем, что таким термином не названо» [3].

В этой связи, целесообразным нам представляется проведение сравнительно-правового анализа субъектов Федерации внутри каждой группы субъектов и вне её, а также, межвидовое (межгрупповое) сравнение субъектов с целью выявления особенностей их статусных характеристик и соотношения их с положениями ст. 5 Конституции. Для начала обратимся к сравнению «семьи» субъектов, образованной по национальному принципу: республик, автономной области и автономных округов.

Республики, автономные округа и автономная область в составе Федерации.

Ввиду того, что республики являются единственным субъектом Федерации, наделенными федеральной Конституцией статусом государства (ч. 2 ст. 5), уместным будет упоминание Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П, в тексте которого, судом было разъяснено, что наделение республик статусом государства в составе Российской Федерации не предполагает наделения их «обособленным» суверенитетом и образования «двухуровневого суверенитета».

Так, в п. 2.1 Постановления указано, что суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е., не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации.

Тем не менее, республики обладают исключительным правом на введение государственного языка на своей территории. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (ч. 2 ст. 68 Конституции). Сравнивая республики с иными субъектами Федерации, аналогично образованными по национальному принципу (автономной областью и автономными округами), подчеркнем, что указанные субъекты, хотя и обладают этнической составляющей, правом вводить государственный язык или собственное гражданство эти субъекты не обладают.

Более того, республики являются единственными субъектами Федерации, имеющими столицы, в то время как во всех остальных субъектах предусмотрены административные центры.

Вместе с тем, одним из наиболее противоречивых вопросов, связанных с исключительным статусом республик в составе Российской Федерации является вопрос гражданства. Подчеркнём, что в отдельных республиках до сих пор сохраняются нормы о республиканском гражданстве, противоречащие Конституции и Федеральному закону от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Так, ч. 1 ст. 21 Конституции Республики Татарстан закрепляет положение о том, что Республика Татарстан имеет своё гражданство; ч. 14 ст. 94 о том, что Президент Республики Татарстан решает в соответствии с законом вопросы гражданства Республики Татарстан.

Конституционный Суд Республики, давая толкование ст. 21 Конституции Республики Татарстан в ч. 3 Постановления от 30.05.2003 г. № 9-П разъяснил, что положение о гражданстве означает устойчивую связь постоянно проживающего на территории Республики Татарстан гражданина Российской Федерации и являющегося в этой связи гражданином Республики Татарстан, и Республики Татарстан, что является конституционным закреплением одного из элементов правового статуса Республики Татарстан как республики (государства).

Одним из основных аргументов сторонников сохранения республиканского гражданства является то, что республики, в отличие от других субъектов Федерации, являются государствами, а каждое государство должно иметь свое гражданство. Однако данное утверждение нуждается в важном уточнении: наличие гражданства является обязательным атрибутом *суверенного* государства, которое правомочно законодательно определять, кто является его гражданами, в то время как республики в составе Российской Федерации обособленным суверенитетом не обладают, а потому п. «В» ст. 71 федеральной Конституции относит к исключительному ведению Федерации «гражданство в Российской Федерации», а не только «вопросы гражданства Российской Федерации» [4].

Особый интерес с точки зрения процедурного оформления представляет собой положение о гражданстве ЛНР и ДНР, закрепляющее в тексте ст. 5 № 5-ФКЗ от 04 октября 2022 г. и ст. 5 № 6-ФКЗ от 4 октября 2022 г. факт приобретения гражданства Российской Федерации всеми гражданами ЛНР и ДНР, гражданами Украины и лицами без гражданства. Данный вопрос требует рассмотрения в рамках отдельного научного исследования.

Что касается двух других групп субъектов, образованных по национальному принципу, отметим, что автономные округа, в свою очередь, в силу положений ч. 4 ст. 66 Конституции, обладают эксклюзивным правом на заключение договора с областью (краем), в состав которого они входят и, как следствие, предполагает особый порядок

взаимодействия между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области. Данное обстоятельство также находит отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, в частности, в Постановлении от 14.07.1997 № 12-П отмечается, что вхождение автономного округа в состав края, области определяет *особенности статуса*, как автономного округа, так и края, области, в состав которого он входит.

Кроме того, учитывая тот факт, что все известные в российской практике случаи объединения субъектов были связаны с объединением автономных округов с материнскими областями (краями), нельзя не упомянуть, что единственным автономным округом, не входящим на сегодняшний день в состав области или края, является Чукотский автономный округ, который в 1992 г. вышел из состава Магаданской области и, в связи с принятием Закона РФ от 17.06.1992 № 3056-1, органы государственной власти Чукотского автономного округа стали обособленными от органов «материнской» Магаданской области, что предопределяет «особость» его статуса по отношению к остальным автономным округам, которые входят в состав Федерации опосредованно.

Говоря о третьей группе субъектов «семьи», образованной по национальному принципу, нужно отметить, что в эту группу входит только один субъект Федерации – Еврейская автономная область, что уже подчеркивает её уникальность. Еврейская автономная область является единственной в своей группе субъектов, а также единственной в мире, помимо Государства Израиля, еврейским административно-территориальным образованием с официальным юридическим статусом. Примечательно, что как и в отношении автономных округов, ч. 4 ст. 2 Устава Еврейской автономной области закрепляет положение о том, что по представлению Законодательного Собрания области и губернатора области, может быть принят федеральный закон об области. Так, Конституция РФ предполагает исключительное право на принятие федерального закона о двух группах субъектов Федерации – автономных округах и автономной области (ч. 4 ст. 66).

Края, области, города федерального значения.

Вторую «семью» субъектов образуют группы субъектов Федерации, образованных по территориальному принципу: края, области, города федерального значения.

Прежде всего, необходимо отметить, что Пермский, Красноярский, Камчатский, Забайкальский края и Иркутская область являются вновь образованными субъектами Федерации, которые формально образованы не на основании Конституции, а на основании *именных федерально-конституционных законов* об образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Федерации в результате объединения бывших автономных округов с краем или областью, соответственно.

Очевидно, что ввиду объединения краев и области с бывшими автономными округами и, как следствие, образования в их составе административно-территориальных единиц с особым статусом (АТЕОС), они имеют ряд особенностей с точки зрения организации своей территории, которые отличают указанные пять субъектов от иных субъектов внутри данной группы, однако наиболее резонансными представляются отличия, которые имеют данные вновь образованные субъекты *внутри своей подгруппы*.

Формально, во всех федеральных конституционных законах об образовании укрупненных субъектов, а также, в их уставах фигурирует одна и та же формулировка о том, что на территории субъекта создается «административно-территориальная единица с особым статусом». Однако анализ положений их уставов позволяет сделать вывод о том, к каждому из пяти вновь образованных субъектов применимы три различных подхода к пониманию «особого статуса».

Так, в случае Красноярского края, Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский автономные округа были включены в его состав в качестве муниципальных районов. В Камчатском, Иркутском и Пермском «сценарии» бывшие автономные округа представляют собой, так называемую, «надмуниципальную структуру», находящуюся в прямом подчинении администрации вновь образованного субъекта. В Забайкальском крае бывший автономный округ фактически сохранил все права и полномочия, утрачен лишь формальный статус субъекта Федерации. Вместе с тем, только в федеральном конституционном законе об образовании Пермского края предусмотрено образование в АТЕОСе сессий арбитражного суда, чего не сделано в случае с другими объединёнными субъектами.

Очевидно, уникальным правовым статусом обладают, принятые и образованные в составе Российской Федерации, Херсонская и Запорожская области, являвшиеся частью иностранного государства. Уникальность их конституционно-правового положения продиктована особым порядком функционирования органов публичной власти, наличием переходного периода, положениями о гражданстве и финансировании за счёт средств федерального бюджета, закреплённых в федеральных конституционных законах.

Что касается третьей группы субъектов данной «семьи» – городов федерального значения, необходимо отметить специфику их административно-территориального статуса. Прежде всего, нам представляется важным отметить, что город федерального значения Санкт-Петербург одновременно является самостоятельным субъектом Федерации и административным центром другого субъекта Федерации – Ленинградской области, при этом в состав данной области город федерального значения Санкт-Петербург не входит (для сравнения: в субъектах, в которых предусмотрены административные центры (края, области, автономные округа и автономная область), последние входят в состав указанных субъектов).

Московская область, также, являясь самостоятельным субъектом Федерации, де-юре, не имеет административного центра (административный центр области не определен ни Уставом Московской области, ни Законом Московской области от 31.01.2013 г. № 11/2013-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Московской области»). При этом, де-факто, город федерального значения Москва (аналогично городу федерального значения Санкт-Петербург) является самостоятельным субъектом Федерации, а также административным центром другого субъекта – Московской области (при этом, предсказуемо, не входит в её состав). Данный вывод можно сделать на основании ст. 24 Устава Московской области, которая закрепляет положение о том, что органы государственной власти Московской области расположены на территории города федерального значения Москва «в соответствии с историческими традициями». Между тем, третий город федерального значения – Севастополь, являясь самостоятельным субъектом Федерации, не является административным центром какого-либо субъекта, в отличие от двух других субъектов данной группы.

Кроме того, очевидное отличие внутри данной группы субъектов представляет собой правовой статус города федерального значения Севастополь. В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, город федерального значения Севастополь был образован в составе Российской Федерации путем принятия в состав Федерации другого субъекта – Республики Крым. Процедура принятия нового субъекта (Республики Крым) была совмещена с процедурой образования в составе Российской Федерации двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Фактически Севастополь не был принят в состав Федерации, а был образован в ее составе в результате принятия другого субъекта.

Более того, само по себе, наделение Севастополя статусом города федерального значения не предусмотрено ст. 4 № 6-ФКЗ от 17.12.2001 г., определяющей условия принятия нового субъекта Федерации. Исходя из норм законодательства, при принятии в состав России части иностранного государства этой территории, в соответствии с международным договором, предоставляется статус республики, края, области, автономной области или автономного округа, но не города федерального значения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что наличие 6 видов (групп) субъектов Федерации является исторически продиктованным, отвечает запросам современного федеративного устройства в части возможности учесть территориальную, климатическую, культурную, конфессиональную и экономическую специфику определенных субъектов. В этой связи, радикальные преобразования субъектного состава путем объединения регионов с целью преодоления разнохарактерности субъектов не представляются целесообразными. Такой вывод можно сделать, основываясь на

имеющемся опыте объединения регионов, целью которого было создание равномерного территориального пространства, благоприятного для централизованного управления.

В результате, напротив, вместо «однородного» федеративного устройства, к которому стремились приверженцы объединения, были образованы новые сложносоставные субъекты, имеющие в своём составе некое административно-территориальное образование на уровне между муниципальным и региональным, не упомянутое в Конституции страны, сделавшие территориальное устройство Федерации еще более неравномерным.

Основная проблема заключается в том, что, отличаясь между собой внутри «семьи», образованной по национальному или территориальному

Литература:

1. Аксёнова М.В. Двойственный характер правового статуса субъекта как одна из проблем Российского федерализма / М.В. Аксёнова // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2(80). С. 37.
2. Евдокимов И.В. Проблемы правового регулирования статуса субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 1999. 223 с.
3. Игнатенко Г.В. Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации / Г.В. Игнатенко // Рос. юрид. журн. 1995. № 1. С. 17.
4. Мальный А.Ф. К вопросу об асимметричности территориального устройства России / А.Ф. Мальный, О.Л. Чеглакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 1(45). С. 32.
5. Морозова А.С. Проблема «равностатусности» в конституционно-правовой характеристике субъектов Российской Федерации / А.С. Морозова // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 3. С. 195.
6. Romashov P.A. Constitutional and legal nature administrative territorial units with special status within newly formed subjects of the Russian Federation / P.A. Romashov // Gaps in Russian Legislation. 2011. № 1. P. 14.

принципу формирования, субъекты также имеют индивидуальные внутригрупповые (внутривидовые) особенности, что предопределяет их асимметричность. Реальная гармонизация отношений «субъект – федеральный Центр» и федеративного устройства России в целом видится автору в преодолении разностатусности субъектов *внутри группы*.

Как нам представляется, отличаясь между группами, субъекты *внутри группы* должны обладать идентичным конституционно-правовым статусом и объемом полномочий, что позволило бы однозначно характеризовать и относить субъект к той или иной группе субъектов, что предопределяло бы их однородность и идентичность – пусть не по отношению ко всем субъектам, но к субъектам своей группы.

Literature:

1. Aksenova M.V. The dual nature of the legal status of a subject as one of the problems of Russian federalism / M.V. Aksenova // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007. № 2(80). P. 37.
2. Evdokimov I.V. Problems of legal regulation of the status of subjects of the Russian Federation : dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.02. Yekaterinburg, 1999. 223 p.
3. Ignatenko G.V. The international legal status of the subjects of the Russian Federation / G.V. Ignatenko // Russian Jurid. journal. 1995. № 1. P. 17.
4. Maly A.F. On the question of the asymmetry of the territorial structure of Russia / A.F. Maly, O.L. Cheglakova // Izvestia of higher educational institutions. Volga Region. 2018. № 1(45). P. 32.
5. Morozova A.S. The problem of «equal status» in the constitutional and legal characteristics of the subjects of the Russian Federation / A.S. Morozova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 3. P. 195.
6. Romashov P.A. Constitutional and legal nature administrative territorial units with special status within newly formed subjects of the Russian Federation / P.A. Romashov // Gaps in Russian Legislation. 2011. № 1. P. 14.

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка
уголовно-процессуальной кафедры
заочной формы обучения
факультета подготовки
кадров высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

Tatyana V. Leonova
Graduate Student
Department of Criminal Procedure
Distance Learning
Faculty of Training
Highly Qualified Personnel,
Russian State Justice University
tatayana768_768@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ (ПОТЕРПЕВШЕГО) СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

ON THE ISSUE OF VERIFYING THE TESTIMONY OF A WITNESS (VICTIM) BY THE COURT OF FIRST INSTANCE

Аннотация. В настоящей работе поводится исследование норм уголовно-процессуального законодательства, точки зрения различных ученых-правоведов, а также, позиция высшего судебного органа, касающиеся проверки доказательств в уголовном судопроизводстве. В ходе исследования, автором был выявлен пробел правового регулирования, касающийся порядка осуществления вызова на допрос в суд первой инстанции свидетелей (потерпевших), а также, порядка оглашения их показаний, что, в конечном итоге, может повлиять объективность процесса доказывания. На основании проведенной работы, автором предложены меры, направленные на совершенствование УПК РФ.

Annotation. In this paper, a study of the norms of criminal procedural legislation, the points of view of various legal scholars, as well as the position of the highest judicial body regarding the verification of evidence in criminal proceedings is conducted. In the course of the study, the author identified a gap in legal regulation regarding the procedure for summoning witnesses (victims) for interrogation to the court of first instance, as well as the procedure for announcing their testimony, which, ultimately, may affect the objectivity of the proving process. Based on the work carried out, the author proposed measures aimed at improving the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: проверка доказательств, показания свидетеля, оглашение показаний, принудительный привод.

Keywords: verification of evidence, testimony of a witness, reading out testimony, forced bringing.

В современном уголовном процессе роль института доказывания, который включает в себя этап проверки доказательств, трудно переоценить, так как именно от него в наибольшей степени зависит содержание любых процессуальных решений при производстве по уголовным делам, в том числе и в ходе производства в судах первой инстанции.

нарушению прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Тем самым обеспечивается выполнение стоящих перед уголовным судопроизводством задач в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Текущее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет норму, что все, принимаемые судом решения, должны быть мотивированными, в связи с чем, процедура исследования доказательств по уголовному делу необходима для вынесения законного и обоснованного решения.

В науке уголовного процесса касательно определения «проверка доказательств» имеется достаточно большое количество мнений, однако, они имеют примерно одинаковое значение – анализ, уяснение содержания доказательства и получение иных доказательств для проверки его доброкачественности. На любом этапе проведения расследования уголовного дела к задачам проверки доказательств традиционно относят установление необходимых признаков (свойств) каждого отдельно взятого доказательства, а именно, его достоверность, допустимость, относимость [1].

Актуальность проведения данного исследования не вызывает сомнений, в силу того, что только, благодаря процессу проверки доказательств, осуществляется восстановление и познание события совершения преступления и происходит закрепление доказательственной базы. Более того, полноценная и качественная проверка доказательств выступает в роли защиты для субъектов доказывания от неправомерных процессуальных решений и действий, тем самым, препятствуя

На стадии производства, в суде первой инстанции осуществляется новое исследование всех, имеющих значение сведений и их источников, для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Непосредственное исследование доказательств в ходе судебного производства

можно расценивать как специфическое проявление одновременно и собирания, и проверки, и оценки доказательств.

Основываясь на сказанном, можно заключить, что непосредственное исследование доказательств нельзя уравнивать ни с одним из элементов процесса доказывания, так как он включает в себя все указанные структурные элементы.

Кроме того, в научной литературе существует мнение, согласно которому, суду отводится, так сказать, «пассивная» позиция, в соответствии с которой, судебный орган проводит работу только с уже имеющимися в рамках дела доказательствами, без уклона на личную активную деятельность, направленную на сбор дополнительной доказательственной базы. Сторонники данной точки зрения считают, что собирание доказательств относится к прерогативе сторон судопроизводства, а суд может лишь анализировать действия сторон и руководить процессом [2]. На наш взгляд, достаточно трудно согласиться с данным подходом, так как в УПК РФ предусмотрена 37 глава, которая называется «Судебное следствие». В соответствии с данной главой, суду предоставлены достаточно большие полномочия по сбору и исследованию доказательств, в числе которых:

- назначение и проведение судебных экспертиз;

- допрос экспертов по ранее данным заключением, а также проведение допросов свидетелей, в том числе и тех, которые ранее не были допрошены в ходе предварительного расследования.

В настоящее время в правоприменительной практике имеется проблема, когда в отдельных судебных решениях при рассмотрении дел судами первой инстанции указывается на то, что некоторые доказательства остаются без подтверждения (проверки), что, в итоге, могло оказать решающее влияние на определение виновности или невиновности подсудимого. Это связано с тем, что суд в подобных ситуациях ссылаясь на доказательства, которые не исследовались или исследовались не в полной мере в судебном заседании [3].

Подобные случаи возникают, когда потерпевший, испытывая сильное душевное волнение, вызванное незаконными действиями виновного лица, сознательно или бессознательно преувеличивает его вину, однако, суд в таких ситуациях не осуществляет тщательную проверку показаний потерпевшего и зачастую не учитывает подобный фактор. Схожая ситуация может возникнуть и с показаниями лиц, участвующих в процессе в качестве свидетелей, причем не имеет значения, являются ли они свидетелями со стороны обвинения или же со стороны защиты.

Для достижения главных целей и задач уголовного судопроизводства, на наш взгляд, представляется необходимым, чтобы в суде каждый свидетель или потерпевший давал свои показания по материалам дела, на основе которых позже может быть вынесен обвинительный приговор. Такое предложение базируется на том, что

допрос потерпевшего или свидетеля в суде предоставляет возможность провести проверку достоверности ранее зафиксированных показаний, а также, выяснить, имело ли место подкуп или оказание давления на участника процесса, вплоть до того, что может оказаться ситуация, когда данного свидетеля или потерпевшего фальсифицировали участники сторон. Выяснение таких обстоятельств необходимо в силу того, что, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, признаются недопустимыми, а недопустимые доказательства не могут использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, так как они не имеют юридической силы [4].

Ранее, при рассмотрении дел в судах в случае неявки свидетеля обвинитель ходатайствовал об оглашении его предыдущих показаний, в качестве обоснований приводился п. 4 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, который указывал на то, что при наличии чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке свидетеля или потерпевшего в суд, могло быть принято решение об оглашении показаний. Такой подход в правоприменительной деятельности сложился в силу весьма размытого понимания выражения «чрезвычайные обстоятельства».

В марте 2016 года были внесены изменения в УПК РФ, в том числе, был добавлен п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, который закрепил возможность оглашения ранее данных показаний свидетеля в том случае, когда, в результате принятых мер, установить место нахождения свидетеля (или потерпевшего) для вызова в судебное заседание не представилось возможным [5].

Таким образом, на основании внесенных изменений произошла некоторая конкретизация порядка оглашения показаний, однако, следом все равно возникает вопрос в части определения необходимых мер, которые должны быть приняты. К сожалению, в настоящее время этот вопрос не урегулирован ни на уровне законодательства, ни на уровне разъяснений высших судебных органов. Так, в соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», указано только то, что при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля оглашение показаний, ранее данных ими на стадии предварительного расследования, допускается только с согласия сторон в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 281 УПК РФ, а в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 281 УПК РФ, оглашение показаний потерпевшего или свидетеля может проводиться без учета согласия сторон [6].

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать следующий вывод.

В целях реализации основных целей и задач уголовного судопроизводства, а именно, защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, а также, в целях соблюдения всех требований к проверке имеющихся в деле доказательств, на наш взгляд, необходимо

внести следующие изменения в ст. 281 УПК РФ, где предусмотреть отдельное положение, согласно которому, в случаях, предусмотренных п. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием,

Литература:

1. *Костенко Р.В.* О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве / Р.В. Костенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 51–57.
2. *Быкадорова Е.В.* Некоторые аспекты проверки, оценки и исследования доказательств в суде первой инстанции / Е.В. Быкадорова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 35. № 3. С. 150–154.
3. *Брянская Е.В.* К вопросу о понятии доказательств и их допустимости при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции / Е.В. Брянская // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3(74). С. 110–114.
4. *Попов А.М.* Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции / А.М. Попов, С.В. Медведева // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 197–202.
5. *Ефимовых И.Н.* Предмет и пределы исследования доказательств при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции / И.Н. Ефимовых // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3(20). С. 186–195.
6. *Дручинина Л.О.* Собираение, проверка, оценка и использование доказательств в уголовном судопроизводстве / Л.О. Дручинина, Н.К. Коровин // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 10-1. С. 152–154.
7. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

принимается судом в случае предоставления возможности оспорить эти доказательства обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу, а также, в случае невозможности осуществления привода свидетеля или потерпевшего.

Literature:

1. *Kostenko R.V.* On the verification of evidence in criminal proceedings / R.V. Kostenko // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2020. № 2. P. 51–57.
2. *Bykadorova E.V.* Some aspects of verification, assessment and research of evidence in the court of first instance / E.V. Bykadorova // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2020. Vol. 35. № 3. P. 150–154.
3. *Bryanskaya E.V.* To the question of the concept of evidence and their admissibility when considering criminal cases in the court of first instance / E.V. Bryanskaya // Siberian Legal Bulletin. 2016. № 3(74). P. 110–114.
4. *Popov A.M.* Peculiarities of proof in criminal cases in the court of first instance / A.M. Popov, S.V. Medvedeva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 197–202.
5. *Efimovykh I.N.* The subject and limits of the study of evidence in criminal proceedings in the court of first instance / I.N. Efimovykh // Russian Journal of Legal Research. 2019. Vol. 6. № 3(20). P. 186–195.
6. *Druchinina L.O.* Collection, verification, evaluation and use of evidence in criminal proceedings / L.O. Druchinina, N.K. Korovin // New Science: Strategies and Vectors of Development. 2016. № 10-1. P. 152–154.
7. On the application by the courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.03.2004 № 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. № 5.

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка уголовно-процессуальной
кафедры заочной формы обучения
факультета подготовки кадров
высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

Tatyana V. Leonova
Postgraduate Student
of criminal procedure of the Departments
of Distance Learning
Faculty of Personnel Training
Highest Qualification,
Russian State Justice University
tatayana768_768@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

CERTAIN ISSUES OF THE STUDY OF EVIDENCE BY THE COURT OF FIRST INSTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены некоторые нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие процедуру исследования доказательств судом первой инстанции при производстве по уголовному делу. В статье проводится анализ мнения различных ученых-правоведов, а также, позиция Верховного Суда РФ в области проверки и исследования доказательств. В заключение публикации формулируется вывод о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство для целей соблюдения принципа равенства и состязательности сторон в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции.

Annotation. In this paper, some norms of the criminal procedural legislation regulating the procedure for examining evidence by the court of first instance in criminal proceedings are considered. An analysis is made of the opinions of various legal scholars, as well as the position of the Supreme Court of the Russian Federation in the field of verification and research of evidence. In conclusion, a conclusion is drawn up on the need to amend the criminal procedural legislation in order to comply with the principle of equality and competitiveness of the parties when considering a criminal case by a court of first instance.

Ключевые слова: доказывание, проверка доказательств, исследования доказательств судом первой инстанции, показания эксперта.

Keywords: proof, verification of evidence, examination of evidence court of first instance, expert testimony.

Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, доказывание представляет собой сбор, проверку и оценку доказательств для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Однако проверка доказательств регламентируется самостоятельной нормой – ст. 87 УПК РФ, что указывает на то, что она относится к самостоятельному элементу процесса доказывания. Несмотря на это, современное законодательство не сформировало легального определения «проверка доказательств», а также не содержит каких-либо указаний на цели и задачи проверки доказательств, что, в свою очередь, вызывает некоторые трудности в ее понимании [1].

2) подвергнуть испытанию для выяснения чего-нибудь (доброкачественности, пригодности, знаний, опыта и т.п.);

3) провести обследование с целью контроля или надзора [2].

В юридической науке большинство исследователей придерживается позиции, согласно которой, под «проверкой доказательств» понимается анализ, уяснение содержания доказательства и получение других доказательств в целях проверки его доброкачественности [3].

Так, в современном русском языке под словом «проверка», чаще всего, подразумевается следующее:

Сам термин «проверка доказательств» находится в тесной взаимосвязи с понятием «исследование доказательств». Данная взаимосвязь обусловлена тем, что процедура доказывания невозможна без такого структурного элемента доказывания, как исследование доказательств, который является основой для рассмотрения материалов уголовного дела в суде. Все это базируется на том, что основой современного уголовного процесса является соблюдение прав и свобод

1) удостовериться в правильности или ошибочности чего-нибудь;

граждан, как выступающих в роли потерпевших, так и подвергающихся уголовному преследованию. Соблюдение данного принципа уголовного судопроизводства достигается, в том числе, и посредством института исследования доказательств.

Таким образом, сама процедура исследования доказательств предоставляется достаточное количество различных вариантов для совершенствования состязательности и активного участия сторон при исследовании доказательств. В настоящее время такая возможность нередко пропускается сторонами на стадии предварительного расследования, в результате чего, его актуальность возрастает на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции, так как, на данном этапе, суд выступает в роли главного субъекта собирания, исследования и оценки доказательств, на основе изучения которых будет принято решение по делу.

Действия суда в области исследования доказательств (например, допрос, оглашение показаний, осмотр вещественных доказательств и т.д.) нацелены на получение, изучение доказательств, установление их источников, а также, на получение иных сведений, подтверждающих либо опровергающих проверяемое доказательство.

Исследование доказательств непосредственно в процессе судебного производства можно рассматривать в качестве единовременного собирания, проверки и оценки доказательств. Основываясь на данном положении, можно сказать, что непосредственное исследование доказательств не стоит уравнивать ни с одним из элементов процесса доказывания по уголовным делам. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве в отдельных моментах применительно к судебному производству напрямую применяется понятие «проверка доказательств». Например, можно указать положения ст. 389.13 УПК РФ, регулиющей порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, которая непосредственно закрепляет проведение проверки доказательств.

Данный аспект более подробно раскрывается в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26, где содержится указание на то, что под предусмотренной нормой ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ проверкой доказательств судом апелляционной инстанции необходимо понимать исследование доказательств в общем порядке, которые уже оценивались судом первой инстанции, а также, исследование доказательств, которые не были ранее исследованы судом, включая исследование по тем же правилам новых доказательств, представленных сторонами [4].

Основываясь на данном разъяснении, можно сделать вывод о том, что проверка доказательств в ходе судебного производства представляет собой их непосредственное исследование.

Нельзя не согласиться с позицией С.А. Яковлевой, которая указывает на то, что только создание условий для всестороннего и непосредственного исследования всех имеющихся доказательств при рассмотрении уголовного дела будет способствовать воплощению принципа состязательности сторон и позволить избежать необоснованного отказа в уголовном преследовании лица, совершившего преступление или его незаконного осуждения [5].

Поддерживая позицию С.А. Яковлевой, нельзя обойти стороной имеющиеся пробелы в рамках исследования доказательств при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. В частности, ч. 1 ст. 240 УПК РФ содержит указания на тот факт, что непосредственному исследованию подлежат все доказательства по уголовному делу, за исключением рассмотрения дела в особом порядке. Однако в данное положение не включены такие виды доказательств, как показания эксперта, а также, заключение и показания специалиста, что, по нашему мнению, стоит отнести к существенным упущениям со стороны законодателя. Схожая проблема прослеживается и в положениях ч. 1 ст. 285 УПК РФ, в которых содержится указание на то, что протоколы следственных действий, заключение эксперта, предоставленное на стадии предварительного расследования, а также документы, приобщенные к уголовному делу или представленные непосредственно в судебном заседании, на основании определения или постановления суда могут быть оглашены полностью или в части, если в них содержатся или удостоверены обстоятельства, представляющие интерес для уголовного дела. На наш взгляд, данное положение не в полной мере соответствует критериям судебного разбирательства, так как показания эксперта представляют собой сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения в целях разъяснения или уточнения данного заключения, не указаны как отдельный вид доказательств, хоть они и содержатся в перечне доказательств наравне с заключением эксперта, в результате чего, нам представляется, в определенной степени, неудачной фраза «суд заслушивает заключение эксперта», в связи с тем, что она не принимает во внимание требования ст. 282 и ст. 285 УПК РФ, в которых речь идет об оглашении заключения эксперта, предшествующего допросу эксперта в суде.

Таким образом, поводя итоги проведенному исследованию, мы приходим к выводу о том, что для соблюдения принципа равенства и состязательности сторон в рамках исследования доказательств при рассмотрении уголовного дела, судом первой инстанции необходимо внести изменения в ст. 240 и 285 УПК РФ, где указать на обязательность исследования не только заключений эксперта или специалиста, но также и их показаний.

Литература:

1. *Ефимовых И.Н.* Предмет и пределы исследования доказательств при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции / И.Н. Ефимовых // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3(20). С. 186–195.
2. *Петров А.В.* Проблемные вопросы использования отдельных доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции / А.В. Петров, А.В. Кудрявцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 3. С. 32–39.
3. *Гайфуллина К.В.* Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции / К.В. Гайфуллина // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 12 (51). С. 750–753.
4. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2011 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.
5. *Яковлева С.А.* Вопросы доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве / С.А. Яковлева // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы конференции. М. : Проспект, 2016. С. 574–578.

Literature:

1. *Efimovykh I.N.* The subject and limits of the study of evidence in criminal proceedings in the court of first instance / I.N. Efimovykh // Russian Journal of Legal Research. 2019. Vol. 6. № 3(20). P. 186–195.
2. *Petrov A.V.* Problematic issues of using individual evidence when considering criminal cases in the court of first instance / A.V. Petrov, A.V. Kudryavtseva // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22. № 3. P. 32–39.
3. *Gaifullina K.V.* Peculiarities of proof in criminal cases in the court of first instance / K.V. Gaifullina // Alley of Science. 2020. Vol. 1. № 12(51). P. 750–753.
4. On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2011 № 26 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 1.
5. *Yakovleva S.A.* Issues of proof in pre-trial criminal proceedings / S.A. Yakovleva // Modern problems of proof and decision-making in the criminal process. Social technologies and legal institutions: materials of the conference. M. : Prospekt, 2016. P. 574–578.

Матвеева Тамара Павловна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
matveeva@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kuznezova-1963@mail.ru

**К ВОПРОСУ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА
С СУПРУГОМ-ИНОСТРАНЦЕМ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В данной статье анализируются различные способы расторжения брака между гражданами разных государств на примере Российского государства. Союз, который расторгается через органы ЗАГСа или консульское посольство считается прекращенным в день фиксации данного факта в книге регистрации актов гражданского состояния. Если между государствами, гражданами которых являются супруги, существует международный договор, то, в случае развода пары через суд, брак считается расторгнутым с момента вступления в законную силу решения суда. Решение суда по бракоразводному процессу для государств имеет равную юридическую силу.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, супруги, супруг-иностранец, расторжение брака.

Семейное право в современном мире, как и различные правовые отрасли, претерпевает процесс глобализации. В связи с доступностью перемещений людей по всему миру, растет и количество браков, в которые вступают граждане различных государств. Для решения сложных вопросов международных браков все больше стран стремятся унифицировать семейно-правовые нормы.

Брачные отношения регулируются не только международным частным правом, но и нормами гражданского и административного права. Международно-правовые нормы регулируют брачные и семейные отношения, имеющие гражданско-правовую основу и включающие в себя следующие критерии: наличие (отсутствие) имущественного

Tamara P. Matveeva

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
matveeva@mail.ru

Natalia A. Kuznetsova

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

**ON THE ISSUE OF THE DISSOLUTION
OF MARRIAGE WITH A FOREIGN SPOUSE
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. This article analyzes various ways of divorce between citizens of different states on the example of the Russian state. A union that is terminated through the registry Office or the consular embassy is considered terminated on the day this fact is recorded in the civil registry book. If there is an international agreement between the States of which the spouses are citizens, then in the case of a couple's divorce through the court, the marriage is considered terminated from the moment the court decision enters into force. The court's decision on the divorce process has equal legal force for the States.

Keywords: marital relations, spouses, foreign spouse, divorce.

характера семейных правоотношений, присутствие принципа равенства сторон, диспозитивность.

К семейно-брачным отношениям в рамках международного частного права относят вопросы заключения или расторжения брака, вопросы усыновления или удочерения, вопросы распределения имущества между супругами и другие вопросы, когда данные отношения осложнены иностранным элементом и имеют международный характер.

Иностранный элемент может выражаться по-разному. Примерами может служить:

- наличие у одного из супругов иностранного гражданства;

- отсутствие (хотя бы у одного из супругов) гражданства;
- проживание супругов за пределами страны;
- нахождение объекта семейных правоотношений за пределами страны;
- юридический факт, локализация которого находилась за пределами страны[2].

Вопросы расторжения брака между гражданами разных государств – одна из актуальных проблем современного института семьи. Рассмотрим данный вопрос на примере законодательства России и международного частного права.

Процедура развода достаточно подробно описана в законе и требует очень четкого выполнения формальностей. Существует несколько способов расторжения брака:

- расторжение брака в органах ЗАГС; расторжение брака за границей через российское консульство;
- расторжение брака в судебном порядке [5].

О каждом из методов поговорим более подробно.

Развестись в органах ЗАГС можно на основании заявления, совместно подписанного обоими супругами. Если супруги не имеют общих несовершеннолетних детей, то заявление со всеми необходимыми документами подаются в ЗАГС по месту проживания одного из супругов или по месту регистрации брака.

Кроме заявления, ими должны быть предоставлены другие документы, такие как документ удостоверяющий личность (для иностранного супруга нужен нотариально заверенный перевод паспорта), свидетельство о регистрации брака, квитанция об оплате государственной пошлины (каждым из супругов) [3].

На сегодняшний момент, данная процедура немного упрощена и заявление о расторжении брака может быть подано через многофункциональный центр предоставления государственных услуг.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос развода иностранного гражданина(ки) и гражданина(ки) Российской Федерации, если один из супругов проживает вне пределов России и не может самолично посетить страну и подать заявление. В данном случае, российское законодательство позволяет подать два заявления о расторжении брака лично каждым из супругов. По действующему российскому законодательству, для этого необходимо нотариальное заверение подписи супруга, который не может подать заявление лично, к тому же, нотариальное заверение может быть оформлено только нотариусом, имеющим российское гражданство. Это правило вытекает из того, что российские органы ЗАГС принимают заявления исключительно на русском языке. Из данной ситуации может быть несколько выходов:

– Во-первых, иностранному супругу можно заверить составленное на русском языке заявление в консульском отделе (консульстве) российского посольства;

– Во-вторых, заверенное местным нотариусом заявление на родном языке супруга-иностранца можно направить в Россию для последующего перевода на русский язык, а также дальнейшего заверения у российского нотариуса и такой вариант можно передать в ЗАГС;

– В-третьих, можно развестись через российское консульство. Однако в данном случае заявление о расторжении брака супруги должны совместно подавать уже в консульство. Поэтому вновь возникает вопрос пересечения границы, но уже для второго супруга. К тому же иностранный супруг обязан уплатить консульский сбор, от которого освобождены российские граждане.

Альтернативным вариантом можно считать бракоразводный процесс через орган ЗАГС по заявлению только одного из супругов. Данный вариант будет считаться возможным, только если второй супруг будет признан судом без вести отсутствующим, недееспособным или, если он по приговору суда осужден к лишению свободы на срок свыше 3 лет.

Стоит добавить, что после расторжения брака через органы ЗАГС по истечении 1 месяца в книге регистрации браков делается запись о его расторжении в присутствии супругов (либо одного из них), и после данной процедуры брак можно считать официально расторгнутым.

Вторым способом расторжения брака можно считать расторжение через посольство. Если предположить, что лицо (один из супругов – гражданин России) и не проживает на территории Российской Федерации, то у него есть все основания для расторжения брака с супругом-иностранцем через орган ЗАГС (по российскому законодательству), а также, он имеет право на обращение в консульское учреждение РФ в стране своего проживания [4]. Процедура расторжения брака через консульское учреждение будет аналогичной процедуре расторжения брака через орган ЗАГС. Однако вместо госпошлины (как предусмотрено при разводе в органе ЗАГС России) обоим супругам необходимо будет оплатить консульский сбор. После подачи документов на развод, в течение 1 месяца дипломатическое представительство выдаст уже бывшим супругам свидетельство о расторжении брака.

Заключительным вариантом расторжения брака можно считать судебный порядок. Если один из супругов является гражданином Российской Федерации или, не являясь таковым, проживает постоянно на территории Российской Федерации, то он имеет право подать иск о расторжении брака в суд Российской Федерации, при этом не важно, в какой стране был зарегистрирован брак.

В судебном порядке, по российскому законодательству, можно расторгнуть брак в случаях:

- если у пары есть несовершеннолетние дети;
- если один из супругов отказывается расторгнуть брак в досудебном порядке;
- если один из супругов уклоняется от подачи заявления в орган ЗАГСа [1].

В том случае, если в интернациональной супружеской паре ответчик зарегистрирован на территории Российской Федерации, то иск подается в суд по месту его жительства. В том случае, если ответчик не проживает и никогда не проживал в России, то иск может быть подан по месту жительства истца, ссылаясь на п. 8 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ. Но следует учитывать тот факт, что если супруг проживает за границей, то срок рассмотрения заявления может значительно увеличиться ввиду соблюдения процессуального действия об извещении другого супруга о дате, времени и месте рассмотрения дела по бракоразводному процессу.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // «Собрание законодательства РФ». 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
2. *Кривенький А.И.* Международное частное право : учебник. М. : Дашков и К°, 2020. 288 с.
3. *Марышева Н.И.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М. : Волтерс Клувер, 2015 (243). С. 15–17.
4. *Тихоненко М.А.* К вопросу о правовом регулировании прекращения брака с участием иностранных граждан / М.А. Тихоненко // Молодой ученый. 2020. № 31(321). С. 103–106. URL : <https://moluch.ru/archive/321/72918> (дата обращения 09.01.2023).
5. *Тулкушов С.В.* Расторжение брака в России и проблемы защиты семейных прав несовершеннолетних / С.В. Тулкушов // В сборнике: Актуальные проблемы правовой защиты бизнеса: вызовы и риски современности и пути их разрешения. сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 386–394.

Добавим, что союз, который расторгается через органы ЗАГСа или консульское посольство, считается прекращенным в день фиксации данного факта в книге регистрации актов гражданского состояния.

Если между государствами, гражданами которых являются супруги, существует международный договор, то в случае развода пары через суд, брак считается расторгнутым с момента вступления в законную силу решения суда. Решение суда по бракоразводному процессу для государств имеет равную юридическую силу.

В завершение рассмотрения данного вопроса хочется отметить, что расторжение брака между гражданами разных государств – многосторонний, спорный и трудный юридический процесс, который охватывает нормы национального и международного права. И, в некоторых случаях, противоречивость законодательства ряда иностранных государств создает проблемы в регулировании бракоразводного процесса между супругами.

Literature:

1. The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (ed. of 06.02.2020) // «Collection of Legislation of the Russian Federation». 01.01.1996. № 1. Art. 16.
2. *Krivenky A.I.* International private law : textbook. M. : Dashkov and C°, 2020. 288 p.
3. *Marysheva N.I.* Family relations with the participation of foreigners: legal regulation in Russia. M. : Volters Kluwer, 2015 (243). P. 15–17.
4. *Tikhonenko M.A.* On the issue of legal regulation of termination of marriage with the participation of foreign citizens / M.A. Tikhonenko // Young scientist. 2020. № 31(321). P. 103–106. URL : <https://moluch.ru/archive/321/72918> (date of the application 09.01.2023).
5. *Tulkushov S.V.* Dissolution of marriage in Russia and problems of protection of family rights of minors / S.V. Tulkushov // In the collection: Actual problems of legal protection of business: challenges and risks of modernity and ways to resolve them. collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 386–394.

Пермяков Максим Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
pmv0929@yandex.ru

Гаскаров Ильдус Фанавиевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
madagaskar.15@mail.ru

Килин Александр Григорьевич

старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
Alex.kilin1@gmail.com

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОПРОСА, КАК ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Аннотация. В рамках научной статьи рассмотрены некоторые аспекты такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос. Сложно представить себе любое раскрытие или расследование уголовно наказуемого деяния без такого действия силовых структур, как опрос, который подразумевает под своей основой получение оперативно-значимой информации для решения задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью, в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144, от объектов, представляющих оперативный интерес. Его организационно-тактическое многообразие, вызванное в том числе и служебной необходимостью, порождает множество споров и обсуждений.

Ключевые слова: первичная информация, опрашиваемое лицо, специальная беседа, преступная деятельность, нерезидент, лицо без гражданства.

Законом об оперативно-розыскной деятельности установлен перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые разрешены в Российской Федерации и данный перечень открывается опросом. Научно-исследовательская литература не содержит единого толкования понятия «опрос».

Maxim V. Permyakov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev
pmv0929@yandex.ru

Ildus F. Gaskarov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev
madagaskar.15@mail.ru

Alexander G. Kilin

Senior Lecturer
of the department of criminology,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev
Alex.kilin1@gmail.com

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE SURVEY AS AN OPERATIONAL SEARCH EVENT

Annotation. Within the framework of the scientific article, some aspects of such an operational search event as a survey are considered. It is difficult to imagine any disclosure or investigation of a criminally punishable act without such an action by law enforcement agencies as a survey, which implies, under its basis, obtaining operationally relevant information to solve the tasks facing operational investigative activities, in accordance with Article 2 of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» № 144, from objects representing operational interest. Its organizational and tactical diversity, caused, among other things, by official necessity, generates a lot of disputes and discussions.

Keywords: primary information, interviewee, special conversation, criminal activity, non-resident, stateless person.

В соответствии с толковым словарем, понятие опрос раскрывается как метод сбора первичной информации со слов опрашиваемого лица [3]. Е.С. Дубоносовым было предложено следующее определение, опрос – специальная беседа, проводимая с гражданами, которым могут быть известны сведения, необходимые для решения

конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности (о преступлениях, лицах, его совершивших, следах преступной деятельности и т.д.) [1]

Изначально закон об оперативно-розыскной деятельности именовал данное мероприятие как – опрос граждан. Однако, данное понятие в корне не верно, по причине того, что опрос как мероприятие проводится не только между гражданами нашей страны, но и может коснуться граждан других стран, а также лиц, являющихся нерезидентами, либо лиц без гражданства. Федеральным законом от 05.01.1999г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» понятие «опрос граждан» было модернизировано до понятия «опрос».

По мнению В.М. Аتماжитова, В.Г. Боброва, А.Е. Четина существует необходимость в переименовании понятия «опрос» в «оперативный опрос». Оперативный опрос определяется как специальная беседа с лицом, располагающим оперативно значимой информацией с целью получения новых либо проверки имеющихся сведений [4]. Однако, предложенное понятие не отвечает на вопрос «кем проводится опрос?» и возникает проблема установления субъекта, проводящего опрос.

Опрос является самым распространенным оперативно-розыскным мероприятием, которое не требует санкционирования, и без которого, по мнению А.Е. Четина не раскрывается ни одно преступление и не разыскивается ни один преступник. Сущностью данного мероприятия является сбор необходимой информации, которая имеет значение для решения конкретной задачи ОРД посредством личного общения с субъектом, обладающим данной информацией.

Условия проведения опроса как оперативно-розыскного мероприятия:

- добровольное согласие лица на беседу – в случае, если лицо отказалось от участия в опросе или не явилось на беседу, принудительный привод невозможен;
- предоставление всех необходимых условий для получения и обработки информации, полученной в результате опроса – необходимо учитывать физиологические особенности опрашиваемых людей (немота, болезнь голосовых связок);
- грамотно построенное общение между сторонами при проведении опроса;
- стабильное эмоционально-психологическое состояние оперативного сотрудника.

Можно выделить следующие виды опроса и их особенности:

- 1) плановый
- 2) внеплановый – данное мероприятие проводится в случаях, которые не терпят отлагательств;

3) гласный – его особенность в том, что цель опроса и должность лица, проводящего опрос не скрываются;

4) зашифрованный – при проведении данного мероприятия, истинная цель опроса, либо должностное положение оперативного сотрудника являются скрытыми (зашифрованными);

5) негласный – личность субъекта, предоставившего информацию, факт личной беседы и полученная информация остаются конфиденциальными; данный вид опроса предполагает более свободное, открытое, расслабленное поведение опрашиваемого, что позволяет получить более полную и достоверную информацию, представляющую оперативный интерес.

Процесс общения оперативных сотрудников или лиц, осуществляющих опрос, с людьми занимает основное место по объему, времени и энергии. Для успешного проведения опроса важная роль отводится к подготовке к нему (разработка стратегии и тактики, определение круга вопросов, использование специальных методов, а также специального технического оборудования).

Строго ли определено место для проведения опроса? Конечно же нет, опрос может проводиться в совершенно разноплановых местах (служебное помещение, укромный уголок на улице, в центре событий на месте происшествия). Опрос не ограничен устной беседой с опрашиваемым, информация может быть получена через сеть Интернет, либо посредством телефонного разговора.

При проведении опроса субъект, проводящий опрос, беседует с опрашиваемым, придерживаясь выбранной тактики ведения опроса. В ходе опроса становится известна информация, которая будет задокументирована и оформлена в соответствии с требованиями рапортом или справкой.

В процессе опроса субъектом, проводящим его, могут быть использованы аудио и видеосъемка, без согласия и предупреждения опрашиваемого. Однако, использование таких материалов в процессе доказывания носит спорный характер с точки зрения необходимости обязательного проведения в рамках уголовного дела допроса того лица, которое ранее опрашивалось оперативными сотрудниками [2]. Решением данного вопроса могло бы стать проведение опроса в специальных оперативных помещениях, оборудованных средствами негласной аудио и видео фиксации опроса. Также при опросе может использоваться «полиграф», однако, это порождает ряд проблем:

- сложность в использовании результатов в уголовном процессе [5];
- наличие у опрашиваемого опыта по прохождению полиграфа в прошлом;
- опрашиваемый может быть информирован о подробностях расследуемого преступления.

Полиграф не относится к оперативно-розыскной технике и не является техническим средством фиксации опроса, представляя собой техническое устройство, он регистрирует не сам опрос в форме беседы, а физиологические процессы человеческого организма. В процессе записи реакции на полиграфе ответственного специалиста интересуют лишь физиологические реакции опрашиваемого на задаваемые вопросы. Результаты, полученные вследствие использования полиграфа не обладают точной, детальной информацией о преступлении, являются поверхностными; чаще всего, результатом выступает документ, в котором содержится информация о полученных реакциях на тот или иной вопрос. Учитывая факторы скорости (скорая выдача результата) и эмоциональности (возможно, неадекватное психо-эмоциональное состояние опрашиваемого) данные результаты не могут являться константой. Однако, сложно оспаривать и тот факт, что полученные результаты в виде заключения специалиста-полиграфолога, по результатам психо-физиологического обследования, порой дают конкретно-ориентированные информативные данные и могут способствовать в раскрытии преступлений различных категорий уголовных дел. Поэтому целесообразность и результативность опроса с привлечением специалиста-

Литература:

1. *Дубоносов Е.С.* Основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций / Е.С. Дубоносов; Под ред. Г.К.Синилова. М. : ЮИ МВД РФ; Книжный мир, 2002. С. 97–98
2. *Ложкин Ю.А.* Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3(34). С. 38–42.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 1984. С. 401.
4. *Чечетин А.Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография. М. : ИД Шумиловой И.И., 2006. 180 с
5. *Пермяков М.В.* Организация адвокатуры в России / М.В. Пермяков, А.Г. Килин, О.Н. Ходасевич // Научный журнал «Евразийский юридический журнал». 2021. № 8. С. 109–111.

полиграфолога является весьма спорной и объемной темой для последующих научных изысканий.

Проанализировав позиции других авторов можно предложить следующие пути решения, возникающих проблем:

- 1) относительно понятия «опрос», можно дать следующее понятие оперативно-розыскному мероприятию – сбор лицом, проводящим опрос (оперативный сотрудник либо лицом, содействующим проведению ОРД) фактической информации, которая имеет значение для решения конкретно поставленных задач ОРД со слов опрашиваемого лица (независимо от гражданства, возраста, должностного или социального положения, психического состояния, религиозных убеждений и других обстоятельств), который располагает необходимой информацией или если имеется информация о том, что опрашиваемый субъект обладает или может обладать необходимой информацией;
- 2) обеспечить проведение опроса в специальных оперативных помещениях, оборудованных средствами негласной аудио и видео фиксации опроса.

Literature:

1. *Dubonosov E.S.* Fundamentals of operational investigative activity: A course of lectures / E.S. Dubonosov; Edited by G.K.Sinilov. M. : Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Book World, 2002. P. 97–98
2. *Lozhkin Yu.A.* Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. № 3 (34). P. 38–42.
3. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1984. P. 401.
4. *Chechetin A.E.* Actual problems of the theory of operational investigative measures : monograph. M. : I.I. Shumilova's ID, 2006. 180 p.
5. *Permyakov M.V.* Organization of advocacy in Russia / M.V. Permyakov, A.G. Kilin, O.N. Khodasevich // Scientific journal «Eurasian Legal Journal». 2021. № 8. P. 109–111.

Попов Евгений Александрович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Popov@mail.ru

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Shtyrkhunova@mail.ru

**СТРАХОВАНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК
НАПРАВЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН
НА ПРИМЕРЕ ОСАГО**

Аннотация. В статье проводится анализ действующего законодательства, касающегося обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, с целью выявления его проблем и недостатков, в том числе, связанных со стремительно развивающимися технологиями, которые препятствуют эффективному применению и реализации его положений как простым гражданам, на которых оно, в первую очередь, рассчитано, так и правоприменителям. Для достижения целей исследования рассматриваются не только положения закона, но и совокупность точек зрения ученых, публикаций средств массовой информации, а также – судебная практика. Результаты исследования могут быть применены как в процессе законодательной регламентации при внесении изменений в законодательство, так и в процессе правоприменения, поскольку будут способствовать единству реализации норм действующего закона.

Ключевые слова: обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, источники повышенной опасности, прямое возмещение убытков, страховая сумма.

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) как разновидность страхования появилось с целью обеспечения спокойствия общества, в целом, и отдельно взятых граждан, в частности, предполагая возможность последних рассчитывать на защиту их имущественных интересов. Дело в том, что в каждом случае наступления каких-либо неблагоприятных

Evgeny A. Popov

Candidate of legal Sciences,
Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Popov@mail.ru

Natalya A. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Shtyrkhunova@mail.ru

**INSURANCE IN THE RUSSIAN
FEDERATION AS A DIRECTION
OF PROTECTING THE RIGHTS AND
LEGITIMATE INTERESTS OF CITIZENS
ON THE EXAMPLE OF OSAGO**

Annotation. The article analyzes the current legislation concerning compulsory insurance of civil liability of vehicle owners in order to identify its problems and shortcomings, including those related to rapidly developing technologies that hinder the effective application and implementation of its provisions both to ordinary citizens, for whom it is primarily designed, and to law enforcement officers. In order to achieve the objectives of the study, not only the provisions of the law are considered, but also a set of points of view of scientists, mass media publications, as well as judicial practice. The results of the study can be applied both in the process of legislative regulation when making changes to legislation, and in the process of law enforcement, since they will contribute to the unity of the implementation of the norms of the current law.

Keywords: compulsory insurance of civil liability of vehicle owners, sources of increased danger, direct compensation of losses, insurance amount.

последствий, говоря языком страхования – страховых случаев, происходят умаления в имущественной сфере одного или нескольких субъектов гражданского права.

Существуют некоторые неточности, проблемные вопросы, в том числе, в связи со стремительно развивающимися технологиями, которые не могут быть оставлены без внимания и, требующими,

в связи с этим, обсуждения, внесения предложений, вариантов разрешения назревших проблем. Именно в этом и заключается цель настоящей работы, в связи с чем, нами предлагается рассмотреть ряд насущных, на наш взгляд, вопросов.

Учитывая условия, необходимые для предъявления требования о возмещении вреда к страховщику, застраховавшему гражданскую ответственность потерпевшего, указанными в ч. 1 ст. 141 ФЗ № 40, а именно то, что в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), вред причинен только транспортным средствам (далее – ТС), мы видим, что законодатель в большей степени сужает возможности использования вышеуказанного института, поскольку речь идет не об имуществе в целом, а лишь о ТС потерпевшего.

Преимуществом ПВУ выступает возможность получения потерпевшему в упрощенном порядке компенсации по ОСАГО, а именно, обращения с таким требованием не в страховую компанию лица, причинившего вред, а напрямую к своей страховой компании, к которой у такого потерпевшего наибольшее доверие, поскольку именно ее он выбрал для страхования своей гражданской ответственности, исходя из своих предпочтений, надежности и репутации такой страховой компании [1, с. 60].

По нашему мнению, необходимо расширить возможности применения ПВУ, распространив его действие не только на имущество потерпевшего, застраховавшего свою гражданскую ответственность, как владельца ТС, но и на его жизнь и здоровье. Выдвинутое предложение необходимо с целью большей реализации принципа гарантии возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных ФЗ № 40, обеспечению наибольшего спокойствия граждан, которые потенциально могут стать потерпевшими от ДТП. Кроме того, принятие законодателем позиции по расширению возможностей применения ПВУ позволит, в некоторой степени, снизить число лиц, уклоняющихся от страхования своей гражданской ответственности как владельцев ТС, поскольку в таком случае они будут уверены, что наличие полиса ОСАГО не только обеспечит защиту их имущественного интереса в случае наступления их гражданской ответственности, но и выступит гарантией возмещения вреда, причиненного их жизни, здоровью, имуществу в результате ДТП.

Помимо того, о необходимости изменения некоторых положений ФЗ № 40 свидетельствует ст. 7 рассматриваемого Федерального закона, согласно которой, страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая обязуется возместить потерпевшим причиненный вред составляет:

- в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, 500 тыс. руб.;
- а в отношении имущества каждого потерпевшего, 400 тыс. руб.

Учитывая, что изменения в данную статью не вносились на протяжении восьми лет, то с учетом инфляции, которая за указанный период составила около 73 процентов, необходимо увеличение лимитов, предусмотренных рассматриваемой статьей. Указанное возмещение носит лишь формальный характер, но не позволяет в действительности обеспечить спокойствие владельца ТС и иных участников дорожного движения, которым потенциально может быть причинен вред в результате использования ИПО. Тем более, что помимо указанного принципа, норма, касающаяся страховой суммы, в дальнейшем может не способствовать реализации и иных принципов ОСАГО.

Поэтому, оперируя понятиями действующего законодательства, на наш взгляд, в зависимости от мощности и максимально возможной конструктивной скорости электросамокатов, стоит выделить три вида электросамокатов, которые, исходя из своих технических характеристик, необходимо приравнять к закрепленным в законодательстве средствам передвижения.

Во-первых, электросамокаты, мощность двигателя которых свыше 4 кВт, но менее 15 кВт или максимально возможная конструктивная скорость превышает 50 км/ч, что по техническим характеристикам соответствует мотоциклу и, следовательно, к которому и необходимо приравнять электросамокат с указанными характеристиками.

Во-вторых, электросамокаты с мощностью более 0,25 кВт. и менее 4 кВт. или скорость которых превышает 25 км/ч, но меньше 50 км/ч, то есть, по своим техническим характеристикам такие электросамокаты стоит приравнять к мопедам. Первые два вида электросамокатов, на наш взгляд, можно отнести к механическим ТС, а также признавать ИПО для целей применения соответствующих норм, как например ст. 1079 ГК РФ.

В-третьих, электросамокаты, мощность которых не более 0,25 кВт., которые отличаются автоматически на скорости более 25 км/ч, по своим характеристикам должны быть приравнены к велосипедам.

На наш взгляд, стоит увеличить пределы страховых сумм следующим образом: в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего – до 800 тыс. руб.; а в отношении вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего – до 1 млн руб. Однако необходимо учесть и недостатки предлагаемых изменений. Основным недостатком выступает повышение страховых премий, которые необходимо будет выплачивать страхователям страховщику. Однако возложение такой обязанности на абсолютно каждого автовладельца является неправильным, поскольку, по большей части, страховые выплаты производятся злостным нарушителем правил дорожного движения. Поэтому мы предлагаем увеличить ряд коэффициентов, значительно увеличивающих риск наступления гражданской ответственности, а именно – коэффициент возраста и стажа и коэффициент бонус-малус, тем самым, расширив возможности их

применения, за счет чего, можно будет, в большей мере, справедливо распределить обязанность по уплате страховых премий. Преимуществом выдвинутого нами подхода является то, что не требуется предусматривать какую-либо отдельную процедуру для прохождения обучения, страхования, расчета коэффициентов, новых статей в КоАП и УК РФ. Данные меры необходимы как для обеспечения спокойствия иных участников дорожного движения, так и для того, чтобы назначить справедливое наказание.

Подводя итог, резюмируем выдвинутые нами предложения.

Распространение применения ПВУ на случаи причинения вреда имуществу, в целом, здоровью и жизни потерпевшего.

Увеличение лимитов страховых сумм.

Литература:

1. *Низовкина Ю.В.* Актуальные проблемы ОСАГО и способы их решения / Ю.В. Низовкина // Форум молодых ученых. 2022. № 2(66). С. 93–100.
2. *Швецов А.В.* Обзор нововведений в институте прямого возмещения убытков по ОСАГО и их значение / А.В. Швецов, Т.А. Сиванаева // Марийский юридический вестник. 2018. № 2(25). С. 59–61.

Предусмотреть возможность оформления ДТП без участия уполномоченных сотрудников полиции в результате столкновения трех и более ТС.

Использование дифференцированного подхода к отнесению электросамокатов к тем или иным видам транспортных средств, легальные дефиниции которых закреплены на сегодняшний день в законодательстве и для отдельных категорий которых требуется ОСАГО.

Таким образом, мы можем сказать, что на сегодняшний день существуют различные проблемы, препятствующие эффективному применению законодательства об ОСАГО, при решении которых нет единства подходов как у исследователей, так и у правоприменителей, что, в свою очередь, вызывает необходимость правовой регламентации со стороны законодателя.

Literature:

1. *Nizovkina Yu.V.* Actual problems of CTP and ways to solve them / Yu.V. Nizovkina // Forum of Young Scientists. 2022. № 2 (66). P. 93–100.
2. *Shvetsov A.V.* Review of innovations in the Institute of direct compensation for CTP losses and their significance / A.V. Shvetsov, T.A. Ivanaeva // Mari Legal Bulletin. 2018. № 2(25). P. 59–61.

Прошин Владимир Михайлович

доктор юридических наук,
профессор,
кафедра уголовного процесса
и криминалистики,
адвокат,
Московский государственный
областной университет
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Vladimir M. Proshin

Doctor of Law,
Professor,
Department of Criminal Procedure
and Forensic Science,
Counsel,
Moscow State Regional University
advokat.proshin.v.m@gmail.com

**МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В ОБЛАСТИ
(ЛИБО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ)
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**THE SUBSTANTIVE ASPECT OF THE
MECHANISM OF CRIME COMMITTED
IN THE FIELD (OR WITH THE USE)
OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

Аннотация. Объектом совершения преступлений, связанных с завладением чужого имущества, выступают объекты гражданских прав, обладающие оборотоспособностью. В настоящее время связь между субъектом и объектом гражданских прав опосредуется цифровыми технологиями, где последние выступают как средство фиксации права либо как средство доступа к использованию и распоряжению объектом права, либо формируют цифровой объект гражданских прав, соединяющий в себе возможности цифровой технологии и потребительские свойства и ценности классического объекта имущественных прав. Поэтому в одном случае, успешность реализации механизма установления незаконного господства над объектом гражданских прав зависит от найденного эффективного способа доступа к управлению цифровой программой, формирующей физическую или функциональную связь с классическим имущественным объектом. В другом случае, формирование механизма совершения преступления фокусируется на завладении цифровым активом, как качественно новым источником ценности, обладающим потребительской стоимостью, обеспечивающей оборотоспособность данного актива как самостоятельного объекта гражданских прав.

Ключевые слова: механизм совершения преступления, объект совершения преступления, завладение чужим имуществом, объект гражданских прав, объект имущественных прав, гражданская оборотоспособность, цифровая технология, цифровой актив, цифровая система, преступник, имущественный интерес.

Annotation. The object of committing crimes related to the seizure of someone else's property are objects of civil rights that have turnover. At present, the connection between the subject and the object of civil rights is mediated by digital technologies, where the latter act as a means of fixing rights, or as a means of access to the use and disposal of the object of law, or form a digital object of civil rights that combines the capabilities of digital technology and consumer properties and the values of the classical object of property rights. Therefore, in one case, the success of the implementation of the mechanism for establishing illegal domination over the object of civil rights depends on the found effective way of accessing the control of a digital program that forms a physical or functional connection with a classical property object. In another case, the formation of the mechanism for committing a crime focuses on the acquisition of a digital asset as a qualitatively new source of value with a consumer value that ensures the turnover of this asset as an independent object of civil rights.

Keywords: mechanism of committing a crime, object of committing a crime, taking possession of someone else's property, object of civil rights, object of property rights, civil turnover, digital technology, digital asset, digital system, criminal, property interest.

Как правило, объектом совершения преступлений, связанных с завладением чужого имущества, выступают объекты гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), обладающие оборотоспособностью (ст. 129 ГК РФ). Интерес преступников к объектам гражданских прав продиктован способностью данных объектов иметь качественную,

количественную или физическую характеристику потребительской ценности, формирующую их рыночную стоимость и обуславливающую тем самым их гражданский оборот [1].

В настоящее время, практически во всех областях общественных отношений, юридическая

связь между субъектом и объектом гражданских прав опосредуется цифровыми технологиями, где последние выступают как средство фиксации права либо как средство доступа к использованию и распоряжению объектом права, либо формируют цифровой объект гражданских прав, соединяющий в себе возможности цифровой технологии и потребительские свойства и ценности классического объекта имущественных прав. То есть, на пути беспрепятственного свободного владения, пользования и распоряжения объектами гражданских прав возникает необходимость применения цифровых технологий, как средства доступа к извлечению в интересах владельца (собственника) целевого или потребительского назначения соответствующего объекта гражданских прав. Данное обстоятельство актуализирует вопрос обеспечения надёжности прав владельца и защиты от нарушений со стороны третьих лиц. В настоящее время проблема борьбы с преступностью в области использования цифровых технологий требует изучения и понимания криминальных закономерностей, лежащих в основе совершения соответствующих преступлений, что находит своё проявление, в том числе в объеме научного внимания посвящаемого данной теме [2; 3; 4].

Вопрос обеспечения степени надёжности и сохранности прав владельцев соответствующих объектов, владение, пользование и распоряжение которыми опосредуется цифровыми технологиями, зависит от качества формируемых данными технологиями технологических связей с объектами гражданских прав, воспроизводящих форму и содержание сложившихся правоотношений. Как следствие, центральным звеном механизма незаконного (преступного) установления господства над объектом гражданских прав со стороны третьих лиц вопреки воле владельца является способ и средство внедрения в систему цифрового управления доступом технологического владения, пользования и распоряжения данным объектом, что приводит к нарушению технологической связи, а иногда, и юридических отношений с интересующим преступника объектом гражданских прав.

При этом следует отметить, что цифровая система, управляющая доступом технологического владения, пользования и распоряжения классическими объектами гражданских прав, формирует две интеграционные формы сосуществования с данными объектами:

– цифровая система, интегрирующая программные решения по доступу и по условиям и режиму управления функциями извлечения потребительских и целевых свойств из классического объекта гражданских прав (цифровые программы управления эксплуатацией бытовой техники, транспортными средствами, использования банковских карт и т.д.);

– цифровая система, воплотившаяся в цифровой актив, когда данный актив, соединяясь с объектами гражданских прав, расширяет функциональные свойства и качественные

характеристики классических объектов, выводя их на качественно новый потребительский уровень, где условием повышенной потребительской ценности и стоимости уже цифрового объекта имущественных прав является перенос интереса субъекта владения на цифровой актив, неотделимый от объекта гражданских прав.

В первом случае, основным динамическим элементом механизма совершения преступления по завладению объектом имущественных прав будет являться способ обеспечения доступа к объектному коду и совокупности команд, управляющих функционированием классических объектов гражданских прав. То есть, успешность реализации механизма установления незаконного господства над объектом гражданских прав, обладающего потребительской стоимостью, основанной на возможности использовать качественные характеристики и физические свойства объекта, зависит от найденного эффективного способа доступа к управлению цифровой программой, формирующей физическую или функциональную связь с классическим имущественным объектом.

Во втором случае, формирование механизма совершения преступления фокусируется на завладении цифровым активом, созданным в результате интеграционного соединения потребительских свойств объекта гражданских прав с технологическими возможностями операционных систем и программных комплексов, родившим качественно новый источник ценности, обладающий потребительской стоимостью, обеспечивающий оборотоспособность данного актива как самостоятельного объекта гражданских прав. Результатом появления данного цифрового актива является лишение возможности извлекать потребительские свойства классических объектов гражданских прав вне их интеграционного соединения с возможностями цифровых технологий. Например, комплекс взаимосвязанных программ, предназначенных для управления ресурсами компьютера, смартфона и организации взаимодействия с пользователем.

Интеллектуально-волевые усилия преступника, в первом случае, направлены на формирование механизма совершения преступления, обеспечивающего установление незаконного господства исключительно над классическим объектом имущественных прав. При этом способ взлома кодовой программы доступа к владению, потребительскому использованию и свободному распоряжению данным объектом является средством преодоления препятствия в виде цифровой технологии на пути к овладению. Преступный корыстный интерес субъекта преступления направлен на классический объект гражданских прав.

Имущественный интерес преступника, инициирующий формирование механизма совершения преступления, во втором случае, направлен на установление незаконного господства именно над цифровым активом, соединяющим в себе технологические и операционные возможности программно-цифрового комплекса со свойствами и характеристиками объекта имущественных прав, в результате чего, обладающим качественно новой потребительской стоимостью и,

как следствие, оборотоспособностью на рынке.

Следовательно, как в первом, так и во втором случае, успешность реализации механизма преступления, совершаемого в области (либо с

использованием) цифровых технологий оценивается наличием возможности использования стоимостной, количественной, качественной или физической характеристики потребительской оборотоспособности объекта гражданских прав.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. *Гаврилин Ю.В.* Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникативных технологий / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 145–150.
3. *Грибунов О.П.* Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий : учеб. пособие / О.П. Грибунов, М.В. Старчиков. М. : ДГСК МВД России, 2017. 159 с.
4. *Климов Д.В.* Расследование хищений, связанных с использованием сети «Интернет» : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2017. 24 с.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation dated 30.11.1994 № 51-FZ.
2. *Gavrilin Yu.V.* The practice of organizing interaction in the investigation of crimes committed using information and communication technologies / Yu.V. Gavrilin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4. P. 145–150.
3. *Gribunov O.P.* Investigation of crimes in the field of computer information and high technologies: textbook. allowance / O.P. Gribunov, M.V. Starchikov. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 159 p.
4. *Klimov D.V.* Investigation of theft associated with the use of the Internet: textbook. allowance / D.V. Klimov. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 24 p.

Рябова Ольга Алексеевна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
frau.lelya2012@yandex.ru

Рябов Павел Ричардович

адвокат,
Адвокатская палата Московской области
rich.riabov@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРИЗНАНИЯ ВНУКОВ ЧЛЕНОМ
СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛЬЕМ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов признания членами семьи внуков военнослужащих при реализации права на обеспечение жильем. Авторами анализируется имеющееся законодательство и судебная практика. В рамках данной работы делается вывод о том, что законодательство не содержит четкой позиции по данному вопросу, а в судебной практике отсутствует единообразие, что является напрямую нарушением прав несовершеннолетних. Также, в работе отмечается, что для устранения разночтений закона и приведения сложившейся практики к единообразию требуется установить дефиницию «член семьи», которая носила бы межотраслевой характер и была бы одинаковой для всех видов правоотношений. Сложившаяся ситуация негативным образом сказывается на осуществлении своих прав не только несовершеннолетними, но и непосредственно (самими) военнослужащими, которые должны в полной мере реализовать свои возможности по обеспечению жильем себя и членов своей семьи.

Ключевые слова: члены семьи, военнослужащие, внуки, обеспечение жильем.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о различных подходах, как законодателя, так и правоприменителя при разрешении вопросов, касающихся определения членов семьи военнослужащего. Суды ежегодно сталкиваются с большим процентом дел, связанных с рассмотрением споров о признании членом семьи военнослужащего того или иного лица, состоящего с последним в родственных отношениях. Половина указанных случаев связана с реализацией военнослужащим и членами его семьи

Olga A. Ryabova

Senior Lecturer of the Departments
of Private Law Disciplines of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
исполнения наказаний
frau.lelya2012@yandex.ru

Pavel R. Ryabov

Lawyer,
Moscow Region Chamber of Advocates
rich.riabov@yandex.ru

**PROBLEMATIC ASPECTS
OF RECOGNIZING GRANDCHILDREN AS
A FAMILY MEMBER OF A SERVICEMAN
FOR THE REALIZATION OF THE RIGHT
TO HOUSING**

Annotation. The article is devoted to the study of issues of recognition by family members of grandchildren of military personnel and persons equated to them in the exercise of the right to housing. The authors analyze the existing legislation and judicial practice. Within the framework of this work, it is concluded that the legislation does not contain a clear position on this issue, and there is no uniformity in judicial practice, which is a direct violation of the rights of minors. It is also noted in the work that in order to eliminate discrepancies in the law and bring the established practice to uniformity, it is necessary to establish the definition of «family member», which would be of an intersectoral nature and would be the same for all types of legal relations. The current situation has a negative impact on the exercise of their rights not only by minors, but also directly by (themselves) military personnel, who must fully realize their opportunities to provide housing for themselves and their family members.

Keywords: family members, military personnel, grandchildren, housing provision.

права на жилищное обеспечение. Достаточно часты случаи, когда к моменту появления возможности такое обеспечение получить в семьях появляются внуки лиц, имеющих непосредственное право на улучшение жилищных условий совместно с членами своей семьи. Признание внуков членами семьи военнослужащего занимает особое место среди споров данной категории.

Имеющееся законодательство относительно данного вопроса не дает однозначного ответа. В

соответствии с абзацем пятым пункта 5 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», к членам семей военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются социальные гарантии, установленные данным Законом, если иное не установлено иными федеральными законами, относятся: супруга (супруг), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения, лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

Разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» указано, что, решая вопрос о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, судам следует руководствоваться нормами Жилищного кодекса Российской Федерации (далее ЖК РФ) и Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ).

Учитывая тот факт, что военнослужащие, претендующие на улучшение жилищных условий, проживают в большинстве случаев в служебных (специализированных) жилых помещениях либо иных жилых помещениях и получают компенсацию за найм, то следует обратиться к соответствующим нормам ЖК РФ.

В соответствии с ч. 5 ст. 100 ЖК РФ, к пользованию специализированными жилыми помещениями по договорам найма таких жилых помещений применяются правила, предусмотренные ст. 31, ст. 65, ст. 67 и ст. 69 того же Кодекса.

Таким образом, по смыслу ч. 5 ст. 100 ЖК РФ, ст. 31 ЖК РФ, ст. 69 ЖК РФ, к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения относятся, проживающие совместно с ним члены его семьи (при этом, к членам семьи относятся не только супруг, дети, родители, но и другие родственники и нетрудоспособные иждивенцы), которые имеют равные с ним права и обязанности [2].

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 года № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса РФ», к другим родственникам при этом могут быть отнесены любые родственники как самого нанимателя, так и членов их семьи независимо от степени родства как по восходящей, так и по нисходящей линии.

Исходя из высказанной выше позиции Верховного суда РФ и положений ст. 31 и ст. 69 ЖК РФ, признание внуков членами семьи военнослужащего не может ограничиваться только иждивением, т.к. кроме иждивенцев, упоминаются и *другие родственники*, которые признаются членами семьи нанимателя жилого помещения, к

категории которых могут быть отнесены и внуки военнослужащих. Безусловно, данная правовая позиция должны быть актуальна для тех семей, члены которых проживают совместно и ведут общее хозяйство. Однако достаточно большой процент споров по признанию внуков членами семьи военнослужащего для обеспечения последних жильем заканчивается вынесением судами решений об отказе военнослужащим в исках и непризнанием внуков членами семей. Суды основывают свою позицию исключительно на том, что внуки для признания членами семьи военнослужащих должны являться их иждивенцами, что весьма противоречиво. Причем, необходимо понимать, что в большинстве случаев, внуки проживают совместно с военнослужащим, получившим право на жилищное обеспечение, родители и соответственно дети военнослужащих ведут совместное хозяйство, живут одной семьей. Также, стоит отметить, что служебное (специализированное) жилье, в котором проживают такие семьи, является единственным местом возможного проживания, то есть, других помещений, годных для проживания семьи не имеют. Складывается непонятная и странная ситуация, когда совместно проживающие на протяжении многих лет члены семьи, не получают равной возможности на обеспечение жильем. Происходят абсурдные ситуации, как например, в городе Ростове – на – Дону, когда в семье из 5 человек, где совместно проживают отец – военнослужащий, его супруга, сын, дочь и внука (матерью внуки является дочь военнослужащего), где дочь (не замужем) в судебном порядке признана членом семьи отца – военнослужащего, внуку членом семьи Октябрьский районный суд своим решением по делу № 2-3510/18 от 17 сентября 2018 г. не признал. Таким образом, учитывая, что дочка член семьи своего отца – военнослужащего, совершенно непонятно, членом какой семьи является внука? Случаи вынесения судами решений, которыми внуки не признаются членами семьи, не являются редкостью. Полагаем, что такие ситуации прямо указывают на нарушение прав несовершеннолетних, так как несовершеннолетний в РФ имеет право жить и воспитываться в семье [3].

Вместе с тем, стоит отметить, что суды некоторых регионов признают внуков членами семьи военнослужащего, не акцентируя внимания на иждивении, основывая свое решение на факте совместного проживания.

В данном случае, налицо факт отсутствия единообразия судебной практики. Это обстоятельство приводит к тому, что по подобным спорам, внуки одних военнослужащих членами семьи признаются, и на них распространяется возможность получения права на жилье, а в других случаях, внуки такого права не получают. Указанное обстоятельство, к сожалению, ведет к отсутствию равных возможностей у детей в Российской Федерации при реализации своих конституционных прав [1].

Анализ судебной практики соответствующей категории споров, позволяет, к сожалению, констатировать, что российское законодательство, по непонятным причинам, не имеет единого законодательного определения «члены семьи».

Отдельные отрасли отечественного права содержат, противоречащие друг другу нормы, которые избирательно указывают на тех, кого следует считать членом семьи применительно к определенным правоотношениям. Полагаем, что сложившаяся практика требует серьезных изменений, поскольку отсутствие четкого и однозначного понимания «члены семьи» в российском законодательстве приводит к серьезным нарушениям прав российских граждан, что, в свою очередь, дискредитирует официально декларируемый государством курс на особое внимание к соблюдению прав детей.

Необходимо понимать, что семья является устойчивой социальной ячейкой, которая формирует фундамент российского общества. Понятие «члены семьи» подразумевает семейные связи, которые являются незыблемыми и дают возможность каждой семье иметь свою маленькую историю в истории своей страны. По мнению А.М. Эрделевского, такое социальное явление как семейные связи должно относиться к

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/10103000> (дата обращения 28.12.2022).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/12138291> (дата обращения 29.12.2022).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/10105807> (дата обращения 29.12.2022).
4. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/178792>
5. *Зрелов А.П.* Современные проблемы межотраслевого применения понятия «член семьи» / А.П. Зрелов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 6. С. 70–73.
6. *Глухов Е.А.* Критерий совместного проживания в вопросе получения жилья на членов семьи военнослужащего / Е.А. Глухов // *Право в вооруженных силах – Военно-правовое обозрение,* 2019. № 11. С. 56–62.

категории неимущественного блага. Учитывая это, при создании единой формулировки определения «членов семьи», законодатель должен сформировать такое универсальное понятие, которое будет четко выделять членов семьи как общепрофессиональную категорию и не нарушит социальную ценность этого понятия. Необходимо понимать, что факт признания членом семьи влечет для гражданина значимые последствия, как для самого себя, так и для членов этой семьи [6].

Устранение противоречий в существующей законодательной базе должно сопровождаться введением оптимальных четких норм, которые призваны оградить граждан от злоупотреблений, нарушений их прав и устранить тем самым существующие пробелы в законодательстве и, возникающее в связи с этим, отсутствие единства в правоприменительной практике. Наличествующее же положение вещей существенным образом ограничивает и нарушает права российских граждан, в том числе, несовершеннолетних.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12 1993 with amendments approved during the voting on 01.07.2020 // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/10103000> (date of the application 12/28/2022).
2. Housing Code of the Russian Federation dated 12/29/2004 // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/12138291> (date of the application 29.12.2022).
3. The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/10105807> (date of the application 29.12.2022).
4. Federal Law № 76-FZ of May 27, 1998 «On the status of military personnel // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/178792>
5. *Matrelov A.P.* Modern problems of intersectoral application of the concept of «family member» / A.P. Matrelov // *Laws of Russia: experience, analysis, practice,* 2016. № 6. P. 70–73.
6. *Glukhov E.A.* Criterion of cohabitation in the issue of obtaining housing for family members of a serviceman / E.A. Glukhov // *Law in the armed forces – Military – legal review.* 2019. № 11. P. 56–62.

Тальянина Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой правоведения,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
colonel_t2002@mail.ru

Irina A. Talyanina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Head of the Department of Law,
Saint Petersburg State
University of Architecture
and Civil Engineering
colonel_t2002@mail.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Human Resources Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

**ПАРАДИГМА МОРАЛИ ПРАВА
ЛОНА ЛЬЮИСА ФУЛЛЕРА
В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО
НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВА**

**LON LEWIS FULLER'S LAW MORALITY
PARADIGM IN COORDINATE SYSTEM
NATURAL LAW DIRECTION OF LAW**

Аннотация. В статье представлен анализ понимания морали права американским правоведом и философом-моралистом Л.Л. Фуллером в контексте выявления им признаков верховенства права и корреспондирующему ему торжеству законности. Исходя из фуллеровского понимания морали стремления и морали права, авторы апеллируют к проблеме моральности правотворчества, решение которой предопределяет моральность закрепляемых правовых предписаний, направленных на регулирование поведения в обществе акторов социального взаимодействия, общие контуры которого установлены на основе господствующей в обществе морали и требований к защите прав и свобод личности.

Annotation. The article presents an analysis of the understanding of the morality of law by the American jurist and moral philosopher L.L. Fuller in the context of identifying signs of the rule of law and the corresponding triumph of legality. Based on Fuller's understanding of the morality of aspiration and the morality of law, the authors appeal to the problem of the morality of law-making, the solution of which predetermines the morality of fixed legal prescriptions aimed at regulating the behavior of social interaction actors in society, the general contours of which are established on the basis of morality prevailing in society and requirements for the protection of rights and individual freedoms.

Ключевые слова: право, закон, законность, общество, мораль стремления, мораль долга, личность, поведение.

Keywords: right, law, legality, society, morality of aspiration, morality of duty, personality, behavior.

Обширная корпорация ученых-правоведов XX в., представлена многими выдающимися приверженцами естественно-правового направления в теории права (А. Ауэр, И. Месснер, А. Фердросс, С.С. Алексеев и др.), включая американского философа права Лона Льюиса Фуллера (1902–1978), концептуальные воззрения которого обращены к предметному полю морального осмысления феномена права и признания примата свода только природе присущих законов, предопределяющих порядок всего сущего в ней.

Квинтэссенцией естественно-правовой теории в ее «преломлении» к области соотношения морали и права выступает обоснование гармонии между моральными требованиями, включая их отражение в действующем законодательстве и «моральным уровнем адресатов норм» [3, с. 156]. По мнению отечественного правоведа В.В. Лапаевой, концептуальную сторону теоретико-правовых размышлений Л.Л. Фуллера, обращенных к выявлению корреляции между моралью и правом, отличает очевидная новизна [2, с. 242].

Общее понимание проблемы «мораль права» указанным ученым изложено в подготовленной им в 1964 г. одноименной работе «Мораль права» [4], в которой он презентует право в контексте ряда моральных требований к нему, наиболее подробно рассмотренных далее.

Проводя интегральную оценку учения о морали права Л.Л. Фуллера, мы приходим к выводу об обоснованности замечания Ф. Энгельса в части признания им диалектики представлений о естественном праве, «мерилом которого служит абстрактнейшее выражение самого права – справедливость» [5, с. 273], представленная в несомненно «идеологизированной» своей форме и отражающая систему современных экономических отношений в обществе.

Предлагая научной общественности свое видение двух-компонентной типологии морали в виде: 1) морали стремления и 2) морали долга [4, с. 14–15], Л.Л. Фуллер первый тип морали определяет в качестве нравственного идеала, достижение которого основано на стремлении человека к Благу в целях своего совершенства, что предполагает концентрацию на данном направлении всех ресурсов его персоны. Что касается квалификации второго типа морали, то в данном случае речь идет об учете нравственных достижений человека, заключенных в вербальные вариации «ты должен» или «ты не должен», идейным основанием которых являются в первую очередь религиозные заповеди. При этом фактор неспособности всех членов социума действовать по сценарию своего совершенствования, сообразно заложенному природой человека уровню совершенства его способностей, предопределяет целесообразность принятия необходимых законов, правовые предписания которых должны «обращаться к своему кровному родственнику- морали долга [4, с. 19]. Данный вывод Л.Л. Фуллер иллюстрирует примером стремления отдельных людей к азартным играм, что приводит к необходимости принятия соответствующего закона, действие которого не распространяется на область отмеченной игры как «невинного развлечения» и в тоже время закрепляющего нормы запрета и последующих правовых санкций для области «пагубных» азартных игр, свидетельствующих об иррациональном характере поведения их участников.

Вводя в научный оборот понятия двух типов морали, Л.Л. Фуллер предлагает «образ восходящей шкалы» [4, с. 39], на нижнем уровне которой (необходимые условия для жизни в условиях общества) располагается мораль долга, а на верхнем (идеал совершенствования) - мораль стремления. Исходя из морально-правовой схемы представленной Л.Л. Фуллером шкалы, превышение уровня морали долга может сопровождаться наступлением диктата в виде искусственно навязанной обязанности, а неоправданное возвышение уровня морали стремления – привести к произвольному толкованию личностью своих обязанностей перед обществом или другой личностью. Размышляя о внутренней морали права, Л.Л. Фуллер акцентирует внимание на восьми требованиях (принципах законности), учиты-

вающих наличие устойчивой связи между моралью и правом:

1. Всеобщность закона, предполагающее обязательность наличия юридически обязательных правил и норм поведения.
2. Обнародование закона, что: во-первых, позволяет одним членам общества (глубоко изучившим соответствующие законоположения) разъяснить правовую сторону дела относительно пределов поведения остальным представителям общества (несведущим о содержании конкретного закона); во-вторых, способствует его общественному обсуждению, устанавливая при этом целесообразность принятия конкретного закона.
3. Недопущение принятия закона, имеющего обратную силу, соответствует общей идее управления поведением со стороны права посредством законодательно закрепленных правил. В противном случае, «Говорить об управлении или направлении сегодняшнего поведения при помощи правил, которые будут предписаны завтра, означает просто пустую болтовню» [4, с. 69].
4. Ясность закона как принципиально значимый элемент законности, что достигается учетом в процессе правотворчества оценочных критериев здравого смысла обыденной жизни.
5. Запрет на принятие закона, требующего невозможного и свидетельствующего о «беззаконии неограниченной власти» [4, с. 89].
6. Постоянство закона во времени, что соответствует логике внутренней морали права, выступающей против хаотичной смены законов, устанавливающих новые правила поведения в обществе.
7. Согласованность официальных действий с провозглашенным законом, что может быть нарушено совершением следующих опций:
  - 1) ошибочность толкования;
  - 2) недоступность закона;
  - 3) непонимание необходимого в целях обеспечения целостности правовой системы;
  - 4) коррупция;
  - 5) равнодушие;
  - 6) глупость;
  - 7) стремление к укреплению личной власти [4, с. 101].
8. Законность как практическое искусство, основанное на учете отмеченных выше семи требованиях морально-правового звучания.

Как справедливо отмечает А.В. Иванов, концепция естественного права Л.Л. Фуллера построена на учете указанных базовых принципов «внутренней морали» права [1]. Аналогичной точки зрения придерживается американский философ и

правовед Ф. Ловетт, по мнению которого гарантией недопущения превалирования зла над моральными ценностями выступает «внутренняя мораль» права, согласно которой по Л.Л. Фуллеру, даже рассматриваемый просто как порядок любой закон должен содержать «свою имплицитную мораль» [6, р. 2]. По мнению американского философа права К. Мерфи, разработанные Л.Л. Фуллером восемь принципов законности отражают сущность верховенства права, имеющего инструментальную ценность [7, р. 240].

Подводя итог изложенному, мы приходим к следующим выводам:

1. Верховенство права, выступая в качестве ключевого признака демократического правового государства, в действительности означает политический идеал, по параметрам которого следует сверять: во-первых. совершенство правовой

Литература:

1. *Иванов А.В.* Морально-правовая рефлексия. Анализ труда Лон Л. Фуллера «Мораль права»: основные тезисы, мысли, возникающие после прочтения / А.В. Иванов // Адвокатская газета. 2016. № 2(331). URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/moralno-pravovaya-refleksiya> (дата обращения 10.01.2023).

2. *Лапаева В.В.* Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера / В.В. Лапаева // Правоведение. 2013. № 2(307). С. 241–256.

3. *Пивоваров Ю.С.* Естественное право и социальная этика в XX столетии: (обзор) / Ю.С. Пивоваров // Право XX века: Идеи и ценности. 2001. С. 137–177.

4. *Фуллер Л.Л.* Мораль права. М. : ИРИСЭН, 2007. 308 с.

5. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу / Ф. Энгельс // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.

6. *Lovett F.* Lon Fuller, The Morality of Law / F. Lovett // The Oxford Handbook of Classics in Contemporary Political Theory. 2015. P. 1–9. URL : <https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/sites.wustl.edu/dst/1/627/files/2017/02/2015.-Lon-Fuller-The-Morality-of-Law-2k5gb7c.pdf> (дата обращения 08.01.2023).

7. *Murphy C.* Lon Fuller and the moral value of the rule of law / C. Murphy // Law and Philosophy. 2005. Vol. 24. P. 239–262.

системы в каждом отдельном государстве; во-вторых, моральность правовых норм действующего законодательства.

2. Соблюдение правовых предписаний письменных законов несомненно выступает частью требований верховенства права, а нарушение этих законодательных установлений свидетельствует о дисбалансе требований между законодательно закрепленными нормативными положениями, которые по определению призваны корреспондировать морали долга и фактом их реального исполнения сообразно морали стремления. Таким образом, фуллеровская трактовка о различной локации морали долга и морали стремления в конструкции предложенной «восходящей шкалы» позволяет провести аксиологию как моральности принимаемых законов, так и моральности движения каждого человека по пути своего нравственного совершенствования.

Literature:

1. *Ivanov A. V.* Moral and legal reflection. Analysis of the work of Lon L. Fuller «Moral Law»: main theses, thoughts that arise after reading / A. V. Ivanov // Advocate newspaper. 2016. № 2(331). URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/moralno-pravovaya-refleksiya> (date of the application 10.01.2023).

2. *Lapaeva V. V.* The ratio of law and morality in the legal concept of L. Fuller / V. V. Lapaeva // Jurisprudence. 2013. № 2 (307). P. 241–256.

3. *Pivovarov Yu. S.* Natural law and social ethics in the XX century: (review) / Yu. S. Pivovarov // Law of the 20th century: Ideas and values. 2001. P. 137–177.

4. *Fuller L. L.* Morality of law. M. : IRISSEN, 2007. 308 p.

5. *Engels F.* On the housing issue / F. Engels // Marx K. and Engels F. Works. Second edition. M. : Gospolitizdat, 1961. Vol. 18. P. 203–284.

6. *Lovett F.* Lon Fuller, The Morality of Law / F. Lovett // The Oxford Handbook of Classics in Contemporary Political Theory. 2015. P. 1–9. URL : <https://cpbus-w2.wpmucdn.com/sites.wustl.edu/dst/1/627/files/2017/02/2015.-Lon-Fuller-The-Morality-of-Law-2k5gb7c.pdf> (date of the application 08.01.2023).

7. *Murphy C.* Lon Fuller and the moral value of the rule of law / C. Murphy // Law and Philosophy. 2005. Vol. 24. P. 239–262.

Четверикова Александра Ивановна

преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
errari49@yandex.com

Alexandra I. Chetverikova

Lecturer of the Department
of Administrative Activity
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
errari49@yandex.com

**ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО
ДОВЕРИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**THE INSTITUTE OF PUBLIC TRUST
IN THE ACTIVITIES OF
THE INSPECTOR FOR JUVENILE AFFAIRS
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы значимости общественного доверия и поддержки граждан в деятельности инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Отмечаются отдельные пробелы правового регулирования данного социального института действующим законодательством. Предлагаются решения относительно профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних.

Annotation. The article deals with the issues of the importance of public trust and support of citizens in the activities of the inspector for juvenile affairs of the internal affairs bodies. There are some gaps in the legal regulation of this social institution by the current legislation. Solutions are proposed regarding preventive activities in relation to minors.

Ключевые слова: подросток, общественное доверие, поддержка граждан, общая и частная превенция.

Keywords: teenager, public trust, support of citizens, general and private prevention.

Государственный аппарат в лице отдельных ветвей власти воспринимается современным информационным обществом, в определенном контексте, как монопольный производитель высококачественных социальных благ (услуг). К подобному сегменту деятельности государственного образования относятся вопросы социальной, экономической, культурной обеспеченности различных социальных страт.

нашему мнению, одной из центральных задач подобного устремления является оптимальная иллюстрация подотчетности населению, торжество закона, снижения коррупционной составляющей.

Следовательно, вопросы обеспечения общественного порядка и безопасности органами исполнительной власти, аналогично, возможно анализироваться под обозначенным вектором общественного восприятия.

Трансляция информационного посыла государственного аппарата в широкие массы о публичности деятельности органов исполнительной власти имеет несколько задач.

Открытость и публичность властных механизмов, а также, подразделений (отдельных должностных лиц) позволяет значительно повысить качественный уровень эффективности деятельности. Ярким примером современной «медийности» являются аккаунты в различных социальных сетях (на электронных площадках) отдельных государственных образований, ориентированных, согласно действующему законодательству, на защиту жизни, здоровья, прав, свобод, собственности. Отдельного внимания заслуживает информационное сопровождение их деятельности в средствах массовой информации, а именно популярных печатных и электронных изданиях. По

Во-первых, налицо естественные демократические процессы в современном обществе.

Во-вторых, реализация права гражданина на доступ к информации в соответствии с актуальными нормативными правовыми предписаниями.

В-третьих, повышения уровня общественного доверия к государственным органам, реализующим функции исполнительной власти.

Необходимо отметить, что уровень определенного доверия населения к такому подразделению, как полиция, скорее величина динамическая, нежели статическая. О фактических причинах, влияющих на его показатели, можно рассуждать достаточно долго, однако, нам представляется актуальным, отметить высказывание И.А. Ильина относительно того, что: «Доверие к власти лежит в самой основе правопорядка, а недоверие к ней

есть начало ее ниспровержения. Нормальное правосознание утверждает, что государство по своей идее есть живая система всеобщего доверия...» [1].

Исторический анализ развития отдельных полицейских подразделений, проведенный автором в рамках данного исследования, позволяет заключить, что деятельность исполнительного органа власти системно осложняется в ситуациях, когда уровень общественного доверия иллюстрирует низкие показатели. Поскольку не представляется возможным реализовать сбалансированную систему взаимоотношений социальных и государственных институтов, граждане, не стремящиеся к взаимодействию, создают отдельные сложности при производстве по делам об административных и уголовных деликтах. Присутствуют случаи сокрытия самого факта правонарушения в отношении физического лица; при этом отказ информирования полицейского подразделения аргументируется отсутствием уверенности в результативности процесса восстановления нарушенного права, либо возмещении причиненного противоправным деянием ущерба.

Дополнительные сложности возникают при проведении профилактических мероприятий; общественность не информирует полицию о направлениях работы требующих отдельного внимания, следовательно, у асоциальных элементов, транслирующих противоправные устремления, складывается «ощущение безнаказанности» за совершенные деяния.

Нормативное правовое закрепление института «общественного доверия» реализовано сразу в нескольких актах федерального, регионального и ведомственного характера. Ярким примером, является статья 9 ФЗ «О полиции» [2]. Анализ юридической техники построения нормы, позволяет заключить, что приоритетно законодатель обращает внимание на обеспечительную функцию в деятельности любого полицейского подразделения, доверием гражданина и социальной поддержкой. С первого взгляда, конструкция, предложенная в федеральном законе, вполне логична, даже, несмотря на формулируемый посыл, что вся обозначенная деятельность является «субъективным стремлением» (статья 9 часть 1).

Однако уже часть 6 анализируемой статьи 9 предписывает использовать общественное мнение о полицейском подразделении, как критерий официальной оценки деятельности. Следовательно, используя линейную логику, можно заключить, что полицейское подразделение должно инициативно зарабатывать общественное доверие и поддержку гражданина, которые после будут трансформированы в различные статистические показатели для реализации официальной оценки деятельности. Если в данном случае, мы будем рассуждать о потерпевшем от противоправных действий лице, то механизм представляется функциональным.

Качественные действия сотрудника полиции в сфере защиты прав и свобод потерпевшего, реализация различных восстановительных процедур

в сфере причиненного ущерба, скорость установления виновных в совершении деликта, будут позитивно оценены и уровень социального доверия и поддержки увеличатся. С другой стороны, если мы будем строить свои теоретические рассуждения по предложенному законодателем пути от правонарушителя, то результат может носить полностью обратный характер и верно реализованная деятельность полицейского (безусловно, исключительно легитимная) не будет влиять на уровень доверия и поддержки.

Необходимо отметить, что в деятельности современного полицейского подразделения с его систематически расширяющимся перечнем обязанностей и функций будет еще более сложно сформулировать объективную корреляцию реализуемой деятельности непосредственного правоприменителя и статистических показателей общественного доверия, поддержки. К примеру, мы можем соотнести предложенный законодателем механизм не с вопросами привлечения к юридической ответственности (уголовной, административной), где по отдельным направлениям допустимо не учитывать мнение лица, привлекаемого к ответственности, а с отдельными направлениями общей и частной превентивной деятельности.

В данном контексте, отдельный научный интерес представляют подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Пункт 33.10 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [3] прямо предписывает сотруднику подразделения задачу по формированию позитивного общественного мнения о деятельности территориального органа МВД России. Исполнение обозначенной задачи ориентировано на социальные массы, проживающие на территории обслуживания. Необходимо отметить, что инспектор подразделения по делам несовершеннолетних реализует значительное количество профилактических мероприятий общего и частного характера.

В момент профилактического воздействия, лицо, на которое оно направлено, еще не совершило противоправных деяний, а в некоторых случаях, оно может их никогда и не реализовать, однако, исключить его мнение при подготовке статистических данных об уровне общественного доверия и поддержки (по аналогии с правонарушителем) уже не представляется объективно возможным.

Таким образом, предложенный законодателем конструкт нормативного правового предписания (статья 9 ФЗ «О полиции») в рамках субъективной необходимости реализации «обеспечительной функции» нам представляется верным по своему устремлению, однако, нуждается в определенной коррекции в рамках закрепленных формулировок. К примеру, можно изложить часть 1 статьи 9 ФЗ «О полиции» в следующей редакции:

1. «Полиция при осуществлении своей деятельности стремится использовать общественное доверие к себе и поддержку граждан».

Такой законодательный посыл, по нашему мнению, будет отражать центральную задачу института общественного доверия и поддержки граждан в деятельности любого подразделения полиции. Сотрудники полиции, используя доверие и поддержку населения, смогут реализовывать свою деятельность на более результативном, качественном уровне. Смена ориентира с «обеспечения» на «использование» не допускает расширительного толкования, да и фактически, без надлежащего уровня доверия и поддержки к сотруднику полиции его «использование» представляется достаточно дискуссионным.

3.3. Абдулкахирова [4] в своих научных трудах отражает интересный, по нашему мнению, организационный механизм деятельности полиции по повышению уровня общественного доверия и поддержки граждан:

- 1) информационно-аналитическое обеспечение;
- 2) организационно-структурное и управленческое обеспечение;
- 3) кадровое и методическое обеспечение;
- 4) обеспечение взаимодействия полиции с отдельными гражданами и общественностью в целом.

Рассмотрим данный организационный механизм применительно к деятельности территориального подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Относительно первого блока, обозначим, что систематизацию сведений о проделанной работе инспекторским составом подразделения, зачастую, реализуют городские и областные структуры (в рамках зонального контроля и т.д.), как правило, сотрудники пресс службы производят массовое информирования населения через различные СМИ в отчетный период. Отдельные информационные массивы располагаются на официальных сайтах, либо размещаются непосредственно в территориальном отделе на стендах. Непосредственный инспектор имеет возможность реализовать донесение сведений в рамках общей профилактической деятельности в образовательных учреждениях, общественных организациях и т.д.

Второй и третий блоки, по нашему мнению, являются приоритетом руководителя подразделения. Именно от его профессиональных действий будет зависеть кадровый потенциал, штатная численность подразделения (его укомплектованность) и, соответственно, фактическая нагрузка на каждого инспектора в зависимости от

Литература:

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Наука, 1994. С. 76–77.

количественных показателей населения, обслуживаемых организаций, учреждений, лиц, состоящих на профилактическом учете. Отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает методическое обеспечение деятельности инспектора, поскольку от его актуальности фактически зависит результат выполняемых задач.

Четвертый блок, в определенном контексте, является титульным для непосредственного инспектора по делам несовершеннолетних органа внутренних дел. Основной базис его усилий должен быть направлен в обозначенном направлении, поскольку без поддержки родителей, опекунов (законных представителей) достаточно сложно выстроить качественную превентивную модель взаимодействия с подростком. В отдельных случаях, родители могут в силу ряда внешних (социальных) факторов не обладать необходимыми приемами воспитания «сложного» подростка, следовательно, инспектор подразделения по делам несовершеннолетних имеет возможность, демонстрируя свою профессиональную компетентность, получить поддержку и доверие родителя. Необходимо отметить, что данный механизм работает и с несовершеннолетним при условии, что он однозначно отметит положительные устремления сотрудника полиции, ориентированные исключительно на помощь подростку в сложившейся ситуации, например, когда родители ребенка не исполняют установленных законом обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних.

В рамках четвертого блока, нам представляется актуальным отметить, что анализ Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации позволяет заключить, что в рамках ведомственного регулирования, не нашли свое отражение вопросы реализации профилактики (общей, частной) в дистанционном формате. Однако период самоизоляции в рамках борьбы с COVID-19 продемонстрировал возможности дистанционного обучения в различных образовательных организациях. Механизмы дистанционной аудио и видео связи стали более стабильными. А уровень «цифровизации» современного общества позволяет констатировать, что доступ к сети Интернет уже является вполне заурядным явлением. Бесспорно, что абсолютно все виды профилактики невозможно реализовать в дистанционном формате, при этом не использовать современные технические достижения в рамках правоохранительной деятельности нам представляется весьма спорным. Как мы полагаем, следует устранить данный пробел нормативного правового регулирования путем внесения отдельных изменений в приказ МВД России от 15.10.2013 № 845.

Literature:

1. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. M. : Nauka, 1994. P. 76–77.

2. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Абдулкахирова З.З.* Организационно-правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел по повышению общественного доверия и поддержке граждан (на примере МВД по Чеченской Республике) / З.З. Абдулкахирова // Российский следователь. 2013. № 20. С. 38–42.

2. On the police: federal law of February 07, 2011 № 3-FZ // SPS «ConsultantPlus».

3. On the approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10/15/2013 № 845 // SPS «Consultant Plus».

4. *Abdulkakhirova Z.Z.* Organizational and legal support of the activities of internal affairs bodies to increase public trust and support of citizens (on the example of the Ministry of Internal Affairs in the Chechen Republic) / Z.Z. Abdulkakhirova // Russian investigator. 2013. № 20. P. 38–42.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Талянина Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой правоведения,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
colonel_t2002@mail.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Human Resources Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Irina A. Talyanina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Law,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering
colonel_t2002@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
УЧЕНИЯ РОБЕРТА ФОН МОЛЯ
О ПРИМЕНЕНИИ В ГОСУДАРСТВЕ
ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ПОЛИЦЕЙСКОЙ
МЕРЫ**

**THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF
THE TEACHINGS OF ROBERT VON MOL
ON THE USE OF COERCION IN THE STATE
AS A POLICE MEASURE**

Аннотация. В статье представлен анализ концептуальных суждений немецкого правоведа Роберта фон Моля на проблему направленности и пределов дозволенного, в части применения мер полицейского принуждения. Акцентируя внимание на факторе государственной миссии выполняемых полицией функциональных задач, авторы приходят к выводу о предопределенности наделения полиции функцией применения мер принуждения, реализация которой должна корреспондировать подлинному смыслу демократического правового государства.

Ключевые слова: государство, право, правоприменение, законность, полицейстика, полиция, принуждение.

Annotation. The article presents an analysis of the conceptual judgments of the German jurist Robert von Mol on the problem of direction and limits of what is permitted, in terms of the application of police enforcement measures. Focusing on the factor of the state mission of the functional tasks performed by the police, the authors come to the conclusion that it is predetermined to endow the police with the function of applying coercive measures, the implementation of which should correspond to the true meaning of a democratic constitutional state.

Keywords: state, law, law enforcement, legality, police science, police, coercion.

Неотъемлемым элементом сложной конструкции государственного механизма выступают его правоохранительные институты и, в первую очередь полиция, к компетенции которой отнесено применение мер принуждения. В общем смысле, фактор наделения полиции указанными мерами способствует: во-первых, стигматизации любых принудительных мер по линии государства в качестве полицейских; во-вторых, преодолению разрыва между мерами государственного принуждения и собственно полицейскими мерами. Отмеченный тезис, к примеру, иллюстрируется наименованием главы 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения» Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

С учетом изложенного, следует обратить внимание на следующее обстоятельство проблемного характера: чрезмерная «увлеченность» государства в плане тотального насаждения мер принуждения в их полицейском контексте позволяет утверждать о проявлении феномена «полицейского государства».

Научное осмысление отмеченной проблемы имело актуальное значение в различные исторические этапы эволюции полицейстики как учения о полиции. В обширном ряду выдающихся полицейстов-исследователей роли полиции в жизни государства и пределах ее полномочий, включая содержание полицейского принуждения, особое место занимает немецкий теоретик государства и права Роберт фон Моль (1799–1875). Соотнося

целесообразность правового государства с необходимостью обеспечения государством легального принуждения [3, с. 85], отмеченный ученый рассмотрел государственный аспект полицейской формы принуждения в § 7 «О применении принуждения при мерах полицейских» первой главы своего сочинения «Наука о полиции» [2]. Указанная работа в последующем составила отдельную «эпоху в полицейской литературе» [4, с. 257].

По логике суждения Р. фон Моля, принудительная сила полицейской функции государственной институции нацелена на обеспечение гармонии между «примиряющим единством» различных организационных элементов общества и «укрощающим принуждением», которое вызвано сопротивлением и неразумием [7, с. 32]. При этом исходя из признания верховенства права, Р. фон Моль предупреждал о недопустимости перехода государственного принуждения на путь произвола [6, с. 372], а применительно к уточнению определяющего условия принуждения именно со стороны полицейского ведомства, данный правовед обращал внимание на важность полицейского противодействия злой воле отдельных членов общества [1, с. 98].

В стремлении систематизировать обширный свод полицейских мер Р. фон Моль приходит к выводу о факте их принадлежности к двум категориям: а) государственные веления и запреты, предписывающие определенный стиль поведения граждан; б) установление в инициативном порядке тех мер, которые предполагают действие граждан в пределах дозволенного.

При рассмотрении первой категории полицейских мер, Р. фон Моль апеллирует к безусловности их практической реализации с опорой на принуждение для всех случаев неповиновения. В данном случае принуждение рассматривается в качестве: во-первых, жертвы для гражданина; во-вторых, акта вменения самому государству или от его имени соответствующему институту государства процедуру принудительного воздействия на гражданина в виде «навязывания против воли гражданина разумной цели поведения, касающейся лишь его одного» [2, с. 43]. Возводя отмеченную меру в разряд правовой целесообразности, Р. фон Моль устанавливает три случая необходимости полицейского принуждения, при которых:

- 1) разумный образ действия корреспондирует достижению определенной цели государственного значения;
- 2) нарушение необходимого образа поведения со стороны одного гражданина приводит к посягательству на права других;
- 3) «отказ меньшинства препятствует большинству в достижении дозволенной цели». [2, с. 44].

В своем обращении ко второй категории полицейских мер, Р. фон Моль устанавливает необходимость устройства ряда учреждений благотворительного значения как акт благодеяния или вспомоществования со стороны государства по

отношению к своим гражданам. При этом для случаев обязательности нахождения ряда граждан в указанных учреждениях и их соприкосновения предписанному, полицейская мера помещения нуждающихся для пребывания в этих помещениях является несомненно правомерной. Ко второй категории полицейских мер также должны быть отнесены обязательные меры монополии на пользования услугами почты, внесения в реестры сведений о рождении, бракосочетании и смерти, и др. Резюмируя отмеченное в отношении обязательности повиновения общепринятому велению, Р. фон Моль констатирует следующее: «так как равенство перед законом – неоспоримое начало всякого юридического государства, то исключение не может иметь места ни для кого, каково бы ни было его звание или происхождение» [2, с. 45].

Определяя разумный уровень полицейского принуждения как акта «могущества» исполнительной власти и его востребованности при условии наступления эвентуальной угрозы основе государства, Р. фон Моль справедливо замечает: во-первых, о наличии корреляции между силой принуждения как «преодолевающей силы государства» и силой сопротивления государственному повелению; во-вторых, о недопустимости сопротивления полицейскому распоряжению в правомерном виде его оформления.

Конкретизируя характер применяемого полицейского принуждения, немецкий правовед вычленяет «тройкость» самого рода указанного принуждения со стороны полицейских чинов:

- 1) «прямое принуждение неповинующегося к исполнению предписанного»;
- 2) принуждение к выполнению предписанного, но по какой-либо причине не выполненного физическим или юридическим лицом (предписание забоя заболевшего скота, сноса ветхого здания, и т.п.);
- 3) принуждение в виде наказания за совершенное деяние противоправного характера [2, с. 46–47].

Рассмотренные нами теоретико-правовые аспекты мер полицейского принуждения, получившие основательную «проработку» в «Науке о полиции» Р. фон Моля, обрели свое воплощение в методологии практической деятельности ряда видных реформаторов полицейского дела, среди которых необходимо отметить британского государственного деятеля и полицейиста Роберта Пиля (1788–1850 гг.), являвшегося современником Р. фон Моля и занимавшего должность министра внутренних дел (1822–1827 гг.; 1828–1830 гг.). Среди разработанных отмеченным британским деятелем девяти «пилианских принципов» правоприменения особого внимания заслуживает принцип № 6, в котором закреплена стандарт полицейского принуждения в форме применения физической силы: «Использование полицией физической силы осуществляется в той мере, которая необходима для обеспечения соблюдения закона или восстановления порядка и только тогда, когда

проявления убеждения, совета и предупреждения оказываются недостаточными» [5, с. 34].

На основании изложенного выше, мы приходим к следующим выводам:

1. Анализ презентованных в учении немецкого правоведа Р. фон Моля научных представлений о миссии полицейского дела в общей конструкции государственного механизма и акцент его внимания на направленности и пределах мер полицейского принуждения позволяет современной генерации исследователей функционала полицейского ведомства установить правовое и практическое значение допущения полицией как

Литература:

1. *Матвеев С.П.* Понятие и генезис полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ / С.П. Матвеев // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 2(21). С. 87–106.

2. *Моль Р.* Наука полиции по началам юридического государства. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1871. 314 с.

3. *Пирожок С.С.* Роберт фон Моль о социальной политике правового государства / С.С. Пирожок // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 82–101.

4. Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. статья Ю.Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1999. 624 с.

5. *Чимаров С.Ю.* К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.

6. *Bagge P.* Erich Angermann: Robert von Mohl, 1799–1875. Leben und Werk eines altliberalen Staatsgelehrten. Neuwied : Hermann Luchterhand Verlag, 1962. 470 p.

7. *Mohl R.* Encyklopädie der Staatswissenschaften. Tübingen : Laupp, 1859. 760 p.

государственного института правоохранительного значения, специфических мер принудительного воздействия на нарушителей действующего в нашей стране законодательства.

2. Фактор конституционного закрепления России в качестве демократического правового государства определяют: 1) неуклонность соблюдения полицейскими прав и свобод человека и гражданина; 2) безусловность применения дозволенных полиции пяти мер государственного принуждения, а также применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в строгом соответствии с закрепленными нормами права.

Literature:

1. *Matveev S.P.* The concept and genesis of police activity: theoretical and legal analysis / S.P. Matveev // Bulletin of VSU. Series: Law. 2015. № 2(21). P. 87–106.

2. *Mol R.* Science of the police on the basis of the legal state. SPb. : Printing V.I. Golovina, 1871. 314 p.

3. *Pirozhok S.S.* Robert von Mol on the social policy of a legal state / S.S. Pirozhok // Genesis: historical research. 2018. № 2. P. 82–101.

4. Russian police (administrative) law: The end of the 19th – the beginning of the 20th century: Reader / Compiled and introductory article by Yu.N. Starilova. Voronezh : Publishing House of the Voronezh State University, 1999. 624 p.

5. *Chimarov S.Yu.* On the issue of «Principles of Law Enforcement» by Robert Peel in the activities of the police / S.Yu. Chimarov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(75). P. 33–34.

6. *Bagge P.* Erich Angermann: Robert von Mohl, 1799–1875. Leben und Werk eines altliberalen Staatsgelehrten. Neuwied : Hermann Luchterhand Verlag, 1962. 470 p.

7. *Mohl R.* Encyklopädie der Staatswissenschaften. Tübingen : Laupp, 1859. 760 p.

Шардаков Иван Николаевич
аспирант кафедры административного
и конституционного права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
shardakovivan@mail.ru

Ivan N. Shardakov
Postgraduate Student
of the Department of Administrative
and Constitutional Law,
Perm State National
Research University
shardakovivan@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONSTITUTIONAL CONTENT OF THE MECHANISM FOR INTEGRATED DEVELOPMENT OF TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье исследуются положения Конституции Российской Федерации на предмет отражения в них правовых основ регулирования такого механизма реализации градостроительной деятельности как комплексное развитие территорий. Системный анализ конституционных норм, а также, действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ряд положений Основного закона страны, которые являются фундаментом правового обеспечения названного механизма в Российской Федерации.

Annotation. The article examines the provisions of the Constitution of the Russian Federation in order to reflect in them the legal basis for regulating such a mechanism for the implementation of urban development activities as the integrated development of territories. A systematic analysis of constitutional norms, as well as current legislation and law enforcement practice allows us to identify a number of provisions of the Basic Law of the country, which are the foundation of the legal support of this mechanism in the Russian Federation.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, градостроительная деятельность, комплексное развитие территории.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, urban development, integrated development of the territory.

Положения Конституции Российской Федерации охватывают все стороны общественной жизни, однако, не все из них напрямую отражены в Основном законе страны. Так, в Конституции отсутствует специальное указание на законодательство о градостроительной деятельности, несмотря на то, что общественные отношения в данной сфере уже достаточно давно являются одними из самых распространенных. На это неоднократно указывалось не только в юридической доктрине, в числе которой имеются и фундаментальные труды [1], но и в правовых позициях Конституционного суда Российской Федерации [2].

Во-вторых, в градостроительных отношениях сочетается многообразие различных направлений жизнеобеспечения, их содержание преимущественно составляют предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, которые уже содержатся в Конституции.

При определении причин отсутствия в Конституции прямого закрепления обозначенных положений, представители теории и практики указывают следующее.

Вместе с тем, научно-технический прогресс, урбанизационные процессы, и, как следствие, высокая динамика общественных отношений, непосредственно связанных с градостроительной деятельностью, потребовали, если не закрепления в Конституции, то, однозначно, расширительного толкования ее существующих положений с целью обеспечения реализации прав и свобод человека в данной области общественных отношений на фундаментальном, конституционном уровне.

Во-первых, ко времени принятия Конституции России градостроительное законодательство в его современном понимании находилось на начальном этапе своего формирования, отсутствовал самостоятельный кодифицированный правовой акт, регулирующий общественные отношения в области градостроительной деятельности, данная отрасль права не выделялась в качестве автономной [3].

Поэтому, несмотря на отсутствие прямого закрепления в Конституции такого крупного раздела как градостроительная деятельность, его аспекты косвенно выделяют в положениях Основного закона страны. Конституционные нормы, совокупность которых, по сути, представляет собой основу правового обеспечения градостроительной деятельности в Российской Федерации, приводятся в юридической литературе и в правоприменительных актах.

Теория обоснованно выделяет в Конституции России нормы, оказывающие непосредственное воздействие на градостроительные отношения. Среди них: поощрение органами публичной власти жилищного строительства (часть 2 статьи 40) и право каждого на благоприятную окружающую среду (статья 42) [4]. Правотворитель в лице Конституционного суда Российской Федерации также делает важнейший вывод о том, что градостроительное право по своему характеру преимущественно составляет предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, исходя из содержания, в частности, положений статьи 72 Конституции [2].

Таким образом, в Конституции Российской Федерации, являющейся первостепенным и безусловным источником национального права вообще, присутствуют нормы, как прямо, так и косвенно воздействующие на обсуждаемый вид правоотношений.

Сама по себе, градостроительная деятельность, как уже упоминалось выше и следует из статьи 4 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), имеет комплексный характер, охватывает достаточно широкий круг общественных отношений и направлена на структурированное и многоаспектное осуществление ряда конституционных прав человека, с помощью имеющихся в ее арсенале механизмов реализации.

Одним из таких механизмов является деятельность по комплексному развитию территории, представляющая собой совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов (пункт 34 статьи 1 ГрК РФ).

Названный механизм вобрал в себя все аспекты градостроительной деятельности, перечисленные в статье 4 ГрК РФ, из чего, с учетом изложенного, очевидно следует, что комплексное развитие территории (далее по тексту – КРТ) не обеспечено прямыми нормами Конституции, однако вытекает из следующих ее норм.

Положения Конституции России об основах конституционного строя закрепляют направленность политики Российского государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7). Несмотря на то, что легальная дефиниция понятия «достойная жизнь» отсутствует, в науке, по мнению исследователей, превалирует мнение о том, что основным критерием данного понятия следует считать уровень обеспеченности материальными благами [5]. Деятельность, связанная с КРТ, направлена на структурированное и всестороннее создание таких благ (объектов капитального строительства различного назначения (в том числе жилого), объектов социальной, транспортной и коммунальной инфраструктур, благоустройства территории и пр.) в границах конкретных, неэффективно используемых территорий, что

позволяет обеспечить населению страны достойную жизнь. В связи с этим, положения законодательства, регулирующие рассматриваемый механизм реализации градостроительной деятельности оправдано считать одним из аспектов осуществления конституционного права, изложенного в части 1 статьи 7 Конституции.

С учетом того, что в деятельности по КРТ одной из сторон всегда выступает орган публичной власти, обсуждаемый механизм реализации градостроительной деятельности следует считать частью соответствующей государственной политики. Курс такой политики формируется, безусловно, на федеральном уровне. Указанное, прежде всего, следует из анализа положений пунктов «г», «е», «о» статьи 71, части 1 статьи 76, пунктов «в», «е.5», «е.6», «ж» статьи 114 Конституции, регламентирующих организацию органов публичной власти, устанавливающих основы федеральной политики и федеральное законодательство.

Системное толкование статей 11, 72 Конституции, пункта 2 части 2 статьи 66 ГрК РФ, пункта 74 части 1 статьи 44 закона об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [6], а также, вышеназванной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что реализация механизма КРТ находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Не входящие в систему органов государственной власти органы местного самоуправления, также обеспечивают осуществление КРТ (в силу положений пункта 3 части 2 статьи 66 ГрК РФ). Вместе с тем, в Законе о местном самоуправлении [7] такой механизм в качестве вопроса местного значения отдельно не поименован, в чем видится упущение федерального законодателя.

Так или иначе, органы местного самоуправления входят в единую систему органов публичной власти в Российской Федерации (ч. 3 ст. 132 Конституции) и имеют прямое отношение к реализации механизма КРТ, а значит, положения Конституции о местном самоуправлении следует считать частью фундамента правового обеспечения названного механизма.

Большое значение для реализации механизма КРТ имеет конституционная гарантия права частной собственности (часть 2 статья 8, части 1–3 статьи 35, часть 1 статьи 36 Конституции России), поскольку реновация неэффективно используемых территорий в большинстве случаев неминуемо связана с таким правом. Так, в границах территории, на которых планируется деятельность по ее комплексному развитию, могут быть расположены находящиеся в частной собственности объекты недвижимости (земельные участки, объекты капитального строительства, инженерной и иной инфраструктуры). В случае принятия органом публичной власти решения о КРТ, собственники данного имущества имеют право выбора между участием в осуществлении такой деятельности путем заключения соответствующего договора с уполномоченным органом власти и получением

справедливой компенсации за изъятие принадлежащего им имущества для целей реновации территории.

Части 2, 3 статьи 36 Конституции предписывают, что осуществление правомочий собственников земельных участков не должно наносить ущерба окружающей среде и нарушать права и законные интересы иных лиц, а условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона. КРТ в предельно широком смысле представляет собой процесс пользования землей, при осуществлении которого не представляется возможным игнорировать законодательство, связанное с землепользованием. В этой части, названным конституционным нормам корреспондируется целый ряд положений соответствующего законодательства. Так, земельным законодательством предусмотрены нормы о целевом использовании земель, об ограничении прав на земельные участки и условиях их использования и пр. Законодательством о градостроительной деятельности регулируется территориальное планирование, определяющее планируемое развитие территории на долгосрочную перспективу и градостроительное зонирование, устанавливающее правовой режим использования земель и земельных участков. Кроме того, при реновации собственники земельных участков обязаны учитывать также лесное, водное законодательство, законодательство об особо охраняемых природных территориях, об охране окружающей среды, об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, поскольку все указанные нормативные правовые акты содержат ряд ограничений по использованию земель (земельных участков).

Среди норм Конституции, регламентирующих права и свободы человека и гражданина, для целей настоящего исследования особенно следует отметить положения части 2 статьи 40 Основного закона страны, закрепляющие поощрение органами публичной власти жилищного строительства. Данная норма имеет непосредственное отношение к КРТ, поскольку одной из основных целей данного механизма является обеспечение

достижения показателей в сфере жилищного строительства и улучшения жилищных условий граждан (пункт 2 части 1 статьи 64 ГрК РФ).

Фундаментальное значение для правового обеспечения механизма КРТ также имеют нормы Конституции о праве каждого на благоприятную окружающую среду (статья 42) и об обязанности сохранять природу и окружающую среду (статья 58). Реновация территории непосредственно влияет на окружающую среду, поскольку в процессе ее реализации осуществляется строительство подземных и надземных объектов капитального строительства, изменяется природный ландшафт территории. Более того, в научной литературе отмечают прямую юридическую связь экологических и градостроительных отношений через понятийный аппарат закона об охране окружающей среды [8]: в 2014 году он был пополнен понятием «объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду», под которым понимается, в том числе, объект капитального строительства [9]. Соглашаясь с данным мнением, следует дополнить, что и само определение понятия «окружающая среда», представленное в названном законе, содержит не только совокупность компонентов природной среды и природных объектов, составляющих естественную экологическую систему, сохранившую свои природные свойства, но и природно-антропогенные и антропогенные объекты, то есть объекты, созданные либо преобразованные человеком.

Таким образом, в исследовании приведены положения Конституции России, которые обоснованно считать необходимой и достаточной конституционно-правовой базой для такого механизма реализации градостроительной деятельности как КРТ. В связи с чем, полагаю, что отдельного упоминания в Конституции данного публично-правового механизма не требуется. В отношении КРТ Конституция России проявляет свою, так называемую, учредительную функцию [10], поскольку ее нормы в рассмотренном случае являются предпосылкой правового оформления и развития относительно новых общественных отношений, связанных с реновацией неэффективно используемых территорий.

Литература:

1. *Поставная Н.П.* Правовые основы участия органов публичной власти в градостроительной деятельности : монография. М. : ИНФРА-М, 2022. 159 с.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской городской Думы о проверке конституционности части 3 статьи 3 Градостроительного кодекса Российской Федерации и подпункта 42 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 № 468-О.

Literature:

1. *Postavnaya N.P.* Legal bases of participation of public authorities in urban planning activities: monograph. M. : INFRA-M, 2022. 159 p.
2. On refusal to accept for consideration the request of the Moscow City Duma to verify the constitutionality of Part 3 of Article 3 of the Urban Planning Code of the Russian Federation and subparagraph 42 of paragraph 2 of Article 26.3 of the Federal Law On General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01.12.2005 № 468-O.

3. *Боголюбов С.А.* К какой отрасли относится законодательство о градостроительной деятельности / С.А. Боголюбов // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 7. С. 66–69.

4. *Болтанова Е.С.* Градостроительное право : учебник / Е.С. Болтанова, О.А. Романова, Л.Е. Бандорин. М. : Проспект, 2021. 312 с.

5. *Саудаханов М.В.* Человек и его право на достойную жизнь / М.В. Саудаханов // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2019. № 3. С. 44–46.

6. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ.

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

8. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

9. *Романова О.А.* О правовых механизмах обеспечения экологических прав при осуществлении градостроительной деятельности: теоретические и практические аспекты / О.А. Романова // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 3. С. 33–44.

10. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : РЮИД, «Сашко» 2000. 528 с.

3. *Bogolyubov S.A.* To which branch does the legislation on urban planning activity relate / S.A. Bogolyubov // *Agrarian and land law*. 2020. № 7. P. 66–69.

4. *Boltanova E.S.* Urban planning law : textbook / E.S. Boltanova, O.A. Romanova, L.E. Bandorin. M. : Prospect, 2021. 312 p.

5. *Saudakhanov M.V.* Man and his right to a decent life / M.V. Saudakhanov // *Education. The science. Scientific personnel*. 2019. № 3. P. 44–46.

6. On the general principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation: Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021.

7. On the General principles of the Organization of Local Self-government in the Russian Federation: Federal Law № 131-FZ of October 06, 2003.

8. On Environmental Protection: Federal Law № 7-FZ of 10.01.2002.

9. *Romanova O.A.* On legal mechanisms for ensuring Environmental rights in the Implementation of Urban Development activities: theoretical and practical aspects / O.A. Romanova // *Lex russica*. 2020. Vol. 73. № 3. P. 33–44.

10. *Avakyan S.A.* Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M. : RYUID, «Sashko», 2000. 528 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акопова Елена Сергеевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры коммерции
и логистики, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
akopova-sovet@mail.ru

Акопов Сергей Эдуардович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики
и международных отношений,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
akopova-sovet@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ
САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. Глобальные процессы, распространившиеся в мировом экономическом пространстве, вовлекли большое количество государств в международные социальные, политические, культурные и, безусловно, экономические связи, значение которых для развития экономики со временем имеет тенденцию к увеличению. В статье отражены вопросы, связанные с анализом мировой экономики в условиях глобальных санкций и санкционной политики западных стран. Социально-экономический урон от введенных США и Европой санкций привел к значительному замедлению роста мировой экономики в 2022 г. Внешнее санкционное давление стимулирует государство вести оперативную экономическую политику, направленную на развитие российской экономики.

Ключевые слова: мировая экономика, глобальная экономика, санкционная политика, трансформационные изменения, глобальные экономические санкции.

Глобальные процессы, распространившиеся в мировом экономическом пространстве, вовлекли большое количество государств в международные социальные, политические, культурные [1; 2] и, безусловно, экономические связи, значение которых для развития экономики со временем имеет тенденцию к увеличению. Как подчеркивает С.В. Казанцев, экономика той или иной

Elena S. Akopova

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State Economic University (RINH)
akopova-sovet@mail.ru

Sergey E. Akopov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of
World Economy and International Relations,
Rostov State Economic University (RINH)
akopova-sovet@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department of Financial and HR,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**THE WORLD ECONOMY UNDER
THE GLOBAL SANCTION POLICY**

Annotation. Global processes that have spread in the global economic space have involved a large number of States in international social, political, cultural and, of course, economic ties, the importance of which for the development of the economy tends to increase over time. The article reflects issues related to the analysis of the world economy in the context of global sanctions and the sanctions policy of Western countries. The socio-economic damage from the sanctions imposed by the US and Europe led to a significant slowdown in global economic growth in 2022. External sanctions pressure stimulates the state to pursue an operational economic policy aimed at developing the Russian economy.

Keywords: world economy, global economy, sanctions policy, transformational changes, global economic sanctions.

страны встроена в мировую экономическую систему и «является ее элементом. Она как элемент общей системы прямо и косвенно, непосредственно и опосредованно связана с частью или со всеми другими элементами этой мировой системы» [3, 2021, с. 10]. В этой связи, очевидным является тот факт, что экономика того или иного государства зависит не только от самого

государства, но и от глобальных мировых процессов, связанных с международной геополитической обстановкой, значимостью государства в мировом экономическом пространстве, а также, введенных ограничительных и запретительных мер по отношению к тому или иному государству.

Что же представляют собой глобальные экономические санкции? Прежде всего, стоит отметить, что экономика глобальных санкций, будучи областью научных исследований экономистов западных стран, является составным компонентом экономической институциональной теории. Это детерминировано тем, что санкционная политика Европы и США – стратегический курс внешней экономической политики.

Что касается российских экономистов, то именно в свете социально-политических событий последних лет и давления со стороны западных стран, начиная с 2014г., стал возникать научный интерес к исследованию глобальных экономических санкций. В докладе «Санкции против России: взгляд в 2021 г.», И.Н. Тимофеев констатирует, что в 2020 г. Российский совет по международным делам (РСМД) запустил работу над новой базой данных событий в области политики санкций («База санкционных событий» – БСС). Единицей экономического анализа является отдельное событие в области санкций. «В их числе:

- введение санкций, их отмена или продление; использование принудительных мер в том или ином виде;
- предоставление исключений из режимов санкций, в том числе гуманитарных;
- декларации о необходимости использовать санкции или же их отмены;
- присоединение к режимам санкций других стран и др.» [4, с. 5].

В большинстве существующих исследований глобальные экономические санкции идентифицируются как мера воздействия, инструмент принуждения, предпринимаемый группой стран, который применяется к другим государствам в ущерб их социально-экономическим и политическим интересам, в ситуации осуществлении ими действий, нарушающих правила и нормы, установленные международным правом [5].

Глобальные экономические санкции, введенные в начале XXI в., являются важным, обоюдоострым (как для России, так и для Европейского союза) инструментом внешней политики. Введение санкций, как показывает мировая экономика, неизбежно приводит к трансформационным изменениям, оказывающим влияние на экономику, политику и торговые отношения на международном уровне, причем, такое влияние оказывается как отрицательным, так и положительным.

Цель всяких экономических санкций – поставить перед необходимостью правительство того или иного государства изменить свою политику. Т.е., безусловно, что санкции применяют с целью добиться проведения в определенной стране

социальных или политических изменений. Как правило, санкции принимают форму ограничений на импорт или экспорт либо на проведение финансовых операций. Конфликт между Россией и Украиной, который начался в марте 2014 года, привел к экономическим санкциям, введенным западными странами, в том числе, членами Европейского Союза по отношению к России. В качестве реакции, Россия ввела ответные ограничительные санкции [6].

США и Европейский союз являются наиболее активными инициаторами санкционных событий: так, на США «приходится 449 эпизодов из 850 или 52,8 %»; на ЕС «приходится 110 событий (12,94 %)» [4, с. 6]. По данным макроэкономического анализа, проведенного И.Н. Тимофеевым, свыше 60% санкционных событий носят негативный характер [4, с. 8].

По данным экспертов-экономистов, социально-экономический урон от введенных США и Европой санкций привел к значительному замедлению роста мировой экономики в 2022 г. [7]; причем, подобная тенденция прогнозируется на перспективу. Так, по мнению экономистов, 2023 год для мировой экономики будет тяжелым «после внушительного роста на 6 % в постковидном 2021 году», по итогам 2022 года, ее рост «затормозится до 2–3 %, а в 2023 году и, вообще, не превысит 2 %»; торможение уже достаточно заметное, особенно, это касается крупных экономик Европы и США, и первостепенное значение имеют, диктуемая санкционная политика Запада и введения новых пакетов санкций [8].

Как известно, мировая экономика представляет собой сложно организованную систему, возникшую в ходе общественного разделения труда, которая характеризуется совокупностью отдельных отраслей хозяйства [9, с. 65], связанных между собой системой международного разделения труда и общественно-экономических отношений. В результате формирования международного разделения труда и экономических отношений, а также, экспорта и импорта, развивается взаимозависимость национальных экономических пространств [9, с. 65].

Глобальная санкционная политика оказывает определенный прессинг на мировую экономику по аналогии массового локдауна в период пандемии, поскольку стоимость на сырье, нефть, энергоресурсы беспрецедентно повышается, инфляционные процессы в мировой экономике западных стран и США бьют рекордные значения, трансформируется система монетарного устройства и политического миропорядка в целом [10].

Согласно данным электронного ресурса Форбс, санкционная политика Запада стала триггерным механизмом, запустившим процесс рецессии экономики в США, в странах ЕС и Великобритании. Индекс деловой активности PMI в большинстве развитых стран устойчиво находится ниже 50 пунктов (последние показатели ближе к 44–45); падающий рынок недвижимости (упал на 25–30 % в зависимости от страны) влечет за собой депрессию в строительной индустрии; снижаются объемы международных транспортных перевозок

[11]. И на этом фоне даже рынки путешествий, отдыха и общественного питания (угроза продовольственного кризиса), так и не восстановив доковидные уровни занятости, обнаруживают признаки сокращения. Основной причиной рецессии является рост ставок в условиях тотальной санкционной политики [12].

Д.В. Манушин приходит к умозаключению о том, что мировая экономика «деглобализируется, обретает новые свойства, изменяющие процесс ее функционирования, и переходит в новое качество – мировую санкционную экономику», основанную на санкционной политике [13, с. 350].

Санкционная политика, как было сказано ранее, имеет как отрицательное, так и положительное влияние на российскую экономику.

По отношению к российской экономике, отрицательным является:

- во-первых, девальвация курса рубля;
- во-вторых, удар по инвестициям и стагфляция в российской экономике;
- в третьих, снижение темпов роста ВВП.

Однако положительными факторами для российского экономического пространства являются:

- во-первых, курс на импортозамещение и развитие аграрного сектора;
- во-вторых, ориентир на развитие отечественных базовых отраслей, ведущий к увеличению общего уровня инвестиций;
- в-третьих, развитие отечественных технологий и развитие российских производителей во многих отраслях промышленности, в особенности, военной.

В целом, внешнее санкционное давление, как показывает практика, стимулирует государство вести оперативную экономическую политику, направленную на интенсивное развитие российской экономики.

Введенные санкции имеют определенные последствия и для мировой экономики западных стран. Так, продовольственное эмбарго, введенное в 2014 г., нанесло серьезный удар по европейской экономике. В этой связи, российские экономисты Г.Р. Шагеева и Р.Р. Галиахметова выдвигают предположение о том, что нынешний

Литература:

1. Neoliberal trends in the global economy / E.S. Akopova [et al.] // Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Springer International Publishing AG. 2019.
2. Гафиатулина Н.Х. Моделирование социально-политических процессов в условиях неопределенности : учеб. пособие в двух частях для студентов-магистров. Ростов-н/Д. : ЮФУ, 2016. Ч. II. 145 с.

кризис, связанный с проведением спецоперации на Украине, вероятно, повлияет на мировую экономику и повлечет за собой дальнейшее «изменение цен на сырьевые товары и нарушение цепочек поставок сырьевых товаров», кроме того, авторы прогнозируют высокий рост инфляции в странах ЕС [14, с. 6].

А.В. Шаповалова и М.С. Чистяков подчеркивают, что ускоренный рост инфляции и спад экономики – это главные проблемы мировой экономики, которые, надо заметить, «имели место еще до специальной военной операции на Украине. Однако ухудшение прогноза связано с эскалацией геополитической напряженности и ужесточением санкций. Произойдет распространение вторичных эффектов санкционного давления в мировых масштабах через рынки сырьевых товаров, торговые и финансовые каналы» [7, с. 28].

На данном этапе, политика санкций против России характеризуется стабилизацией, текущие санкционные события значимо не влияют на макроэкономическую ситуацию в России, санкционный риск значим для России с точки зрения отдельных компаний, проектов и отраслей.

Таким образом, глобальные санкции, введенные США и ЕС по отношению к России несут в себе положительный стимул, направленный, прежде всего, на работу государства по активному развитию национальной экономики.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что российской экономике в условиях санкционной политики важно взять курс на:

- развитие инструментов национальной платежной системы;
- отработку применения специальных экономических мер (контрсанкций);
- постепенную деолларизацию;
- внедрение специальных мер по снижению административных барьеров ведения предпринимательской деятельности; взаимодействие и сотрудничество органов государственной власти, бизнес-сектора и экспертного экономического сообщества в рамках тематики глобальных санкций;
- развитие социально-экономических и политических отношений с дружественными странами.

Literature:

1. Neoliberal trends in the global economy / E.S. Akopova [et al.] // Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Springer International Publishing AG. 2019.
2. Gafiatulina N.Kh. Modeling of Socio-Political Processes under Uncertainty : textbook in two parts for master students. Rostov-on/D. : YuFU, 2016. 145 p.

3. *Казанцев С.В.* Антироссийские санкции: оценка ущерба. Новосибирск, 2021. 212 с.
4. *Тимофеев И.Н.* Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 / И.Н. Тимофеев; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 24 с.
5. *Ткаченко Е.Д.* Понятие, цели, принципы применения экономических санкций в международной торговой практике / Е.Д. Ткаченко // Молодая наука Сибири. 2020. № 2(8). С. 339–347.
6. *Рашитова Е.И.* Российская экономика в условиях санкций / Е.И. Рашитова // Экономист года 2016: в сборнике статей III Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2016. С. 37–42.
7. *Шаповалова А.В.* Перспективы развития мировой экономики в условиях специальной военной операции и санкционного давления / А.В. Шаповалова, М.С. Чистяков // Ученые записки российской академии предпринимательства. 2022. Т. 21. № 3. С. 19–30.
8. URL : <https://tass.ru/ekonomika/16680551>
9. *Ломакин В.К.* Мировая экономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям. М., 2007. 671 с.
10. *Акопова Е.С.* Национальный бизнес в условиях глобализации / Е.С. Акопова, Г.А. Крятова, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 343–346.
11. *Акопова Е.С.* Мировая транспортно-логистическая инфраструктура: Цифровая трансформация 2020 года / Е.С. Акопова, Е.К. Пиливанова, С.И. Самыгин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.
12. URL : <https://www.forbes.ru/mneniya/483185-hrupkij-mir-cto-grozit-global-noj-ekonomike-v-2023-godu>
13. *Манушин Д.В.* Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта / Д.В. Манушин // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 2. С. 345–369.
14. *Шагеева Г.Р.* Влияние санкционной политики России на мировую экономику / Г.Р. Шагеева, Р.Р. Галиахметова // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. № 5(92). С. 5–7.
3. *Kazantsev S.V.* Anti-Russian Sanctions: Damage Assessment. Novosibirsk, 2021. 212 p.
4. *Timofeev I.N.* Sanctions Against Russia: A View in 2021: Report 65/2021 / I.N. Timofeev; Russian International Affairs Council (RIAC). M. : NP RIAC, 2021. 24 p.
5. *Tkachenko E.D.* The concept, goals, principles of applying economic sanctions in international trade practice / E.D. Tkachenko // Young science of Siberia. 2020. № 2(8). P. 339–347.
6. *Rashitova E.I.* The Russian economy under sanctions / E.I. Rashitova // Economist of the Year 2016: in the collection of articles of the III International Scientific and Practical Competition. Penza, 2016. P. 37–42.
7. *Shapovalova A.V.* Prospects for the development of the world economy in the conditions of a special military operation and sanctions pressure / A.V. Shapovalova, M.S. Chistyakov // Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2022. Vol. 21. № 3. P. 19–30.
8. URL : <https://tass.ru/ekonomika/16680551>
9. *Lomakin V.K.* World economy: a textbook for university students studying in economic specialties and areas. M., 2007. 671 p.
10. *Akopova E.S.* National business in the context of globalization / E.S. Akopova, G.A. Kryatova, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 343–346.
11. *Akopova E.S.* World transport and logistics infrastructure: Digital transformation in 2020 / E.S. Akopova, E.K. Pilivanova, S.I. Samygin // State and municipal management. Scientific notes, 2021. № 1.
12. URL : <https://www.forbes.ru/mneniya/483185-hrupkij-mir-cto-grozit-global-noj-ekonomike-v-2023-godu>
13. *Manushin D.V.* World sanctions economy, sanctions, counter-sanctions and a new world currency / D.V. Manushin // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. № 2. P. 345–369.
14. *Shageeva G.R.* The impact of Russia's sanctions policy on the world economy / G.R. Shageeva, R.R. Galiakhmetova // Universum: Economics and Law. 2022. № 5(92). P. 5–7.

Гумеров Марат Фаридович
доктор экономических наук,
профессор кафедры цифровой экономики,
управления и бизнес-технологий,
Московский технический
университет связи и информатики
maratushka85@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОДЕЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ СОВРЕМЕННЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье являются новые подходы к выработке управленческих решений в компаниях, реализующих цифровую трансформацию своего бизнеса. В основе этих подходов лежат три компонента: системная экономика, стилевые особенности управления и феноменологическое моделирование. Этот вид моделирования вот уже на протяжении длительного времени успешно используется в технических дисциплинах для подбора условий переработки отдельных видов материалов. Предлагается перенести этот опыт в сферу управления цифровой трансформацией бизнеса современных компаний.

Ключевые слова: цифровая трансформация бизнеса компании; принятие экстренных решений нестандартных проблем; теория систем; управленческие функции; феноменологическое моделирование.

Современная экономика переживает переход на новый, 6-й технологический уклад, главной отличительной чертой которого становится доминирующая роль в создании прибавочного общественного продукта четырех групп технологий: нано-, биологических, когнитивных и информационных [4]. Развитие и внедрение технологий последней группы в бизнесе современных компаний связано с его цифровой трансформацией. Это достаточно сложное явление, охватывающее разноплановые социально-экономические процессы, и управление его ходом должно опираться на следующие принципы [5, 6, 7]:

- научное обоснование всех управленческих решений и воздействий, их опора на результаты регулярного мониторинга;
- учет потенциальных синергетических эффектов трансформации, способных радикально изменить эффективность бизнеса;
- учет связи результатов цифровой трансформации с долгосрочной стратегией развития компании.

Marat F. Gumerov
Doctor of Economic Sciences,
Professor of the Department
of Digital Economy, Management
and Business Technologies,
Moscow Technical University
of Communications and Informatics
maratushka85@gmail.com

PERSPECTIVES OF MODEL INSTRUMENTS' DEVELOPMENT IN MANAGING DIGITAL TRANSFORMATION OF MODERN COMPANIES

Annotation. The object of the present article is new approaches to decision-making in management of a company's business digital transformation. These new approaches are based on three components: system economics, specific of managerial style and phenomenological modeling. This kind of modeling is being used for a long period already in nature studying and technics for designing production circumstances of particular materials. We offer to accept this experience to arena provided with management of modern companies' business digital transformation.

Keywords: digital transformation of a company's business; emergent decision-making for unstandardized problems; theory of systems; managerial functions; phenomenological modeling.

При этом главной проблемой в сфере управления цифровой трансформацией, как в общем-то и внедрением любых новшеств в современном бизнесе, остается частое возникновение проблем нестандартного характера, не имеющих прецедентов для сравнения из прошлого, но при этом требующих выработки менеджерами решений в ускоренном, экстренном режиме, при котором нет большого запаса времени для глубинного анализа ситуации. Ранее в работах [2, 3] была обоснована необходимость применения феноменологических моделей для выработки управленческих решений подобного рода, направленных на преодоление нестандартных проблем в ходе внедрений новаций в работу компаний. Разработанный в этих трудах подход синтезирует идеи двух популярных сегодня управленческих концепций: системного менеджмента [9], – управления изменениями [1, 8].

Синтезированный на базе этих двух концепций подход к выработке решений опирается на базовые понятия, которые применительно к управлению цифровой трансформацией бизнеса компании, обретают следующие толкования:

– *управляемая объектная система* (обозначение – δM ; δ – объект, M – *managed*, управляемый) – это компания, ресурсами которой имеет право распоряжаться ЛПР, в результате принятия им управленческого решения она направляет часть своих ресурсов в систему – проект, связанный с цифровой трансформацией;

– *релевантные объектные системы* – другие компании, направляющие или потенциально способные направлять свои ресурсы на проекты, аналогичные тому, что реализует наша компания (обозначение – $\delta 1 \dots \delta n$);

– *средовая система* (α) – рынок, на котором действуют все упомянутые выше компании;

– *процессная система* (β) обеспечивает передачу ресурсов схожими компаниями на схожие проекты;

– *проектная система* (γ) – результат направления конкретной компанией ресурсов на конкретные действия, связанные с цифровой трансформацией своего бизнеса.

Мегасистема, объединяющая все четыре типа систем, в рамках предлагаемого подхода рассматривается как экономическая тетрада, обеспечивающая цифровую трансформацию бизнеса компаний, работающих на рынке конкретного вида продукции. Здесь управляемая компания δM и релевантные ей компании, работающие на этом же рынке $\delta 1 \dots \delta n$, взаимодействуют с k -тым количеством процессных систем, и в результате данного взаимодействия возникают проекты цифровой трансформации бизнесов всех этих компаний в количестве $(n + 1) * k$. Каждый такой проект обозначается двузначным индексом, где первый знак – номер объекта ($1 \dots n$, M), второй знак – номер процесса ($1 \dots k$). При этом в виду того, что каждая компания является элементом рыночной среды, его экономический показатель x_δ рассматривается в зависимости от показателя этой среды x_α . А каждый проект цифровой трансформации рассматривается как элемент процесса, соответственно x_γ измеряется в зависимости от x_β

$$(x_\gamma = x_\gamma(x_\beta)).$$

$$x_\delta = X_\delta(x_\alpha) = X_\delta(x_{\delta 1} \dots x_{\delta n}).$$

В исследовании рассматривается ситуация, когда менеджер разрабатывает экстренное управленческое решение нестандартной проблемы о параметрах диффузии своей компании-объекта в некий новый процесс цифровой трансформации бизнеса и использует информацию за довольно ограниченный период времени – как правило, не более 1–1,5 лет, предшествующих моменту принятия решения. А этот временной отрезок характеризуется тем, что уже с самого его начала имеет место движение в экономическом

пространстве – времени не только управляемой компании (который по времени никогда не ограничен), но и нового процесса цифровой трансформации, предполагаемого к взаимодействию с ней в результате принятия решения. Процесс цифровой трансформации бизнеса, согласно определению, ограничен во времени, но на краткосрочном интервале времени он по данному параметру оказывается не ограничен так же, как объект. Т.е. траектории движения управляемой компании 0 -объекта δM и нового процесса цифровой трансформации βN при построении модели на основе информации, взятой за краткосрочный интервал времени, оказываются в одной области экономического пространства – времени. При этом само взаимодействие δM и βN происходит в строго определенный момент времени, на котором заканчивается пространственно-временная область, в которую помещена экономическая тетрада, описывающая проблемную область рассматриваемого управленческого решения – поэтому далее это временной параметр будет обозначаться как $t_{кон}$. До наступления этого момента времени компания-объект управления δM на рассматриваемом временном интервале диффундирует с различными группами процессов трансформации бизнеса, количество групп составляет от 1 до n , и этим взаимодействиям соответствуют моменты времени $t_1 \dots t_n$. На этом же интервале времени новый процесс цифровой трансформации βN диффундирует с различными группами других компаний, число данных групп $1 \dots k$, взаимодействия происходят в моменты времени $t_1 \dots t_k$. В ходе дальнейшего исследования взаимодействия компании-объекта управления с различными группами процессов и взаимодействия нового процесса с различными группами объектов предлагается рассматривать через равные интервалы времени в пределах рассматриваемой области экономического пространства времени. Т.е. предлагается весь интервал времени, данные за который используются для построения феноменологической модели, разделить на l равных промежутков, заканчивающихся в точках соответственно $t_1 \dots t_l$, и в каждый из этих моментов времени должны оцениваться соответствующие ему параметр взаимодействия объекта управления в общую совокупность всех процессов, с которыми он диффундирует именно в этот момент, и параметр взаимодействия нового процесса в совокупность всех объектов, с которыми он диффундирует также именно в этот момент времени. Таковы общие принципы нового методологического подхода к выработке экстренных решений нестандартных проблем в ходе управления цифровой трансформацией бизнеса компании, который подлежит адаптации к особенностям конкретных ситуаций, возникающих в данной сфере. Дальнейшие исследования в этой сфере связаны с разработкой программной оболочки разработанного нотационного языка моделирования экономических тетрад, в которых реализуются данные процессы.

Литература:

1. Адизес И. Управляя изменениями. СПб. : Питер, 2008. 224 с.

Literature:

1. Adizes I. Managing change. SPb. : Peter, 2008. 224 p.

2. *Гумеров М.Ф.* Проблема оперативности изменений в организационном менеджменте отечественных организаций и предприятий / М.Ф. Гумеров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 2. С. 13–18.
3. *Гумеров М.Ф.* Формирование управленческой команды в организационном менеджменте на основе феноменологического моделирования / М.Ф. Гумеров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 1. С. 32–35.
4. *Дрогобыцкий И.Н.* Системная кибернетизация организационного управления. М. : Вузovsky textbook, 2018. 333 с.
5. Синергия цифровой трансформации бизнеса и инфокоммуникационной инфраструктуры / Т.А. Кузовкова [и др.] // Инновации в менеджменте. 2020. № 4(26). С. 14–23.
6. *Салютин Т.Ю.* Стратегическое управление развитием инфокоммуникационных компаний / Т.Ю. Салютин, Е.Е. Володина, Е.Г. Кухаренко // Экономика и качество систем связи. 2018. № 1 (17). С. 3–11.
7. Принципы и методы мониторинга развития инфокоммуникационной инфраструктуры во взаимосвязи с цифровизацией экономики и общества / Т.Ю. Салютин [и др.] // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2021. № 4. С. 112–121.
8. *Adizes I.* The Pursuit of Prime. Santa Monica, USA : Knowledge Exchange, 1996.
9. *Kleiner G.B.* Transition of firms from the traditional to ecosystem form of business: the factor of transaction costs / G.B. Kleiner, V.A. Karpinskaya // Lecture notes in networks and systems. 2020. № 110. P. 3–14.
2. *Gumerov M.F.* The problem of the efficiency of changes in the organizational management of domestic organizations and enterprises / M.F. Gumerov // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and law. 2017. № 2. P. 13–18.
3. *Gumerov M.F.* Formation of a management team in organizational management based on phenomenological modeling / M.F. Gumerov // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and law. 2016. № 1. P. 32–35.
4. *Drogobytzky I.N.* System cybernetization of organizational management. M. : Vuzovsky textbook, 2018. 333 p.
5. Synergy of digital transformation of business and infocommunication infrastructure / T.A. Kuzovkova [et al.] // Innovations in management. 2020. № 4(26). P. 14–23.
6. *Salyutina T.Yu.* Strategic management of the development of infocommunication companies / T.Yu. Salyutina, E.E. Volodina, E.G. Kukharenko // Economics and quality of communication systems. 2018. № 1(17). P. 3–11.
7. Principles and methods of monitoring the development of infocommunication infrastructure in conjunction with the digitalization of the economy and society / T.Yu. Salyutina [et al.] // Resources, Information, Supply, Competition. 2021. № 4. P. 112–121.
8. *Adizes I.* The Pursuit of Prime / I. Adizes. Santa Monica, USA : Knowledge Exchange, 1996.
9. *Kleiner G.B.* Transition of firms from the traditional to ecosystem form of business: the factor of transaction costs / G.B. Kleiner, V.A. Karpinskaya // Lecture notes in networks and systems. 2020. № 110. P. 3–14.

Дроздович Ирина Викторовна
магистрант,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Институт промышленного менеджмента,
экономики и торговли
irinadr27@yandex.ru

Богданова Татьяна Александровна
кандидат экономических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Bogdanova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕЦИКЛИНГА МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Аннотация. Одной из основных проблем, возникших в результате антропогенной деятельности человечества, является образование отходов производства и потребления, которые занимают особое место из-за своих определенных характеристик. Цель исследования – провести анализ существующей системы рециклинга медицинского оборудования в России, выявить ее узкие моменты и предложить пилотный проект по ее модернизации. Применение эффективных принципов системы рециклинга медицинского оборудования позволит осуществить развитие производства медицинской продукции и оборудования.

Ключевые слова: рециклинг, утилизация, медицинские отходы, индустрия, цифровизация, циркулярная экономика, медицинское оборудование.

Во многих направлениях промышленного производства как никогда остро стоит тема утилизации отходов. С каждым годом растет количество вредных выбросов в окружающую среду. Именно поэтому так важно понимать современные технологии утилизации отходов, активно использовать их в своей деятельности, чтобы минимизировать все возможные риски и снизить негативное влияние на окружающую среду.

Каждая отрасль, в своей повседневной деятельности производит разные типы твердых отходов. Существуют различные методологии, которые помогают справиться с данной проблемой, уменьшить негативное воздействие на экологию.

Современное оборудование для переработки отходов позволяет обеспечить максимальную обработку мусора с целью дальнейшего использования. Например, медицинские отходы можно

Irina V. Drozdovich
Graduate Student,
St. Petersburg Polytechnic
Peter the Great University
Institute of Industrial Management,
Economy and Trade
irinadr27@yandex.ru

Tatiana A. Bogdanova
Candidate of Economic Science,
Assistant Professor,
St. Petersburg Polytechnic
Peter the Great University
Bogdanova@yandex.ru

MODERN TECHNOLOGIES OF MEDICAL EQUIPMENT RECYCLING

Annotation. One of the main problems that have arisen as a result of anthropogenic human activity is the formation of production and consumption waste, which occupy a special place because of their specific characteristics. The purpose of the study is to analyze the existing medical equipment recycling system in Russia, identify its bottlenecks and propose a pilot project for its modernization. The application of effective principles of the medical equipment recycling system will allow the development of the production of medical products and equipment.

Keywords: recycling, recycling, medical waste, industry, digitalization, circular economy, medical equipment.

использовать для ландшафтных работ и дизайна. Разные технологии переработки подразумевают применение целого комплекса средств, направленного на получение высококачественного результата [2].

4 основные направления для оказания положительного влияния рециклинга медицинского оборудования:

1. Создание чистого и безопасного производства.
2. Разработка экологических инноваций.
3. Формирование устойчивых партнерских отношений.
4. Создание возможностей для людей и поддержка общества.

В рамках стратегии устойчивого развития, необходимо сделать устойчивыми бизнес-процессы и оказывать положительное влияние на внутренние и внешние заинтересованные стороны, и окружающую среду, в то время как необходимо одновременно обеспечить экономический рост и создание добавленной стоимости.

Рассмотрим технологии, применяемые для утилизации медицинских и биологических отходов.

Установки для утилизации медицинских и биологических отходов производительностью 5, 10, 15 и 20 тонн в сутки.

Основные преимущества данных установок:

- устранение сбоя пламени горелки и остановок комплекса при загрузке отходов в реактор;
- наилучшие показатели выбросов загрязняющих веществ в отходящих газах (соответствуют требованиям российского законодательства и ниже стандартов ЕС);
- отсутствие дорогостоящих сменных фильтров, накапливающих опасные вещества в системе фильтрации;
- самодостаточность завода;
- мобильность завода;
- возможность работы, как в непрерывном, так и в циклическом режимах;
- надежность установки, возможность непрерывная работа агрегатов завода до 360 дней в году;
- возможность эксплуатации установки в различных климатических зонах (от $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $+60\text{ }^{\circ}\text{C}$).

Особенности работы установки заключаются в отдельном запуске: сначала начинается дожигание дымовых газов – период прогрева от 2 до 5 минут в зависимости от температуры и влажности окружающей среды, а затем запускается реактор установки [1].

Этот метод позволяет исключить несанкционированный выброс патогенной микрофлоры с парами холодного дыма через дымовую трубу или дымоходную дорожку. Это обеспечивает безопасность уничтожения опасных патогенов, присутствующих в отходах, которые должны быть устранены даже на начальном этапе, когда стены и камера не прогреты до безопасных температур $600\text{--}800$ градусов Цельсия. Подобный безопасный процесс уничтожения не может быть реализован на других установках по утилизации отходов даже при использовании дымовых фильтров и повышенном расходе топлива.

Преимуществом данного метода переработки и утилизации отходов от всех существующих аналогов является использование принципа турбореактивной термической деструкции и последующей сепарации,

получаемого высококалорийного синтетического газа в комплексах переработки углеродосодержащих отходов, а так же непрерывность процесса, протекающего в замкнутом объеме при помощи камер сгорания вихревого противоточного типа, что предотвращает образование вредных выбросов в продуктах сгорания и исключает необходимость использования сменных фильтров в системе очистки дымовых газов при утилизации отходов.

Выбросы в атмосферу и зольный остаток соответствуют всем нормам по Российским и Европейским стандартам.

Микробиологические отходы обрабатываются безопасным и экологически чистым способом и затем могут быть утилизированы в качестве бытовых отходов.

Таким образом, существующие устройства гарантируют, что медицинские отходы больше не представляют опасности для человека и окружающей среды.

Инфекционные отходы всё еще продолжают утилизировать, прежде всего, в развивающихся странах путем сжигания. Этот способ имеет с экономической, а также, экологической точки зрения много недостатков. Благодаря прибору переработки идёт осознанно другим путём. Вместо того, чтобы транспортировать из больниц и затем сжигать опасные отходы, утилизация может осуществляться на месте: эффективным, безопасным и простым в обращении способом. Принцип технологии: стерилизация или дезинфекция отходов за счёт собственной разработанной и запатентованной микроволновой технологии насыщения пара [6].

Контейнер переработки медицинских отходов – мобильный и быстро готовый к использованию. Если не хватает места в больнице или требуется максимально быстрое развертывание в точках напряжения, контейнер может в этом помочь. Этот стандартный контейнер быстро готов к использованию и содержит *sinTion* и *shredTion*. Инфекционные отходы стерилизуются, дезинфицируются и измельчаются гибким и мобильным способом.

ShredTion медицинское оборудование для переработки отходов. *ShredTion* измельчает дезинфицированные медицинские отходы. Устройство может гибко сочетаться с *sinTion*. Отходы измельчаются до размера гранулят, что обеспечивает значительное сокращение отходов [8].

Преимущества *shredTion*:

Экономичное сокращение количества продезинфицированных медицинских отходов.

Подача отходов, регулируемая датчиком веса, обеспечивает равномерное и безопасное для аппарата измельчение.

Медленно вращающийся мотор (25 оборотов в минуту) для обеспечения высокого вращающего момента и сокращения износа.

Низкие эксплуатационные расходы, безопасная работа с помощью современной системы программного управления.

Преимущества sinTion:

- Не требуется транспортировка инфекционных отходов.
- Предотвращается экологически вредного сжигание отходов на месте их возникновения в больницах.
- Высокоэффективная дезинфекция/стерилизация благодаря сочетанию микроволн и насыщенного пара.
- Отсутствие химических добавок.
- Простота в эксплуатации.
- Экологически безопасная технология.
- Высокоэффективная дезинфекция/стерилизация благодаря сочетанию микроволн и насыщенного пара.
- Отсутствие химических добавок.
- Не требуется предварительного измельчения отходов.
- Сушка под вакуумом.
- Простое и безопасное обслуживание посредством современной системы программного управления и индикаторного табло.
- Диагностика неисправностей и автоматическое выключение.
- Высокая пропускная способность (до 210 литров отходов в час).
- Автоматическая непрерывная печать отчета.
- Семинары и индивидуальные консультации по эффективному обращению с микробиологическими отходами.
- Легкая адаптация к местным условиям, возможно контейнерное решение.
- Высокое микробиологическое воздействие на все вирусы (включая коронавирус).

Государство взяло на себя обязательства бороться с изменениями климата в глобальном и локальном масштабе нашей деятельности и сокращать вредные для климата выбросы в атмосферу. Изменение климата становится все более серьезной проблемой во всем мире из-за вредного воздействия диоксида углерода на ресурсы земли и общество. В то время как такие отрасли, как энергетика, нефть и газ, инфраструктура производят значительные выбросы в атмосферу, государственные органы работают над снижением негативного влияния. Благодаря государственным программам, осуществляется разработка улучшенных технологий и процессов [9].

Охрана здоровья и охрана труда, а также, техника безопасности имеют для государства приоритетное значение для обеспечения безопасности производственных процессов. Каждая организация имеет свой собственный отдел по охране здоровья, труда, техники безопасности и экологическому менеджменту (HSE), отдел системы менеджмента по защите здоровья и безопасности труда, а также, должна внедрять такие системы как менеджмент обеспечения качества и экологический менеджмент в соответствии с локальными, международными директивами и стандартами. Менеджеры во всех крупных предприятиях России, на всех стройплощадках, старательно проявляют заботу и обеспечивают безопасность, охрану труда и окружающей среды. Кроме того, менеджеры на всех уровнях дополнительно информируют о мерах по предотвращению несчастных случаев, а также по вопросам безопасной рабочей среды и охраны окружающей среды [7].

Ноу-хау, накопленное российскими учеными в таких областях, как сооружение промышленных установок, утилизация отходов, а также, исследование и разработки инновационных технологий, формирует основу для создания комплексных установок, которые в состоянии перерабатывать все потоки отходов в пределах одной интегрированной системы. Цель рециклинга медицинского оборудования— не только полное устранение отходов, но также их преобразование в энергию и новые сырьевые материалы, например, протеин для животных кормов, биодизельное топливо и иные инновационные продукты. Это решение образует центральный элемент в экологически устойчивой экономике замкнутого цикла [10].

Основная идея, одновременно инновационная и устойчивая, состоит в следующем: вместо того, чтобы уничтожать миллионы тонн биологических отходов, их используют для производства питательных растворов для личинок, которые, в свою очередь, перерабатываются в высококачественный белковый корм для рыб и кур. Вследствие этого, достигается многогранный положительный эффект для окружающей среды – наряду с экологичной обработкой биологических отходов технология с применением насекомых также способствует защите окружающей среды, потому что заменяет используемую в широких масштабах в скотоводстве рыбную муку.

Новаторские технологии. Весь комплекс представляет собой особые вызовы для технологов и инженеров. Дело в том, что речь идет о разработке автоматического метода замещения всей цепочки биологических процессов – от очистки и подготовки питательного раствора из биологических отходов, выращивания личинок и до производства богатого протеином комбикорма для животных [3].

Результатом завершения строительства станет полностью автоматизированная установка с непрерывным производством кормов высочайшего качества, основанная на «умной» измерительной технике и технологическом процессе, учитывающем законы биологии [5].

Многие страны ставят перед собой цель использовать принцип замкнутого цикла с применением циклических моделей во всех сферах деятельности. Особое внимание сосредоточено на технологиях с нулевыми производственными отходами, которые требуют новой организации и реструктуризации ресурсов в замкнутом цикле без отходов с максимальным созданием добавленной стоимости. Многие страны реализуют самые современные технологии, связанные друг с другом и со следующим поколением Индустрия 4.0, от возникновения идеи до экономики замкнутого цикла и прокладывают путь для эффективного, безотходного и устойчивого обращения со всеми видами отходов.

Основной целью является создание экологичного и чистого производства в процессе всей цепочки извлечения ценности, в которой минимизируются выбросы, отходы и загрязнение, и получается максимальная эффективность. При этом необходимо предотвратить негативное воздействие

Литература:

1. *Акри Е.П.* Современные методы утилизации и переработки строительного мусора / Е.П. Акри, Д.Г. Пташинский // Тенденция развития науки и образования. 2020. № 60-1. С. 76–78.
2. *Батова Н.* Циркулярная экономика в действии: формы организации и лучшие практики. 2018 BEROC Green Economy Policy Paper Series, PP / Н. Батова, П. Сачек, Т. Тоцицкая. № 5. URL : <https://www.ipm.by/upload/medialibrary/7e1/7e10ed60717f6bfd0a93d2ee8829a22a.pdf>
3. *Белюсова Е.Е.* Проблемы и перспективы развития авторециклинга в г. Москве. Зарубежный опыт / Е.Е. Белюсова // Бытовые отходы. URL : <https://www.solidwaste.ru/publ/view/321.html>
4. *Дадаев Я.Э.* Перспективы и угрозы четвёртой промышленной революции и их учёт при выборе направлений инновационного роста / Я.Э. Дадаев, С.Д. Хажмурадова // Общество, экономика, управление. 2019. № 4. С. 40–47. URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41539355_20867898.pdf
5. Индустрия восстановительного производства в мире. URL : <https://www.drive2.ru/o/b/516810323424969644>
6. *Комаров О.С.* Переработка и использование отходов, содержащих цветные металлы / О.С. Комаров, Д.О. Комаров, Н.И. Урбанович. Мн. : БНТУ. 2018. 113 с.
7. *Петров Р.Л.* О мировом опыте организации национальных систем авторециклинга / Р.Л. Петров // Рециклинг отходов. 2018. № 5(17). С. 2–11.
8. Рециклинг: опыт зарубежных стран и России. <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/4873>
9. Современные тенденции формирования системы рециклинга техники : научная монография /

бизнес-моделей на окружающую среду и общество. Здоровье и безопасность имеют при этом самый высокий приоритет для обеспечения безопасности производства. Экологически чистые способы производственной деятельности и инновационные продукты способствуют не только устойчивому развитию бизнеса, но и предоставляют клиентам и партнерам возможность внести собственный вклад по улучшению защиты окружающей среды [4].

Государство уделяет особое внимание созданию условий для устойчивого создания добавленной стоимости и роста, таким образом, концентрируясь на экономических, экологических и социальных факторах. При этом для государства, а также, для многих заинтересованных лиц экономическое развитие и устойчивое создание добавленной стоимости представляется особенно важным. Экологичные инновации создают как экономическую прибыль, так и представляют собой экологическую ценность.

Literature:

1. *Akri E.P.* Modern methods of utilization and recycling of construction debris / E.P. Akri, D.G. Ptashinsky // Trend in the development of science and education. 2020. № 60-1. P. 76–78.
2. *Batova N.* Circular economy in action: forms of organization and best practices. 2018 BEROC Green Economy Policy Paper Series, PP / N. Batova, P. Sacek, T. Tochitskaya. № 5. URL : <https://www.ipm.by/upload/medialibrary/7e1/7e10ed60717f6bfd0a93d2ee8829a22a.pdf>
3. *Belousova E.E.* Problems and prospects of development of car recycling in Moscow. Foreign experience / E.E. Belousova // Household waste. URL : <https://www.solidwaste.ru/publ/view/321.html>
4. *Dadaev Ya.E.* Prospects and threats of the Fourth industrial revolution and their consideration when choosing directions of innovative growth / Ya.E. Dadaev, S.D. Khazhmuradova // Society, economics, management. 2019. № 4. P. 40–47. URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41539355_20867898.pdf
5. The industry of restorative production in the world. URL : <https://www.drive2.ru/o/b/516810323424969644>
6. *Komarov O.S.* Processing and use of waste containing non-ferrous metals / O.S. Komarov, D.O. Komarov, Urbanovich N.I. Mn. : BNTU. 2018. 113 p.
7. *Petrov R.L.* On the world experience of organizing national systems of autorecycling / R.L. Petrov // Recycling of waste. 2018. № 5(17). P. 2–11.
8. Recycling: the experience of foreign countries and Russia <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/4873>
9. Modern trends in the formation of a recycling technology system : scientific monograph /

В.И. Игнатов, А.С. Дорохов, Ю.В. Трофименко, В.С. Герасимов, Р.Л. Петров; Под общ. ред. д-ра техн. наук В.И. Игнатова. М. : Перо, 2019. 557 с.

10. *Трубникова Е.* 7,75 млрд тонн: в России установлен абсолютный рекорд по образованию производственных отходов. 06 июля 2020. URL : <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/rekord-proizvodstvotkhod>

V.I. Ignatov, A.S. Dorokhov, Yu.V. Trofimenko, V.S. Gerasimov, R.L. Petrov; under the general editorship of Dr. of Technical Sciences V.I. Ignatov. M. : Pero, 2019. 557 p.

10. *Trubnikova E.* 7.75 billion tons: an absolute record for the formation of industrial waste has been set in Russia. July 06, 2020. URL : <https://finexpertiza.ru/press-service/research/2020/rekord-proizvodstvotkhod>

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
Popov-25@mail.ru

Котенкова Ирина Николаевна

старший преподаватель
кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
Milena.555@mail.ru

**АЛГОРИТМ ФОРМИРОВАНИЯ
ЗАТРАТ НА ТРАНСПОРТЕ
С УЧЕТОМ ТЕХНОЛОГИИ
ПЕРЕВОЗОЧНОГО ПРОЦЕССА**

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены вопросы формирования затрат на транспорте с учетом технологии перевозочного процесса. В логистике экономический эффект возникает от уменьшения транспортных издержек. Для этого необходимо, по их мнению, усовершенствовать движение транспорта, сократить холостые пробеги, согласовать графики для конкретных направлений, улучшить другие показатели транспорта.

Ключевые слова: логистика, перевозочный процесс, затраты, транспорт.

В логистике экономический эффект возникает от уменьшения транспортных издержек. Для этого необходимо усовершенствовать движение транспорта, сократить холостые пробеги, согласовать графики для конкретных направлений, улучшить другие показатели транспорта. Необходимо применять однотипные средства механизации, одинаковую тару, применять единые логистические приемы, чтобы достичь нужного экономического эффекта. Действовать нужно так, чтобы все связующие компоненты образовали единую логистическую систему, при которой

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Head of Department
Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
Popov-25@mail.ru

Irina N. Kotenkova

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
Milena.555@mail.ru

**ALGORITHM FOR THE FORMATION
OF COSTS IN TRANSPORT, TAKING
INTO ACCOUNT THE TECHNOLOGY
OF THE TRANSPORTATION PROCESS**

Annotation. In this article, the authors consider the formation of costs in transport, taking into account the technology of the transportation process. In logistics, the economic effect arises from the reduction of transport costs. To do this, it is necessary to improve the movement of transport, reduce idle runs, coordinate schedules for specific directions, and improve other indicators of transport.

Keywords: logistics, transportation process, costs, transport.

расходы на действия с грузом и ручной труд будут минимализированы [1]. При анализе расходов можно выделить следующие факторы, которые имеют наибольшее влияние:

В логистические расходы на транспорте прежде всего складываются из стоимости транспортировки грузов на различных видах транспорта, которая определяется как тариф. Тариф – цена за перевозку грузов, установленная перевозчиком на определенный период времени. В компании «Х» цена за перевозку зависит от километража и тоннажа транспорта.

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на расходы

В «Х»тарифная ставка зависит от пробега и тоннажности. Рассмотрим тарифы, соот-

ветствующие этим двум параметрам в таблице ниже.

Таблица 1

Транспортные расходы, руб.

Пробег/тоннаж	1,5 т	3,5 т	5 т
50 км	5321,05	6081,2	8185,7
100 км	5955,85	6865,5	9191,95
150 км	6591,8	7650,95	10198,2
200 км	7154,15	8435,25	10868,7
250 км	7784,35	9220,7	11834,9
300 км	8412,25	10005	12820,2
400 км	9670,35	11574,75	14772,9
500 км	10928,45	13144,5	16724,5
600 км	12186,55	14714,25	18677,2
700 км	13444,65	16284	20628,7

В данной таблице указаны уже итоговые транспортные расходы за рейс.

Так, например, наемный 1,5-тонник, проехавший 100 км обойдется компании в 5955,85 рублей, вычисляется как тариф за 100км + 15 % надбавка за 12 часовую рабочий день, куда входит загрузка водителем товара в ТС, выгрузка товара у клиента и доставка товара «до двери», в общем, сто процентное выполнение обязанностей, прописанных в договоре, 5179 – тариф за 100 км. Процент транспортных расходов, взятый за «идеальную норму», составляет 3 %.

Чтобы процент транспортных расходов не превышал 3 %, необходимо грамотно планировать километраж, проходимый транспортным средством и стоимость перевозимых в нем товаров. Так, например, для 100 км можно вычислить минимальную сумму, с которой %ТР не превысит норму. з этого исходит, что $5955,85/3\% = 198528,3$ рубля – это необходимая минимальная сумма заказов, перевозимых одним авто.

При построении маршрутов по городу учитываются районы, в которых располагаются клиенты доставки. Это необходимо для того, чтобы транспорт проехал как можно меньше порожнего пробега и как можно больше клиентов развез в одной географической зоне. Так, например, при максимальном количестве заказов 1 авто может развезти клиентов в одном определенном районе, в конкретной зоне, каких в г. Краснодаре условно 5 – Юбилейный мкр, Пашковский, Московский, Центральный, который делится на две части улиц Северная. Если в определенном районе сумма заказов не набирается до минимальной, то транспортное средство можно отправить на второй рейс, тогда учитывается время приемки и на

второй рейс оставляются клиенты в определенном районе с вечерним временем приемки, а более ранние клиенты развозятся в первый рейс. Помимо городских клиентов Доставка «Х» занимается доставкой товара клиентам, находящимся в Краснодарском крае. На сегодняшний день логистом сформирован график отгрузок.

График отгрузок – один из важнейших инструментов в перемещении товара от грузоотправителя к грузополучателю. Он помогает синхронизировать работу склада и сбытовых подразделений. У грузоотправителя и грузополучателя общая цель – к определенному времени и с наименьшими затратами переместить груз из места отправления в место назначения

Необходимой исходной информацией для формирования рабочего графика отгрузок являются следующие данные:

- территориальное расположение грузоотправителя/грузополучателя;
- прогнозы (планы) продаж, бюджет закупок, продажи предыдущих периодов грузополучателя;
- пропускная способность склада грузоотправителя/грузополучателя;
- наличие транспортных средств у грузоотправителя (личный, наёмный транспорт).

Также, при формировании графика отгрузок необходимо учитывать и обстоятельства непреодолимой силы, такие как погодные условия, в определённые месяцы года, а также сезонное закрытие дорог, поскольку в соответствии с этим есть ограничения в объёмах перевозимого груза в транспортных средствах.

Таким образом:

1. Отправка груза грузополучателям происходит согласно утвержденному графику отгрузок.
2. График отгрузок составляется на месяц и может быть скорректирован в соответствии с учетом факта отгрузки предыдущего месяца.
3. График отгрузок формируется, как правило, транспортным отделом грузоотправителя, и согласуется с группой распределения запасов, складом и грузополучателем.
4. Формирование графика отгрузок происходит с учетом потребности и равномерного потока отгрузки и приемки товара на складах грузополучателя.
5. Согласно утвержденному графику отгрузок, веса и объема, сформированной поставки, транспортный отдел компании заказывает необходимый транспорт.

На момент планирования маршрутов логист имеет данные по сумме заказов, количеству клиентов, направлениям и тоннажу, но не всегда итоговая сборка совпадает с планом. Например, на момент поступления заказов мы имеем сумму заказов без НДС 1900000 рублей, но итоговая сумма, по завершению сборки всех заказов может быть гораздо меньше, например, 1600000 рублей, где 300000 рублей будет считаться упущенной выгодой. Соответственно, сумма заказов, перевозимых одним ТС, может быть гораздо

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте : учеб. пособие / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.

меньше запланированной, и процент транспортных расходов будет превышен. Это происходит вследствие некачественной сборки, плохим срокам годности оставшейся на стоках продукции, отсутствия поставки свежего товара на ТЦ, отсутствия информации о местонахождении товара и некорректных стоках. Также, имеет место отсутствие предзаказа.

Предзаказы совершаются менеджером клиентского отдела. За каждым менеджером закреплена зона в городе, пул различных клиентов, которых он курирует. Он отвечает за корректность цен на продукцию, минимальную сумму заказа, контроль наличия заказанных товаров клиентом. Предзаказы, чаще всего, делаются на мясную, молочную и хлебную продукцию. Данные категории товаров имеют короткие сроки годности, и потому требуется отгрузка товара только с ближайших поставок. Клиент может совершить заказ на 50 кг мяса, так как видит их на стоке ТЦ, но не видит сроки годности данной позиции [2].

Если у данного продукта сроки будут превышать 1/3, то она не будет отгружена и, соответственно, компания потеряет часть прибыли. Каждый заказ необходимо прорабатывать, если нет возможности совершить предзаказ или поставка товара в ТЦ будет не в ближайшие дни, то с клиентом можно проработать список замен – альтернативных артикулов, схожих с основным заказом по цене и качеству.

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region : monograph / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.

Омарова Наида Гамидовна

кандидат экономических наук,
доцент,
Махачкалинский филиал
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического
университета (МАДИ)
omarova559@mail.ru

Магомедов Рамазан Ярахмедович

кандидат технических наук,
доцент,
Махачкалинский филиал
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического
университета (МАДИ)
ramazan_magomedov_78@mail.ru

Мурадалиев Закир Зиявутдинович

старший преподаватель,
Махачкалинский филиал
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического
университета (МАДИ)
333_79@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
ПОСЛЕДСТВИЙ ДТП**

Аннотация. Дорожно-транспортные происшествия являются социальной и экономической проблемой в любой стране. Непроизводственные издержки, обусловленные экономическим ущербом в виде порчи транспортных средств, перевозимых грузов, снижения работоспособности, страховых выплат и т.д., предполагают наличие объективного научного аппарата оценки необходимости которого определяет актуальность исследования. Объект исследования – транспортная система, как инфраструктурный элемент общественных систем. Предмет исследования – негативное состояние элементов транспортной системы, заключающееся в социально-экономическом ущербе общественных систем. Цель исследования – представить обобщенный метод экономической оценки последствий дорожно-транспортных происшествий. Результаты исследования: 1. Представлены статистические данные предметной области исследования; 2. Представлен обобщенный научно-обоснованный метод экономической оценки последствий дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: экономический ущерб, социальный ущерб, транспортная система, риск, внутренний валовой продукт.

Naida G. Omarova

Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Makhachkala branch
Moscow Automobile and Road
State Technical University (MADI)
omarova559@mail.ru

Ramazan Ya. Magomedov

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Makhachkala branch
of the Moscow Automobile
and Road Engineering
State Technical University (MADI)
ramazan_magomedov_78@mail.ru

Zakir Z. Muradaliev

Senior Lecturer,
Makhachkala branch
of the Moscow Automobile
and Road Engineering State
Technical University (MADI)
333_79@mail.ru

**ECONOMIC ASSESSMENT
OF THE CONSEQUENCES
OF AN ACCIDENT**

Annotation. Road traffic accidents are a social and economic problem in any country. Non-production costs caused by economic damage in the form of damage to vehicles, transported goods, reduced performance, insurance payments, etc. suggest the existence of an objective scientific evaluation apparatus, the need for which determines the relevance of the study. The object of research is the transport system as an infrastructural element of public systems. The subject of the study is the negative state of the elements of the transport system, consisting in socio-economic damage to public systems. The purpose of the study is to present a generalized method of economic assessment of the consequences of road accidents. Research results: 1. Statistical data of the subject area of the study are presented; 2. A generalized scientifically based method of economic assessment of the consequences of road accidents is presented.

Keywords: economic damage, social damage, transport system, risk, gross domestic product.

Дорожно-транспортные происшествия оказывают негативное влияние на состояние социально – экономических систем, причём по исследованиям отечественных авторов совокупный ущерб оценивается в значительную часть внутреннего валового продукта страны: «Дорожно-транспортные происшествия за год приводят к экономическим потерям, равным 2–3 % ежегодного валового внутреннего продукта» [1, с. 124]. Справедливым будет являться утверждение, что научно обоснованный подход к экономической оценке последствий дорожно-транспортных происшествий является важной народно-хозяйственной задачей, затрагивающей вопросы национальной безопасности: «Вопросы общественно-научного обоснования цели социально экономической оценки потерь от ДТП лежат в основе выбора методологии наиболее полного и корректного учета всех последствий происшествий с точки зрения решения поставленных государством, экономикой и обществом задач в сфере обеспечения национальной безопасности» [2, с. 3]. Все слои общества могут быть затронуты отдельными жертвами аварий вместе с их семьями, работодателями и обществом в целом. Затраты на медицинское обслуживание несет физическое лицо в виде страховых взносов, также возникают различные непокрытые расходы и незастрахованные расходы. Общество несет издержки за счет более высоких страховых взносов и отвлечения медицинских ресурсов от других медицинских нужд, таких как медицинские исследования, профилактика заболеваний и борьба с ними, а также реализацию основных потребностей общественного здравоохранения. Существуют также значительные издержки, связанные с потерей производительности, которую испытывает человек и другие лица, когда жертва преждевременно умирает или

испытывает кратковременную или длительную инвалидность. Иждивенцы жертвы испытывают непосредственные экономические трудности в связи с потерей дохода жертвы, в то время как общество обременено необходимостью поддерживать жертву или ее иждивенцев и из-за упущенного вклада в производительность общественно полезного продукта. Помимо экономических последствий, жертвы ДТП страдают от физической боли, инвалидности и эмоциональных воздействий, которые могут значительно снизить качество их жизни.

На конец 2022 года в России карта дорожно-транспортных происшествий выглядит преимущественно с тенденцией к снижению по большинству субъектов Российской Федерации, но ситуация, тем не менее, далека от сбалансированной – рисунок 1.

В общем виде, дорожно-транспортные происшествия являются причиной социально-экономического ущерба, которые можно представить в укрупнённом виде следующими элементами:

- 1) потеря производительности;
- 2) медицинские расходы;
- 3) юридические и судебные расходы;
- 4) расходы на экстренную помощь;
- 5) административные расходы на страхование, расходы на пробки;
- 6) материальный ущерб и потери на рабочем месте.

Рисунок 1 – Показатели дорожно-транспортных происшествий в целом по Российской Федерации, 2022 год, чел.

Источник: составлено автором по данным Госавтоинспекции. URL : <http://stat.gibdd.ru>

Стоимостные показатели общественного вреда от дорожно-транспортных происшествий, включают в себя как экономические последствия, так и оценку потери качества жизни, которые формируют социальный ущерб. Причём, по данным зарубежных исследователей, социальный ущерб занимает большую долю в совокупном ущербе от дорожно-транспортных происшествий (ДТП): «Шестьдесят восемь процентов этой стоимости представляют собой потерю качества жизни, а 32 процента являются экономическими последствиями» [3]. Таким образом, уместно говорить о социально-экономических последствиях, содержание которых разделяется на две составной части: экономического ущерба и социального ущерба, выраженных в стоимостных показателях. При этом социальный ущерб, также необходимо рассматривать в стоимостных показателях, как антипод социального эффекта: «Социальный приток (отток) (авторское определение) – количественно измеримое изменение уровня и качества жизни общества (социума), за счёт создания (или потери) дополнительных общественных (социальных, индивидуальных) благ, появления новых альтернатив социального бытия относительно имеющегося» [5, с. 85]. Тогда величина совокупного ущерба в стоимостных показателях может быть исчислена по формуле 1:

$$СЭУ = СУ + ЭУ, \quad (1)$$

где СЭУ – социально-экономический ущерб от последствий ДТП, руб.; СУ – социальный ущерб последствий ДТП, руб.; ЭУ – экономический ущерб последствий ДТП, руб.

При этом для учёта фактора времени в динамическом аспекте, для оценки тенденции изменения социально-экономический ущерб от последствий ДТП частные показатели формулы 1 должно быть приведены к единому моменту времени, тогда формула 1 будет иметь вид – формула 2:

$$СЭУ = \sum_i^N СУ_i / (1 + STPR)^i + \sum_i^N ЭУ_i / (1 + R)^i \quad (2)$$

где СЭУ – суммарная величина накопленного социально-экономического ущерба за N лет от последствий ДТП, руб.; СУ – дисконтированная стоимость социального ущерба на i шаге оценки последствий ДТП, руб.; ЭУ – дисконтированная величина экономического ущерба на i шаге от

Литература:

1. Казиахмедов Г.М. Социально-экономические аспекты последствий дорожно-транспортных происшествий в России / Г.М. Казиахмедов, П.А. Почеуев // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 7. С. 124–129.
2. Матанцева О.Ю. Анализ методологических подходов к социально-экономической оценке ущерба от ДТП в РФ и за рубежом / О.Ю. Матанцева, А.А. Белогребень, А.Е. Титов // Транспортное дело России. 2019. № 6. С. 3–7.

последствий ДТП, руб.; STPR – социальная ставка дисконтирования на i шаге оценки последствий ДТП, в долях; R – коммерческая ставка дисконтирования на i шаге оценки последствий ДТП, в долях; N – количество лет расчётного периода, год; i – шаг расчётного периода, год.

Величину социально-экономического ущерба (СЭУ) как следствие дорожно-транспортных происшествий можно представить несколькими составными переменными:

- величина ущерба от гибели и ранений людей;
- величина ущерба от повреждений транспортных средств;
- величина ущерба от порчи груза;
- величина ущерба от повреждений дорожных покрытий и элементов транспортной инфраструктуры.

Величина ущерба в следствие гибели и ранения людей представляет собой наибольшую величину в совокупной стоимости ущерба и состоит из следующих социально-экономических переменных [4]:

- величина экономических потерь, как результат исключения части трудовых ресурсов из сфер обращения и производства;
- величина социально-экономические потерь бюджета разных уровней по выплатам пенсионных пособий по инвалидности и по случаям потерь кормильцев, расходах на оплату лечения в больницах и временной нетрудоспособности;
- величина социально-экономические потерь из-за гибели детей.

В данном исследовании предложен обобщённый научно-обоснованный метод экономической оценки последствий дорожно-транспортных происшествий с учётом фактора времени. Авторы полагают, что при значительных потерях величин внутреннего валового продукта экономическая оценка последствий ДТП в общем виде должна учитывать социальную составляющую, приведённую на соответствующий год оценки с использованием социальной ставки дисконтирования.

Literature:

1. Kaziakhmedov G.M. Socio-economic aspects of the consequences of road accidents in Russia / G.M. Kaziakhmedov, P.A. Potseluyev // Regional economy: theory and practice. 2007. № 7. P. 124–129.
2. Matantseva O.Yu. Analysis of methodological approaches to socio-economic assessment of damage from road accidents in the Russian Federation and abroad / O.Yu. Matantseva, A.A. Belogreben, A.E. Titov // Transport business of Russia. 2019. № 6. P. 3–7.

3. The economic and societal impact of motor vehicle crashes / L. Blincoe [et al.]. 2010 (Revised). 2015. № DOT HS 812 013.

4. *Скориков Д.Г.* Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты организации и производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений (определение времени перемещения пешехода) / Д.Г. Скориков, А.А. Дубинина, Е.Р. Стрехова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 315–316.

5. Социальная ставка дисконтирования, социальный эффект и реализация национальных целей развития России / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова, М.Р. Асадуллин // Дискуссия. 2021. № 4(107). С. 79–91.

3. The economic and societal impact of motor vehicle crashes / L. Blincoe [et al.]. 2010 (Revised). 2015. № DOT HS 812 013.

4. *Skorikov D.G.* Criminal procedural and criminalistic aspects of the organization and production of an investigative experiment in the investigation of traffic crimes (determining the time of pedestrian movement) / D.G. Skorikov, A.A. Dubinina, E.R. Strakhova // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 315–316.

5. Social discount rate, social effect and implementation of national development goals of Russia / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova, M.R. Asadullin // Discussion. 2021. № 4(107). P. 79–91.

Сенин Иван Сергеевич
старший преподаватель кафедры
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008@yandex.ru

Коновалова Татьяна Вячеславовна
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
Milena.555@mail.ru

Надирян София Левоновна
старший преподаватель
кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
Popov-52@mail.ru

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССОВ ТРАНСПОРТНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ ЛОГИСТИКИ

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены показатели эффективности процессов транспортной и информационной логистики. Технология блокчейн позволяет снизить затраты на поддержание постоянного рабочего процесса, систем и персонала благодаря системе распределенного реестра, мгновенно передавать информацию о средствах, доставке и отгрузке товаров, получать полную информацию о продукте с момента его производства до конечного пользователя, этапы «пути» продукта, решать проблему «доверия» между всеми участниками цепочки, значительно сокращают время, затрачиваемое на обработку документации на всех этапах перевозки, включая таможенные процедуры.

Ключевые слова: транспортная логистика, информационная логистика, транспорт, транспортная система, экономика.

В результате анализа деятельности транспортно-логистических компаний, выявлена взаимозависимость и взаимное влияние транспортного и информационного сопровождения в процессах транспортировки. Предлагается использовать показатели эффективности процессов транспортной и информационной логистики [1].

Эффективность процессов транспортной логистики:

Ivan S. Senin
Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008@yandex.ru

Tatyana V. Konovalova
Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
Milena.555@mail.ru

Sofia L. Nadiryan
Senior Lecturer of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
Popov-52@mail.ru

EFFICIENCY INDICATORS OF TRANSPORT AND INFORMATION LOGISTICS PROCESSES

Annotation. In this article, the authors consider the performance indicators of transport and information logistics processes. Blockchain technology allows you to reduce the cost of maintaining a constant workflow, systems and personnel thanks to a distributed registry system, instantly transfer information about the means, delivery and shipment of goods, receive complete information about the product from the moment it is produced to the end user, the stages of the «path» of the product, decide the problem of «trust» between all participants in the chain, significantly reduce the time spent on processing documentation at all stages of transportation, including customs procedures.

Keywords: transport logistics, information logistics, transport, transport system, economics.

– коэффициент отсутствия повреждений ($K_{\text{о.повр}}$) характеризуется отношением количества неповрежденных транспортных средств к общему количеству транспортных средств;

– коэффициент своевременной поставки ($K_{\text{св.пост}}$) характеризуется отношением количества транспортных средств, поставленных в срок к общему количеству отправленных транспортных средств.

Таким образом, интегральный коэффициент эффективности процессов транспортной логистики представлен в формуле (1):

$$K_T = K_{o.повр} \times K_{св.пост.} \quad (1)$$

Эффективность процессов информационной логистики:

- коэффициент отсутствия ошибок в передаче информации ($K_{o.ош.инф}$) характеризуется количеством доставленной информации к общему количеству передаваемой информации;
- коэффициент оперативности передачи информации ($K_{оп. инф}$) характеризуется отношением желаемой скоростью доведения информации к средней скорости доведения информации.

Таким образом, интегральный коэффициент эффективности процессов информационной логистики представлен в формуле (2):

$$K_{и} = K_{o.ош.инф} \times K_{оп. инф.} \quad (2)$$

Приведенные коэффициенты позволяют определить общий интегральный показатель эффективности процессов информационной и транспортной логистики, который представлен в формуле (3):

$$Э_{общ} = K_{и} \times K_T. \quad (3)$$

Для расчёта экономической эффективности внедрения технологии блокчейн рекомендуется определить факторы, которые формируют экономический ущерб в транспортно-логистической компании. Разработанная модель взаимодействия факторов снижения трансформационно-транзакционных затрат представлена на рисунке 1.

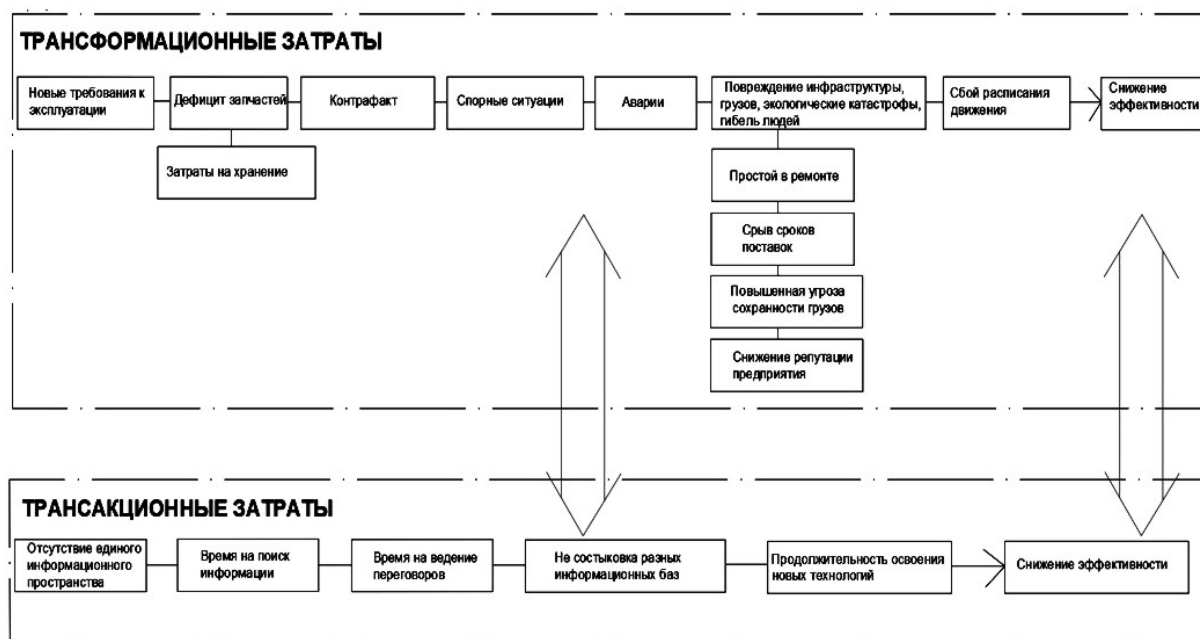

Рисунок 1 – Модель взаимодействия факторов снижения трансформационно-транзакционных затрат

Факторы, представленные на рисунке, так же делятся на явные и не явные. К явным относятся факторы, формирующие трансформационные издержки, которые можно оценить прямым методом, а именно:

- простой в ремонтном предприятии;
- аварии.

К не явным относятся остальные факторы, которые сложно оценить в денежном выражении, но в совокупности оказывают огромный ущерб на эффективность компании.

Например, к таким относятся факторы, формирующие трансакционные издержки, которые в свою очередь состоят:

- время на поиск информации;
- время на ведение переговоров.

Транзакционные издержки можно интерпретировать как затраты, возникающие в процессе экономического взаимодействия между субъектами предпринимательской деятельности: «Транзакционные издержки включают:

- затраты на принятие решений, разработку планов и организацию предстоящих действий, согласование их содержания и условий, когда два или более участника вступают в деловые отношения;
- затраты на изменение планов [2], пересмотр условий сделки и разрешение споров, когда это продиктовано изменением обстоятельств;
- расходы на обеспечение соблюдения сторонами достигнутых договоренностей.

Стоимость поиска информации возникает из-за того, что перед совершением транзакции

необходима информация о потенциальных покупателях или продавцах товаров народного потребления или факторах производства и текущих ценах. Расходы такого рода состоят из времени и ресурсов, необходимых для проведения поиска, а также потерь, связанных с неполной и несовершенной информацией.

Затраты по сделке также включают:

- любые убытки, возникающие из-за неэффективности совместных решений, планов, контрактов и созданных структур;
- неэффективные реакции на изменение условий; неэффективные соглашения о защите.

Одним словом, они включают в себя все, что так или иначе, отражается на сравнительной эффективности различных методов распределения ресурсов и организации производственной деятельности.

В решении проблем использования интеллектуальной собственности участвуют не только сотрудники юридической службы, но и сотрудники отделов интеллектуальной собственности, что, несомненно, приводит к отвлечению трудовых ресурсов и, как следствие, к дополнительным расходам. Формирование тарифов на оказание услуг требует значительного отвлечения ресурсов, поскольку эта процедура связана с большими временными затратами.

Одной из основных проблем экономического анализа является сложность измерения трансакци-

онных издержек. Не все виды операционных издержек могут быть оценены в денежном выражении. Кроме того, обычная процедура выражения времени, затрачиваемого на проведение транзакции, в денежном выражении является несовершенной из-за отсутствия во многих случаях специализированного обеспечения того или иного аспекта транзакции (например, ведения переговоров) посредниками.

Таким образом, для определения статической эффективности внедрения технологии блокчейн применим формулу (4):

$$\mathcal{E}_{\text{внедр}} = \frac{\Delta D}{C+K} \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{\text{внедр}}$ – показатель экономической эффективности капитальных вложений; ΔD – прирост годового дохода, руб. C – текущие годовые затраты, руб.; K – капитальные вложения, руб.

Исходя из формулы (4), следует принять ΔD в виде экономии на затратах предотвращения и возникновения логистических рисков, а также – прирост грузооборота.

Для определения динамической эффективности инвестиций может быть использован метод оценки чистой текущей стоимости, который показывает чистые доходы или чистые убытки инвестора при помещении денег в проект и денежную отдачу от реализации. В качестве стоимостной оценки результата может быть использована экономия на затратах от предотвращения или возникновения логистических рисков.

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте : учеб. пособие / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region : monograph / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.

Сун Синь

аспирант кафедры экономики
и управления народным хозяйством,
Белорусский
государственный университет
1170534447@qq.com

Xin Song

Postgraduate Student
of the Department of Economics
and Management
of the National Economy,
Belorussian State University
1170534447@qq.com

**ИННОВАЦИИ КИТАЯ
В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ,
СООТВЕТСТВУЮЩЕГО МЫШЛЕНИЮ**

**CHINA'S INNOVATION OF NATIONAL
ECONOMIC MANAGEMENT
THEORY RELEVANT THINKING**

Аннотация. Ядром теоретической системы экономики инноваций является теория инноваций Шумпетера, которая за годы разработки дала множество результатов исследований. С углублением экономической глобализации и глобализации конкуренции стратегия инновационного развития стала ключевой стратегией участия всех стран в рыночной конкуренции, и значение инновационной экономики возрастает. Исходя из этого, в данной статье предпринята попытка объективно оценить текущую ситуацию и характеристики общей стоимости выпуска национальной экономики Китая, излагая теорию инновационного управления национальной экономикой в Китае, сочетая практическое применение инновационной экономики в китайском контексте, цели управления и принципы управления, уточняющие характеристики экономической системы и предлагающие направление развития инновационной экономики в китайском контексте. Чтобы помочь ему сформировать полную дисциплину.

Annotation. The nucleus of the theoretical system of the economy of innovation is Schumpeter's theory of innovation, which has produced many research results after years of development. With the deepening of economic globalization and competition globalization, the strategy of innovation-driven development has become the key strategy for all countries to participate in market competition, and the importance of innovation economics is increasing. Based on this, this paper attempts to make an objective evaluation of the current situation and characteristics of the total output value of China's national economy by expounding the theory of innovative national economy management in China, combining the practical application of innovation economics in the Chinese context, management objectives and management principles, clarifying the characteristics of the economic system, and proposing the development direction of innovation economics in the Chinese context. To help it form a complete discipline.

Ключевые слова: национальные экономические инновации, теория экономического управления, национальная экономическая стратегия, национальное экономическое развитие, мировые экономические тенденции, китайская экономическая модель.

Keywords: national Economic Innovation, economic management theory, national economics strategy, national economic development, world economic trends, chinese economic model.

The model of domestic economic management is the description and summary of the successful experience of China's reform and the openness of researchers at home and abroad. This document primarily includes and defines China's economic model from the point of view of China's national economic management theory. At the same time, managers must also clearly make the connotation of management and control the development environment, which has a positive importance in improving the quality of national economic management.

over China's socialism is still being won Secondly, modern society should strengthen the construction of a powerful country, in order to enter into an affluent society. Third, China should unite all the people to build a better new life so that everyone can achieve prosperity. Fourthly, the Chinese dream should always be our number one priority. Fifthly, enter at the centre of the two great stages of the world and work for the common progress of humanity. The above points are interrelated. Only by standing up and getting rich can China become strong. Only in this way can China promote common prosperity and great rejuvenation. In terms of the theoretical innovation of China's national economic management, it includes the following aspects. First, clarify the existing management objectives of China's national economy, and carry out effective regulation and control of the objectives under the new economic normal. The

1. The new era presents strategic opportunities for the innovation of China's national economic management theory

In the new era, China's development has entered a new historical juncture, which is reflected off the following aspects: First, in the new history, the victory

details are as follows: Based on the four goals, China will focus on improving the efficiency and quality of economic growth, effectively improving the quality of the ecological environment, and promoting the sharing of the fruits of economic growth by all. At the same time, China also needs to establish global and coordinated sustainable development goals, which includes the concepts of innovation, sharing, openness, coordination and ecological development. Once you have defined the macro goal, you should also define the ultimate goal. The ultimate goal must be combined with the real situation of the population, the nation building. Second, China needs to put the people at the core. In this process China should highlight the transformation of the main contradiction in the new era and promote common prosperity for all. At the same time, due attention should be paid to the unbalanced and inadequate situation in the current national development, and effective means should be used to solve the above problems and ensure the people's living standards. These imbalances involve urban and rural areas and between different regions. These imbalances have led to certain gaps between people's lives, highlighting the improved ecological environment, high-quality provision, public services and people's livelihoods. For this reason, in practice, China must focus on the development of agriculture and rural areas, education and employment. In addition, it is necessary to pay attention to all the-round development of people, strengthen the development and utilization of human resources, optimize and perfect the management system constantly, and realize the people-oriented. Third, China need to build a great modern socialist country. To achieve that goal, China needs to achieve public prosperity, economic strength, social harmony, a beautiful environment, a strong country and a contribution to the world [1, p. 139–142].

2. The new journey has provided the innovation direction for China's national economic management theory

Build a modern socialist country in an all-round way. First, in the new era, China's national economic management needs to take «one small step» and «two big steps». «One small step» mainly referred to building a moderately prosperous society, and «two big steps» mainly refer to realizing socialist modernization and building China into a modern socialist country. In the coming period of time, is the convergence of the two goals. Second, under the background of the new era, the national economic development strategy and plan should be reformulated to make it more ambitious. First of all, China needs to make clear the strategic positioning. In this process, relevant departments need to realize that «two things have not changed». To be more specific, China is still a basic country and a developing country in the primary stage of socialism and will remain so for a long time. Secondly, the strategic measures are constantly optimized and perfected. In the future development, an important development strategy should be to rejuvenate the country by science, strengthen the country by talent, drive the development of the country by innovation, and realize the mutual integration of the military and the people. Thirdly, China need to focus on strategic priorities. In the new era, China needs to focus on key areas and make up for

deficiencies. In particular, China needs to carry out the three key battles between targeted poverty alleviation, forestalling and defusing major risks, and preventing and controlling pollution. Finally, strategic steps need to be clarified. In practical work, China needs to take the actual situation into consideration and define a new «two-step» approached. First, China will complete the building of a moderately prosperous society by 2035 and work hard for 15 years to basically complete socialist modernization. Second, China will complete the modernization drive by the middle of the 21st century and strive for another 15 years to build a great modern socialist country and build a prosperous, strong, democratic, culturally advanced, harmonious and beautiful society [2, p. 63–65].

3. Connotation analysis of theoretical innovation of China's national economic management

(1) The significance of building a modern economic system

First, in the new era, if China wants to cross the threshold and achieve the strategic goal of development, China should have a sound economic system as the support. Based on this, in the future development, it is necessary to optimize and improve the modern economic system, and effectively upgrade China's development strategy. Second, in the future economic development, improving the quality and efficiency will become the key content. In the actual work, China needs to pay attention to the quality and benefit of these two aspects, to ensure the development of high quality and high efficiency. Third, in the future economic development needs to improve the total factor production as a key content. Total factor productivity is not only a measure of innovation, but also a means of innovation. Fourth, a new system is needed to ensure the innovation and competitiveness of the Chinese economy [3, p. 46–50]. Therefore, in the actual work, China needs to pay attention to the construction of an effective market mechanism, to ensure the micro subject activities, the degree of macroeconomic regulation.

(2) Theoretical connotation of building a modernized economic system

First, high-quality supply system. In the process of economic development, China needs to focus on the construction of the real economy and effectively improve the quality of the system. Pay attention to the construction of multiple fields, such as network construction, aerospace construction, education construction, and so on, and finally achieve the goal of building a strong country. Second, a cost-effective innovation system. During the period of economic development, China should build an innovative country, attach importance to application and basic research, carry out cultural innovation, and cultivate more professional talents. Third, China should improve the high-level system of agriculture, rural areas and farmers. In the specific stage of economic development, rural development is the most critical point. Combined with relevant requirements, it is necessary to ensure the integrated development of urban and rural areas and promote the development of rural areas towards the process of modernization. Fourth, China

need to coordinate the development of regional structural systems. In practical work, China should pay attention to the implementation of the overall strategy of regional development, the three-level axis development strategy and the regional assistance strategy. Fifth, China should deepen and improve the socialist market economic system, including addressing the relationship among the government, the market and enterprises at an in-depth level. For example, the use of national development planning strategies to guide national economic development. Sixth, develop China's national economic system in an all-round way and ensure that the system is mutually beneficial and interconnected. To be specific, it is necessary to take the overall situation into consideration, pay attention to both domestic and international levels, and promote the development of national economic management towards a higher level.

(3) Construct the management network suitable for the modern economic system of China's national economy

First, China's national economic system includes three parts: introduction, environment and structure. Second, the operation process of China's national economy includes the analysis of the overall capacity and the future demand power and management, including some decision-making reforms of the supply side structure. The third is the specific plan and strategy of China's national economic development, including social development and the development of China's national economy. The fourth is to improve the management of China's national economy, including the target of macro-control treatment and management target decision-making, and so on [4, p. 51–54].

In the new era, the strategy of China's innovative management theory of national economy is thus produced. The management concept of China's national economy can be started from the following aspects of innovation.

1. Relying on technological innovation to promote the development of China's national economy

Under the background of the new era, science and technology are needed to promote the growth of the new economy. This point has become the consensus of the world. Therefore, influenced by the concept of scientific Outlook on Development, China needs to make clear the importance of technological innovation, and flexibly utilize the role of technological innovation, including infiltration and radiation, to realize independent innovation as far as possible, ensure the transformation of scientific achievements, realize differentiated competition through technological upgrading, and better promote industrial development.

[5, p. 31–33] Today, low-cost competition makes companies less profitable and products decline faster, which further encourages technological innovation. Simply put, technological innovation can be used to produce products with more advantages in performance, price or technical content, so as to occupy more market shares. Relevant surveys show that the level of entrepreneurship and innovation

activities has a direct impact on the level of China's national economy. Especially for cities and regions with depleted resources, more emphasis should be placed on the development of high-tech enterprises, which can effectively reduce the cost of economy and social transformation.

2. Support policies and legislation based on science

At this stage, if China wants to effectively improve the speed of economic development, China need to start from several levels of policy and legislation. According to relevant surveys, during China's economic development, generally speaking, economic regions with relatively high development is usually supported by sound environment and rich resources. Such as venture capital, information resources, preferential policies and other content. In practical work, it is necessary to constantly optimize legislative support and improve industrial policies. Through the support of legislation and policies, good and high-quality services can be achieved, more industrial clusters can be cultivated and regional advantages can be highlighted. For example, China can formulate and optimize intellectual property law, company law, and management methods of technology working capital [6, p. 108–110]. Nowadays, in many countries and regions, opening policies and preferential conditions are used to attract foreign investment, build industrial parks, and provide preferential facilities in the introduction of foreign capital, equipment depreciation, loans, land prices and taxes, which can provide better opportunities for the development of industrial clusters. In addition, for some industrial intensive areas, it is necessary to provide not only preferential convenience, but also other high-quality services, including finance and accounting, human resources, law, financing, business consulting, etc.

3. Make full use of the role of global networks to shape the advantages of China's national economy

Under the background of the new era, the development of China's national economy needs to seize the opportunity to integrate and splicing enterprises, value chains and value sources, narrow the gap between participants as far as possible, and build non-discriminatory circulation channels. It is better to focus on the development of economic regions, which usually has good environmental support and rich resources. Such as venture capital information resources preferential policies and other content. This can not only optimize the allocation of production resources, but also improve economic benefits. In terms of depth, in order to cope with global business competition, a global network is derived. In recent years, with the continuous development of information technology, China's national innovation system has also been continuously improved and optimized. Influenced by trade policies, regional economy and scale economy are closely linked, which can not only reduce the transaction costs of enterprises in the global production network, but also facilitate the completion of more professional production and division of labor among enterprises, and promote the construction of strategic alliances and economic regulations an extension of a module.

4. Improve the brand and enhance competition

Influenced by the development of market economy, the problem of product homogeneity is becoming more and more serious. In this case, it is necessary to produce branded and differentiated products in order to enhance the competitiveness. In branded products, there is a spirit and connotation, which is also the soul of the product, can effectively enhance the value of the product, the business can take the brand as a big selling point. If it can produce branded products in the region, it will have positive significance for the improvement of regional competitiveness and popularity, and further promote the development of China's national economy. In addition, compared to enterprise brand products, regional branded products have higher penetration and influence, which can solidify and condense the brand. There are many examples, such as German cars, Swedish watches, Silicon Valley information technology industry, etc.

5. Pay attention to the cultivation of regional culture to promote the development of China's national economy

In the process of the development of China's national economy, it is necessary to innovate the norms of civilization and values. When innovating the development mode of China's national economy, China should take the scientific outlook on development as the guide, not blindly pursue the total amount and speed, abandon the traditional extensive production mode and use the intensive production mode [7, p. 46–48]. At the same time, in the development of China's national economy, China should pay attention to environmental protection and avoid sacrificing the environment and endangering the interests of our descendants. China should pay attention to harmonious coexistence between man and nature, effectively safeguard the fundamental interests of the people, and ensure development by the people and for the people. At the same time, in the development of China's national economy, it is necessary to break the closed and narrow concept of small prosperity, small

collectivism and localism. Break the shackles of conservative thought, adhere to the principle of bold innovation and forge ahead, achieve leapfrog development and self-transcendence, failure should be allowed and innovation encouraged in the entrepreneurial culture. For example, although there are many factors contributing to the success of Silicon Valley, part of the reason is that failure is allowed. Taking openness and trust as the basis of network alliance construction, and even joining investment, has greatly promoted the rapid development of Silicon Valley. Therefore, in the development of China's national economy, it is necessary to strengthen the construction of culture, build tolerance and cooperation, allow failure of the entrepreneurial culture; In addition, it is necessary to take honest cooperation as the core, create the value criteria, build a good soft environment, and promote the better development of China's national economy under the advanced spiritual culture.

In a word, it is very important to innovate China's theory of national economic management in the new era. Effectively implementing China's consciousness of national economic management innovation can provide technology market and product market with broad prospects based on the national economic situation of modern China, thus ensuring the the diverse economic economic development and enhancing the national economic income of China. Therefore, in specific work, China should be aware of the importance of China's national economic management theory innovation, and combine with the actual situation, deeply analyze the existing problems, on this basis, formulate targeted countermeasures, continuously optimize and innovate China's national economic management theory, rely on technological innovation, scientific industrial policy, legislative support and quality service, promote China's national economic development, make full use of the role of global network, shape China's national economic advantages, build international brands, enhance China's competitiveness, and pay attention to regional culture.

Литература:

1. *Qingwen Li*. The «Belt and Road» initiative and the exploration of the development path of regional economic integration. Beijing : The Modern Commercial Press, 2022(27). P. 139–142.
2. *Huizi Liu*. Research on the Influence of Regional Economic Integration on International Trade. Shandong: Time-honored Brand Marketing Press, 2022(21). P. 63–65.
3. *Lincan Xie*. Basic Thoughts and Key Issues of Regional Economic Planning. Beijing : China National Conditions and National Strength Press, 2022(10). P. 46–50.
4. *Juan Ju*. Research on the value and strategy of regional economic management modernization / Ju. Juan. Wuxi // Journal of Wuxi Vocational and Technical College. 2022(04). P. 51–54.

Literature:

1. *Qingwen Li*. The «Belt and Road» initiative and the exploration of the development path of regional economic integration. Beijing : The Modern Commercial Press, 2022(27). P. 139–142.
2. *Huizi Liu*. Research on the Influence of Regional Economic Integration on International Trade. Shandong: Time-honored Brand Marketing Press, 2022(21). P. 63–65.
3. *Lincan Xie*. Basic Thoughts and Key Issues of Regional Economic Planning. Beijing : China National Conditions and National Strength Press, 2022(10). P. 46–50.
4. *Juan Ju*. Research on the value and strategy of regional economic management modernization / Ju. Juan. Wuxi // Journal of Wuxi Vocational and Technical College. 2022(04). P. 51–54.

5. *Qingfei Lai*. Research on countermeasures for high-quality development of regional economy empowered by innovation and entrepreneurship. Beijing : Investment and Entrepreneurship Press, 2022(03). P. 31–33.

6. *Yan Liu*. The Coordinated Development of my country's Regional Economy from the Perspective of the «Belt and Road» Initiative. Nanjing : National Circulation Economy Press, 2022(09). P. 108–110.

7. *Linge Chu*. Strategic thinking analysis of regional economic development under the new normal. Shanghai : SME Management and Technology, 2022(12).P. 46–48.

5. *Qingfei Lai*. Research on countermeasures for high-quality development of regional economy empowered by innovation and entrepreneurship. Beijing : Investment and Entrepreneurship Press, 2022(03). P. 31–33.

6. *Yan Liu*. The Coordinated Development of my country's Regional Economy from the Perspective of the «Belt and Road» Initiative. Nanjing : National Circulation Economy Press, 2022(09). P. 108–110.

7. *Linge Chu*. Strategic thinking analysis of regional economic development under the new normal. Shanghai : SME Management and Technology, 2022(12).P. 46–48.

Сун Синь

аспирант кафедры экономики
и управления народным хозяйством,
Белорусский
государственный университет
1170534447@qq.com

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
КИТАЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ В НОВУЮ ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. С тех пор, как в конце 1980-х годов в Китае была проведена политика реформ и открытости, региональная экономика совершила большой прорыв и развитие в Китае и постепенно превратилась в относительно независимую дисциплину, специализирующуюся на изучении региональной экономики. В настоящее время в исследованиях региональной экономики в Китае еще много недостатков. Например, еще предстоит решить непонимание связи между региональной экономикой и макроэкономическим развитием, а также противопоставление сильных и слабых сторон региональных экономических инноваций. В этой статье предпринимается попытка дальнейшего развития и совершенствования теории и практики обзора региональной экономики Китая, активного изучения и использования превосходного опыта с целью улучшения и содействия развитию региональной экономики Китая.

Ключевые слова: Китай региональный, региональные экономические исследования, развитие региональной экономики, китайская экономика, тенденция регионального экономического развития.

The origin of regional economic studies abroad is from the theory of location, which can be traced back to the theory of agricultural location proposed by Duenen (1826), the theory of industrial location proposed by Weber (1909) and the theory of market location proposed by Liao Shi (1940). These theories have laid the foundation for the germination and formation of regional economics. It was not until after the Second World War that regional economics began to take shape. Professor Isard and Professor Hoover in the United States made outstanding contributions to the establishment of the discipline. After the 1950s, regional economics gradually developed into an independent discipline [1, p. 41]. The rise and development of regional economics in foreign countries is mainly to explain regional and urban and rural issues, including the development of regional and urban and rural issues, mutual relations, and explore ways to solve the problems. With the rise of development economics at that time, regional economics has incorporated a large number of development

Xin Song

Postgraduate Student
of the Department of Economics
and Management
of the National Economy,
Belorussian State University
1170534447@qq.com

**THE PERFECTION AND DEVELOPMENT
OF CHINESE REGIONAL ECONOMICS
IN THE NEW ERA OF GLOBALIZATION**

Annotation. Since the reform and opening-up policy was implemented in China in the late 1980s, regional economics has made great breakthroughs and development in China, and gradually developed into a relatively independent discipline specializing in the study of regional economics. At present, there are still many deficiencies in the research of the regional economy in China. For example, the lack of understanding of the connection between regional economy and macroeconomic development, and the contrast among the strengths and weaknesses of regional economic innovation is still to be solved. This paper attempts to further develop and improve the theory and practice of China's regional economics review, actively learn and draw on excellent experience, in order to improve and promote the development of China's regional economics.

Keywords: China regional, regional economics research, regional economics development, chinese economics, regional economic development trend.

economics and industrial economics into its development, providing a powerful tool for solving some problems in regional and urban development. Regional economics in China developed from economic geography and productivity distribution. After the reform and opening up, it gradually developed into an independent discipline of economics on the basis of the introduction of location theory and regional economic theory.

Since the reform and opening up, China's economy as a whole has made remarkable progress. In recent years, China has implemented the «One Belt, One Road» policy. Under the guidance of this policy, China's zone.

Regional economy has achieved good and rapid development, it can be said that in this period, China's regional economic development has stepped into a new stage. The study of regional economics has become increasingly important and its position is gradually prominent. Therefore, the improvement and

development of regional economics are very necessary for the social and economic development of China.

1. Theoretical research and discipline system of regional economics

Worldwide, foreign studies on regional economics started relatively early. The earliest studies on regional economics appeared in the United States, where scholar Du Neng put forward the theory of agricultural location in the 1820s. Since then, the development of regional economics in the United States has been constantly improved and developed [2, p. 76–83]. The theory of industrial location was put forward by scholar Weber, followed by the theory of market location by scholar Liao Shi in the 1940s. After that, many scholars carried out further in-depth research and put forward many related theories and views, gradually improving the system of regional economics.

In the 1950s, the development of regional economics gradually matured. It was no longer a subsidiary part of a comprehensive discipline, but separated from the discipline and became an independent discipline. From the perspective of the whole world, the development of regional economics is relatively early in foreign countries. The purpose of its research is mainly to help solve the urban-rural contradictions and problems at that time. The main content of the research includes the relationship between urban and rural areas and how to solve the contradictions and problems between urban and rural areas. With the development of social economy, many new economic subdisciplines emerged at that time. Regional economics were a relatively mature economic subdiscipline at that time. In addition, the discipline of development economics also achieved good development. The two promote each other and develop together, giving each other great impetus for development. As for China, after the reform and opening up policy was implemented in the 1970s, China's economy began to step into the right track of development. On the whole, China's economy has made a great leap and development. At the beginning of the reform and opening up policy, mainly from the coastal areas to implement, because coastal areas have advantages in coastal geographical location, as well as foreign trade experience advantages, these are not possessed by inland areas. Thanks to these measures, China's economy has begun to recover, and the pace of development is getting faster and faster. China has a vast land area and different geographical regions have strong geographical characteristics, such as water in the south and good terrain in the north. Therefore, the geographical differences between different regions in China are relatively large. Compared with the economically developed eastern coastal areas, the economic development degree of China's central and western regions is relatively low. To some extent, this indicates that the regional differences in China's economic development are relatively large [3, p. 55].

In the 21st century, the development of regional economics in China is bound to have Chinese characteristics along with the country's opening-up policy in the

west and the regional strategy of economic development in the middle and east. The research on regional economics in China mainly includes the development planning of different regions and different policies for the opening-up of different regions. As for the measures and policies of different regions, China's regional economics has achieved good development in the above aspects. Regional economics has formed a relatively good and complete theoretical system in China.

2. Development and Weaknesses in China's regional economic research

The development of regional economics in China is with Chinese characteristics, such research is a relatively large systematic complete project. For the development of China's regional economics, this is a very important part [4, p. 29]. In view of the current development status of regional economics in China, there are still many deficiencies that need to be improved.

The development of regional economics needs to follow the following three principles: one is the principle of specific analysis of distance problems; the other is the principle of dynamic balance in research; the third is the principle of unity of whole and part [5, p. 20]. As far as the development status of China's regional economics is concerned, there are still many deficiencies that need to be improved. The problems mainly include the following aspects: Is how to understand the connection and relationship between regional economy and macro-economy; the other is how to correctly identify and have a good understanding of the differences between regional economic development, and in-depth discussion and analysis of the basic principles that need to be followed to produce differences between urban and rural areas. The third is about the law of change between the focus problem and the problem produced by the dispersion of elements. The fourth problem and challenges and difficulties arising from the comparative advantages injected into the solution of regional differences.

Since the implementation of the policy of reform and opening up in China, China's economy has made great development and breakthrough, and the development history of regional economics has a history of nearly forty years. It can be said that the development of regional economics and China's reform and opening policy can be said to be synchronized.

To perfect and develop the theory and practice of China's regional economics are conducive to the further improvement and development of China's social economy, in addition, it is also conducive to the further arrangement of policies. This paper puts forward the following three suggestions on how to develop regional economics. The first is to make five ideas as the guiding ideas for the development of regional economics in China. The second is to combine the development of theory and practice of regional economics. The third is to combine the discipline of regional economics with other related disciplines in order to enrich the system of regional economics in China.

Литература:

1. *Shimin Liu*. Analysis on the Development History of Regional Economics in China. Fujian : Fujian Quality Management, 2019(4). 41 p.
2. *Xiaodong Fu*. The Strategy of «One Belt and One Road» from the perspective of Regional Economics – Also on the establishment and improvement of Five supporting platforms. Beijing : China Circulation Economy, 2018(29). P. 76–83.
3. *Ping Li*. The Strategy of «One Belt and One Road» from the perspective of Regional Economics – Also on the establishment and improvement of Five supporting platforms. Beijing : Economic Management Press, 2022(12). 55 p.
4. *Yamin Liang*. Review of Research on Quality of Economic Growth. Lanzhou : Journal of Lanzhou Commercial College, 2022(4). 29 p.
5. *Wei He*. Comprehensive Evaluation of China's Regional Economic Development Quality. Changsha : Journal of Zhongnan University of Economics and Law, 2019(7). 20 p.

Literature:

1. *Shimin Liu*. Analysis on the Development History of Regional Economics in China. Fujian : Fujian Quality Management, 2019(4). 41 p.
2. *Xiaodong Fu*. The Strategy of «One Belt and One Road» from the perspective of Regional Economics – Also on the establishment and improvement of Five supporting platforms. Beijing : China Circulation Economy, 2018(29). P. 76–83.
3. *Ping Li*. The Strategy of «One Belt and One Road» from the perspective of Regional Economics – Also on the establishment and improvement of Five supporting platforms. Beijing : Economic Management Press, 2022(12). 55 p.
4. *Yamin Liang*. Review of Research on Quality of Economic Growth. Lanzhou : Journal of Lanzhou Commercial College, 2022(4). 29 p.
5. *Wei He*. Comprehensive Evaluation of China's Regional Economic Development Quality. Changsha : Journal of Zhongnan University of Economics and Law, 2019(7). 20 p.

Чжао Вейли
аспирант,
Южный федеральный университет,
Хэнаньский университет
экономики и права
vchzhao@sfedu.ru

СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ СТРУКТУРЫ КИТАЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Ущерб экономике может нанести как преждевременная деиндустриализация, так и чрезмерная деиндустриализация. Чтобы избежать преждевременной деиндустриализации и чрезмерной деиндустриализации, оценка того, является ли промышленная структура в стране развитой или нет, не должна основываться только на уровне расширения сектора услуг. В этом исследовании предлагается новый показатель для измерения уровня промышленной структуры, который учитывает не только масштаб промышленного сектора, но и состав занятости и экономический рост. С помощью математической модели показано, что при заданной структуре факторов производства в определенный период существует оптимальная структура производства, которая может максимизировать совокупную общественную отдачу. Кроме того, в этом исследовании рассматривается промышленная структура Китая с точки зрения расширения промышленных масштабов, экономического роста и структуры занятости. Делается вывод о том, что в промышленной структуре Китая наблюдается тенденция «преждевременной деиндустриализации».

Ключевые слова: промышленная структура, экономический рост, способ производства, преждевременная деиндустриализация.

Introduction. «Deindustrialization» should be simply the natural outcome of successful economic development and is generally associated with rising living standards. It refers to after the substantial increase in the productivity of the manufacturing sector, the decline in the price of manufacturing products will lead various production factors to flow from the manufacturing sector to the service sector, and finally realizes the transformation to a service-based economy [1]. Premature deindustrialization means countries are running out of industrialization opportunities sooner and at much lower levels of income compared to the experience of early industrializers [2]. Excessive deindustrialization refers to that after the process of deindustrialization, while the proportion of the service sector has increased significantly, especially the

Zhao Weili
Graduate Student,
Southern Federal University,
Henan University of Economics and Law
vchzhao@sfedu.ru

THE PLIGHT OF CHINA'S CURRENT INDUSTRIAL STRUCTURE: FROM A NEW PERSPECTIVE OF INDUSTRIAL STRUCTURE UPGRADING

Annotation. Both premature deindustrialization and excessive deindustrialization can bring damage to economy. To avoid premature deindustrialization and excessive deindustrialization, judging whether the industrial structure in a country is advanced or not should not only focus on the scale expansion of service sector. This study puts forward a new indicator to measure industrial structure level, which not only considers the scale of industrial sector, but also the composition of employment and economic growth. With mathematical model, this study posits that given the structure of production factors at a specific period, there is an optimal industrial structure that can maximize social total profits. Furthermore, this study examines the industrial structure in China from the perspectives of the industrial scale expansion, the economic growth and the composition of employment. It is concluded that China's industrial structure shows a trend of «premature deindustrialization».

Keywords: industrial structure, economic growth, production mode, premature deindustrialization.

virtual economy; the manufacturing sector has shown the phenomenon of industrial hollowing [3]. The development history of Southeast Asian countries has suggested premature deindustrialization can lead damage to economy. The re-industrialization strategy of developed countries has also confirmed that excessive deindustrialization is bad for economic growth too. Sustainable economic growth is grounded in the upgrading in the industrial structure. As a result, the scale expansion of the service sector is not the only factor that should be considered when determining whether or not a country's industrial structure is developed. At a specific time, a country's optimal industrial structure would be the one that corresponds to its speed of economic growth and its employment composition [4]. Therefore, the indicator,

the value of which is calculated out utilizing the ratio of the share of service sector to the share of manufacturing sector, is one-sided. To judge whether the present industrial structure in the country at a specific time is the optimal industrial structure, this research proposes a different indicator: the production mode. The term «mode of production» is firstly put forward by Marx, which has the same connotation with the term «economic base» and «the economic structure» [5]. The term «production mode» is defined as the connection that exists among the production relations and the productivity, which serve as the economic foundation of society [6]. In academics, «production mode», «economic base», «economic structure», and «industrial structure» have similar meanings and are used interchangeably in the literature. In this research, it is assumed that an advanced production mode implies that the production in the society is efficient, that is to say, the output generated by per unit of production factors is great. In turn, the greater output generated by per unit of production factors reflects a more sophisticated industrial organization. As a result, an advanced production mode implies a sophisticated industrial organization (industrial structure).

This research demonstrates that the output elasticity of capital, denoted by the variable a , in the Cobb-Douglas production function ($y = K^a L^{1-a}$), can provide insight into the scale of the industrial sector, the composition of employment, and the speed of economic growth simultaneously. A higher value of a suggests a lower dependence on labor in production, which favors capital-intensive industries like high-end manufacturing and producer services at the expense of labor-intensive industries such as agriculture, which suffers a drop as a result. Moreover, if capital and labor are fixed, then the higher the value of a , the greater the overall social production ($y = (\frac{K}{L})^a$). The greater the overall social production, the more optimistic we can be about the future of economic growth. Hence, the indicator a is a more all-encompassing indicator in comparison with the other indicators utilizing the ratio of the share of service sector to the share of manufacturing sector to judge the industrial structure, since it takes into account not only industrial scale enlargement and the composition of employment but also economic growth.

This study indicates that at a specific period, if the capital and labor are given, there is an optimal value of a . When a is the optimal value, it also indicates that capital input and labor input match with each other in the production process, thus maximizing total social output. Otherwise, premature deindustrialization and excessive deindustrialization are all the symptoms of the mismatch between labor input and capital input, so social total output could not achieve the maximum. As shown in previous research, the industrial structure should be consistent with the stage of economic development [7]. Based on mathematical model, this study goes further and examines the industrial structure in China from the perspectives of the scale expansion of each industrial sector, the economic growth and employment composition. This study indicates that China's industrial structure shows a trend of «premature deindustrialization».

Theoretical model analysis. In this research, it is hypothesized that there is a small economy. The production factors only consist of capital and labor in the national economy. At a given time t , the labor and capital in the economy is specified. As a result, the structure of production factors, name is, the combination of capital and labor can be presented in the following way:

$$k = \frac{K}{L} \quad k \in (e, +\infty). \quad (1)$$

This study will confirm why k scales from e to $+\infty$ later. Through modification of the Cobb-Douglas production function, the following results are possible:

$$y = f(x) = x^a, \quad x = \frac{K}{L}, \quad a \in (0,1), x \in (e, +\infty). \quad (2)$$

Because when the market reaches the equilibrium, the demand is equal with supply. This study assumes x will be in the same scale with k . In this context, x represents the demand for the structure of production factors. For each value of a in the interval $(0,1)$, name to say, given $\forall a \in (0,1)$, based on the theory that when resources are optimally allocated, the price is equivalent to marginal yield, the price of the per unit combination of labor and capital will be got:

$$r = ax^{a-1}. \quad (3)$$

Under the premise that the price is equivalent to marginal yield, the demand for the structure of production factors at a specific time is concluded as:

$$x = \left(\frac{a}{r}\right)^{\frac{1}{1-a}}. \quad (4)$$

This research claims that a , which reflects the output elasticity of capital is changeable, as opposed to existing literatures that reckon a is fixed. A bigger value a implies the industrial structure is more developed. To explore the correlation between the demand for the structure of production factors and industrial structure, with the first derivative of x with regard a , the following is obtained:

$$\frac{\partial x}{\partial a} = \left(\frac{a}{r}\right)^{\frac{1}{1-a}} \left[\frac{1}{(1-a)a} + \frac{1}{(1-a)^2} \ln\left(\frac{a}{r}\right) \right] > 0. \quad (5)$$

Based on the formula (5), if $r < \frac{a}{e^{\frac{1-a}{a}}}$, there will be $\frac{\partial x}{\partial a} > 0$. Due to $a \in (0,1)$, it can yield $\frac{a}{e^{\frac{1-a}{a}}} > 1$. In accordance of $a \in (0,1)$ and $x \in (e, +\infty)$, there will be $0 < r = ax^{a-1} < 1$. As a result, in light of $0 < r = ax^{a-1} < 1$ and $\frac{a}{e^{\frac{1-a}{a}}} > 1$, it will conclude: $r < \frac{a}{e^{\frac{1-a}{a}}}$ and $\frac{\partial x}{\partial a} > 0$. What this means is that as production mode improves, the need for x grows.

The formula (6) can be derived when the combination of labour and capital reaches the point of supply and demand equilibrium:

$$x = \left(\frac{r}{a}\right)^{\frac{1}{a-1}} = k. \quad (6)$$

The equilibrium price of the per unit combination of labour and capital, which is subject to the restriction

of supply, can be calculated out as follows, using formula (6).

$$r = ak^{a-1}. \quad (7)$$

Calculate the derivative of r with respect to k :

$$\frac{\partial r}{\partial k} = -a(1-a)k^{a-2} < 0. \quad (8)$$

Based on $a \in (0,1)$, it will be $\frac{\partial r}{\partial k} < 0$. It demonstrates that, for a particular production mode, the decrease in the equilibrium price will occur, when the supply of the combination of capital and labor is more abundant.

Calculate the derivative of r with respect to a :

$$\frac{\partial r}{\partial a} = k^{a-1}(1 + \ln k) > 0. \quad (9)$$

Base on $k > e$, it will be, $\frac{\partial r}{\partial a} > 0$. It demonstrates that, for a particular combination of capital and labor, the increase in the equilibrium price will occur, when the industrial structure is more developed. Consequently, within the restrictions that the combination of capital and labor in the economy is specified, the choice of production mode (the value of a) will affect the equilibrium price of the combination of capital and labor, which in turn will affect the cost of production.

As a result, if specified the combination of labor and capital, the costs of the various production modes will be distinct from one another. The way to calculate the cost of production mode is as follows:

$$C(a) = rk = ak^a. \quad (10)$$

Similarly, various production modes with various advantages will generate different social total output, the total social output generated by a specific production mode can be presented in the following manner:

$$R(a) = k^a. \quad (11)$$

In order to maximize profits while adhering to the constraints imposed by the given structure of production factors, the most effective mode of production is as follows:

$$\max_{0 \leq a \leq 1} v = R(a) - C(a) = k^a \times (1 - a). \quad (12)$$

Based on the first order condition:

$$a^* = 1 - \frac{1}{\ln k}. \quad (13)$$

As a result of the fact that marginal yield is positive in the Cobb-Douglas production function, the value of a is supposed to be positive too. In light of $a > 0$, there will be: $k > e$.

Based on the above reasoning, for a certain period, assuming that the combination of capital and labor in the economy are fixed, we may figure out the optimal value of a. When a is at its best, it means that the arrangement of labor force is ideal, capital and labor input are in balance in the production process, and the overall societal output achieve the peak. This means a is a better indicator in measurement of the industrial structure. Social total output would not be able to get maximum if there was a mismatch between labor input and capital input, which would lead to premature or excessive deindustrialization.

The plight of China's current industrial structure. The theoretical model suggests that the size of the industrial sector, the arrangement of labor force (employment composition), and economic growth are all relevant in determining the level of industrial structure. As a result, this research utilizes GDP per capita as a proxy for the country's level of economic growth and the percentage of labor in agriculture to reflect the arrangement of labor force, name is, employment composition. According to Chenery and Syrquin, the process of industrialization can be broken down into three stages: the pre-industrialization stage, the industrialization stage, and the post-industrialization stage. Moreover, the industrialization stage is further broken down into three substages: the early stage, the middle stage, and the late stage [8]. Based on this categorization approach and employing typical criterion established by Zhang Hui et al [9], this research examines China's industrial structure from three distinct perspectives: GDP per capita; the contribution to GDP from each industrial sector (agriculture, manufacturing, and service); the percentage of labor in agriculture.

The comprehensive analysis of industrial structure level						
Indicators	Undeveloped stage	Developing stage			Developed stage	
	Pre-industrialization	Early industrialization	Mid industrialization	Late industrialization	Post-industrialization	Digital economy
	Agriculture	Labour-intensive	Capital-intensive	Service-intensive	Technology-intensive	Information-intensive
1. Per capita GDP						
(1)1964 dollar	100 - 200	200 - 400	400 - 800	800 - 1500	1500 - 2400	>2400
(2)1970 dollar	140 - 280	280 - 560	560 - 1120	1120 - 2100	2100 - 3360	>3360
(3)2010 dollar	787 - 1574	1574 - 3147	3147 - 6294	6294 - 11802	11802 - 18883	>18883
2.The proportion of each sector in GDP	A > I	A > 20 and A < I	A < 20, I > S	A < 10, I > S	A < 10, I < S	
3.The proportion of agricultural sector employment	>60	45 - 60	30 - 45	10 - 30	<10	

Figure1 – The comprehensive analysis of industrial structure level in China.

Source: compiled by the author in accordance with [8].

Note: A denotes agricultural sector, I denotes manufacturing sector; S denotes service sector

In accordance with the benchmark in Figure 1, in terms of GDP per person, the GDP per person in 2021 is estimated to be \$9057, which falls in the interval from 6294 to 11802. This is an evidence that China is seeing explosive growth in the service sector and has reached late industrialization. In terms of the employment composition, in 2021, agriculture accounted for 22.9 % of all jobs in China. This is another evidence that the country has reached late industrialization and has a significant shrink in the agriculture sector. Nevertheless, in terms of industrial scale expansion, when looking at the contribution of each industry to GDP, in 2021, the contribution from the agriculture sector is 7.3 %, the manufacturing sector 39.4 %, and the service sector 53.3 %, respectively [10]. This is evidence that China has reached post-industrialization, which is characterized with fast expansion in technology-intensive industries.

The scale expansion of service sector in China is evolving at a far quicker rate than the transition of employment composition and its current degree of economic growth. It is also an indication of a misalignment between human labor and capital input in the production process. In light of the employment composition and degree of economic growth, the industrial structure in China demonstrates a «premature industrialization» tendency. It indicates that, due to the poor economic development, the service sector comprises mostly of conventional consumer service, whereas producer service industries, which represent cutting-end productivity, make up a minor part. As a direct consequence of this, the overall productivity of the manufacturing sector is higher than that of the service sector overall. Therefore, if a nation at

this time begins the process of deindustrialization, there will be a shift in the labor force away from manufacturing and into the service sector, particularly catering to conventional service instead producer service. As a result, the gain in service sector productivity generated by the shift of jobs was insufficient to offset the decline in manufacturing sector productivity. Consequently, the overall social production will decline, hindering economic development and lowering national revenue. Moreover, it will worsen socio-economic inequality and the livelihood of the unemployed [11].

Conclusion. This study put forward a new comprehensive indicator to measure industrial structure level, which not only take into account the scale of industrial sector, but also employment composition and economic growth. Utilizing mathematical model, this study indicates if the capital and labor are given, there is an optimal value of α , which represents output elasticity of capital in Cobb-Douglas production function. When α is the optimal value, it also means that capital input and labor input match with each other in the production process and employment composition is optimal, thus maximizing total social output. Otherwise, premature deindustrialization and excessive deindustrialization are all the symptoms of the mismatch between labor input and capital input, so social total output couldn't reach the maximization point. Based on theoretical model, this study goes further to examine the state quo and plight of China's current industrial structure. China's current industrial structure shows a trend of premature deindustrialization.

Литература:

1. *Rowthorn R.* Deindustrialization: Its causes and implications / R. Rowthorn, R. Ramaswamy. Washington, DC : International Monetary Fund, 1997. 38 p.
2. *Rodrik D.* Premature Deindustrialization / D. Rodrik // CEPR Discussion Papers. 2016. № 21.
3. *Chaoxun S.* An Analysis of the Characteristics and Causes of the Present Situation of «Deindustrialization» in China / S. Chaoxun // Journal of Macro-Quality Research. 2020. № 3. P. 47–60.
4. *Lin J.Y.* New structural economics: the third wave of development thinking / J.Y. Lin // Asian-Pacific Economic Literature. 2013. № 27(2). P. 1–13.
5. *Legros D.* Economic base, mode of production, and social formation: A discussion of Marx's terminology / D. Legros, D. Hunderfund, J. Shapiro // Dialectical Anthropology. 1979. № 4(3). P. 243–249.
6. *Gluj A.* A propósito de las categorías de modo de producción y formación económica social / A. Gluj // IZQUIERDAS. 2020. № 49. P. 195–208.
7. *Shevchenko D.* The relation between deindustrialization and reindustrialization: a new perception of industrial structure upgrading / D. Shevchenko, W. Zhao // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2022. № 9. P. 2363–2376.

Literature:

1. *Rowthorn R.* Deindustrialization: Its causes and implications / R. Rowthorn, R. Ramaswamy. Washington, DC : International Monetary Fund, 1997. 38 p.
2. *Rodrik D.* Premature Deindustrialization / D. Rodrik // CEPR Discussion Papers. 2016. № 21.
3. *Chaoxun S.* An Analysis of the Characteristics and Causes of the Present Situation of «Deindustrialization» in China / S. Chaoxun // Journal of Macro-Quality Research. 2020. № 3. P. 47–60.
4. *Lin J.Y.* New structural economics: the third wave of development thinking / J.Y. Lin // Asian-Pacific Economic Literature. 2013. № 27(2). P. 1–13.
5. *Legros D.* Economic base, mode of production, and social formation: A discussion of Marx's terminology / D. Legros, D. Hunderfund, J. Shapiro // Dialectical Anthropology. 1979. № 4(3). P. 243–249.
6. *Gluj A.* A propósito de las categorías de modo de producción y formación económica social / A. Gluj // IZQUIERDAS. 2020. № 49. P. 195–208.
7. *Shevchenko D.* The relation between deindustrialization and reindustrialization: a new perception of industrial structure upgrading / D. Shevchenko, W. Zhao // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2022. № 9. P. 2363–2376.

8. *Syrquin M.* Patterns of Development, 1950 to 1983 / M. Syrquin, H.B. Chenery. Washington : World Bank, 1989. 118 p.

9. *Zhang Hui.* Problems, Influences and Response of China's Structural Transformation from an International Perspective / Zhang Hui, Yan Qiangming, Huang Hao // China Industrial Economics. 2019. № 6. P. 41–59.

10. World Bank database. URL : <https://data.worldbank.org>

11. *Huang Yongchun.* An analysis of the mystery of the conflict between China's «deindustrialization» and America's «Reindustrialization» / Huang Yongchun, Zheng Jianghui, Yang Yiwen, Zhu Lujing // China Industrial Economics. 2013. № 3.

8. *Syrquin M.* Patterns of Development, 1950 to 1983 / M. Syrquin, H.B. Chenery. Washington : World Bank, 1989. 118 p.

9. *Zhang Hui.* Problems, Influences and Response of China's Structural Transformation from an International Perspective / Zhang Hui, Yan Qiangming, Huang Hao // China Industrial Economics. 2019. № 6. P. 41–59.

10. World Bank database. URL : <https://data.worldbank.org>

11. *Huang Yongchun.* An analysis of the mystery of the conflict between China's «deindustrialization» and America's «Reindustrialization» / Huang Yongchun, Zheng Jianghui, Yang Yiwen, Zhu Lujing // China Industrial Economics. 2013. № 3.

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Shtyrkhunova@mail.ru

Голубкина Ксения Вячеславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Golubkina@mail.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
milena.555@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МАРШРУТНОЙ СЕТИ НОВОРОССИЙСКА

Аннотация. Повышение эффективности сезонных перевозок пассажиров, особенно в городах курортных зон, является основополагающим фактором их совершенствования. Ключевым звеном в обеспечении сезонного транспортного обслуживания в зонах курорта является формирование оперативного единого центра управления – организатора перевозок, владеющего правами оптимизации маршрутной сети, создания конкурсной системы отбора перевозчиков, для работы на маршрутной сети, управления и контроля за деятельностью транспортного процесса. В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности пассажирских перевозок и совершенствования маршрутной сети Новороссийска.

Ключевые слова: государство, пассажирские перевозки, закон, маршрутная сеть, безопасность, безопасность дорожного движения, обеспечение, контроль, эффективность.

Наиболее важным звеном в социально-экономической системе города является пассажирский транспорт. При качественной организации его работы обеспечивается высокая степень мобильности отдыхающих в курортных городах, снижается физическая и психологическая

Natalya A. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Shtyrkhunova@mail.ru

Ksenia V. Golubkina

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Golubkina@mail.ru

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
milena.555@mail.ru

IMPROVING THE EFFICIENCY OF PASSENGER TRANSPORTATION AND IMPROVING THE ROUTE NETWORK OF NOVOROSIYSK

Annotation. Increasing the efficiency of seasonal passenger transportation, especially in the cities of resort areas, is a fundamental factor in their improvement. A key link in providing seasonal transport services in the resort areas is the formation of an operational unified management center – a transportation organizer who owns the rights to optimize the route network, create a competitive system for selecting carriers to work on the route network, manage and monitor the activities of the transport process. The article discusses the issues of increasing the efficiency of passenger transportation and improving the route network of Novorossiysk.

Keywords: state, passenger transportation, law, route network, safety, road safety, provision, control, efficiency.

нагрузка на отдыхающих в процессе их передвижения. Повышение эффективности и качества работы маршрутного пассажирского транспорта в южных городах является сложной и многофакторной задачей для поиска компромиссного решения между следующими факторами [1]:

- соблюдение норм высокого качества и эффективности транспортного обслуживания отдыхающих;
- сокращение времени передвижения пассажиров на маршрутном транспорте;
- повышение эффективности работы маршрутного транспорта на маршрутах без снижения качества обслуживания пассажиров;
- снижение загруженности улично-дорожной сети города за счет рационального использования существующего пассажирского транспорта;
- четкое соблюдение норм и правил безопасности движения организации перевозок пассажиров.

В процессе формирования маршрутной сети и организации движения подвижного состава необходимо добиваться наиболее возможного максимального уровня транспортного обслуживания с наилучшими параметрами работы. При этом очень важно правильно определить и выбрать оптимальный состав транспорта. Главными параметрами при выборе транспорта являются:

- объёмы перевозок пассажиров;
- длина поездки; себестоимость перевозок;
- объёмы капиталовложений.

При выборе наибольшее предпочтение необходимо отдавать такому типу транспорта, у которого провозная способность соответствует данному объёму перевозок.

На деятельность транспорта значительное влияние оказывает состояние маршрутной сети и ее соответствие установленным нормам. Анализ состояния УДС и архитектурно-планировочной схемы города Новороссийска выявил, что существующая маршрутная сеть города нуждается в совершенствовании. Существующая сема выстроена так, что недостаточно полно обеспечивает обслуживание транспортом всех основных объектов притяжения, как в самом городе, так и в пригороде. Совершенствование транспортной сети в южных городах возможно при реконструкции отдельных участков УДС, расположенных в зонах застройки. Состояние маршрутной транспортной сети города существенно влияет на скорость движения транспорта, что является определяющим фактором качества обслуживания населения. Уровень организации перевозочного процесса определяется также такими параметрами, как наполняемость транспорта, суммарные затраты времени на передвижение пассажиров и регулярность движения маршрутного транспорта. Очень важно иметь рациональное соотношение при организации совместной работы транспорта большой и малой вместимости в межпиковое время, когда снижается эффективность использования автобусов большой вместимости.

Несмотря на возможности отслеживания нужного автобуса или трамвая по электронному табло на остановке или через приложения, каждый

пассажир в крупном городе перед посадкой смотрит на подошедшую машину, чтобы убедиться, что это нужный ему маршрут. Содержание трафаретов на маршрутном транспортном средстве, с одной стороны, определено пунктами 17–20 «Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом». Но, с другой стороны, не всё так просто. Так, над лобовым стеклом предписано размещать номер маршрута, а также, «наименования начального и (или) конечного остановочных пунктов». Хорошо, что допускается разнообразие: на практике, если над лобовым стеклом находится электронное табло, на нём высвечивается название конечного пункта, а если его нет – на физическом трафарете пишут название обеих конечных. Странно, что формулировкой «и (или)» допускается наименование только начального пункта – это верный способ запутать пассажира. Неясно, что надо указывать на трафарете кольцевого маршрута? Пассажиру важно увидеть на подъезжающем маршруте, прежде всего, номер. Название конечной остановки тоже несет полезную информацию. Дополнительным индикатором маршрута может быть цвет – как два цветных фонаря на петербургских трамваях, уникальное сочетание которых соответствует номеру маршрута. Теперь, цвет может быть элементом информации на многоцветном электронном табло, но вводить его надо осторожно, сообразуясь с традициями города, не создавая головоломку для пассажиров. Цвет, например, может обозначать тип маршрута – со всеми остановками или экспрессный. Многие пассажиры смотрят на боковой трафарет, находящийся на правом борту (кстати, на сочлененных машинах для удобства пассажиров их должно быть два). К содержанию Правила предписывают размещать на нем «наименования начального, конечного и одного или нескольких промежуточных остановочных пунктов». Пассажиры к этому привыкли, хотя иногда перевозчики отступают от буквы Правил – пишут не название промежуточных остановок, а название улицы, по которой пролегает маршрут. Важно, чтобы названия конечных остановок были на таком трафарете выделены более крупным шрифтом, чем промежуточных. Иногда, пассажиры видят на подъезжающей к остановке машине трафарет «В депо». То, что на такие рейсы можно сесть – хорошо, но не все знают, где же находится это самое депо. Лучше, если в этом случае на трафарете будет обозначена последняя перед депо остановка, до которой можно доехать. Надо чтобы шрифты на всех трафаретах были крупными и хорошо читались. Если трафареты делаются на двух языках (русском и языке республики, а при необходимости и на иностранном), хорошо, чтобы надписи издали можно было отличить, например, по шрифту или по цвету. Ну и самое главное – чтобы содержание трафаретов было актуальным.

В последнее время участились дорожно-транспортные происшествия с участием водителей общественного транспорта. Одна из наиболее частых причин ДТП – это усталость водителя. Она не только задерживает зрительные восприятия, но и делает их прерывистыми. У 30 % профессиональных водителей острота зрения одного из глаз

ниже нормальной, что связано с особенностью управления ТС. Зрительное восприятие ухудшается с увеличением скорости: на скорости 60 км/ч. он составляет 1,66 сек., на скорости 80 км/ч – 2,22 сек. При усталости эти цифры растут. По исследованиям Европейской транспортной федерации (ETF), в которой приняли участие около 3000 водителей, свыше 30 % профессиональных водителей засыпали за рулем более одного раза за последние двенадцать месяцев. Для реализации мер по снижению аварийности Стратегией безопасности дорожного движения на 2018–2024 годы предусмотрен ряд мер, в том числе в отношении цифровизации транспортных средств. Речь о внедрении на общественном и коммерческом транспорте продвинутых систем помощи водителю (DSM+ADAS).

Они анализируют дорожную обстановку, состояние и действия водителя, а основной их функционал – не дать водителю уснуть за рулем и вовремя принять меры к остановке независимо от наличия или отсутствия связи. Технология направлена на определение психофизиологического состояния как функциональной реакции человека на изменения внешней среды, то есть задача системы – определять, как человек реагирует на внешние воздействия и выявлять отклонения в его поведении, влияющие на его способность управлять транспортом.

Искусственный интеллект самостоятельно распознает состояние человека и принимает решение, имеет ли он физическую возможность управлять транспортным средством. Если водитель устает, засыпает и не может адекватно отреагировать на ситуацию, ключевую роль играет диспетчер. При этом, как показывает практика, диспетчерский пункт может находиться вне города эксплуатации транспортного средства, что позволяет более гибко подойти к затратам по формированию и организации круглосуточной диспетчерской службы.

Литература:

1. Белокуров В.П. Моделирование прогнозирования пассажирских перевозок в южных городах курортах в летний период времени / В.П. Белокуров, С.В. Белокуров [и др.] // Материалы 6-й Межд. науч.-техн. конф. «Проблемы качества и эксплуатации автотранспортных средств». Пенза : ПГУАС, 2010. Ч. 1. С. 176–179.

Наиболее массовое внедрение DSM и ADAS получило в Московском транспорте. За 2020–2021 год, с поправкой на снижение пассажиропотока, аварийность на дорогах Москвы по вине водителей общественного транспорта снизилась от 26 % до 40 %, также удалось предотвратить больше 11 тысяч инцидентов (аварийно опасные инциденты на дороге, которые происходят по вине водителя из-за отвлечения его внимания от управления ТС). Кроме того, в целях практической отработки применения систем контроля и Инновации и интеллектуальные транспортные системы поддержания работоспособности водителей транспортных средств Минтранс России с 05.02.2020 по 30.03.2020 реализован пилотный проект по применению этих систем в Республике Татарстан, Белгородской, Московской, Калужской, Новгородской областях и Москве с участием нескольких технологических компаний. Пилот признан успешным. Водители в целом позитивно относятся к подобным системам. По нашим наблюдениям, возможны три типа реакций: 37 % водителей продолжают аккуратно и бережно управлять ТС, выходят на смену отдохнувшими; 42 % водителей, увидев на практике работу системы, воспринимают ее уже как помощника; 21 % водителей саботируют.

Дополнительные плюсы от внедрения системы – это сбор аналитики по всему автопарку: от геолокации и средней скорости движения на маршрутах до профиля водителя и специфики инцидентов – в какое время происходят, какие опасные события свойственны конкретному водителю.

Таким образом, внедрение и применение специальных технических средств, предотвращающих потерю внимания и концентрации при перевозках автомобильным и городским наземным транспортом (DSM и ADAS), позволяет не только решить задачу повышения безопасности, но и оптимизировать производственные и технологические процессы.

Literature:

1. Belokurov V.P. Modeling of passenger transportation forecasting in southern resort cities in the summer period / V.P. Belokurov, S.V. Belokurov [et al.] // Materials of the 6th International Scientific-Technical conf. «Problems of quality and operation of motor vehicles». Part 1. Penza : PGUAS. 2010. P. 176–179.

Щербаков Артем Сергеевич

аспирант кафедры стратегического планирования и управления жилищно-коммунальным комплексом, Владимирский государственный университет
sherbakov.artem@mail.ru

Artem S. Shcherbakov

Postgraduate Student of the Department of Strategic Planning and Management Housing and Communal Complex, Vladimir State University
sherbakov.artem@mail.ru

МЕНЕДЖМЕНТ ЛИЧНОСТИ КАК ЧАСТЬ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье определена взаимосвязь менеджмента личности и оценки человеческого капитала. Были классифицированы модели оценки человеческого капитала, а также предложена фактическая модель оценки с применением элементов менеджмента личности. В рамках исследования были использованы такие методы научного познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, моделирование.

Ключевые слова: менеджмент личности, человеческий капитал, оценка человеческого капитала, специфика, амбивалентность оценки человеческого капитала, фактическая модель оценки, абстрактная модель оценки.

Введение.

С середины 20 века развивается, уже ставшая классической, теория человеческого капитала. Основоположники данной теории признавались лауреатами премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, к их числу относятся Т.У. Шульц [10], Г.С. Беккер [6], большую роль в становлении оценки человеческого капитала внесли нобелевские лауреаты Дж. Минсер, Р. Слоу [11], большой вклад в популяризации идей оценки человеческого капитала в России внесли профессора: Р.И. Капелюшников, М.М. Критский, В.Т. Смирнов [3].

Построение «новой экономики» и популяризация меритократических идеалов предъявляют особые требования к научно-техническому прогрессу, который неотделим от накопления человеческого капитала. Процесс накопления человеческого капитала – это сложный социально-экономический, политический процесс, который необходимо контролировать путём перевода неосязаемого человеческого капитала в максимально ликвидную единицу измерения, а именно денежную. На текущий момент, существует ряд трудностей в оценке человеческого капитала, так профессор А.К. Ташев отмечает, что при использовании теории человеческого капитала происходят трудности, слова есть, а цифр – нет [2, с. 95].

PERSONALITY MANAGEMENT AS PART OF THE HUMAN CAPITAL ASSESSMENT MODEL

Annotation. The article defines the relationship between personality management and human capital assessment. Human capital assessment models were classified, and an actual assessment model using elements of personality management was proposed. Within the framework of the research, such methods of scientific cognition as: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, modeling were used.

Keywords: personality management, human capital, human capital assessment, specificity, ambivalence of human capital assessment, factual assessment model, abstract assessment model.

Проведённый анализ прикладных исследований подтверждает актуальность выбранной нами темы статьи.

Целью настоящего исследования является – описание элементов менеджмента личности в рамках модели оценки человеческого капитала.

К задачам относятся:

1. Выявление актуальности исследования.
2. Определение взаимосвязи менеджмента личности и оценки человеческого капитала.
3. Описание роли менеджмента личности в модели оценки человеческого капитала.

Результаты исследования.

Теория человеческого капитала помогла найти ответы на ряд ранее необъяснимых экономикой вопросов о неравномерности отдачи инвестиций при одинаковом вложении в развитых и развивающихся странах. Так, классические теории экономического роста [1] сменялись неоклассическими [11] и эндогенными моделями [9]. В последних человеческий капитал и смежные виды капиталов, такие как культурный, инфраструктурный, социально-мотивационная часть человеческого капитала уже признавались необходимыми для

объективной оценки [3; 7; 8]. Большинство из существующих моделей при вычислениях оперирует данными, которые получены путём сбора статистической информации, без прямого взаимодействия с носителем человеческого капитала, что порождает искажения при проведении оценки. Подобные модели мы называем **абстрактные модели**. Уменьшить количество искажений можно, используя **фактическую модель** оценки человеческого капитала, при функционировании которой необходим контакт с носителем человеческого капитала посредством тестирования, опроса, пульсометрии и т.д. На данный момент, фактические модели оценки человеческого капитала в основном представлены методом экспертных оценок и создаются под корпоративные задачи служб персонала, служб управления человеческими ресурсами.

Теории и инструменты менеджмента личности позволяют вычислить человеческий капитал посредством преобразования индивидуальных тестов личности в стоимостные единицы измерения. Менеджмент личности – это система самопознания и самоорганизации личности, направленная на повышение эффективности в делах и качества жизни [4; 5, с. 48]. Определенно можно сказать, что одной из предпосылок появления менеджмента личности стало увеличение медианной стоимости человеческого капитала в мире, при данной тенденции возрастает важность выбора отдельной личностью путей развития своего капитала и способов его вложения. Знакомство с эффективными практиками самоорганизации начинает приобретать необходимый характер. По нашему мнению, соединить оценку человеческого капитала и элементы менеджмента личности возможно используя систему фактических, а не натурально-статистических индикаторов, в таком виде, как (1).

$$H = MCM (Ph+C+SE), \quad (1)$$

Литература:

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс; Пер. с англ. Гребенников [и др.]. М. : ЗАО «Бизнеском», 2013. 402 с.
2. *Тащев А.К.* Трудовой потенциал промышленного предприятия и его трансформация в человеческий капитал / А.К. Тащев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент, 2013. Т. 7. № 1. С. 92–96.
3. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование : монография / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова; Под ред. д.э.н., профессора В.Т. Смирнова. М. : Машиностроение-1; Орел : ОрелГТУ, 2005. 513 с.
4. *Щербakov А.С.* Менеджмент личности в рамках неоклассической парадигмы менеджмента / А.С. Щербakov, С.В. Петров, В.Е. Крылов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2018. № 6. С. 221–228.

где H – это стоимость человеческого капитала отдельной личности. MCM – это медианный среднедушевой денежный доход рассчитываемый Росстат (Median per capita monetary income). Ph – это (physical skills, физические навыки) может выступать полученный коэффициент от тестов на основе: теории онтогенеза, теории Шелдона, чувствительности нервной системы, биологических качеств индивида, пульсометрии, индекса массы тела. C – это (cognitive skills, когнитивные навыки) может выступать полученный коэффициент от тестов на основе: возрастной психологии Э. Эриксона, тип эмоциональной реакции методика В.В. Бойко, типология Майерс-Бриггс, сферы мастерства Г. Гарднера, психологические качества личности. SE – это (Social and emotional skills, социально-эмоциональные навыки) может выступать полученный коэффициент от тестов: психологические качества личности, уровень стресса, уровень удовлетворённости коллективом [5].

Заключение.

Мы можем заключить, что в рамках проведённого исследования были достигнуты цель и задачи, поставленные во введении. Применение элементов менеджмента личности при оценке человеческого капитала позволит работать напрямую с носителем человеческого капитала, что способствует развитию фактических моделей оценки человеческого капитала путём развития специфических особенностей оценки, таких как междисциплинарность и индивидуальность, которые при должном внимании уменьшат амбивалентность оценки и повысят точность измерения. В свою очередь, максимально точная оценка человеческого капитала позволяет принимать наиболее правильные управленческие решения и точно осуществлять планирование деятельности организации в области управления человеческими ресурсами.

Literature:

1. *Keynes J.M.* The general theory of employment, interest and money / J.M. Keynes; Transl. Grebennikov [et al.]. M. : Bizneskom CJSC, 2013. 402 p.
2. *Tashev A.K.* Labor potential of an industrial enterprise and its transformation into human capital / A.K. Tashev // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management, 2013. Vol. 7. № 1. P. 92–96.
3. Human capital: content and types, evaluation and stimulation : monograph / V.T. Smirnov, I.V. Soshnikov, V.I. Romanchin, I.V. Skoblyakova; Edited by Doctor of Economics, Professor V.T. Smirnov. M. : Mechanical Engineering-1; Orel : Orel State Technical University, 2005. 513 p.
4. *Shcherbakov A.S.* Personality management within the framework of the neoclassical management paradigm / A.S. Shcherbakov, S.V. Petrov, V.E. Krylov // Humanities, Socio-economic and Social Sciences, 2018. № 6. P. 221–228.

5. *Щербakov A.C. Менеджмент личности / A.C. Щербakov, A.Yu. Андрианов, O. V. Озолина. Владимир : Аркаим, 2021. 494 с.*

6. *Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S. Becker // Journal of Political Economy. Supplement. 1962. Vol. 70. № 5. Part 2. P. 9–49.*

7. *Cunha F. Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation / F. Cunha, J.J. Heckman, S.M. Schennach // Econometrica. 2010. Vol. 78. P. 883–931.*

8. *Karnouskas S. Massive open online courses (MOOCs) as an enabler for competent employees and innovation in industry. Computers in Industry. 2017. Vol. 91. P. 1–10.*

9. *Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development / R.E. Lucas // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3–42.*

10. *Schulz T. Investment in Human Capital. American Economic Review. 1961. № 1.*

11. *Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function. Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. P. 312–320.*

5. *Shcherbakov A.S. Personality Management / A.S. Shcherbakov, A.Yu. Andrianov, O.V. Ozolina. Vladimir : Arkaim, 2021. 494 p.*

6. *Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S. Becker // Journal of Political Economy. Supplement. 1962. Vol. 70. № 5. Part 2. P. 9–49.*

7. *Cunha F. Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation / F. Cunha, J.J. Heckman, S.M. Schennach // Econometrica. 2010. Vol. 78. P. 883–931.*

8. *Karnouskas S. Massive open online courses (MOOCs) as an enabler for competent employees and innovation in industry. Computers in Industry. 2017. Vol. 91. P. 1–10.*

9. *Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development / R.E. Lucas // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3–42.*

10. *Schulz T. Investment in Human Capital. American Economic Review. 1961. № 1.*

11. *Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function. Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. P. 312–320.*

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.01.2023
Подписано в печать 26.01.2023
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,6
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 104

e-mail: id.yug2016@gmail.com